НИКОН

мои
Дневники
1913
т. 4

У 58/297

I-58
297

Архіепископъ Ніконъ.

МОИ

ДНЕВНИКИ.

Выпускъ IV.

1913.

(Изъ „Троицкаго Слова“ №№ 151—200).

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1914.

V 58
297

Епископъ Никонъ.

МОИ

ДНЕВНИКИ.

1913.

Томъ IV.

(№№ 151—200).

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIV-00743
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

Свято-Троицкая Сергіева Лавра.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1913.

Оттискъ изъ №№ „Троицкаго Слова“ за 1913 г.

2007042853

Печатать дозволяется Сергіева Лавра. Декабря 26 дня, 1912 г.
Цензоръ Членъ Св. Синода *Епископъ Ніконъ.*

МОИ ДНЕВНИКИ.

1913.

151.

Въ полночь на новый годъ.

Глаголаше же сію притчу: смоковницу имяше нѣкій въ винограднѣ своемъ всажденну, и пріиде ища плода на ней и не обрѣте...

Каждый разъ, какъ ударяютъ часы полночь подъ новый годъ, приходитъ на память эта строго-вразумляющая грѣшниковъ притча Спасителя. И слышится въ совѣсти этотъ приговоръ Господина виноградника: *се третіе лѣто, отнелиже прихожду, ища плода на смоковницѣ сей, и не обрѣтаю, посѣцы ю убо: вскую и землю упражняетъ?*

Не третіе токмо, Господи, но уже тридесять третіе, шестьдесять третіе, а для иного древняго старца и девяносто третіе лѣто Ты ждешь плода отъ насъ, а мы только грѣшимъ и грѣшимъ, только небо коптимъ грѣхами своими, никакого плода Тебѣ не приносимъ и только вскую землю упражняемъ—мѣсто на землѣ занимаемъ! Дивно долготерпѣніе Твое, Господи нашъ! Слава неизреченной благости Твоей! Въ то время, какъ правосудіе Твое глаголетъ: *посѣцы* ихъ, Твое безконечное милосердіе умоляетъ: *остави ихъ и се лѣто, дондеже окопаю*, сдѣлаю все, что можно, *осыплю гноемъ*, пошлю имъ скорби для ихъ вразумленія, для смягченія ихъ жестокихъ сердецъ, *и аще убо покаются* и *сотворятъ плодъ*, достойный покаянія,—добрѣ и благо имъ будетъ, *аще ли же ни*, если останутся нераскаянными, *во грядущее посѣчеши* ихъ... (Лук. 13, 6—9).

И сколько уже прошло этихъ „грядущихъ“ лѣтъ, а мы остаемся все тѣми-же,—мало того: годъ отъ году становимся все хуже и хуже, все болѣе и болѣе черствѣетъ наше сердце, холодѣетъ душа, и—страшно сказать: мы становимся уже какъ бы неспособными къ покаянію...

Но... ужели мы дошли до этого? Ужели стало невозможнымъ для насъ покаяніе?

Если бы такъ, то само милосердіе Божіе положило бы конецъ нашей грѣшной жизни. А если Богъ даетъ еще время на покаяніе, то значитъ—есть и возможность самаго покаянія, значитъ, еще не истощилось долготерпѣніе Божіе къ намъ, грѣшнымъ. Для Бога все возможно, но Богъ, сотворившій насъ безъ насъ, не хощетъ спасти насъ безъ насъ. Онъ хочетъ, чтобы мы сами восхотѣли спасенія, сами своею свободною волею рѣшили: возставъ, идемъ къ Нему, Отцу нашему небесному! Такъ сдѣлалъ блудный сынъ въ притчѣ Христовой. Такъ дѣлали всѣ покаявшіеся грѣшники. Такъ должно сдѣлать и намъ.

Но съ чего начать?..

Начнемъ съ того, что пожалуемся

Господу на немощи свои, на свое безсиліе въ дѣланіи добра, на лѣность свою, нерадѣніе и ту черствость сердца, о коей я сейчасъ говорилъ. Покажемъ Господу свои раны грѣховныя, скажемъ Ему: Ты видишь, Сердцевѣдче Господи, что мы никуда-то не годимся: смилуйся надъ немощію нашею и простри намъ крѣпкую руку Твою, помоги намъ положить начало благое благодатію Твоею всемощною! И Онъ поможетъ, ибо Самъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, съ клятвою, изрекъ: *живу Азъ, не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися нечестивому отъ пути своего и живу быти ему!* (Іез. 33, 11). Онъ и во дни земной жизни Своей взывалъ, и нынѣ взываетъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися*, всѣ жизнію утомленные, невзгодами измученные и грѣхами обремененные, *и Азъ упокою вы!* Видите: Онъ ждетъ нашего покаянія, такъ сказать, проситъ нашего сердца: *сыне, даждь Ми твое сердце* (Притч. 23, 26). За чѣмъ же дѣло? Или сердце другому господину уже отдано? Но если любишь Господа, если ищешь спасенія, то непремѣнно надобно оторвать свое сердце отъ всего грѣховнаго и отдать его Господу. Какъ это сдѣлать?—Иди къ отцу твоему духовному, раскрой предъ нимъ всѣ язвы души твоей, проси его молитвъ, проси разрѣшенія отъ грѣховъ твоихъ. А потомъ приступи къ Чашѣ Господней, соединись съ Господомъ въ святѣйшемъ таинствѣ Тѣла и Крови Его, соединись—и уже не разлучайся съ Нимъ! Симъ положишь ты начало благое, начало новой жизни для Господа, подобно тому, какъ доселѣ жилъ ты для грѣха. А чтобы укрѣпить волю свою въ слѣдованіи за Христомъ, исполняй, по совѣсти, Его животворящія заповѣди. Богу не нужно наше добродѣланіе: оно нужно намъ самимъ. Какъ трудъ физическій укрѣпляетъ силы тѣлесныя, такъ добродѣланіе укрѣпляетъ нашу волю, нашъ духъ въ жизни во Христѣ. Какъ сосудъ, въ которомъ были ароматы, благоухаетъ, такъ и душа дѣлающаго добро становится благоухающимъ сосудомъ благодати Христовой, ибо самое исполненіе заповѣдей Божіихъ возможно только при помощи сей благодати, по реченному Господомъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже.* И какъ благоухающій цвѣтокъ нельзя скрыть и въ дикой травѣ, такъ разносится и благоуханіе жизни во Христѣ: его слышатъ, его сердцемъ ощущаютъ люди, имѣющіе очищенное чувство духовное или, по крайней мѣрѣ, ищущіе сего очищенія. Нужно ли указывать примѣры сего? Не говорю о святыхъ Божіихъ, Церковію прославленныхъ: напомню о старцахъ-подвижникахъ, нашего грѣшнаго времени: вспомните о. Амвросія, Іосифа, Варнаву, о. Іоанна Кронштадтскаго... Не стремились ли наши сердца къ этимъ носителямъ ароматовъ Христовыхъ, не ищемъ ли мы и теперь подобныхъ имъ старцевъ Божіихъ? И, слава Господу милосердому: не лишаетъ Онъ насъ сего сокровища и въ наши скудные вѣрою, богатые грѣхолюбіемъ дни!

Но не слѣдуетъ скрывать, что такое обновленіе духа сопровождается многими скорбями, борьбою съ самимъ собою, съ искушеніями отъ плоти, отъ міра и діавола. *Царствіе Божіе*, говоритъ Самъ Господь, *нудится*, съ усиліемъ берется (Матѳ. 11, 12), *узки врата, тѣсенъ путь*, вводящій въ жизнь вѣчную (7, 13). Много скорбей на семъ пути спасительномъ. Но надо, въ утѣшеніе, помнить, что Самъ Господь ведетъ путниковъ, шествующихъ по сему пути. Надо, помнить, что хотя и

многи скорби праведнымъ, но отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь (Пс. 33, 20). Надо наконецъ не забывать, что *многи раны и грѣшнымъ*, но никакой отрады имъ нѣтъ и не откуда ждать. Земная жизнь такъ устроена, что безъ скорбей никто не живетъ, и даже черезъ золото слезы льются. Такъ ужъ лучше скорбѣть для Бога, для спасенія своей души, чѣмъ невѣдомо для кого и изъ-за чего. Да и самыя скорби, переносимыя для Бога, носятъ въ себѣ утѣшеніе. Это свидѣтельствуютъ всѣ крестоносцы - хрістіане, всѣ святые Божіи. Перенося скорбь ради Бога, хрістіанинъ тѣмъ самымъ становится причастникомъ страданій Хрістовыхъ, какъ членъ тѣла Его, которое есть Церковь. Прислушайтесь къ тому, что говоритъ св. Апостолъ Павелъ о своихъ скорбяхъ: *нынѣ радуюся въ страданіихъ моихъ о васъ, яко исполняю лишеніе скорбей Хрістовыхъ во плоти моей за тѣло Его, еже есть Церковь, ей же быхъ азъ служитель по смотренію Божію* (Кол. 1, 24—25). Да и Господь сказалъ и вѣрно слово Его: *призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя* (Пс. 49, 15). Значитъ, Онъ каждую минуту готовъ помочь намъ и въ перенесеніи скорбей, лишь бы мы держались Его, нашего Отца и Спасителя.

Дѣло за нами, братія! Единъ Богъ всевѣдущій знаетъ, сколько осталось каждому изъ насъ жить на свѣтѣ. Быть можетъ, мы стоимъ уже на границѣ послѣдняго года своей жизни на землѣ. Быть можетъ, небесный Домовладыка уже произнесъ свой грозный судъ надъ нами: уже много лѣтъ жду Я плодовъ отъ этихъ безплодныхъ смоковницъ и не обрѣтаю ихъ: вскую и землю онѣ упражняютъ? Напрасно мѣсто на землѣ занимаютъ... Но милосердіе Его еще ходатайствуетъ о насъ: остави ихъ еще на сіе лѣто... И кто знаетъ? Можетъ быть, и это ходатайство уже послѣднее... Придетъ будущій годъ, и мы будемъ тогда тѣломъ лежать въ темной могилѣ, а душою .. конечно, тамъ, куда сами себя опредѣлимъ—или покаяніемъ и исправленіемъ своей жизни, послушаніемъ призывающему насъ Богу, или же своимъ нерадѣніемъ о спасеніи, рабствомъ грѣху и постояннымъ оскорбленіемъ Бога, столь пекущагося о нашемъ спасеніи...

Имѣяй уши слышати, да слышитъ! Аминь.

152.

О РЕЛИГІОЗНЫХЪ МУДРОВАНІЯХЪ Г. МЕНЬШИКОВА.

I. Что разумѣетъ г. Меньшиковъ подъ вѣрою.

Жаль человѣка, который, какъ маятникъ, качается изъ стороны въ сторону... То увѣряетъ, что хрістіанство становится пережиткомъ и на смѣну ему идетъ язычествующій буддизмъ; то стоитъ за вѣру въ Бога, хотя о хрістіанствѣ прямо не говоритъ... Таковъ г. Меньшиковъ въ своихъ фельетонахъ въ „Новомъ Времени“. Его читатели помнятъ его возмутительный фельетонъ о томъ, что хрістіанство, будто-бы, обанкротилось, что идетъ новый свѣтъ съ Востока, въ ученіи іоговъ... Теперь онъ „привѣтствуетъ вновь избранныхъ первоіерарховъ радостнымъ для нихъ сообщеніемъ о томъ, что современная медицина

начинаетъ требовать моральной гигіены. Натуралисты, говоритъ онъ, начинаютъ требовать психотерапіи и наиболѣе могучимъ средствомъ послѣдней указываютъ благотворное вліяніе нравственно в(В)ышаго с(С)уществa на низшее". Я нарочито подставилъ прописныя буквы въ его словахъ, чтобъ мои читатели поняли, о чемъ идетъ, по крайней мѣрѣ должна итти, рѣчь, если только г. Меньшиковъ говоритъ искренно, а не просто пишетъ очередной фельетонъ.

По его словамъ, выходитъ, что человѣчество, потерявъ вѣру въ Бога, потеряло вѣру и въ себя, а потому заразилось „вѣчными сомнѣніями во всемъ, недовѣріемъ къ жизни(?), боязнью и отрицаніемъ ея, „ведущими къ самоубійству". Это, впрочемъ, говоритъ не самъ Меньшиковъ, а проф. Богдановъ или лучше — французскій ученый Дежеринъ. Отсюда—модная нынѣ болѣзнь—неврастенія, отсюда цѣлое полчище болѣзней *ложныхъ*, коренящихся въ разстройствѣ духа.

Чтожъ?.. Мы порадуемся и тому, что хотя болѣзни всякаго рода заставятъ наконецъ людей вспомнить о Богѣ. Болѣзни смиряютъ нашъ горделивый духъ, а смиреніе приближаетъ къ человѣку Божію благодать. Публицистъ патетически обращается къ первоіерархамъ съ словомъ поученія: „Отцы и владыки, восклицаетъ онъ: великое предъ вами открывается теперь поприще и радостное до блаженства! Посмотрите на возстановляемое патріаршество не какъ на цѣль реформы, а какъ на средство ея. Посмотрите на него, какъ на завершеніе—не карьеры іерархической, а какъ на завершеніе своей свободы, свободы апостольскаго служенія человѣчеству, дичающему и погибающему отъ долгаго отсутствія „моральной гигіены".—Пора засыхающему древу Церкви Божіей пустить свѣжіе ростки. Пора создать культуру нравственно совершенныхъ людей, которыхъ одно присутствіе въ обществѣ дѣйствуетъ уже цѣлительно. Для спасенія народнаго опять нужны, какъ столѣтія назадъ, жарко вѣрующіе священники, подвижники, святые, способные могуществомъ не столько слова, сколько жизненнаго примѣра возстановить генія-охранителя жизни—божественное настроеніе вѣры".

Золотыя слова. Охотно подъ ними подписался бы каждый архіерей, хотя на счетъ карьеры надо бы оговориться: кажется, г. Меньшиковъ и не подозрѣваетъ, что нѣкоторые архипастыри идутъ на высшія степени служенія Церкви не добровольно, но яко послушники Хрістовы, со страхомъ восходя на крестъ и готовя себя яко овцы на заколеніе... Конечно, міръ судитъ о всемъ по-мірскому, и для того, кто самъ не пріемлетъ цѣлымъ сердцемъ Божественнаго откровенія какъ таковаго, кто и бредни іудея Нотовича готовъ признать за пятое евангеліе, трудно и представить, чтобы на Руси нашелся архіерей, не мечтающій о „карьерѣ", и это можно простить публицисту. А вотъ, что хотѣлось бы сказать по поводу его разсужденій: да что онъ разумѣетъ подъ „вѣрою"? О какой вѣрѣ у него рѣчь?.. Мнѣ кажется, употребляя *наше* слово, авторъ мыслитъ подъ нимъ совсѣмъ иное... Да, онъ не прочь для массъ народныхъ разумѣть и то, что мы разумѣемъ подъ словомъ *вѣра*: нельзя же, ради спасенія народа отъ гибели, неизбѣжной при рабствѣ порокамъ, не поступиться и въ пониманіи вѣры: пусть—де разумѣютъ и личнаго Бога, и Хріста-Богоче-

ловѣка—Искупителя, лишь бы не опивались, не развратничали, не грабили, не бунтовали... Ну, а мы, интеллигенты, конечно, будемъ стоять выше ихъ въ этомъ понятіи: мы будемъ разумѣть подъ вѣрою „нѣкую цѣлительную силу, нравственную вѣру въ себя, воспитанную многовѣковыми внушеніями религіи". Словомъ, вѣра, по понятіямъ современныхъ мудрецовъ, есть нѣкое самовнушеніе: „будучи разстройствомъ вѣры въ здоровье, неврастенія представляетъ собою анархію ложныхъ внушеній. Иногда достаточно одного властнаго повелѣнія, чтобы больные, годами страдавшіе проявленіями неврастеніи, выздоравливали съ поразительной быстротой. Чудо исцѣленія состоитъ только въ возстановленіи вѣры (той ограниической (вѣроятно: органической?) увѣренности въ себѣ, въ Высшей Силѣ и во всей природѣ, что составляетъ основу здоровья и спокойствія)". Такъ просто объясняетъ г. Меньшиковъ исцѣленія. По его мнѣнію, никакой благодати, никакого проявленія силы Божіей, Бога Личнаго, тутъ нѣтъ: самовнушеніе, обманъ мысли, независимо отъ того, существуетъ ли или нѣтъ реально объектъ вѣры, т. е. Богъ. Самая вѣра, въ концѣ концовъ, понимается не постольку, поскольку она есть истина, а постольку, поскольку она цѣнна какъ средство лѣченія. Если раскрыть скобки въ этомъ новомъ ученіи, то получится: какая бы ни была вѣра, будетъ ли магометанская, или языческая, лишь бы только она была вѣрой, проповѣдующей сколько-нибудь пригодныя для человѣчества нравственныя правила—она, все равно, можетъ имѣть цѣлительную силу.

Правда, г. Меньшиковъ приводитъ и текстъ: Богъ поругаемъ не бываетъ, и—нечестивые истребятся. Но, вѣдь, все это можно понимать и въ переносномъ смыслѣ: Бога разумѣть не въ собственномъ смыслѣ, а въ смыслѣ пантеистическомъ, ибо и природа, вѣдь, нечестія не оставляетъ ненаказаннымъ. Намъ было бы пріятно отмѣтить, если бы г. Дежеринъ, а за нимъ и Меньшиковъ сказали прямо: безъ вѣры хрістіанской, безъ вѣры въ Личнаго Бога, какъ учитъ Божественное Откровеніе, невозможно не только спасеніе души, но и исцѣленіе неврастениковъ... Но этого-то они и не говорятъ. На вопросъ: чѣмъ же лѣчить разстроенную и потрясенную человѣческую душу, они отвѣчаютъ: „единственнымъ основаніемъ, на которомъ покоится вся психотерапія, является благотворное вліяніе одного существа на другое". Сказано очень осторожно: не сказано: вліяніе Божіей благодатной силы по молитвамъ вѣры, не сказано и—внушеніе врача или другихъ людей, а просто: одного существа—понимай, какъ кому угодно: человѣка, или Божества, или же существа изъ другаго міра...

Вотъ почему къ привѣтствіямъ и благопожеланіямъ г. Меньшикова приходится отнестись осторожно: основная мысль, что спасеніе въ вѣрѣ—безусловно вѣрна, но понимать подъ вѣрою надобно то, что разумѣетъ святая Церковь, а не то, что понимаютъ психіатры, въ родѣ г. Дежерина, и публицисты, въ родѣ г. Меньшикова.

2. Что разумѣетъ г. Меньшиковъ подъ Священнымъ Писаніемъ.

Въ № 1993 „Колокола", по поводу разсужденій г. Меньшикова о вѣрѣ, я выразилъ сомнѣніе: да что онъ разумѣетъ подъ вѣрою? Теперь онъ даетъ поводъ спросить его: что онъ разумѣетъ подъ Священнымъ

Писаніемъ? Впрочемъ, и спрашивать нѣтъ надобности: онъ самъ же отвѣчаетъ. По его словамъ, у разныхъ народовъ разныя, такъ называемыя священныя книги напоминаютъ другъ друга и внѣшнею и внутреннею стороной. Ихъ немного. Въ сущности, для основанія блестящей цивилизаціи достаточно одной очень тоненькой книжки, какъ бы она ни называлась: Иліадой, Евангеліемъ или Кораномъ; на крайній случай, для воспитанія неисчислимыхъ поколѣній достаточно всего десяти фразъ, начертанныхъ перстомъ Божіимъ на скрижаляхъ. Вотъ что я называю Священнымъ Писаніемъ, воскрешающимъ духъ народный".—Ясно, что и Иліада, и Коранъ стоятъ у него наравнѣ съ Евангеліемъ Господа нашего Іисуса Христа. Оставалось тутъ же поставить еще и Талмудъ: вѣдь, и эта книга имѣла громадное вліяніе на пріемлющій ее народъ... Тоже, вѣдь, своего рода цивилизація!

Никто не будетъ спорить, что всѣ эти книги имѣли громадное вліяніе на народы. Но если г. Меньшиковъ считаетъ себя христіаниномъ, то не слѣдовало бы ему Коранъ называть священною книгой, священнымъ писаніемъ. Именно—писаніемъ. Мы понимаемъ подъ этимъ словомъ только Библію. Одна Библія имѣла безмѣрно—великое значеніе въ дѣлѣ культуры человѣчества, какого не имѣла ни одна книга. И Веды, и Коранъ имѣли силу, главнымъ образомъ, потому, кажется, что въ свое время у извѣстныхъ народовъ не имѣли себѣ соперниковъ въ другихъ книгахъ и выдавали себя за откровеніе божественное. Одна Библія была истиннымъ откровеніемъ Божественнымъ и потому никакія книги, послѣ нея появившіяся, не могли соперничать съ нею по вліянію на умы и сердца людей.

Но оставимъ вопросъ о вліяніи. Насъ гораздо болѣе интересуетъ вотъ что.

Все чаще и чаще приходится наблюдать, какъ у насъ крадетъ слова міръ и дѣлаетъ изъ нихъ, выражаясь словами митрополита Филарета, „идоложертвенное употребленіе". Въ самомъ дѣлѣ: укралъ у насъ міръ святое, чистое слово „любовь" и сталъ разумѣть подъ нимъ животную, плотскую похоть. Теперь похитилъ слово „вѣра" и разумѣетъ—какое-то самовнушеніе, безъ отношенія къ тому, существуетъ ли реально объектъ вѣры или нѣтъ. Вотъ и теперь: беретъ г. Меньшиковъ слово „Священное Писаніе" и разумѣетъ подъ нимъ не только Библію, но и Веды, и Коранъ, а можетъ быть и Талмудъ. Такимъ образомъ изъ понятія „священное писаніе" уже само собою исключается понятіе о его богодухновенности, о божественномъ откровеніи. Евангеліе ставится на ряду съ Иліадой, съ Кораномъ, Ведами... такъ же, какъ „вѣра"—на ряду съ „самовнушеніемъ", самогипнозомъ, „любовь"—съ похотью плотской. Изъ каждаго понятія вытравляется, незамѣтно для читателя - неспеціалиста, тотъ признакъ, который дѣлаетъ это понятіе христіанскимъ, вѣрующая въ простотѣ душа обкрадывается и въ сознаніи, въ міросозерцаніи нашихъ интеллигентовъ происходитъ подмѣна; вмѣсто православно-христіанскихъ, даже просто христіанскихъ понятій закладываются языческія подъ тѣми же словами, подъ какими съ дѣтства усвоены нами понятія христіанскія. Это опаснѣе открытой проповѣди безбожія. Противъ вторженія такой, открытой проповѣди душа стоитъ на стражѣ, а тутъ врагъ прокрадывается въ

нее подъ личиной друга и крадетъ ея сокровище, какъ будто не опустошая его хранилищъ, а только подмѣнивая его. Г. Меньшиковъ справедливо говоритъ, что „мы живемъ еще въ началѣ религіознаго одичанія общества—слѣдующія поколѣнія доживутъ до худшихъ бѣдъ". А самъ своимъ талантомъ содѣйствуетъ этому грядущему одичанію. Правда и то, что „древнеязыческая литература не лишена была оттѣнка благородства: и тамъ были великіе нравоучители, въ родѣ Достоевскаго, но они не спасли цивилизаціи, а погибли вмѣстѣ съ нею". Но если такъ, то зачѣмъ же хрістіанское міросозерцаніе отравлять язычествомъ? Зачѣмъ чистыя понятія хрістіанскія подмѣнивать сначала полу, а потомъ и совсѣмъ языческими? Согласенъ я съ г. Меньшиковымъ и въ томъ, что идеи, подобныя идеямъ Достоевскаго, часто „суть только зрѣлища ума", или, какъ говаривалъ покойный мой дядюшка-псаломщикъ: игра ума,— „онѣ, какъ кинематографическія картины, смѣняютъ другъ друга, развлекаютъ воображеніе, слегка волнуютъ и ничего больше". Впрочемъ нельзя сказать: „ничего больше": иногда заставляютъ глубоко задуматься и заронить спасительное сѣмя въ душѣ человѣка. Покойный извѣстный критикъ-патріотъ Ю. Н. Говоруха-Отрокъ разсказывалъ мнѣ, какъ подъ вліяніемъ чтенія отрывка статей критика Аполлона Григорьева, сидя въ Петро-Павловской крѣпости, онъ совершенно измѣнилъ свое прежнее полуязыческое міросозерцаніе на хрістіанское, но ни онъ, ни самъ А. Григорьевъ, ни даже Достоевскій не стали подвижниками въ дѣятельномъ осуществленіи своихъ хрістіанскихъ убѣжденій. „Никогда, письмена человѣческія, говоритъ г. Меньшиковъ, не изобиловали такою бездною мысли, какъ теперь, но въ лучшемъ случаѣ свѣтская литература играетъ роль Марѳы, не знающей единаго на потребу". Для насъ цѣнно это признаніе г. Меньшикова, если бы оно было искренно. А сомнѣваться въ этой искренности намъ даетъ поводъ онъ самъ же. Если „верховная власть немногихъ благородныхъ идей, въ которыхъ исчерпывалась бы воля Вѣчнаго, нужна, если эти немногія, святость которыхъ плѣнительна и очевидна для всякой неиспорченной души, должны внушаться каждому поколѣнію съ младенческихъ лѣтъ, должны звучать какъ непререкаемый глаголъ, должны служить путеводной нитью въ лабиринтѣ жизни", то зачѣмъ же подрывать авторитетъ того источника, изъ коего только единаго онѣ, эти идеи, и бьютъ живымъ ключемъ? Зачѣмъ истинно священное писаніе, нашу святую Библію, приравнивать къ Ведамъ, Иліадѣ и даже Корану? Зачѣмъ вносить путаницу понятій въ сознаніе нашихъ полуинтеллигентовъ, съ довѣріемъ читающихъ писанія г. Меньшикова? Да и можно ли вѣрить искренности человѣка, который находитъ возможнымъ довѣряться французскому іудею Нотовичу и его вымыслы принимать чуть ли не за пятое евангеліе?... А г. Меньшиковъ еще восклицаетъ: „какъ найти теряемое народами Священное Слово, (прописныя буквы его) и какъ внушить въ него вѣру— этотъ величайшій вопросъ культуры заслуживаетъ неустанной заботы архіепископовъ и патріарховъ". Положимъ, съ этимъ и я не могу не согласиться, да только вопросъ: что разумѣетъ г. Меньшиковъ подъ этимъ „Священнымъ Словомъ"?

153—154.

Мечъ обоюдоострый.

Никогда, можетъ быть, даже во времена гоненій отъ язычниковъ, не было столько опасностей для Церкви, какъ въ наши, яко бы мирные, дни. Ей грозятъ и внѣшніе и внутренніе враги. Внѣшніе — это секты и расколы, открыто отпадшіе отъ нея: внутренніе—это не порвавшіе открыто единенія съ нею, но уже не единомышленные, уже мудрствующіе по своему смышленію въ вопросахъ вѣры и пониманія жизни по вѣрѣ. И послѣдніе, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ быть опаснѣе первыхъ. Потерявъ довѣріе къ авторитету руководительства церковнаго, они легко могутъ подчиниться вліянію еретичествующихъ мудрованій и запутаться въ сѣтяхъ, разставленныхъ еретиками. И это можетъ произойти незамѣтно для нихъ самихъ: нѣкоторое время они будутъ еще считать себя православными, полагая, что усвоенныя ими разномыслія, не существенны, но потомъ, укрѣпившись въ этихъ разномысліяхъ, будутъ уже и самую Церковь обвинять въ неправомъ пониманіи своего ученія и тѣмъ увлекать другихъ, вѣрныхъ чадъ Церкви. А сіи чада Церкви, зная ихъ за православныхъ, безъ всякаго опасенія будутъ прислушиваться къ ихъ мудрованіямъ и отравляться ими. Вотъ почему намъ, пастырямъ Церкви, необходимо зорко стоять на стражѣ святынь православія, внимательно слѣдя за всѣми, даже, повидимому, благопріятными теченіями и явленіями въ духовной жизни народа и образованнаго общества, зная, что и сатана иногда преобразуется въ ангела свѣтла, и ядъ иногда подносится подъ видомъ лекарства... И чѣмъ невиннѣе кажется внѣшняя форма, въ которую облечена опасная для Церкви тенденція, чѣмъ полезнѣе представляется то или иное начинаніе, та или иная добрая мысль, тѣмъ тщательнѣе слѣдуетъ обсудить это съ точки зрѣнія церковнаго ученія, тѣмъ больше должно освѣтить это свѣтомъ церковнымъ. Да это, кажется, и сознается, по крайней мѣрѣ нѣкоторыми изъ тѣхъ, кто вѣренъ завѣтамъ Церкви и понимаетъ опасности, ей грозящія въ наши дни. Поневолѣ становишься чуткъ, иногда до болѣзненности, когда постоянно видишь, какъ врагъ подкрадывается съ той стороны, откуда его не ожидаешь. А посему, пусть простятъ намъ, пастырямъ Церкви, тѣ добрые міряне (отъ пастырей я этого не ожидаю), которые ненамѣренно, неосторожно, по неопытности въ духовной жизни, въ дѣлѣ учительства, иногда односторонне освѣщаютъ тотъ или иной вопросъ въ области этого учительства и тѣмъ даютъ намъ поводъ обращать вниманіе на эту односторонность въ предостереженіе чадъ Церкви отъ увлеченія этою односторонностью. Мы полагаемъ, что такія указанія полезны не только симъ чадамъ Церкви, но и тѣмъ, кто является вольнымъ или невольнымъ виновникомъ этого увлеченія. Въ Церкви Божіей, какъ въ живомъ тѣлѣ Христовомъ, всѣ члены должны беречь другъ друга и каждый долженъ знать и дѣлать свое дѣло въ духѣ любви и святого послушанія Господу и ей, матери нашей—Церкви.

Недавно мнѣ пришлось быть въ собраніи „Христіанскаго содруже-

ства учащейся молодежи". Докладъ дѣлалъ предсѣдатель общества распространенія Священнаго Писанія въ Россіи, почтенный Э. К. Пистолькорсъ на тему: „О практическомъ значеніи слова Божія въ жизни". Въ живой, одушевленной любовію къ слову Божію рѣчи докладчикъ изобразилъ „различныя грани" слова Божія, сравнивая его съ драгоцѣннымъ алмазомъ,—его дѣйствіе на душу человѣческую, необходимость для хрістіанина изучать его, проводить въ жизнь, „реагировать имъ на печальную дѣйствительность нашего времени" и стремиться къ духовному возрожденію чрезъ слово Божіе... Рѣчь окончилась; но, какъ говорится, въ воздухѣ чувствовалось, что осталось что-то недосказанное. Руководитель „Содружества", протоіерей Лахостскій предложилъ присутствующимъ высказаться по содержанію доклада, и на каѳедрѣ появилась молодая дѣвушка. Чуткая юная душа попыталась высказать то, что, мнѣ казалось, было на душѣ не у нея одной. Она указала, что докладчикъ какъ-то замолчалъ Церковь: призывая читать слово Божіе, онъ не упомянулъ, что въ церкви, при богослуженіи, оно читается постоянно, что при домашнемъ чтеніи надобно быть особенно осторожнымъ въ его пониманіи... Послѣ обмѣна мыслей нѣсколькихъ лицъ, я съ своей стороны сказалъ, что очень былъ радъ встрѣтиться не только съ представителемъ, но и съ предсѣдателемъ того общества, съ коимъ, лѣтъ 25 тому назадъ, велъ полемику въ „Церковномъ Вѣстникѣ". Я указалъ тогда на одинъ существенный недостатокъ устава этого общества, недостатокъ, который ощущается особенно въ наше время. Дѣло въ томъ, что общество поставило своею задачею распространеніе исключительно слова Божія, Священнаго Писанія, не допуская къ распространенію чрезъ своихъ книгоношъ какихъ либо, даже и Церковію одобренныхъ, даже святоотеческихъ толкованій слова Божія. Такая односторонняя постановка дѣла совершенно не соотвѣтствуетъ нашему православному пониманію этого святаго, въ сущности, дѣла. Еще апостолъ Петръ, напримѣръ, замѣтилъ, что въ посланіяхъ апостола Павла „есть нѣчто неудобовразумительное, что невѣжды и неутвержденные, къ собственной своей погибели, превращаютъ, какъ и прочія Писанія" (2 Петр. III, 16). Тотъ же апостолъ, одобряя вѣрующихъ, что они обращаются къ слову Божію, „какъ къ свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ", однакоже предупреждаетъ, „что никакого пророчества въ Писаніи нельзя разрѣшать самому собою", и что это надо „знать прежде всего" (2 Петр. I, 20). Самъ докладчикъ сказалъ, что слово Божіе, по свидѣтельству апостола Павла, есть мечъ духовный, и притомъ оно „острѣе всякаго меча обоюдоостраго" (Евр. IV, 12). Кто умѣетъ владѣть симъ мечомъ, тотъ поражаетъ враговъ своего спасенія, а кто не умѣетъ владѣть имъ, какъ должно, тотъ легко можетъ нанести имъ вредъ своей же душѣ. Всегда должно помнить, что симъ оружіемъ часто пользуются и враги наши—діаволъ и его слуги вѣрные, разные лжеучители. Вспомните, какъ сатана искушалъ Господа: и онъ, вѣдь, ссылался на Священное Писаніе: *писано есть*... Подобнымъ образомъ искушалъ онъ и святыхъ подвижниковъ: напримѣръ, склоняя ихъ къ нарушенію обѣта цѣломудрія, онъ указывалъ на слова Писанія: *не добро быти человѣку единому*... *честна женитва во всѣхъ и ложе нескверно*. Всѣ ереси, всѣ лжеученія и расколы произошли оттого,

что люди не понимали истиннаго смысла Священнаго Писанія. Прочитаетъ человѣкъ какое-либо мѣсто въ Писаніи и начнётъ толковать по-своему, какъ вздумалось, погрѣшитъ въ своемъ толкованіи, а тамъ и отъ единства Церкви Божіей отдѣлится, сдѣлается ересіархомъ. Нужно ли приводить примѣры? Вздумалъ Арій протолковать по своему слова Христа Спасителя: *Отецъ Мой болій Мене есть*—и преткнулся своимъ мудрованіемъ, и впалъ въ богохульную ересь: Сына Божія, Отцу единосущнаго, назвалъ такою же тварію, какъ и Ангелы Божіи, за что и преданъ былъ анаѳемѣ на первомъ Вселенскомъ Соборѣ. И сколько было такихъ безумныхъ, самочинныхъ толкователей Священнаго Писанія, и всѣ они были упорными противниками святой Церкви, сынами погибели! Одинъ толковалъ по-своему вторую заповѣдь Божію и сталъ иконоборцемъ, другой сталъ по-своему объяснять слова апостола: *единъ ходатай Бога и человѣковъ—Христосъ Іисусъ*, и сталъ мудрствовать, будто уже вовсе не нужно призывать въ молитвѣ на помощь ни Матери Божіей, ни святыхъ Ангеловъ, ни святыхъ угодниковъ Божіихъ; третій прочиталъ слова того же апостола: *благодатію есте спасени, чрезъ вѣру*, и началъ толковать, будто ужъ и добрыхъ дѣлъ совсѣмъ не требуется для спасенія. Вотъ какія богохульныя лжеученія происходятъ оттого, что люди берутся не за свое дѣло—толкуютъ слово Божіе по-своему, какъ имъ на умъ придетъ, а не такъ, какъ изъясняетъ оное святая Церковь православная.

Какъ же быть, что дѣлать, чтобы не погрѣшить въ уразумѣніи Священнаго Писанія? Какъ научиться владѣть симъ мечемъ обоюдоострымъ? Прежде всего помни, что ты спасаешься не самъ по себѣ, не какъ отдѣльный человѣкъ, якобы имѣющій непосредственный доступъ къ своему Спасителю, а только какъ членъ тѣла Его—Церкви, спасаешься въ Церкви и чрезъ Церковь. Все дѣло спасенія Господь поручилъ Церкви и внѣ ея спасительнаго лона нѣтъ спасенія, какъ никто не избѣжалъ всемірнаго потопа внѣ Ноева ковчега. Блаженный Августинъ говоритъ: „спасается только тотъ, кто имѣетъ главою Христа, а имѣетъ главою Христа лишь тотъ, кто находится въ Его тѣлѣ, которое есть Церковь". Она и только она есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15), въ ней—богоучрежденное священноначаліе, въ ней всѣ богоустановленныя таинства, она—хранительница священнаго преданія и непогрѣшительная истолковательница слова Божія. „Не должно у другихъ искать истину, говоритъ святый Иринеи, ее легко заимствовать отъ Церкви, ибо въ нее, какъ въ богатую сокровищницу, Апостолы положили все, что принадлежитъ истинѣ. Гдѣ Церковь, тамъ и Духъ Божій, тамъ и всякая благодать".—„Кто Церкви не слушаетъ, говоритъ другой святый отецъ, тотъ не сынъ Церкви; кто не сынъ Церкви, тому Христосъ не пастырь; кому Христосъ не пастырь, тотъ не Христова овца, кто не Христова овца, тотъ напрасно ожидаетъ вѣчной жизни"—„Хочешь спастись? поучаетъ святитель Златоустъ: пребывай въ Церкви и она не выдастъ тебя. Церковь есть ограда; если ты внутри сей ограды, то тебя не тронетъ волкъ, а если выйдешь вонъ, то будешь похищенъ звѣремъ. Не уклоняйся же отъ Церкви: нѣтъ ничего въ мірѣ сильнѣе ея. Она—твоя надежда, въ ней твое спасеніе". Помни: „кому Церковь не мать, говоритъ святитель Кипріанъ, тому и

Богъ не Отецъ"!

Вотъ вамъ завѣты святыхъ отцевъ и учителей Церкви! Въ этомъ руководственномъ общемъ правилѣ, или догматѣ, спасенія уже заключается отвѣтъ и на вопросъ: что дѣлать, чтобы не погрѣшить въ уразумѣніи Священнаго Писанія. Крѣпче держись ученія и руководства матери-Церкви; когда встрѣтишь въ словѣ Божіемъ что-либо для тебя непонятное, ищи объясненія не въ своемъ мудрованіи, не въ мудрованіи самочинныхъ толковниковъ Писанія, коихъ нынѣ развелось такъ много, а тамъ, гдѣ повелѣваетъ искать его святая матерь твоя—Церковь православная. А она указываетъ намъ такія объясненія въ самомъ же Священномъ Писаніи (напримѣръ, что непонятно въ Ветхомъ Завѣтѣ, то часто объясняется въ Новомъ), предлагаетъ въ своихъ символахъ, или изложеніяхъ православной вѣры, въ опредѣленіяхъ святыхъ соборовъ, въ писаніяхъ отцевъ и учителей Церкви—вотъ гдѣ найдешь ты разрѣшеніе всѣхъ твоихъ недоумѣній. Святые отцы толковали Священное Писаніе такъ, какъ ихъ учили сему святые апостолы. Изъ 2-го посланія апостола Петра уже видно, что онъ объяснялъ своимъ ученикамъ „неудобовразумительныя" мѣста посланій апостола Павла. Апостолъ Павелъ не разъ ссылается на то, чему онъ училъ словесно. А какъ строго святые отцы и учители Церкви хранили все то, что приняли отъ святыхъ Апостоловъ, это видно изъ ихъ же писаній. Такъ св. Ириней рѣшительно говоритъ, что „незнающіе преданія апостольскаго не могутъ познать истину изъ одного Священнаго Писанія". Св. Климентъ Александрійскій говоритъ, что „тѣ, кои толкуютъ Священное Писаніе не по церковному преданію, а по своему мудрованію, потеряли правило истины". —„Только тогда прекратятся заблужденія человѣческія, пишетъ святитель Кипріанъ, когда мы будемъ толковать слово Божіе согласно съ преданіемъ Церкви". —„Не слѣдуетъ самому вдаваться въ изъясненіе Священнаго Писанія, предостерегаетъ св. Варсонофій Великій, ибо дѣло сіе представляетъ немалую опасность для невѣрующихъ. Когда не знаешь, то лучше не говори ничего, потому что говорить о Священныхъ Писаніяхъ по своему разумѣнію—есть безуміе" —Вотъ почему святая Церковь на шестомъ Вселенскомъ Соборѣ рѣшительно законоположила: „аще будетъ изслѣдуемо слово Писанія, то не иначе да изъяснится оное, развѣ какъ изложили свѣтила и учители Церкви—богоносные отцы" (пр. 19).

Вотъ общее правило для тѣхъ, кто ищетъ разумѣнія Священнаго Писанія. Живи въ Церкви, мысли по-церковному, вопрошай о всемъ Церковь, ищи у нея разрѣшенія всѣхъ твоихъ недоумѣній, смиряя свой разумъ въ послушаніе Церкви. *А высшихъ себе не ищи и крѣпльшихъ не испытуй: яже ти повелѣнная—въ сихъ пребывай* „Кто не въ Церкви, говоритъ св. Иларій, тотъ вовсе не можетъ разумѣть божественнаго слова". И это понятно: слово Божіе есть слово жизни, а благодатной жизни внѣ Церкви—нѣтъ! Вотъ почему для погибающихъ оно есть юродство въ то время, когда для спасаемыхъ — сила Божія. И пока человѣкъ не живетъ въ Церкви, не исполняетъ животворящихъ заповѣдей Христовыхъ, дотолѣ для него и слово Божіе—книга запечатлѣнная, какъ бы написанная на чужомъ языкѣ. Кто знаетъ, напримѣръ, еврейскую *азбуку*, тотъ можетъ читать по строкамъ и еврейскую Библію, но что-

бы понимать каждое слово въ ней, надо знать еврейскій *языкъ*. Иначе можно громко читать еврейскій текстъ, но вовсе не понимать, что читаешь. Есть много ученыхъ, знающихъ Библію отъ доски до доски, изслѣдовавшихъ ея текстъ на всевозможныхъ языкахъ, но совершенно чуждыхъ ея духа, разсуждающихъ о семъ духѣ какъ слѣпой судить о цвѣтахъ или глухой—о музыкѣ. А кто живетъ по заповѣдямъ Божіимъ, въ благодатномъ общеніи съ Церковію, на томъ сбываются словеса Христовы: *утаилъ еси, Отче, сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ*. Великій началоположникъ монашескаго житія, преподобный Антоній, прозванный Церковію именно *Великимъ*, не зналъ даже грамоты, а слово Божіе зналъ такъ, какъ не знаютъ его наши ученые. Преподобная Марія Египетская, проведшая бурную молодость въ грѣшныхъ наслажденіяхъ, а затѣмъ, очищенная 47-лѣтнимъ подвигомъ въ пустыняхъ Іорданскихъ, такъ поразила преподобнаго Зосиму знаніемъ Писаній, что старецъ воскликнулъ: „гдѣ жъ ты научилась писаніямъ?“ и получилъ отвѣтъ отъ смиренной подвижницы: „Богъ посылаетъ знанія смертнымъ“... И такія чудеса просвѣщающей благодати Христовой возможны только въ православной Церкви. Та же благодать руководила и тѣхъ святыхъ мужей, которые, живя въ Церкви, освящаясь и такъ сказать питаясь ея таинствами, очищая свое сердце отъ страстей, писали свои толкованія на слово Божіе. О святителѣ Златоустѣ, напримѣръ, разсказывалъ его ученикъ и другъ, а впослѣдствіи и преемникъ по каѳедрѣ, св. Проклъ, что самъ онъ, Проклъ, видѣлъ не разъ ночью, какъ въ часы писанія Златословеснымъ учителемъ его безсмертныхъ толкованій на посланія апостола Павла, самъ сей апостолъ таинственно руководилъ пишущимъ святителемъ, и это видѣніе было какъ бы олицетвореніемъ вѣрованія древней Церкви, что кто благоговѣйно изучаетъ слово Божіе, руководясь преданіемъ Церкви, (а Златоустъ самъ свидѣтельствуетъ, что пишетъ „не свои слова, а слова отцевъ нашихъ, чудныхъ и знаменитыхъ мужей“), тому таинственно содѣйствуетъ въ семъ святомъ дѣлѣ благодать Божія за молитвы Церкви, на небесахъ торжествующей. Что въ живомъ человѣкѣ *память*, то въ тѣлѣ Церкви—преданіе: это *живой голосъ Церкви небесной*, присно пребывающей въ благодатномъ общеніи съ Церковію земной. Руководиться однимъ своимъ смышленіемъ въ толкованіи слова Божія, отвергая преданіе, значило бы то же, что потерять память въ личной жизни, забыть свой личный опытъ, всѣ уроки прошлаго. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ живетъ, у него накопляется опытъ, обогащается память; то же и въ Церкви: съ теченіемъ вѣковъ историческая жизнь Церкви осложнялась, являлись новые запросы, появлялись новыя лжеученія, и собирательный умъ Церкви долженъ былъ все глубже и глубже опускаться въ „море писаній“, какъ выражается святитель Златоустъ, и оттуда доставать все новыя и новыя жемчужины ученія церковнаго, а избранные мужи, носители духа церковности, вѣрные хранители церковныхъ преданій, запечатлѣвали это въ своихъ писаніяхъ и, такимъ образомъ, вносили ихъ въ сокровищницу церковнаго преданія. Благодатію Божіей православная Церковь живетъ и понынѣ, тщательно охраняя сокровищницу своихъ преданій, а Духъ Божій, вѣруемъ, обогащаетъ сію со-

кровищницу и въ наши грѣшныя времена, по нуждамъ Церкви воздвигая въ Церкви такихъ мужей вѣры и духовнаго опыта, какъ святители Филаретъ Московскій, Ѳеофанъ Вышенскій и другіе. Ихъ вклады въ сокровищницу церковнаго пониманія слова Божія останутся на вѣки драгоцѣннымъ достояніемъ церковнаго преданія. Если даже примѣшалось къ ихъ мнѣніямъ что-либо человѣческое, то оно отвѣется потомъ само собою, а чистая пшеница, а духъ церковности въ ихъ писаніяхъ останется и будетъ питать грядущія поколѣнія чадъ Церкви. Церковь оцѣнитъ смиренный, благоговѣйный „трудъ любви“ сихъ и имъ подобныхъ пастырей и учителей по истолкованію слова Божія, оцѣнитъ ихъ любовь къ преданіямъ ея, и будетъ ставить ихъ въ примѣръ ихъ грядущимъ преемникамъ... Такъ, созидается церковное преданіе и въ наши скудные вѣрою дни и Духъ Божій, вѣруемъ, руководитъ въ семъ созиданіи, имиже Самъ вѣсть путями. Оно всегда зиждется на словѣ Божіемъ, на преданіи Церкви вѣковъ минувшихъ, всегда согласно съ сими источниками церковнаго ученія и лишь раскрываетъ сіе ученіе, примѣняясь къ потребностямъ нашего времени. И въ семъ проявляется жизнь Церкви, яко тѣла Христова, присно живаго и присно единаго. Вотъ почему Церковь, въ своемъ Катихизисѣ, признаетъ священное церковное преданіе источникомъ Божественнаго откровенія наравнѣ съ Священнымъ Писаніемъ. Вотъ почему и ревнители распространенія Священнаго Писанія, отказываясь распространять одобренныя Церковію толкованія онаго и тѣмъ какъ бы предоставляя читателямъ руководиться своимъ смышленіемъ въ этомъ святомъ дѣлѣ, погрѣшаютъ противъ Церкви, противъ тѣхъ, кто жаждетъ разумѣть слово Божіе по разуму Церкви. Вотъ почему, скажу въ заключеніе, нельзя не пожелать, чтобы Общество распространенія Священнаго Писанія измѣнило, наконецъ, свой уставъ, стало уже безъ всякихъ сомнѣній на православную почву въ своемъ святомъ дѣлѣ, перестало, такъ сказать, дѣйствовать одною рукою и включило въ кругъ своихъ обязанностей распространеніе не только книгъ священныхъ, но и одобренныхъ Церковію толкованій сихъ священныхъ книгъ. Мы живемъ въ такое время, когда ничего недосказаннаго, ничего сомнительнаго быть не должно...

155.

Объ анонимахъ, объ „инакомыслящихъ“ и отвѣтъ одной изъ нихъ.

Нынѣ въ большомъ ходу анонимныя письма. Обычное ихъ содержаніе—колкости, попреки, прямая ругань или же клеветы, и все это—изъ-за угла, чтобы получившій не зналъ, кто пишетъ. Правда, иногда пишущіе имѣютъ, будто, и добрую цѣль: указать на тѣ или иные недостатки, непорядки, но тогда зачѣмъ же честнымъ людямъ укрываться, по крайней мѣрѣ, отъ того, кому пишутъ?.. Другое дѣло просить адресата, чтобъ не оглашалъ имени автора письма, а для адресата имя должно ставить точно, съ полнымъ адресомъ. Иначе и сіи, якобы „благонамѣренные“ корреспонденты ставятъ себя на одну доску съ кле-

вѣтниками и ругателями, а всѣмъ таковымъ и имя одно: трусы; въ первыхъ двухъ случаяхъ—подлые трусы, въ послѣднемъ—трусливые зайцы!

Вотъ почему покорнѣйше прошу всѣхъ, кто даже хвалитъ меня, въ письмахъ ко мнѣ подписываться сполна, чтобъ я могъ иногда отвѣтить письменно же, не занимая строкъ въ моихъ печатныхъ дневникахъ. Вѣдь, нерѣдко выходитъ просто ничтожное недоразумѣніе, и отвѣчать-то печатно не стоитъ, можно бы отвѣтить письмомъ, а тутъ жаль человѣка оставлять въ заблужденіи, но и занимать вниманіе нѣсколькихъ тысячъ читателей печатнымъ отвѣтомъ не стоитъ. Такъ и бросаешь письмо въ корзину.

Само собою разумѣется, что моя просьба „подлыхъ трусовъ“ не вразумитъ, ругаться они не перестанутъ, доказывая тѣмъ только ту старую истину, что у безсильно-злобствующаго на головѣ „шапка горитъ“ и онъ воображаетъ, будто мнѣ причиняетъ огорченіе своею руганью, тогда какъ цѣна такимъ ругательнымъ письмамъ извѣстна: они только всякій разъ доказываютъ мнѣ, что слово правды, мною высказываемое, кого-то безпокоитъ, а стало быть и для дѣла Божія полезно, за что и слава Богу! Что же до клеветъ на ближняго, коихъ такъ много бываетъ въ анонимахъ, то мы, пастыри, слѣдуемъ примѣру Царя Давида, который всякаго тайнаго клеветника выгонялъ вонъ (Пс. 100, 5),—рвемъ такое письмо и бросаемъ въ корзину или въ каминъ.

Обращаюсь къ тѣмъ, кто думаетъ, что Богу служитъ анонимными письмами. Наше ученіе: цѣль не можетъ оправдывать средства. Богъ не нуждается въ помощи сатаны, который есть отецъ лжи и всякаго обмана. Если угодно, чтобъ я не называлъ въ печати своего корреспондента, то пусть сей корреспондентъ мой о семъ и скажетъ въ письмѣ ко мнѣ: я исполню его желаніе. А мнѣ лично надобно знать, съ кѣмъ я бесѣдую посредствомъ письма. Повторяю: нерѣдко хотѣлось бы отвѣтить автору анонима письмомъ же, а онъ спрятался за какую-нибудь букву или вовсе не изволилъ подписаться. Такъ и лишаетъ онъ самъ себя средства узнать то, что я считаю за истину. А я изъ сего въ правѣ заключить, что мой анонимный корреспондентъ и не хочетъ знать того, что я ему могъ бы отвѣтить. По меньшей мѣрѣ—вѣжливо ли это?

Недавно я получилъ изъ Вологды отъ нѣкоей „инаковѣрующей“, слѣдовательно: неправославной, интеллигентки большое письмо по поводу моего прощальнаго посланія съ вологодской паствой. Она возмущается тѣмъ, что мое посланіе „не дышетъ миромъ, любовью, всепрощеніемъ“ къ какимъ-то „обиженнымъ и оскорбленнымъ“. Интеллигентка восклицаетъ: „А вѣдь, люди всѣ братья, всѣ равныя чада Церкви, правые и лѣвые, грѣшные и праведные, еретики и раскольники, политическіе агитаторы и союзники“. Если съ первымъ еще можно примириться, хотя съ оговоркой, что чада непослушныя Церкви не могутъ же равняться съ послушными, то ужъ съ послѣднимъ-то никакъ нельзя: еретики и раскольники вовсе не чада Церкви, а враги ея, не овцы Христова стада, а козлища, политическіе же агитаторы даже волки, хотя въ овчихъ одеждахъ. Письмо продолжаетъ: „Не съ ненавистью, злобой отвращенія отнеситесь вы къ погибающимъ людямъ дома Израилева, (ахъ, если бы эти люди не увлекали въ погибель вѣр-

ныхъ Церкви чадъ ея, если бы не губили ихъ своими мерзостными, богопротивными лжеученіями!), а съ чувствомъ всепрощенія, любви, относится какъ сердобольный и любящій отецъ, къ заблудшимъ, но милымъ дѣтямъ своимъ, относится такъ, какъ отнесся Христосъ на крестѣ къ разбойнику (прибавлю: да, только покаявшемуся, а не къ хульнику, погибшему въ то время, когда Христосъ сказалъ покаявшемуся: „днесь со Мною будеши въ раи!“), и къ людямъ, поднявшимъ на Него руку, какъ простилъ. Онъ всѣмъ Своимъ врагамъ, губителямъ, поносителямъ“... Такъ поучаетъ меня „инаковѣрующая“. А то забываетъ, что все это относится къ личнымъ врагамъ Христовымъ, что Христосъ Спаситель безпощадно клеймилъ развратителей народа страшными словами: „змія, порожденія ехиднова, (Мѳ. 23, 33); вожди слѣпые, лицемѣры, гробы подкрашенные, безумцы“ и под. Апостолы Его дѣлали то же по отношенію къ еретикамъ. Да и я, грѣшный, кажется, ни одного слова не употребилъ въ своемъ посланіи своего, а все бралъ у св. Апостоловъ: „Не раздѣляйте паствы на лжеучителей, еретиковъ и вѣрныхъ чадъ Церкви“, поучаетъ архіерея инаковѣрующая. Ну нѣтъ, милостивая государыня: этого никогда вы не дождетесь ни отъ одного православнаго архипастыря! Волка онъ долженъ и всегда будетъ называть волкомъ, а овцу—овцой. Послушныхъ Церкви—чадами Церкви, а еретиковъ—врагами ея. Такъ учитъ насъ Господь, такъ заповѣдали намъ св. Апостолы Его. Такъ и будемъ дѣлать всегда, чтобы волки не проникали въ стадо Христово, намъ ввѣренное. На то и посохъ намъ данъ, чтобъ отгонять ихъ. Обличать „инакомыслящихъ“—нашъ священный долгъ и что бы тамъ ни говорили разные проповѣдники іудейскихъ свободъ, мы будемъ дѣлать дѣло, намъ отъ Христа порученное, обличая и отгоняя отъ своихъ овецъ волковъ, расхищающихъ стадо Божіе! Въ своемъ прощальномъ посланіи къ паствѣ Вологодской я уже указывалъ, какъ даже Апостолъ любви—Іоаннъ Богословъ заповѣдуетъ относиться къ „инакомыслящимъ“, къ еретикамъ: онъ не позволяетъ принимать ихъ въ домъ, запрещаетъ привѣтствовать ихъ (2 Іоан. 10) а св. Апостолъ Павелъ запрещаетъ съ ними даже раздѣлять трапезу (1 Кор. 5. 11). Ужели Апостолы Христовы забыли ученіе Христа о „всепрощеніи, любви“ и пр.? Ужели наши „инакомыслящіе“, вродѣ моей корреспондентки, лучше ихъ понимаютъ духъ сего ученія? А если они не дерзнутъ такъ о себѣ сказать, то почему же замалчиваютъ эти заповѣди апостольскія? Да притомъ, если мы предостерегаемъ чадъ Церкви отъ лжеучителей, именуя ихъ такъ, какъ именовали св. Апостолы, то дѣлаемъ это вовсе не изъ ненависти какой-то. Не ненависть, не вражду мы проповѣдуемъ въ отношеніи къ симъ людямъ, нѣтъ, мы только предупреждаемъ вѣрныхъ чадъ Церкви, чтобы береглись сихъ волковъ! Мы не „отталкиваемъ и сихъ заблудшихъ отъ Церкви“: мы стадо, Богомъ намъ ввѣренное оберегаемъ отъ ихъ отравы! Пусть, если правда, будто они „находятся подъ гнетомъ сомнѣній, нравственныхъ запросовъ“, пусть открыто повѣдаютъ намъ эти запросы, эти сомнѣнія: мы готовы съ любовью отвѣтить на нихъ. Но отравлять сими сомнѣніями, запросами вѣрующихъ въ простотѣ сердца чадъ Церкви—мы не позволимъ: мы всегда скажемъ нашимъ чадамъ: это—волки, это нравственные отра-

вители: берегитесь ихъ! „Всепрощеніе“ въ дѣлахъ вѣры подается подъ условіемъ покаянія, отреченія отъ своихъ заблужденій, отъ своего „инаковѣрія“; иначе сколько бы мы ни прощали—Богъ не проститъ! Вспомните, какія страшныя анаѳемы произноситъ Апостолъ Павелъ на инаковѣрующихъ, инакопроповѣдующихъ: аще мы или Ангелъ съ небесе—слышите: даже мы, т. е. Апостолы, даже Ангелъ съ небесе!—благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ! Этого мало: Апостолъ счелъ нужнымъ и еще повторить: „якоже предрекохомъ и нынѣ паки глаголю: аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ!“ Такъ вотъ чему учатъ насъ Апостолы Христовы! Вотъ какъ строго мы должны оберегать чистоту вѣры православной! Не приторное любезничанье и лобызаніе съ лжеучителями (слышите, сударыня: лжеучителями), не „всепрощеніе“ къ убійцамъ православныхъ душъ проповѣдуютъ и намъ заповѣдуютъ они, а грозными анаѳемами грозятъ имъ и намъ даютъ на это право „инако“ проповѣдующихъ и своимъ лжеученіемъ обольщающихъ предавать анаѳемѣ! И горе намъ, если мы будемъ закрывать глаза на дѣятельность разныхъ „инаковѣрующихъ“ и внушать православнымъ относиться безразлично къ ихъ проповѣди и слушать вотъ такихъ внушеній, какія дѣлаетъ мнѣ г-жа „инаковѣрующая“: „пусть между вами и нами будетъ миръ.... пусть люди разныхъ толковъ и мнѣній живутъ рядомъ и славятъ Бога, каждый по-своему... у каждаго свой богъ, своя вѣра“ и пр. Все это—только льстивыя словеса: пусть бы каждый по-своему Богу молился, но не смѣлъ касаться совѣсти другаго, но, вѣдь, и вы, „инаковѣрующіе“, и мы, православные, считаемъ каждый свою вѣру чистою и спасительною, понятно, что каждый и желалъ бы въ свою вѣру обратить другого, и вотъ для сего-то и нужна вамъ эта свобода, эта столь подчеркиваемая вами „любовь, всепрощеніе“,—чтобъ безпрепятственнѣе совращать въ свою ересь чадъ православія. А въ душѣ вы презираете насъ, хотя никогда въ томъ не сознаетесь. Живите смирно, молитесь по-своему, не смѣйте касаться православной души, и всѣ мы будемъ мирны къ вамъ—только жалѣть будемъ васъ. А если вы, во имя „мира, любви“ и прочихъ сладкихъ словесъ, будете подкрадываться къ сокровищу вѣры православной, то мы обнажимъ мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій, и грозная анаѳема прогремитъ надъ вашими главами... Правда, вы ея не боитесь, но это будетъ полезно для тѣхъ, кто еще не потерялъ вѣры въ Церковь Христову, кто знаетъ и вѣруетъ, что глаголъ ея не возвращается тощъ... Вы говорите, что „Богъ принимаетъ въ Свое лоно(?) всѣхъ инаковѣрующихъ, инакодумающихъ... Господь не дѣлалъ различія между Своими дѣтьми“... Ну, не такъ думаетъ, не такъ учитъ Апостолъ Павелъ. Если бы такъ было, то не сталъ бы онъ „инаковѣрующимъ, инакодумающимъ“ грозить такими страшными анаѳемами, да еще повторять ихъ. По-вашему, пожалуй, и еретикъ Толстой получитъ спасеніе, несмотря на отлученіе отъ Церкви? Тогда зачѣмъ и Церковь Свою создалъ Господь? Да еще обѣтовалъ ей, что и врата ада не одолѣютъ ея?! Вѣдь, если все дѣло въ „любви и состраданіи, всепрощеніи и мирѣ“, то къ чему всѣ заботы о Церкви, всѣ эти вселенскіе соборы, ученіе св. отцевъ, подвиги и страданія исповѣдниковъ?

Иди за Толстымъ, повторяй слово *любовь* и спасешься... Нѣтъ, не такъ, моя „инаковѣрующая“ корреспондентка: знаете ли, что и добрыхъ-то дѣлъ нельзя дѣлать спасительныхъ, если не право вѣруешь? Вы удивлены? Вы не понимаете меня? И не поймете, если не усвоите со смиреніемъ ученія Церкви православной! Въ томъ-то и дѣло, что мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что благодать Божія спасительная изливается только въ нѣдрахъ Церкви православной, а безъ таковой благодати нельзя и добра дѣлать истинно-спасительнаго. И кто уходитъ изъ Церкви, тотъ самъ лишаетъ себя сей благодати. Дѣлаютъ добро и язычники, но это добро только приближаетъ ихъ къ Церкви, какъ это было съ Корниліемъ сотникомъ, а спасти ихъ не можетъ: для сего надобно войти въ нѣдра Церкви чрезъ спасительныя таинства Церкви. Такъ ли вы вѣруете? Конечно, не такъ? Тогда о чемъ же мы съ вами будемъ говорить? Скажу одно: если вы искренно ищите истины, то не скрывайтесь подъ анонимомъ, пишите мнѣ свой адресъ и я съ любовью буду отвѣчать на ваши „сомнѣнія и запросы“, по мѣрѣ моихъ силъ и свободнаго на то времени. А если своимъ индеферентизмомъ въ отношеніи къ чистотѣ православной вѣры будете заражать другихъ, то и вамъ—простите — истину глаголю, не лгу: и вамъ грозитъ та же анаѳема, какой Апостолъ подвергалъ всѣхъ „инаковѣрующихъ и инакопроповѣдующихъ“. А что касается моихъ личныхъ немощей, моего недостаточества по моему служенію Церкви Вологодской, то одно скажу: все это видѣлъ я въ себѣ, скорбѣлъ о семъ, повѣдалъ многажды власти церковной о немощехъ моихъ, но ждалъ воли Божіей, когда она скажется ясно въ волѣ власти церковной. Пришелъ часъ,—и я съ радостью ушелъ съ каѳедры, на коей служеніе было мнѣ не по силамъ. Сего, думаю, довольно съ васъ. Развѣ прибавлю еще: по нашему православному разумѣнію, не овцы судятъ пастыря, а пастырь—овецъ. Но это надо простить вамъ: вѣдь, вы—„инаковѣрующая“...

Въ заключеніе одна просьба: избавить меня отъ выписокъ изъ Евангелія на французскомъ языкѣ... Можетъ быть, по-русски вы не читаете никогда Евангелія? Но, вѣдь, вотъ пишете-то по-русски хорошо. Почему я, не знающій французскаго языка, долженъ читать въ вашемъ письмѣ французскія цитаты? Тогда я въ правѣ и вамъ писать по-гречески, это для меня легче, да и языкъ-то — подлинно-апостольскій! Къ чему эта мода? это щегольство языкомъ народа чужого, зараженнаго невѣріемъ, масонщиной, заражающаго и наше отечество сими недугами??? Или вамъ милѣе Евангеліе на французскомъ языкѣ, чѣмъ на русскомъ?... Ахъ, сударыня! Вѣдь, вотъ какъ мы расходимся далеко другъ отъ друга: ну гдѣ же сойтись намъ въ столь важныхъ вопросахъ, какъ о спасеніи души, вѣрѣ, любви и пр.?...

Читатели мои удивятся, что я столько мѣста отвелъ для отвѣта какой-то анонимной корреспонденткѣ изъ Вологды.

Дѣло тутъ не въ Вологдѣ, не въ анонимной барынѣ. Это письмо есть характернѣйшее выраженіе той заразы масонствомъ, безразличіемъ къ истинамъ вѣры, какое стало въ послѣдніе годы господствовать въ нѣкоторыхъ интеллигентныхъ кругахъ нашего общества. Я произнесъ слово: масонство. Да, слава Богу, теперь сорвана уже маска съ этого

вѣковаго врага Хрістовой истины. Мы кое-что знаемъ изъ его плановъ, намѣреній, знаемъ, что его цѣль—уничтоженіе хрістіанства на землѣ, превращеніе всего человѣчества въ скотовъ, пригодныхъ только на служеніе масонамъ, вѣрнѣе сказать—іудеямъ, которые, какъ это уже давно извѣстно, считаютъ всѣхъ людей за скотовъ безъ души человѣческой, скотовъ, коимъ далъ Богъ только обликъ человѣческій, дабы іудеямъ не противно было пользоваться этими скотами. Это—ге клевета на іудеевъ: это буквально читается въ ихъ талмудическихъ сочиненіяхъ. Этой цѣли, конечно, препятствуетъ хрістіанство, а изъ всѣхъ хрістіанскихъ исповѣданій — Православіе, самое чистое ученіе хрістіанское, а потому и самое ненавистное для іудеевъ. И вотъ, пущены въ ходъ всѣ лжеухищренія, всѣ софизмы, всѣ клеветы противъ Православія, привлечены къ сотрудничеству въ разрушеніи Православія всѣ секты; всѣ ереси, всѣ безбожныя ученія, чтобы пошатнуть этотъ столпъ истины Хрістовой. А поелику сразу въ безбожіе не обратишь православнаго человѣка, то сначала его стараются совратить въ какую-нибудь секту, въ родѣ штунды, баптизма, молоканства, затѣмъ идутъ: спиритизмъ, оккультизмъ, буддизмъ, и наконецъ—уже прямое безбожіе... Такъ вотъ кому служатъ наши полуинтеллигенты всѣхъ ранговъ, половъ и состояній, проповѣдующіе безразличіе въ исповѣданіи хрістіанства: въ концѣ концовъ, они служатъ масонамъ и жидамъ! Вотъ отъ чего всѣми силами мы, пастыри, должны предостерегать вѣрующихъ православныхъ. Вотъ почему нельзя не раскрывать весь вредъ тѣхъ сладкорѣчивыхъ, якобы мирныхъ, разглагольствованій, какія приходится слышать отъ нашихъ „инаковѣрующихъ“, не по-русски думающихъ, сознательно или безсознательно, но совершенно неосновательно прикрывающихся иногда якобы евангельскимъ ученіемъ о любви и расточающихъ намъ, пастырямъ Церкви, попреки и даже ругань за нашу якобы нетерпимость къ нимъ, инаковѣрующимъ. Мы приводимъ слова Апостоловъ, которые клеймили современныхъ имъ сектантовъ словами: волки, безводныя облака и т. п. А насъ упрекаютъ: зачѣмъ бранитесь? Это-де не по духу ученія Хрістова. Относите, господа проповѣдники толстовскаго непротивленія, сіи упреки къ святымъ Апостоламъ, если на то у васъ достанетъ дерзновенія!... А мы боимся угрозы Имѣющаго острый съ обѣихъ сторонъ мечъ: „какъ ты не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ! (Ап. 3, 16).

156.

Достославное трехсотлѣтіе.

Богомъ царіе царствуютъ.
Вознесохъ избраннаго отъ людей Моихъ.

Любитъ Господь нашу Русь православную, которая когда-то не напрасно именовалась святою, а нынѣ такъ много и тяжко согрѣшаетъ предъ Богомъ,—любитъ и любя наказуетъ, и наказуя милуетъ, и въ самомъ наказаніи пути къ избавленію указываетъ. Только будьте, русскіе люди, внимательны къ неисповѣдимымъ путямъ Про-

мысла Божія и вы ясно увидите въ нихъ перстъ Божій, указующій вамъ, гдѣ и въ чемъ искать спасенія родной странѣ.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ будто туманомъ ядовитымъ заволокло нашу Русскую землю и идетъ по ней такая духовная смута, какой не знала она во времена злой татарщины: нужно ли подробно говорить о томъ, что въ наши дни творилось и доселѣ творится у насъ на Руси?... Забыты, попраны всѣ заповѣди Божіи, кощунство, богохульство, всѣ виды распутства, и, наконецъ, такія преступленія, которыя доводятъ до ужаса вѣрующее сердце, о коихъ рука отказывается писать, языкъ нѣмѣетъ говорить... Чувствуетъ грѣшное сердце, что вотъ-вотъ гнѣвъ Божій, какъ страшный громъ небесный, разразится надъ нами и не будетъ намъ помилованія...

И вотъ, въ такое-то многоскорбное время, когда русская душа такъ изстрадалась, истомилась горемъ безысходнымъ, Богъ милосердый, какъ любящій Отецъ, зоветъ ее къ покаянію, обнадеживаетъ помощію Своею, какъ бы говоритъ ей: оглянись назадъ, вспомни дни минувшіе, покайся и ободрись! Грѣшили нѣкогда твои отцы и тяжко грѣшили; но умѣли и каяться, обращались ко Мнѣ въ покаяніи, и Я миловалъ ихъ, и снова почивало на нихъ Мое благословеніе. Я—Тотъ же и нынѣ, Какимъ былъ тогда: и нынѣ готовъ раскрыть предъ тобою Мои отеческія объятія, готовъ ниспослать тебѣ Мое благословеніе, только покайся, брось путь погибельный, на коемъ ты стоишь!

Не слышенъ ли сей гласъ Божій въ тѣхъ свѣтлыхъ воспоминаніяхъ, которыя, одно за другимъ, встаютъ и свѣтлыми видѣніями проходятъ предъ нами именно въ наши смутные дни? Не явная ли это милость Божія къ намъ, грѣшнымъ, что современная намъ смута была попущена по грѣхамъ нашимъ, не раньше сихъ великихъ юбилеевъ—воспоминаній тяжкихъ бѣдъ на Руси и великихъ милостей Божіихъ къ предкамъ нашимъ?

Годъ назадъ предъ нами возсталъ чудный образъ несокрушимаго борца—священномученика Патріарха Гермогена, который не только властнымъ, грознымъ словомъ своимъ, но и самымъ дѣломъ—своею мученическою кончиною показалъ, какъ русскіе люди должны отстаивать родную вѣру православную, родную землю Русскую, родные завѣты исторіи и предковъ своихъ. И нынѣ, какъ триста лѣтъ назадъ, властно звучатъ въ русскихъ сердцахъ его послѣднія, дошедшія до насъ слова русскимъ людямъ: „да будетъ надъ тѣми, кто идетъ на очищеніе Московскаго государства, милость отъ Господа Бога, а отъ нашего смиренія—благословеніе, а на окаянныхъ измѣнниковъ да изліется гнѣвъ отъ Бога, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты они въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ“!—И дай Богъ, чтобы эти слова вѣчно звучали въ русской совѣсти, въ русскомъ сердцѣ, какъ непорушный завѣтъ матери-Церкви, матери—старой Руси, Руси святой и православной!

Весь минувшій 1912-й годъ непрерывною чредою проходили предъ нами то—глубоко-скорбныя, то—свѣтло-радостныя воспоминанія событій великаго 1812-го года. Какой высокій подъемъ народнаго духа, пламенной любви къ отечеству пережила тогда наша Русь! Пережила, покаялась въ своихъ грѣхахъ предъ Богомъ, и духомъ обновилась, и въ покаянномъ смиреніи все приписала единому Богу: *не намъ, не намъ,*

а имени Твоему, Господи, буди слава!

Нынѣшній годъ снова переноситъ насъ за триста лѣтъ назадъ, но мрачныя воспоминанія Смутнаго времени, какъ темныя тучи, постепенно уже отходятъ на задній планъ. Небосклонъ надъ Русью очищается. Вся она стягивается къ своему сердцу—къ Москвѣ. Видно, могучій призывъ страдальца-святителя Гермогена глубоко отозвался въ русской душѣ. Страдальческая кончина окружила величавый образъ святѣйшаго Патріарха небеснымъ сіяніемъ святости и мученичества за вѣру и отечество; его завѣтъ избрать Царя природнаго, русскаго, православнаго, его указаніе — именно на Михаила Ѳеодоровича Романова—стало для русскаго сердца непреложною заповѣдью. Никогда до того времени не чувствовалось всѣмъ сердцемъ русскимъ такъ живо, не сознавалось такъ ясно, что безъ Царя не можетъ жить Русская земля, что Царь—это ея отецъ, ея ангелъ-хранитель, Царь—это душа, это сердце Русскаго народа, какъ говоритъ мудрость народная: безъ Царя земля вдова, безъ него народъ—сирота; одно солнце на небѣ—одинъ Царь бѣлый на Руси святой!

Въ неисповѣдимыхъ путяхъ Промысла Божія праведники являются провозвѣстниками воли Божіей. Еще задолго до Патріарха Гермогена преподобный Геннадій Костромской, прибывъ въ Москву, посѣтилъ, по приглашенію, домъ боярыни Іуліаніи Ѳеодоровны, жены Романа Юрьевича Захарьина, прабабушки Михаила Ѳеодоровича, и, благословляя дѣтей ея: Даніила, Никиту и Анастасію, сказалъ послѣдней: „ты, вѣтвь прекрасная, плодовитая, будешь намъ Царицею". Его предсказаніе сбылось въ точности: Анастасія была первою супругою Царя Іоанна Грознаго, любимицей Царя и народа, и благоговѣйное воспоминаніе о ея добродѣтеляхъ, какъ извѣстно, много содѣйствовало призванію на царство сына ея племянника—Михаила Ѳеодоровича. Такъ, еще за 70 слишкомъ лѣтъ до сего событія, Промыслъ Божій предуготовлялъ Домъ Романовыхъ къ царственному служенію родной Руси, а въ ближайшіе къ смутному времени дни вся семья Никиты Романовича, Божіимъ попущеніемъ, была какъ бы пріуготована страданіями и тяжкимъ крестнымъ подвигомъ къ сему высокому служенію. Отецъ и мать Михаила были оклеветаны предъ царемъ Борисомъ Годуновымъ: ихъ насильно разлучили и постригли въ монашество, и оба они приняли этотъ невольный крестъ какъ волю Божію и въ послушаніи волѣ Божіей понесли его съ такимъ же усердіемъ, какъ несутъ его и добровольно возлагающіе на себя монашескій подвигъ. Три дяди Михаила, братья его отца: Василій, Александръ и Михаилъ Никитичи, были сосланы Годуновымъ въ далекіе предѣлы сѣвернаго края—Усолье, Пелымъ и Ныробъ, гдѣ они, послѣ тягостнаго года ссылки, были умерщвлены немилосердыми стражами. Особенно тяжко мучили Михаила Никитича: этого богатыря заключили въ яму-землянку, кормили только черствымъ хлѣбомъ и водою и, наконецъ, уморили голодомъ, а по инымъ сказаніямъ просто—убили... Понятно, почему великій печальникъ земли Русской, святѣйшій Патріархъ Гермогенъ изъ своего подземнаго заключенія указалъ на родъ праведниковъ - страдальцевъ Романовыхъ, какъ на единственно достойный воспріять скипетръ потомковъ равноапостольнаго Владиміра. Не о царскихъ почестяхъ

мечталъ этотъ благочестивый родъ: Господь велъ его путемъ крестнымъ къ великому подвигу царственнаго служенія народу Русскому.

И вотъ, насталъ часъ воли Божіей. Въ началѣ февраля 1613 года въ Москву собрались выборные люди со всѣхъ городовъ Русской земли. Собрались они, чтобы избрать Царя для осиротѣвшей земли своей и, по благочестивому обычаю древней Руси, назначили трехдневный постъ и молитву, чтобы призвать на свое великое дѣло Божіе благословеніе. На первомъ же соборномъ совѣщаніи рѣшено было единогласно: „иныхъ нѣмецкихъ вѣръ никого не выбирать, а выбирать своего природнаго русскаго". Стали выбирать своего; одни указывали на одного боярина, другіе на другого... Какой-то дворянинъ изъ Галича подалъ письменное мнѣніе, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями— Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ: его и надобно избрать въ Цари. Вспомнили, что и покойный святѣйшій Патріархъ называлъ это имя. Вышелъ и донской атаманъ и подалъ такое же мнѣніе. И Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ провозглашенъ Царемъ. Но не всѣ еще выборные тогда прибыли въ Москву, не было и знатнѣйшихъ бояръ, и дѣло было отложено на двѣ недѣли. Наконецъ, собрались всѣ 21 февраля, въ недѣлю православія, и общимъ голосомъ утвердили это избраніе. Тогда рязанскій Архіепископъ Ѳеодоритъ, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ и боринъ Морозовъ вышли на Лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь: кого они хотятъ въ Цари? И народъ единогласно воскликнулъ: „Михаила Ѳеодоровича Романова!" И Соборъ назначилъ Архіепископа Ѳеодорита, Авраамія Палицына, трехъ архимандритовъ и нѣсколькихъ именитыхъ бояръ ѣхать къ новоизбранному Царю, чтобы просить его пожаловать въ стольный градъ Москву на свой царскій престолъ.

На окраинѣ Костромы, почти при впаденіи рѣки Костромы въ Волгу, стоитъ Ипатьевскій монастырь. Онъ основанъ былъ въ 1330-хъ годахъ татарскимъ княземъ Четомъ, который, возвращаясь по Волгѣ съ сѣвера, тутъ тяжко заболѣлъ, далъ обѣтъ креститься, если выздоровѣетъ, и дѣйствительно—выздоровѣлъ, крестился и построилъ этотъ монастырь. То былъ предокъ Бориса Годунова и вотъ, судьбами Божіими, въ обители, основанной предкомъ гонителя Романовыхъ, Годунова, находитъ себѣ убѣжище тотъ благословенный Богомъ отрокъ изъ Дома Романовыхъ, которому Господь судилъ стать первымъ Царемъ изъ сего, гонимаго Годуновымъ, рода. Такъ торжествуетъ правда Божія; даже, повидимому, въ неважныхъ обстоятельствахъ, свидѣтельствуя о непреложныхъ путяхъ Промысла Божія.

Съ Михаиломъ неразлучна была и мать его, „великая старица" Марѳа Іоанновна. Они ничего не знали о томъ, что происходило на Московскомъ Земскомъ Соборѣ: юному Михаилу и на мысль не приходило, чтобы на него могъ пасть жребій великаго царскаго служенія. Да и можно-ли было ему, шестнадцатилѣтнему скромному юношѣ, мечтать о царскомъ вѣнцѣ, когда было много именитыхъ и знатныхъ бояръ, съ честью послужившихъ отечеству въ тяжкую годину великихъ народныхъ бѣдствій? Скорбныя думы Михаила въ это время невольно уносились совсѣмъ въ другую сторону,—туда, въ Литовскую землю, гдѣ томился въ тяжкомъ плѣну его возлюбленный

родитель, Ростовскій Митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ. Понятно, что тѣ же мысли и чувства раздѣляла съ нимъ и его благочестивая мать.

Между тѣмъ, 13 марта въ Кострому прибыли соборные посланцы. На другой день, въ достопамятный день 14 марта, съ ранняго утра всѣ улицы Костромы были покрыты многочисленными толпами народа. Съ крестнымъ ходомъ шли соборные послы въ Ипатьевскій монастырь, къ юному избраннику, на коемъ покоились теперь всѣ надежды многострадальной родной земли. Тамъ, гдѣ рѣка Кострома впадаетъ въ Волгу, къ крестному ходу присоединилось костромское духовенство съ чудотворною Ѳеодоровскою иконою Богоматери. Когда торжественное шествіе приблизилось къ святымъ вратамъ обители, оттуда скромно вышелъ навстрѣчу ему Михаилъ Ѳеодоровичъ съ своею старицею-матерью. Шествіе остановилось. Низко поклонились московскіе послы будущему Государю и объявили ему, зачѣмъ присланы. „Съ великимъ огорченіемъ и слезами“, какъ говоритъ лѣтописецъ, онъ отвѣчалъ посламъ, что Государемъ быть онъ не хочетъ, а мать его Марѳа Іоанновна прибавила, что она не дастъ сыну на то родительскаго своего благословенія. И оба они хотѣли удалиться въ свои палаты. Немалаго труда стоило посламъ упросить ихъ—войти съ ними въ соборную церковь Пресвятыя Троицы. Здѣсь подали имъ отъ Собора грамоты и стали бить челомъ Михаилу: „сжалиться надъ остаткомъ рода хрістіанскаго, не презрить всенароднаго слезнаго рыданія, принять многорасхищенное отъ враговъ царство Россійское подъ свою высокую десницу Государеву и пожаловать на свой царскій престолъ въ стольный градъ Москву.“ — Но юный Михаилъ и слышать о томъ не хотѣлъ; а мать его говорила посламъ, что „сынъ ея еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, а русскіе всякихъ чиновъ люди измалодушествовались и прежнимъ Государямъ не прямо служили; тутъ и прирожденному Государю трудно съ ними справиться, а что будетъ дѣлать съ ними ея сынъ — несовершеннолѣтній юноша?“ Указывала Марѳа и на то, что „Московское государство теперь въ конецъ разорено, что будущему Царю нечѣмъ будетъ и своихъ служилыхъ людей пожаловать, и противу своихъ недруговъ стоять. Да къ тому-жъ и отецъ его, Михаиловъ, Митрополитъ Филаретъ теперь въ плѣну у короля въ Литвѣ, въ большомъ утѣсненьи, и какъ свѣдаетъ король, что сынъ его на Москвѣ Государемъ сталъ, то сейчасъ же надъ нимъ велитъ сдѣлать какое-либо зло“.

Долго говорила старица Марѳа; со слезами на глазахъ послы ее слушали, а когда она умолкла, стали снова бить челомъ Михаилу Ѳеодоровичу, умоляя его, чтобъ „соборнаго моленья всей Русской земли онъ не презрилъ, что выбрали его по Божію изволенію, а не по его желанію, что такъ положилъ Богъ на сердце всѣмъ отъ малаго до велика на Москвѣ и во всѣхъ городахъ.“

Цѣлыхъ шесть часовъ стояли соборные посланцы предъ Михаиломъ и молили его, чтобы „воли Божіей онъ не снималъ“, а Михаилъ все не соглашался. Наконецъ старѣйшій изъ пословъ, Архіепископъ Ѳеодоритъ, сказалъ ему рѣшительно: „не противься, Государь, волѣ Божіей; не мы предприняли сей подвигъ; Сама Пречистая Матерь Божія возлюбила тебя: устыдись Ея

пришествія",—и при этихъ словахъ святитель указалъ на чудотворный ликъ Царицы Небесной на иконѣ, именуемой Ѳеодоровскою. Тогда и сама старица—мать Михаилова сказала своему смиренному сыну: „видно дѣло сіе—Божіе, чадо мое, надобно покориться волѣ Всевышняго!"

Съ рыданіемъ Михаилъ повергся предъ иконою Богоматери и, обливаясь слезами, произнесъ: „аще есть на то воля Твоя, я—Твой рабъ! Спаси и соблюди меня!"

Никто не въ силахъ былъ въ эту торжественную минуту удержаться отъ слезъ: плакалъ архипастырь, плакали послы, плакали всѣ, кто былъ въ соборѣ тогда.

Нареченный Царь всталъ, обратился къ посламъ и сказалъ: „аще на сіе есть воля Божія—буди тако"!

Съ этой священной минуты, когда юный Михаилъ всецѣло отдалъ себя въ волю Божію, онъ сталъ великимъ Государемъ и Царемъ всей Русской земли. Благочестивая старица Марѳа взяла своего сына за руку и вмѣстѣ съ нимъ благоговѣйно преклонила колѣна предъ благодатнымъ ликомъ Царицы Небесной и тихо сказала: „въ Твои пречистыя руцѣ предаю чадо мое; настави его на путь истины, устрой ему полезная, а съ нимъ и всему православному хрістіанству!".

Такъ благословила „великая старица" своего любимца на великій подвигъ служенія царскаго; такъ совершилось воцареніе Михаила Ѳеодоровича, спасителя вѣры и царства,—такъ благословилъ, наконецъ, Господь, Царь царствующихъ, многострадальную землю Русскую дарованіемъ ей Царя по сердцу Своему,—благословеннаго родоначальника нынѣ царствующаго Дома Романовыхъ. „И бысть, говоритъ лѣтописецъ, въ той день на Костромѣ радость велія, и составиша праздникъ чудотворной иконѣ Ѳеодоровской".

И не на одной Костромѣ была тогда радость велія: ликовала съ Костромой и Москва, и вся Русская земля. Наконецъ-то пережила она свое горе лютое, наконецъ-то взошло ея солнце красное, безъ котораго некому было обогрѣть ее, многоскорбную, некому было о ней позаботиться! И свободно вздохнули тогда Русскіе люди, измученные невзгодами междуцарствія.

Насколько глубоко воспринято было сердцемъ народнымъ это избраніе юнаго Михаила Ѳеодоровича, какъ великая милость Божія къ народу Русскому, какъ явное указаніе Божіе, свидѣтельствуетъ великій самоотверженный подвигъ простого крестьянина Ивана Сусанина. Онъ явился въ свою очередь избранникомъ Божіимъ, чтобы запечатлѣть своею мученическою кровію любовь народную къ Царю, избраннику по сердцу Божію. Вотъ что говоритъ о его святомъ подвигѣ самъ спасенный имъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ своей жалованной грамотѣ, данной зятю Сусанина, крестьянину Богдану Сабинину: „какъ Мы, Великій Государь, были на Костромѣ (то есть, въ Костромскихъ предѣлахъ), и въ тѣ поры приходили въ Костромской уѣздъ польскіе и литовскіе люди, и тестя его, Богданова, Ивана Сусанина, литовскіе люди изымали и его пытали великими немѣрными муками, а пытали у него, гдѣ въ тѣ поры Мы, Великій Государь, были, и онъ, Иванъ, вѣдая про Насъ, гдѣ Мы въ тѣ поры были, терпя отъ тѣхъ польскихъ и литовскихъ людей немѣрныя пытки, про Насъ, Великаго Государя, тѣмъ польскимъ и литовскимъ людямъ не сказалъ, и польскіе и литовскіе люди замучили его до смерти."—Такъ, какъ бы тотъ

лица всей Руси православной, запечатлѣлъ любовь народную къ Царю—Батюшкѣ этотъ вѣчно достославный крестьянинъ: одинъ, безъ сподвижниковъ, онъ отстоялъ дорогую жизнь Михаила, а съ нею отстоялъ спасеніе и всей Русской земли. Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ послѣдній въ родѣ Романовыхъ; его замѣнить было некѣмъ, да и кого изъ бояръ любилъ такъ Русскій народъ, какъ Романовыхъ, и страшно подумать, что было бы тогда съ Русскою землей, если бы удался адскій замыселъ вражескій?...

2-го мая 1613 года юный Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ торжественно вступалъ въ Москву, благословляемый молитвами ликующаго народа.

„Смотрите, говорилъ одинъ святитель-проповѣдникъ: какія благословенія, какія воспоминанія и какое родство окружало юную душу Михаила, перваго Царя изъ Дома Романовыхъ! Благословеніе праведника изъ темницы; невинная казнь еще молодыхъ дядей, отецъ-монахъ и митрополитъ, томящійся въ плѣну, и мать-монахиня, столь неохотно отпустившая его изъ смиреннаго уединенія на царство. Были ли когда-нибудь Цари, пріявшіе славу Царства въ такой обстановкѣ подвига, страданія, неповинныхъ казней и добровольнаго пріятія насильно навязанной разлуки? Мудрено-ли послѣ всего того, что не только самъ Михаилъ, но и сынъ его Алексѣй, и его внукъ Ѳеодоръ, ему наслѣдовавшіе, ходили предъ Богомъ, какъ древніе патріархи?“... Были-ли Цари, избранные на царство, даже безъ ихъ вѣдома, противъ ихъ желанія, принужденные къ принятію царскаго вѣнца духовенствомъ и народомъ, почти насильно, именемъ Матери Божіей?... Во всей исторіи народовъ земныхъ только нашъ Русскій народъ даетъ примѣръ такого призванія своихъ князей и Царей по сознанію и глубокому убѣжденію, что безъ Верховной Власти въ лицѣ Единодержавнаго Властителя не можетъ стоять прочно государство, и вотъ, въ самомъ началѣ своего историческаго бытія призываетъ онъ Рюрика, а когда родъ Рюрика прекратился, то избираетъ ближайшій по родству съ Рюриковичами благословенный Домъ Романовыхъ...

Когда переносишься мыслію за триста лѣтъ назадъ и созерцаешь всѣ эти событія, когда вдумываешься въ ихъ глубокій смыслъ и значеніе въ жизни нашего Русскаго народа, то невольно хочется обратиться къ нашимъ умнымъ предкамъ съ мольбою: о, научите насъ, вашихъ потомковъ, такъ крѣпко любить свою Русь, какъ любили вы, такъ вѣрно понимать, чѣмъ живетъ русская душа, какъ понимали вы, и цѣлымъ сердцемъ усвоять то сокровище, какое завѣщано намъ всею родною исторіей нашей!.. Что было вамъ дороже всего? Святая вѣра православная да Царь Самодержавный, Царь—Отецъ народа, Царь—Помазанникъ Божій, коего сердце въ рукѣ Божіей, на коемъ почиваетъ Самъ Духъ Божій со дня его священнаго муропомазанія на царство. (1 Цар. 16, 13). Не простому человѣку ввѣряли вы судьбу Руси православной, когда умоляли юнаго Михаила „сжалиться надъ остаткомъ рода хрістіанскаго“ и не отвергнуть соборнаго моленія: вы видѣли въ семъ юношѣ избранника по сердцу Божію и крѣпко вѣрили, что благодать Божія почіетъ на немъ въ святѣйшемъ таинствѣ муропомазанія и будетъ руководить всѣми его дѣяніями во благо родной земли. Для васъ показались бы святотатствомъ, кощунствомъ, тяжкимъ грѣхомъ предъ Богомъ

тѣ модныя въ наше время бредни объ ограниченіи царской власти какою-то нерусскою конституціей, какими—увы!—заражены многіе современные россіяне: не хочется прямо называть такихъ людьми русскими, хотя и носятъ они имена русскія!

Молитвою и постомъ начали вы святое дѣло избранія Царя на осиротѣвшій тогда царскій престолъ, и молитва ваша услышана: Самъ Богъ положилъ на сердце ваше призвать смиреннаго сердцемъ Михаила, благословилъ его и родъ его, а въ немъ и съ нимъ и Русь православную... Буди же благословенна и ваша память въ роды родовъ на святой Руси, на вѣки вѣчные!

157.

О духовныхъ теченіяхъ въ нашей интеллигенціи.

Аѳиняне же всѣ и живущіе у нихъ иностранцы ни въ чемъ охотнѣе не проводили время, какъ въ томъ, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое. Дѣян. 17, 21.

„*Что было, то и будетъ; и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ.* Екклес. 1, 9.

Мы живемъ въ вѣкъ радія, вѣкъ электричества и всевозможныхъ открытій въ области наукъ естественныхъ. Что было еще вчера новостью, то завтра станетъ извѣстно всему культурному міру, и новое изобрѣтеніе приложатъ къ жизни, используютъ и оно станетъ заурядным явленіемъ, устарѣетъ, а неутомимая наука, называемая археологіей, откроетъ, что то, что мы называемъ новымъ изобрѣтеніемъ, было извѣстно уже въ глубокой древности Египтянамъ или Ассиріянамъ. Но современный культурный человѣкъ жаждетъ и ждетъ еще и еще новаго, какъ тѣ Аѳиняне, о коихъ говоритъ Евангелистъ Лука, описывая прибытіе Апостола Павла въ Аѳины.

Что я сказалъ относительно наукъ естественныхъ, то въ послѣднее время стало замѣчаться въ нашихъ интеллигентныхъ кругахъ и относительно жизни и явленій въ области человѣческаго духа. Правда, современный человѣкъ, погруженный въ чувственность, лѣнивъ на то, чтобы почаще заглядывать въ свою душу, въ свое сердце: ему все времени на то не достаетъ, все его „дома нѣтъ", живетъ онъ почти исключительно интересами плоти и суетнаго міра: а всё же, говорю въ послѣдніе два-три года замѣчается нѣкоторый интересъ и къ области духа. Къ несчастью, враги Церкви подмѣтили это явленіе, кажется мнѣ, раньше тѣхъ, кто долженъ бы стоять на стражѣ духовныхъ интересовъ человѣка, и уже въ значительной мѣрѣ использовали замѣченную склонность современнаго общества къ такъ называемому мистицизму. Широкою волною стали распространяться такія ученія, какъ спиритизмъ, месмеризмъ, оккультизмъ, буддизмъ и другія, извѣстныя съ глубокой древности, заблужденія, которыя, впрочемъ, теперь являются лишь подъ новыми названіями, чтобы привлечь тѣхъ, кто накидывается на всякую новинку. Но, какъ во дни великаго пророка Иліи, когда

сей ревнитель истинной вѣры жаловался Богу, что онъ одинъ остался на свѣтѣ вѣрующій, на самомъ дѣлѣ, какъ ему было открыто, оставалось еще 7000 не преклонившихъ колѣнъ предъ Ваалomъ: такъ и въ наши дни еще не всѣ потеряли вѣру въ жизнь духа, еще есть жаждущіе познанія: въ чемъ состоитъ истинный мистицизмъ и гдѣ искать удовлетворенія этой жажды. Есть и тѣ, которые готовы помочь жаждущимъ найти источникъ живой воды, утоляющій сію жажду. Для насъ, людей строго церковнаго міровоззрѣнія, совершенно ясно, въ чемъ дѣло: истина въ Церкви Православной; Церковь можетъ возгласить со Христомъ: „кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей!“ (Іоан. 7, 37). Но къ несчастію, современная наша интеллигенція, въ большинствѣ, такъ предубѣждена противъ Церкви, такъ испортила свой вкусъ, въ отношеніи къ духовному, что простое слово евангельской истины, которое съ такою любовію воспріемлется въ дѣтской простотѣ вѣрующимъ простецомъ, кажется интеллигенту черствымъ хлѣбомъ и онъ, избалованный современной свѣтской литературой, отворачивается отъ духовной: „это-де старое, сухое, схоластическое; это—давно стало пережиткомъ, давно наукою отвергнуто и опровергнуто“... И вотъ, наша интеллигенція проходитъ мимо богатѣйшей сокровищницы писаній духоносныхъ отцевъ и учителей Церкви, откуда она могла бы почерпнуть всю полноту православной мистики, гдѣ открылся бы предъ ея духовнымъ взоромъ необъятный міръ духовной жизни, міръ, полный чудесъ и неизреченнаго блаженства для того, кто смиреннымъ сердцемъ въ него приникнетъ и послушно отдастъ себя ея законамъ. Спросите современнаго интеллигента: читалъ ли онъ полную чудесъ и даже поэзіи книгу, называемую Минеи—Четьи или „Житія святыхъ“? Боюсь, что иной при этомъ словѣ если не скажетъ, то подумаетъ: „вотъ вздумалъ чѣмъ угощать!“ О писаніяхъ св. отцевъ, о „Добротолюбіи“, напримѣръ, я уже не рѣшаюсь и напоминать... А вѣдь, все же у нѣкоторыхъ изъ нашихъ интеллигентовъ душа проситъ именно такой пищи, сердце пусто, тоскуетъ отъ духовнаго неудовлетворенія. Какъ же быть? Какъ помочь этимъ людямъ превозмочь свое предубѣжденіе, побѣдить себя, ввести ихъ, такъ сказать, незамѣтно для нихъ самихъ въ эту область, которой жаждетъ ихъ сердце, а гордый умъ застилаетъ глаза, чтобъ они не видѣли открытыхъ дверей?..

Слава Богу, что есть люди, изъ самой же интеллигенціи, которымъ Богъ помогъ выйти на прямой путь, которые опытомъ извѣдали всѣ трудности этой борьбы съ предубѣжденіемъ противъ духовной литературы. Сказано: кто самъ былъ искушенъ, тотъ можетъ и искушаемымъ помочь. Зная по опыту, въ чемъ сила искушенія, такой авторъ сможетъ осторожно подойти къ душѣ и бережно коснуться ея больного мѣста, найдетъ въ современномъ интеллигентномъ языкѣ выраженія, которыя могутъ обратить вниманіе интеллигента и увлечь его къ внимательному чтенію его книги, а потомъ и ввести во святая святыхъ нашей святоотеческой литературы. Для насъ, церковниковъ, это покажется излишнимъ, но тѣ изъ свѣтскихъ людей, которые, какъ древніе Аѳиняне, вездѣ и во всемъ ищутъ новаго, ознакомившись чрезъ книгу съ тѣмъ новымъ для нихъ духовнымъ міромъ, какой она раскроетъ предъ ними, только поблагодарятъ автора за такое изложеніе.

Вотъ именно такою книгою является, по моему мнѣнію, новая книга М. В. Лодыженскаго, одно заглавіе которой уже привлекаетъ читателя своею новизною: „Свѣтъ Незримый. Изъ области высшей мистики". Далѣе, въ подзаголовкѣ, кратко изложено и содержаніе: „Серафимъ Саровскій. Францискъ Ассизскій. Мистика Востока и мистика Запада. Яркія черты изъ жизни святыхъ. Мистическія радости. Какъ умирали святые и какъ умеръ Толстой. Борцы за Логосъ".—Какъ видитъ читатель, темы все интересныя, какъ будто даже новыя, особенно если онъ считаетъ книгу не спеціально духовною, а свѣтскою, какъ будто изъ области философіи и мистики... На самомъ же дѣлѣ, книга, если можно такъ выразиться, самая духовная: она говоритъ о самой сущности духовной жизни, о тѣхъ путяхъ, какими люди подвига шли къ Богу, сравниваетъ эти пути въ средѣ хрістіанъ западной церкви и Церкви Восточной, показываетъ все превосходство, чистоту, возвышенность, облагодатствованность путей Церкви Православной въ сравненіи съ церковью Римскою, раскрываетъ, на основаніи авторовъ „Добротолюбія" и вообще свято-отеческаго ученія, отличіе философіи хрістіанской отъ другихъ философскихъ системъ, старается опредѣлить, что есть мистика высшая или божественная и что—мистика ложная, состояніе прелести, даетъ понятіе о типахъ подвижника созерцательной и дѣятельной жизни. Авторъ прекрасно характеризуетъ экзальтированную восторженность латинскаго святаго Франциска и въ противоположность ему, какъ типъ, простоту чувства нашего преподобнаго Серафима. Онъ прекрасно разобралъ и основныя начала „духовныхъ упражненій" знаменитаго Игнатія Лойолы и показалъ сходство этихъ упражненій съ индусской іогой. Читатель ясно видитъ все превосходство православной, облагодатствованной мистики предъ западной, лишенной благодати и истины. Читатель найдетъ у него и объясненіе чудесъ въ Лурдѣ, сопоставленіе съ ними чудесъ въ Саровѣ, краткое, но мѣткое и вѣрное опредѣленіе сущности подвига юродивыхъ и предостереженіе отъ лжеюродивыхъ и хлыстовъ. Умѣло, осторожно, но въ то же время и довольно ярко онъ изображаетъ такъ имъ называемыя „мистическія радости",—тѣ духовныя переживанія, какія испытывали подвижники въ молитвѣ, конечно, въ мѣру пониманія насъ, людей не столько духовныхъ, сколько душевныхъ. Онъ строго слѣдуетъ въ этомъ руководству такихъ великихъ подвижниковъ-аскетовъ, какъ Симеонъ Новый Богословъ. Изъ множества разсказовъ въ „Житіяхъ святыхъ" онъ умѣло подобралъ и сгруппировалъ нѣсколько примѣровъ спокойной и радостной кончины святыхъ Божіихъ, указалъ на то, какъ умираетъ простой русскій народъ и—въ противоположность сему, въ назиданіе нашимъ интеллигентамъ, описалъ трагическую смерть богоотступника Толстого, съ которымъ былъ лично знакомъ, о чемъ съ интересомъ могутъ прочитать въ его книгѣ наши интеллигенты, столь увлекающіеся всѣмъ, что касается этого лжеучителя. Въ заключеніе онъ изображаетъ „борцовъ за Логосъ"; то есть, святыхъ мучениковъ за Христа, раскрываетъ характеръ мученичества въ наши дни и указываетъ на близкую возможность и опасность такой борьбы въ наше лукавое, богоотступническое время.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе этой интересной книги. Въ

изложеніи, приспособляясь къ пониманію мірскихъ людей, мало освѣдомленныхъ въ терминахъ духовной литературы, касающихся духовной жизни, авторъ употребляетъ свои термины, какъ напримѣръ: „малый и большой разумъ“, „мистическія радости“ и под. Мы говоримъ: „жизнь во Христѣ“, авторъ говоритъ „жизнь въ Логосѣ“; мы говоримъ: „жизнь по стихіямъ міра, жизнь душевная“, авторъ выражается: „жизнь въ ratio“; вмѣсто обычнаго слова „Житія святыхъ“ у него стоитъ слово „хроника“... Конечно, можно бы обойтись и безъ такихъ оригинальныхъ выраженій, но и они нисколько не мѣшаютъ впечатлѣнію при чтеніи, какое, очевидно, имѣлъ въ виду авторъ. Можно отъ души поблагодарить автора вотъ хотя бы за слѣдующую страничку, которую мы позволяемъ себѣ привести почти цѣликомъ:

„Если мы сопоставимъ нѣкоторые характерные взгляды, вошедшіе въ практику нашей обыденной жизни, съ взглядами, которыми руководялись на своемъ пути люди христіанскаго подвига, то предъ нами предстанутъ контрасты прямо поразительные, указывающіе, какъ рѣзко расходятся между собою наша разсудочная жизнь въ ratio съ жизнью въ Логосѣ, о которой намъ говорятъ Евангеліе и христіанскіе святые. Возьмемъ для этого нѣсколько примѣровъ:

— Ты не можешь итти по пути, не сдѣлавшись самъ этимъ путемъ, говоритъ въ сознаніи своего могущества человѣческій разсудокъ. Чѣмъ болѣе будешь дерзать, тѣмъ болѣе получишь.

„Мы всегда должны быть твердо увѣрены, говорятъ христіанскіе подвижники, что никакъ не можемъ достигнуть совершенства своими трудами и подвигами... если Самъ Господь не будетъ намъ въ этомъ содѣйствовать“. (Св. Кассіанъ Римлянинъ. Доброт. II, стр. 125).

— Счастье въ могуществѣ и обладаніи, говоритъ нашъ разсудокъ. „Мы допускаемъ ставку только на сильнаго и богатаго“, поучаетъ нашу Думу представитель высшей государственной власти.

„Богъ всеблагій оставилъ сильныхъ, мудрыхъ и богатыхъ міра и избралъ немощныхъ, немудрыхъ и бѣдныхъ по великой и неизреченной благости Своей“, говорятъ христіанскіе подвижники (Св. Симеонъ Новый Богословъ, Слова, вып. I, стр. 175).—„Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіися и обремененные“, читаемъ мы слова своего Спасителя (Мѳ. 11, 28).

— Я не какой-нибудь нищій, чтобы молиться, я не безполезный парій, чтобы тратить на это время, говоритъ человѣкъ гордаго богатства и стяжательной энергіи.

„Если ты лишаешь себя молитвы, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, то дѣлаешь то же, что вынимаешь рыбу изъ воды, ибо какъ этой рыбѣ вода, такъ тебѣ нужна молитва“. (Доброт. V, стр. 344.)

— Нѣтъ противнѣе того чувства, которое люди называютъ смиреніемъ, говоритъ нашъ разсудокъ. Смиреніе есть самоуниженіе. Первое качество человѣка заключается въ томъ, что онъ долженъ сохранять свое достоинство и не терять уваженія къ себѣ.

„Если въ человѣкѣ не будетъ смиренія, то онъ царствія Божія не наслѣдуетъ“, говорятъ христіанскіе подвижники. (Изреченіе Антонія Великаго, Доброт. I, 31).

— Нищета отвратительна, говоритъ нашъ разсудокъ. Всякаго, кто не надрываетъ свои силы въ погонѣ за деньгами, мы считаемъ уже безсильнымъ и лишеннымъ че-

столюбія человѣкомъ. (Вильямъ Джемсъ, „Многообразіе религіознаго опыта“, стр. 358).

„Если имѣешь лишнее для дневной потребности, говоритъ подвижникъ VI вѣка св. Исаакъ Сиріянинъ, раздай то нищимъ. Ничто не можетъ такъ приблизить сердце къ Богу, какъ милостыня, и ничто не производитъ въ душѣ такой тишины, какъ произвольная нищета“. (Доброт. II, стр. 705).

— Приростъ процента на капиталъ есть актъ вполнѣ законный, говоритъ нашъ разсудокъ. Проценты на капиталъ освящены практикой государственныхъ займовъ; они вошли во всѣ людскія экономическія отношенія.

„Чада! Не давайте денегъ въ ростъ,“ поучаютъ хрістіанскіе подвижники (Варлаамъ Хутынскій, Четья-Минея, стр. 123). „Если, давъ кому что взаймы, простишь ему, то будешь подражатель природѣ Іисуса, а если взыщешь, то природѣ Адама; если же возьмешь ростъ, то это будетъ не по естеству даже и Адама“ (Доброт. I, Слова Аввы Исаіи. 323).

„Достаточно этихъ сопоставленій, говоритъ авторъ книги. Поражающіе контрасты нашей раціоналистической жизни и жизни духовной ярко освѣщены приведенными примѣрами. Жизнь въ ratio и жизнь въ Логосѣ это—какъ бы два отдѣльныхъ міра, ничего общаго между собою не имѣющіе“.

Авторъ называетъ наше время—временемъ „всеобщаго увлеченія всѣмъ таинственнымъ“. Къ сожалѣнію, это увлеченіе, какъ и у древнихъ аѳинянъ, направлено въ сторону удовлетворенія празднаго любопытства, исканія новинокъ, чѣмъ дѣйствительной потребности духа. Но нельзя же отрицать и того, что въ средѣ толпы любопытныхъ найдутся хотя единицы и людей серьезныхъ, вдумчивыхъ, дѣйствительно жаждущихъ истины, познанія духовнаго міра и спасенія души въ грядущей вѣчности. Вотъ для такихъ-то интеллигентовъ и полезны книги, подобныя книгѣ М. В. Лодыженскаго: онѣ способны пробудить интересъ къ святоотеческой литературѣ, къ такимъ книгамъ, какъ сочиненія нашихъ аскетовъ-писателей: Епископа Ѳеофана-затворника, Епископа Игнатія Брянчанинова и др. Всѣ эти сокровища —мало сказать—забыты: они вовсе неизвѣстны большинству нашей интеллигенціи и до сихъ поръ составляютъ для нея кладъ, о коемъ она и не подозрѣваетъ. Своею книгою г. Лодыженскій какъ бы кричитъ ей: да подойдите же, наконецъ, посмотрите, какія здѣсь лежатъ сокровища! Оставьте свое предубѣжденіе, будто все это старая ветошь: здѣсь вѣчно-новыя, хотя и вѣчно-старыя истины, здѣсь залогъ вашего счастья, залогъ Божія благословенія для васъ и утоленіе той томительной жажды, которую вы не перестанете ощущать, пока не побѣдите въ себѣ предубѣжденій, посѣянныхъ врагами Церкви и безсознательно воспринятыхъ вами отъ юности. Господь говоритъ: царствіе Божіе нуждою берется, усиліемъ и подвигомъ достигается. И въ дѣлѣ личнаго нашего спасенія нуженъ подвигъ: не путемъ празднаго любопытства, а дѣятельнымъ исполненіемъ заповѣдей Господнихъ подъ руководствомъ Церкви и ея духоносныхъ учителей, св. отцевъ, возможно спасеніе наше. Надо, чтобъ замѣчаемое въ наше время увлеченіе мистицизмомъ нашло себѣ исходъ не въ уродливыхъ и богопротивныхъ явленіяхъ спиритизма, оккультизма и прочихъ подобныхъ имъ „измовъ“, а въ

живомъ общеніи съ Церковью небесной при посредствѣ Церкви земной...

Въ заключеніе, позволю себѣ указать автору книги нѣкоторыя неточности: на стр. 29-й, онъ говоритъ, что число святыхъ въ одной восточной Церкви считается болѣе 2000. Во-первыхъ, для насъ, православныхъ, нѣтъ дѣла, сколько считаетъ у себя „святыхъ“ церковь, отпавшая отъ единенія съ восточною и, слѣдовательно, переставшая быть истинною церковью, ибо мы, по символу нашему, вѣруемъ только во едину святую, соборную и апостольскую Церковь, во-вторыхъ, по нашимъ мѣсяцесловамъ, число святыхъ, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ больше показаннаго г. Лодыженскимъ: оно достигаетъ до 300 тысячъ... На стр. 271. авторъ упоминаетъ „день рожденія замученнаго александрійскаго митрополита Петра“: во-первыхъ, не митрополита, а архіепископа, во-вторыхъ—не день рожденія, а день его кончины; дѣло въ томъ, что день кончины святыхъ въ древности именовался днемъ рожденія, dies natalis; ибо древніе хрістіане почитали смерть рожденіемъ въ новую жизнь.

Такъ-ли свѣтло смотримъ мы на смерть?....

158—160.

Вѣра Хрістова не терпитъ двоедушія.

Суди, Господи, обидящія ны, побори борящія ны!

I.

Ходятъ вокругъ насъ и надъ нами грозныя тучи гнѣва Божія, а мы спимъ себѣ спокойно... Или—нѣтъ: мы тревожно мечемся, слыша громы небесные, видя пока издали сверкающія молніи, но безпомощно опускаемъ руки, ибо привыкли жить каждый подъ виноградной лозой своею и подъ своею смоковницей,—подъ сѣнію старыхъ законовъ. Привыкли, чтобы насъ опекало и оберегало правительство, какъ малыхъ дѣтей, а теперь, когда намъ сказали: „вы стали большими, пора вамъ самимъ о себѣ заботиться“,—мы не знаемъ даже: какъ быть, что дѣлать?..

Въ самомъ дѣлѣ, научите, добрые люди, что намъ дѣлать? Съ каждымъ днемъ становится все тяжелѣе жить, атмосфера жизни наполняется какимъ-то удушливымъ смрадомъ—простите мнѣ несовсѣмъ литературное выраженіе—не умѣю слова другого найти—смрадомъ спеціальной жидовщины, издѣвательства, притомъ, положительно, систематическаго, надъ всѣмъ, что намъ дорого, что намъ священно: насъ прямо изводятъ, отравляютъ какимъ-то медленнымъ, но тѣмъ не менѣе мучительнымъ ядомъ, день за день, капля по каплѣ, на каждомъ шагу, и въ книгахъ, и въ газетныхъ листахъ, и въ рекламахъ, и на разныхъ лекціяхъ, и на сценѣ, и якобы въ художественныхъ произведеніяхъ... Поистинѣ, мы можемъ буквально повторить слова Псалмопѣвца: *„Весь день поношаху мя врази мои, обыдоша мя, яко пси мнози... Суди, Господи, обидящія мя!*

А тучи Божіи идутъ на насъ и идутъ, и все ближе къ намъ и ближе... А враги наши какъ будто вы-

зываютъ въ безуміи своемъ Господа Бога на бой: такъ открыто, богохульно выступаютъ они...

Иной разъ думаешь: не мелочи ли все это, стоитъ ли обращать такое вниманіе на какую-либо газетную выходку?

Однако же, можно ли шутить, можно ли равнодушно говорить о томъ, что широкою волною отравляетъ и всю нашу интеллигенцію, и далѣе весь народъ?.. Не грѣшно ли?..

Вотъ вамъ факты за послѣднее время.

Получаю съ почты посылку, вскрываю — реклама папиросныхъ гильзъ фабрики „Катыкъ“ (вѣроятно—жидовская фамилія!), но какая реклама! На картонѣ наклеена фотографія съ картины извѣстнаго художника-безбожника, профессора Ге—„Голгоѳа“... И сама по себѣ картина эта, по меньшей мѣрѣ, неприлична: Хрістосъ Спаситель изображенъ на ней въ состояніи какого-то отчаянія, будто рветъ на себѣ волосы, а воины какъ будто угощаютъ Его есмирнисменомъ... А вверху серебромъ или аллюминіемъ вытиснуто огромными буквами: „гильзы Катыка“!...

Вотъ — Сытинскій календарь на 1913-й годъ. На 68 страницѣ— масса мелкихъ рисунковъ въ одной общей цинкографіи. Но присмотритесь: въ срединѣ храмъ Марѳо-Маріинской обители, построенной Великою Княгиней-подвижницей Елисаветою Ѳеодоровной, немного пониже сама она, а по сторонамъ, нѣсколько выше— „уволенный“— такъ и подписано: „уволенный“ профессоръ кіевской дух. академіи Экземплярскій, и тоже „уволенный“ профессоръ Томскаго университета Обручевъ... Ниже — рисунки: „забастовка англійскихъ углекоповъ“, „къ Ленскимъ событіямъ“ и под... Какъ вамъ понравится такое сосѣдство для царственной подвижницы?! Но этого мало: внизу, въ текстѣ, „Лѣтопись событій“: Іюль. 4. Быстрое развитіе анархіи въ Персіи. 8. Въ Чехіи кровавое столкновеніе между чехами и нѣмцами. Албанское возстаніе. 9. Бастуютъ рабочіе въ Барри. 13. Учредит. собраніе упразднило всѣ португальскіе ордена. 27. Въ Лондонѣ бастуютъ извозчики. РОССІЯ. 2. Закрыто еврейское литературное общество. 15. Мин. Нар. просвѣщ. исключены всѣ слушательницы СПБ. Медицинскаго института, въ Томскѣ уволено 375 студ. технолог., 100 изъ нихъ выслано администр. изъ Томска... Августъ. 2. Стачка 100,000 рабочихъ въ Ливерпулѣ ознаменовалась кровавыми столкновеніями. 4. Въ Англіи объявлена всеобщая ж. д. забастовка. 9. Въ Дублинѣ забастовка газетчиковъ. 28. Въ Бильбао и Миресѣ бастуютъ рабочіе метал. издѣлій. РОССІЯ. 12. Забастовка команды всѣхъ пароходовъ черноморскаго русскаго общ. и т. д. и т. д.

Это—новый своего рода календарь-мѣсяцесловъ революціи! Я не смотрѣлъ дальше, какіе перлы имѣются въ этомъ календарѣ, издаваемомъ въ милліонахъ экземпляровъ г. Сытинымъ: воображаю, какія тамъ прелести имѣются!..

Объявленіе въ газетахъ:

Продаются новыя пластинки для граммофона:

1. Народъ у памятника Гоголя.
2. Бродяга.
3. Арія Зорики. Куплетъ Симона.
4. *Кондакъ Николаю Чудотворцу. Не имамы иныя помощи.*
5. Вѣрная манерная. Валенки. Смѣхъ.

Какъ вамъ покажется это сосѣдство кондака Николаю Чудотворцу и трогательнаго тропаря Богомате-

ри съ аріями и пѣсенками? Право же, невольно думаешь: жиду захотѣлось лишній разъ уколоть наше религіозное чувство, и вотъ онъ всячески профанируетъ все, что для насъ такъ дорого и свято!

Появились новыя, юбилейныя почтовыя марки. Прекрасные портреты нашихъ возлюбленныхъ Государей. Но подъ ними подписи: Императоръ Николай II—7 коп., Александръ III—3 коп., притомъ цвѣтъ ярко-красный, Александръ II—2 к., а Петръ I—1, только 1 копѣйка! Не дорого же расцѣнили изобрѣтатели марокъ нашихъ, благоговѣйно чтимыхъ народомъ Государей! Этого мало: сіи царскіе портреты обязательно пачкаются почтовымъ штемпелемъ, какъ будто ради вящшаго надъ ними поруганія!

Я получаю много писемъ съ негодованіемъ на эти новшества въ почтовомъ вѣдомствѣ; газеты патріотическаго направленія взываютъ къ власть имущимъ, находятся патріоты почтовые чиновники, отказывающіеся штемпелевать такія марки, „Земщина“ даже указываетъ на прямой законъ, угрожающій каторгою за поруганіе Царскихъ изображеній... Никому дѣла нѣтъ!.. Мало того: въ тѣхъ сферахъ, коимъ бы наипаче надлежало обратить вниманіе на это негодованіе русскихъ людей, говорятъ, благомыслящіе люди прямо ставили вопросъ: не слѣдуетъ ли изъять неудачныя марки изъ употребленія теперь же, пока ихъ мало разошлось, но... „Такъ, видите ли за границей“, притомъ затрачены-де деньги на печатаніе марокъ и не стоитъ-де обращать вниманія на всякое заявленіе черносотенцевъ... И марки остались, и священные для насъ Царскіе лики будутъ пачкаться штемпелемъ, а чиновники, отказывающіеся исполнять сію непріятную операцію,— чего добраго — будутъ увольняемы со службы... Не говоря о всемъ прочемъ, спросимъ только: на Руси ли мы живемъ? Или уже пришелъ жидъ и покорилъ наше царство?..

Въ приложеніи къ „Русскому (вѣрнѣе—къ іудейскому) Слову“ помѣщенъ моментальный снимокъ съ крестнаго хода, когда новый Московскій Митрополитъ вступалъ въ Кремль. Снимокъ вышелъ удачный, и изображеніе святителя напомнило многимъ Митрополита Филарета, предъ именемъ котораго благоговѣетъ Москва. Но что же сдѣлали издатели съ симъ изображеніемъ Первосвятителя Московскаго Макарія? Они помѣстили въ нижней части страницы, какъ разъ подъ самымъ изображеніемъ митрополита... простите, читатели! — голую натурщицу... Такъ и подписано: „натурщица Смирновъ“. (Sic)...

Да вѣдь, это — издѣвательство надъ святителемъ!

Но, видно, редакціи это-то и нужно...

Рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобъ не получить вырѣзки изъ газетъ, глубоко оскорбляющей религіозное или патріотическое чувство, и опять скажу: никому до сего будто и дѣла нѣтъ...

Или гдѣ-то рѣшено отдать Россію на съѣденіе жидамъ? Но, вѣдь, живъ Господь и жива русская православная душа: этому не бывать!

II.

Мутная, ядовитая волна, отравляющая православный Русскій народъ, какъ извѣстно, не ограничивается печатью. Всѣ зрѣлища, всѣ кинематографы и подобныя учрежденія служатъ той же цѣли. Ѣдешь по Невской столицѣ вечеромъ—въ рѣдкомъ домѣ на Невскомъ проспектѣ не красуется вывѣска, огнен-

ными электрическими буквами заманивающая на эти зрѣлища. То, что въ столицѣ еще прикрывается иногда нѣкоторымъ видомъ приличія, или же не такъ бросается въ глаза въ массѣ всевозможныхъ впечатлѣній, то въ провинціи, въ малыхъ городкахъ, уже прямо рѣжетъ глаза. Въ 1904 году, въ Сергіевомъ посадѣ хотѣли поставить, прямо противъ святой обители преподобнаго Сергія, на противоположной горѣ—театръ... Да, театръ, хотя и называли его тогда „народнымъ домомъ", но кто же не знаетъ, что такое народные дома, даже въ столицахъ, а о провинціи и говорить нечего? Да и на самомъ дѣлѣ, былъ проектированъ настоящій театръ: пишущій эти строки видѣлъ и планъ, въ которомъ центральное мѣсто зданія было отведено зрительному залу, со сценой и фойе, и если бы самъ Преподобный не воспрепятствовалъ сему осквернѣнію мѣста его подвиговъ, если бы власти монастырскія не узнали случайно эту затѣю заправилъ посадскихъ и не запротестовали бы (дѣло велось въ такой тайнѣ, что было уже направлено въ Петербургъ, съ планомъ и смѣтою, въ глубокомъ секретѣ отъ лаврскихъ властей), то и гремѣла бы музыка противъ самой святой обители, и шла бы тамъ бѣсовская всенощная одновременно съ всенощною лаврскою, и блазнились бы притекающіе къ угоднику Божію со всѣхъ концовъ Руси богомольцы, глубоко оскорбляемые въ своихъ благоговѣйныхъ чувствахъ... Слава Богу: благодаря протесту ревнителя вѣры, московскаго первосвятителя, которому доложено было о готовящемся беззаконіи (иначе назвать не умѣю!), соблазнъ былъ предотвращенъ.

Но успокоится ли врагъ рода человѣческаго, хотя бы и не удалось ему внести этотъ соблазнъ? Если не попустилъ Преподобный быть соблазну постоянному, то врагъ вноситъ его и—вѣроятно—будетъ вносить и въ это святое мѣсто, отъ времени до времени... Вотъ вамъ примѣръ.

Хотя прошло уже девять лѣтъ, какъ меня разлучили съ моею родною лаврою, но я не перестаю считать себя троицкимъ инокомъ и пользуюсь всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ подышать ея святымъ воздухомъ, чтобъ провести въ ней нѣсколько дней и отдохнуть усталою душою. Поѣхалъ я туда и на праздники Рождества Хрістова. Наканунѣ праздника приносятъ мнѣ расклеенную на столбахъ по всему посаду афишу, которая, между прочимъ, гласитъ, что на третій день праздника, „въ залѣ общественнаго собранія", слѣдовательно: не въ частномъ домѣ, а въ городскомъ учрежденіи, въ родѣ городскаго клуба, „отъ Совѣта старшинъ" (какихъ же это? Вѣроятно, старшинъ этого собранія? Что-то безграмотно)... представлено будетъ... обстановочная пьеса (представлено—пьеса—какъ видите, тоже очень грамотно) ...такая-то. Дѣйствіе третіе: „У вратъ обители"—Чтый да разумѣетъ!...—По окончаніи спектакля, большой танцевальный вечеръ. Ну чтожъ? Это, конечно, не новость и въ той веси, которая пріютилась, по выраженію Митрополита Филарета, у вратъ обители Сергіевой и питается отъ крупицъ, падающихъ отъ его трапезы: вѣдь, несмотря на двухвѣковые протесты православной Церкви, осуждающей танцы, какъ дѣло недостойное для хрістіанина, танцы получили право гражданства, и теперь танцуютъ, проще говоря—пляшутъ, даже жены и дочери батюшекъ... Приходится мириться, хочешь-не-хочешь, съ танцами и у вратъ обители преподобнаго Сергія.

Но врагу рода человѣческаго и этого мало: на афишѣ стоитъ, какъ гвоздь этого плясоваго вечера—„САТАНИНСКІЙ ТАНЕЦЪ—ТАРАНТЕЛЛА“, и притомъ „при участіи публики“...

Не утерпѣлъ я, грѣшный: въ самый праздникъ, вышелъ, предъ молебномъ, и сказалъ слово... Характеризуя беззаконія нашего времени и сравнивая ихъ съ грѣхами нашихъ предковъ, которые были наказаны нашествіемъ Галловъ и двадесяти языковъ, я сказалъ, что грѣхи нашихъ предковъ представляютъ собою только дѣтскія шалости въ сравненіи съ беззаконіями нашего времени, а въ примѣръ, между прочимъ, указалъ и на этотъ предположенный танцевальный вечеръ съ его „сатанинскимъ танцемъ“. Съ горечью въ сердцѣ я указалъ слушателямъ, какъ все это глубоко оскорбляетъ угодника Божія, сказалъ, что онъ будетъ свидѣтелемъ и обвинителемъ предъ Богомъ всѣхъ тѣхъ, кто приметъ участіе въ такомъ танцѣ и призывалъ слушателей къ покаянной молитвѣ...

Не знаю, послушалъ-ли кто меня. Но ужъ это—не мое дѣло. Я, кажется, исполнилъ мой долгъ. И если хоть одна душа не пошла на сатанинскій танецъ, я и за то поблагодарю Бога.

А, вѣдь, это творится по всей Руси! Это проникаетъ въ большія села. Это отравляетъ особенно тамъ, гдѣ есть фабрики и заводы...

А что такое эти всевозможныя публичныя чтенія? Я уже не говорю о якобы-научныхъ лекціяхъ разныхъ іудеевъ и іудействующихъ профессоровъ: тамъ ведется открытая лженаучная борьба противъ вѣры Хрістовой, противъ Божественнаго Откровенія. Но вотъ, кажется религіозное, собраніе, устроенное баптистами, якобы съ религіозною цѣлью въ петербургскомъ Тенишевскомъ залѣ, на Моховой. Что-жъ? Собрались баптисты помолиться. Дѣло не худое, хотя странно: о семъ, якобы молитвенномъ, собраніи оповѣстили чуть-ли не въ газетахъ, устроили его открытымъ, собрали публику... Сидѣли чинно за столомъ, закрывали лицо руками, опускали головы, становились на колѣна. Пѣли какіе-то свои стихи... Затѣмъ вышелъ на возвышеніе именуемый „братъ“ и повелъ рѣчь ломанымъ русскимъ языкомъ, перевирая окончанія, съ іудейскимъ акцентомъ, съ Евангеліемъ въ рукахъ... О чемъ же онъ говорилъ? А вотъ, что пишетъ бывшій на этомъ собраніи сотрудникъ „Новаго Времени“:

„Мы услыхали, что Моусей былъ обыкновенный человѣкъ, даже злой, мстительный и трусъ, такъ какъ, убивъ египетскаго мальчика, бѣжалъ, что онъ былъ очень приверженъ къ своему племени, „былъ, такъ сказать, національнистъ“, иронически замѣтилъ „братъ“. Но все это не помѣшало Богу дать чрезъ Моусея законъ людямъ... Мы узнали, что Хрістосъ ничего людямъ новаго не далъ, что онъ повторялъ все, что до Него было извѣстно; но чрезъ Него Богъ все-таки далъ благодать людямъ. Итакъ, по словамъ баптиста, какъ Моусей, такъ и Хрістосъ были одинаково обыкновенные люди, при чемъ одинъ изъ нихъ, Моусей, былъ даже дурной человѣкъ, что эти два человѣка одинаково послужили людямъ. Мы вполнѣ должны были усвоить, говоритъ сотрудникъ газеты, что Хрістосъ—не Богъ“...

„А въ числѣ слушателей были: прислуги, магазинныя продавщицы, мелкіе купцы или лавочники, курсистки, дѣвочки-подростки съ распущенными косами, ученики сред-

нихъ учебныхъ заведеній и люди, повидимому, принадлежавшіе къ чиновному міру"...

„Оказалось, въ заключеніе, что проповѣдникъ былъ, дѣйствительно, іудей, выкрещенный по баптистскому обряду".

Даже сотрудникъ „Н. Времени", газеты не особенно отстаивающей наши идеалы, съ негодованіемъ спрашиваетъ: „зачѣмъ и при чемъ тутъ эта публика, состоящая изъ „малыхъ сихъ", мятущихся душою, желающихъ, быть можетъ, разобраться въ своихъ сомнѣніяхъ, ищущихъ свѣта и успокоенія? Что они тутъ найдутъ, гдѣ провозглашается, что Хрістосъ—обыкновенный человѣкъ? Что они получатъ отъ этой рисовки, поддѣлки подъ искренность, отъ этихъ рѣчей, въ коихъ чувствуется гордость и отсутствіе искренняго смиренія?."

А все это—допускается, на все это смотрятъ спокойно, какъ на явленіе, самое нормальное въ православной столицѣ... Да въ столицѣ ли только?...

III.

И хочется крикнуть власть имущимъ: гг. министры, гг. законосоставители, стражи народа и законовъ блюстители! Если вы желали блага родному народу, широко раскрывая двери разнымъ свободамъ, то вы глубоко ошиблись: ни народъ нашъ, ни въ особенности наша такъ называемая интеллигенція, вовсе не созрѣли еще для этихъ свободъ. Да оно и понятно. Вѣдь, если въ препрославленной Финляндіи, какъ говорятъ, воровство—неслыханное дѣло, если тамъ, въ одной гостиницѣ слуга на мой вопросъ: гдѣ же ключъ отъ номера?—гордо отвѣтилъ: „у насъ не Россія! Будьте спокойны, никто ничего не возьметъ",—такъ, вѣдь, эта пресловутая, горделивая, нехрістіанская честность тамъ воспитана драконовыми законами, которые за воровство карали отсѣченіемъ руки... А у насъ такихъ законовъ не было, и хорошо, что не было, но были законы, которые карали вора каторжнымъ трудомъ, а не сажали его на казенные хлѣбы въ палаты, именуемыя тюрьмами, какъ это повелось теперь... Съ такими законами народа не перевоспитаешь, а вы ему дали еще всяческія свободы... Вотъ и пользуются этими свободами іудеи, изъ всего, даже изъ самаго развращенія народа, извлекая себѣ гешефтъ, а наша интеллигенція, какъ несмыслящій ребенокъ, идетъ къ нимъ навстрѣчу и отдаетъ себя и народъ нашъ на развращеніе нравственное... Смотрите: въ какихъ понятіяхъ растетъ грядущее на смѣну намъ поколѣніе! Мы еще живемъ тѣмъ запасомъ, какой намъ отцы наши скопили: вотъ растратимъ его,—и тогда что?... Сойдемъ въ могилу, а чѣмъ дѣти будутъ жить? Чѣмъ наша матушка Россія будетъ свою исторію продолжать?... Жидъ расхититъ всѣ сокровища народной души; онъ отравитъ эту душу; онъ превратитъ нашихъ дѣтей и внуковъ въ рабочій для себя скотъ и будетъ пить его кровь... Думаете-ли вы объ этомъ, отцы отечества?... Или миражъ свободъ такъ отуманилъ ваши умы, что вы не видите этой опасности? Оглянитесь назадъ и присмотритесь пристальнѣе на протекшія пять—семь лѣтъ; всмотритесь повнимательнѣе, что сталось за эти годы съ нашею Русью; сравните ее съ Русью—ну, хоть за двадцать лѣтъ назадъ: что было и что стало съ нею! Въ вашихъ рукахъ, напримѣръ, статистическіе матеріалы: какъ страшно возросла преступность! Какіе появились новые виды этой преступ-

ности, въ старые годы почти неслыханные! Что творится въ учебныхъ заведеніяхъ? Во что они превратились—даже духовныя! Кого они готовятъ грядущей Руси? А пьянство! Милліардъ пропиваетъ Русь, милліоны гибнутъ отъ этой страсти, никакая война, никакая чума столько не похищаетъ людей, какъ водка, а ея исчадіе-вырожденіе народа?... Вы, на верхахъ стоящіе, сами знаете, какъ мало теперь даетъ богатырей нашъ народъ при наборѣ войскъ. Приходится понижать требованія въ размѣрѣ груди, ростѣ и под. Не страшно ли все это? Пьянство развращаетъ народъ физически, печать и пресловутыя свободы, поблажки въ судахъ—нравственно, жидовская агитація—политически. Стражи народные! Ужели тамъ, на верхахъ, вамъ этого не видно? Казалось бы: съ вышки больше простора видѣть все, что творится внизу, на Руси... Намъ, Богомъ поставленнымъ выше другихъ, выше массы народной, грѣшно себя обманывать. Вѣдь, Богу надо будетъ за все отвѣчать. Грозенъ судъ Божій на народныхъ вождей! Да и исторія свое нелицепріятное слово скажетъ. Благословенія или проклятія потомковъ лягутъ на нашу память—и объ этомъ надо бы подумать! Знаю, среди васъ есть и Бога боящіеся, и Церковь мать чтущіе, й народъ родной любящіе. Имѣйте мужество взглянуть прямо въ глаза страшной опасности! Имѣйте мужество открыто, прямо, не страшась іудеевъ, признать эту опасность. Признать и не полумѣры, только усыпляющія народную совѣсть, принять, а рѣшительно, твердо, безстрашно и открыто, съ достойною русскаго православнаго человѣка прямолинейностью, повернуть руль русской жизни вправо, не обращая никакого вниманія на вопли іудейскіе, на ихъ угрозы, терроръ,—вѣдь умирать то когда-нибудь надобно: не лучше-ли умереть, если Богъ попуститъ, съ честью, мученически, съ благословеніями народа, чѣмъ быть трусами и предателями вѣры и Руси родной?... И посмотрите, какой свѣтлый праздникъ будетъ на Руси въ тотъ благословенный день, когда она будетъ освобождена отъ этого проклятаго тумана безпочвеннаго, чисто масонскаго либерализма, этихъ лжесвободъ, порабощающихъ душу народную жидамъ, отъ всѣхъ этихъ бредней, навѣянныхъ іудеями и ихъ приспѣшниками—предателями родной земли! О, это будетъ воистину свѣтлый праздникъ воскресенія Руси родной, свѣтлый день Хрістовъ, день радости не только православныхъ русскихъ людей, нынѣ томящихся тоскою безотрадной, но и всѣхъ нашихъ предковъ, къ Богу отшедшихъ: вѣдь, мы ихъ завѣты вспомнимъ тогда, и они съ какою радостью Богу за васъ помолятся! Это будетъ праздникъ куда радостнѣе, свѣтлѣе, плодотворнѣе, чѣмъ 19-е февраля, чѣмъ 22 октября, чѣмъ даже тотъ день, когда получено было на Руси извѣстіе о взятіи Парижа и плѣнѣ Наполеоновомъ! Возрадуется тогда на небесахъ и праведная душа Царя-Миротворца, за молитвы котораго Господь вернетъ Россіи и то величіе, какое имѣла она подъ его державнымъ скипетромъ...

И какое это было бы достославное воистину юбилейное дѣяніе въ память трехсотлѣтія благословеннаго Дома Романовыхъ! Воистину это было бы возвращеніемъ Руси домой, къ роднымъ завѣтамъ нашей исторіи, ея воскресеніемъ! Нельзя насиловать народную душу, воспитанную въ тысячелѣтнемъ послушаніи Церкви православной!

Нельзя безнаказано искажать ея завѣтные идеалы, подмѣнивать ея міросозерцаніе, уродовать ея міровоззрѣніе! Что-нибудь одно: или народъ, потерявъ свой обликъ, обратится въ безличное животное, чего такъ и хотѣлось бы жидамъ, или же онъ, пробудившись отъ чаръ разныхъ свободъ, во имя истинной свободы разорветъ всѣ путы однимъ могучимъ порывомъ богатыря и тогда... Горе всѣмъ врагамъ Россіи! Горе и тѣмъ, кто стоялъ на стражѣ, но не дѣлалъ своего дѣла!

Время идетъ. Исторія не ждетъ. Ждетъ только Господь нашего покаянія. Ждетъ, давно ждетъ, душою изнываетъ настоящій русскій народъ. Онъ зорко присматривается ко всѣмъ нашимъ ошибкамъ и глубоко вздыхаетъ... При первомъ проявленіи добрыхъ для него знаменій онъ готовъ воспрянуть духомъ и пойти навстрѣчу тѣмъ, кто пойметъ его горе, его заботы, его идеалы.... Народъ нашъ—это младенецъ-богатырь: онъ младенецъ въ смыслѣ внѣшней культуры, умственнаго, научнаго развитія, но онъ—богатырь духа, усвоившій, въ свое сердце воспріявшій культуру духа, евангельскіе завѣты—такъ, какъ, можетъ быть, не воспринялъ ихъ ни одинъ народъ въ мірѣ. Скажите: какой народъ способенъ давать хрістіанскому міру такихъ подвижниковъ духа, какъ Серафимъ Саровскій, такихъ пастырей, какъ Іоаннъ Кронштадтскій, такихъ духовныхъ старцевъ - руководителей, какъ Амвросій Оптинскій, такихъ богослововъ, какъ Филаретъ Московскій?... Хрістіанскій міръ Запада, столь хвалящійся своею культурою, далъ міру великихъ естествоиспытателей, политиковъ, философовъ-мыслителей, но не далъ такихъ смиренныхъ сердцемъ и великихъ духомъ мужей, какихъ, милостію Божіей, родитъ наша родная Русь православная, нашъ „богоносецъ“—народъ. У этого народа есть чему поучиться и намъ, мнящимся быти его руководителями, поучиться, хотя бы, тому глубокому смиренію, съ какимъ онъ принимаетъ скорби, какъ милости Божіи, поучиться простотѣ дѣтской вѣры, творящей чудеса у родныхъ святынь, смиренной, воистину хрістіанской, любви, даже ко врагамъ своимъ, даже къ преступникамъ, въ которыхъ онъ видитъ только людей несчастныхъ. Поймите этотъ народъ, смиритесь духомъ предъ его завѣтными идеалами, полюбите его, станьте русскими въ душѣ, защитите этого младенца-богатыря отъ обижающихъ его, отъ постоянно оскорбляющихъ его религіозныя и патріотическія чувства, прогоните, не подпускайте къ нему близко всѣхъ этихъ расхитителей его духовныхъ сокровищъ и—чудо совершится! Слейтесь съ нимъ во едино духомъ и не будетъ въ мірѣ народа, сильнѣе Русскаго православнаго! Глубоко понималъ это великій въ своемъ царственномъ смиреніи Государь - Миротворецъ Александръ III-й и всѣмъ сердцемъ стремился къ единенію съ народомъ въ его духѣ, въ его идеалахъ, но увы!—былъ одинокъ, почти одинокъ въ осуществленіи этого великаго своего стремленія и—утомленный непосильною работою, ушелъ прежде времени къ Отцу небесному молиться за родную, дорогую ему Русь... Съ какою любовью взиралъ на него народъ! Съ какими рыданіями провожалъ его въ могилу! Весь міръ былъ потрясенъ зрѣлищемъ этой безконечной любви народной къ своему Царю-Батюшкѣ, весь міръ невольно выражалъ сочувствіе осиротѣвшему народу. Но, вѣдь, и Сынъ носитъ въ Своемъ Царственномъ сердцѣ завѣты вели-

каго Отца: и Онъ такъ же горячо любитъ родную Церковь, любитъ Свой народъ, готовъ для него на всякій подвигъ. Объединитесь же около сердца Царева, поймите Его царскія думы, Его свѣтлыя, чисторусскія стремленія, будьте беззавѣтно преданными Ему сотрудниками въ великомъ дѣлѣ созиданія и устроенія родной земли по роднымъ ея идеаламъ!

IV.

Пишу я эти строки, а самъ думаю: да попадутъ-ли онѣ на глаза тѣмъ, къ кому я обращаюсь? А если и попадутъ, то дочитаютъ ли ихъ до конца? Не будетъ ли мой голосъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ? Не скажутъ ли: „слыхали мы все это, но напрасно авторъ обольщаетъ себя и другихъ мыслію, будто нашъ народъ—какой-то избранникъ Божій среди народовъ земныхъ: онъ такой же народъ, какъ и всѣ европейскіе народы, только отъ другихъ отсталъ, а потому и долженъ итти по общему съ ними пути цивилизаціи, науки и культуры. Да и не смиренно было бы даже, съ хрістіанской точки зрѣнія, считать себя народомъ—избранникомъ: это походило бы ужъ на мечты тѣхъ же іудеевъ, которыхъ авторъ такъ жестоко осуждаетъ“.

Такъ можетъ говорить только тотъ, кто не вѣритъ въ истину нашего Православія и въ Божій Промыслъ, управляющій судьбами народовъ земныхъ. Мы, православные люди, вѣруемъ, что все человѣчество призывается Богомъ ко спасенію, что вѣчно-блаженная жизнь ожидаетъ спасаемыхъ не здѣсь на землѣ, а въ будущемъ царствѣ славы Хрістовой, когда будетъ новое небо и новая земля, послѣ обновленія міра, по второмъ пришествіи Господа нашего на землю, вѣруемъ, что спасеніе для людей возможно только въ нѣдрахъ Хрістовой Церкви, что Церковь, какъ носительница, хранительница и провозвѣстительница Хрістовой истины—одна, какъ и самая истина—одна, и сія истина, вѣруемъ, именно въ нашемъ родномъ православномъ исповѣданіи, въ православной нашей Церкви-матери. Люди живутъ на землѣ вовсе не для того, чтобы коптить небо своими грѣхами, а для того, чтобы самимъ готовиться на небо. А чтобы итти на небо—надобно знать пути, туда ведущіе. И сіи пути—въ Церкви Божіей, въ Церкви православной, въ ея ученіи, въ ея таинствахъ, въ ея руководственныхъ указаніяхъ въ жизни духовной. Если бы люди, увѣровавшіе во Хріста, сохранили единство вѣры, если бы не внесли они своихъ человѣческихъ мудрованій въ чистую истину Божію, то не было бы среди хрістіанъ и дѣленій на мнимыя церкви, секты, еретическія сообщества. Къ несчастью, это случилось. Хитонъ Хрістовъ раздранъ ересями и расколами, испачканъ сектантскими лжемудрованіями. Вотъ почему Господь и избираетъ изъ народовъ земныхъ вѣрныхъ хранителей и провозвѣстниковъ Своей Божественной истины. Такимъ и былъ въ ветхомъ завѣтѣ народъ еврейскій. Но онъ не принялъ Хріста, воплощенную истину, и за то отвергнутъ Богомъ, и вмѣсто народа избраннаго сталъ отверженнымъ, вмѣсто благословеннаго—сталъ проклятымъ, ибо самъ на себя призвалъ эту клятву, когда кричалъ Пилату: кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ! Вмѣсто евреевъ избраны народы европейскіе, греки и римляне. Прошла тысяча лѣтъ, западные хрістіане увлеклись мечтами римскаго папы о всемірномъ владычествѣ, исказили испо-

вѣданіе вѣры, внесли новшества въ ученіе вѣры и отпали отъ единства Церкви. Тогда Богъ избралъ на ихъ мѣсто, въ полноту Церкви Божіей, народы славянскіе и особенно нашу Русь, просвѣтивъ ее православною вѣрою. И стала она, вмѣстѣ съ народомъ греческимъ и православными славянами, носительницею и хранительницею Православія въ средѣ народовъ земныхъ. И стала избраннымъ народомъ Божіимъ. Не съ тщеславіемъ, не въ духѣ гордыни исповѣдуемъ мы сію истину: со страхомъ исповѣдуемъ Божіе избраніе и боимся, какъ бы не потерять его, какъ бы надъ нами не исполнилась угроза Хріста Спасителя, изреченная нѣкогда народу еврейскому и столь страшно приведенная надъ нимъ въ исполненіе: *се оставляется домъ вашъ пустъ...* (Мѳ. 23, 38). *Глаголю вамъ: яко отъимется отъ васъ царствіе Божіе и дастся языку, творящему плоды его!* (Мѳ. 21, 43). Вотъ какъ мы дорожимъ нашимъ святымъ православіемъ, а не тщеславимся, не хвалимся имъ, какъ Божіи избранники. Мы боимся, какъ бы не оказаться недостойными хранителями сокровища сего, какъ бы не быть народу Русскому тѣмъ рабомъ непотребнымъ, который не пустилъ въ оборотъ довѣреннаго ему отъ господина таланта и закопалъ его въ землю, тѣмъ хуже—не расточилъ бы его на свои эгоистическія, земныя потребности... Мы вѣруемъ въ призваніе нашего народа блюсти во всей чистотѣ и непорушной цѣлости святое Православіе, притомъ не для себя только, нѣтъ, а для всего міра, для всѣхъ народовъ земныхъ, для каждаго человѣка, кто хочетъ обрѣсти вѣчную жизнь. Мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что въ дѣлѣ вѣры нельзя хромать на оба колѣна: служить Богу и мамонѣ, одну половину сердца отдавать Хрісту, а другую врагу Его—веліару... Если государственная власть признаетъ вѣру православную единою истинною вѣрой, если она сознаетъ все великое значеніе сей вѣры въ государственной жизни и строеніи, если видитъ въ православіи духовную основу русской народности, народнаго міросозерцанія, опору всѣхъ устоевъ государства, — а все это власть *должна* признавать, видѣть и понимать,—то можетъ ли она допускать подрывъ вѣры, подкопъ подъ нее разныхъ ересей и лжеученій, разрушеніе ими сей вѣры въ массѣ младенчествующаго умомъ народа, не расшатывая въ то же время своихъ собственныхъ основъ? Во имя чего она должна бы все это допускать? Во имя какихъ-то отвлеченныхъ теорій, въ принципѣ не признающихъ различія между вѣчнымъ благомъ и вѣчной погибелью? Но такъ свойственно разсуждать только масонамъ, этимъ вѣчнымъ врагамъ Хрістова ученія. Во имя какой-то выдуманной свободы совѣсти? Но ея не можетъ быть хотя бы уже потому, что совѣсть есть сокровенный судія помышленій и поступковъ человѣческихъ, есть внутренній законъ, который, какъ законъ, самъ себя связываетъ, ограничиваетъ но никѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть ограниченъ: примѣръ — святыя мученики... Затѣмъ: какая совѣсть? Бываетъ совѣсть и щепетильная, скрупулезная, бываетъ и сожженная... Такъ какой же дать свободу? Совѣсть еретика, сектанта, раскольника позволяетъ всѣхъ совращать въ свои секты, ереси, расколы православныхъ; совѣсть іудея дозволяетъ ему отравлять, убивать хрістіанина, какъ животнаго, совѣсть вора—воровать и т. д.

Ужъ не давать ли свободы всѣмъ этимъ совѣстямъ? Скажутъ: рѣчь идетъ только о вѣрѣ. Но расхищать сокровище вѣры, окрадывать русскую душу, искажать эту прекрасную душу по подобію нѣмца-штундиста—да ужели можетъ все это допустить Государственная власть, сама признающая православную вѣру своею основою, основою бытія Россійскаго государства? Вѣдь, это было бы измѣною своему назначенію! Въ сущности, этимъ государственная власть упразднила бы сама себя. Что пользы въ томъ, если она будетъ ограждать только имущество подданныхъ Русскаго государства отъ воровъ и разбойниковъ, а душу народную отдастъ на расхищеніе и духовное убійство? Мы не требуемъ казней для пропагандистовъ-еретиковъ; мы требуемъ только строгаго имъ воспрещенія пропаганды, подъ угрозою ощутительнаго для нихъ наказанія, хотя бы безпощадными штрафами и удаленіемъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они пытаются свить себѣ гнѣздо. Мы умоляемъ правительство, чтобъ оно оградило дѣтей нашихъ и простецовъ изъ народа отъ того духовнаго разврата, какой вносится іудейской необузданной, безсовѣстной печатью, развращающими зрѣлищами, разными кинематографами и под. Мы умоляемъ принять мѣры къ сокращенію пьянства... Пожалѣйте народъ, не навязывайте ему насильно западныхъ правовыхъ теорій: онъ знаетъ одну теорію—Царь Отецъ народа, весь народъ—дѣти Царя, Царь любитъ дѣтей какъ родной отецъ, народъ беззавѣтно любитъ Царя какъ Отца, какъ Божія Помазанника. Что можетъ быть лучше, выше, святѣе этой теоріи? Будьте же и вы старшими дѣтьми Царя, Его вѣрными слугами, вѣрными и неизмѣнными Его помощниками въ Его святомъ дѣлѣ служенія царственнаго, въ Его отеческихъ заботахъ о народѣ... Бросьте негодныя для насъ, русскихъ людей, правовыя начала, разныя теоріи о равенствѣ, о свободахъ: полюбите народъ, какъ младшихъ братьевъ, поймите его духовныя нужды, и любовь подскажетъ вамъ, что нельзя давать ребенку игрушки, съ коими онъ обходиться не умѣетъ, нельзя открывать двери къ душѣ народной всѣмъ проходимцамъ, всѣмъ іудеямъ, иновѣрцамъ и инородцамъ, когда народъ еще не можетъ самъ дать имъ отпоръ, когда его надо еще научить беречь ввѣренное ему Богомъ сокровище вѣры православной и всего того, что завѣщали отцы наши, но чѣмъ — увы — мы такъ мало дорожимъ! Пощадите же народъ, не отдавайте на расхищеніе сокровищъ его души!

Вотъ наша мольба къ тѣмъ, кто власть имѣетъ, наша усерднѣйшая просьба всенародная къ нашему правительству.

Всего этого требуетъ отъ него исповѣдываемая имъ же святая вѣра православная. Довольно сдѣлокъ съ совѣстью въ нашихъ законахъ. „Аще есть Господь Богъ—истинный Богъ, то идите за Нимъ; аще же Ваалъ есть богъ, то идите за нимъ.“ (4. Цар. 18, 21). Вѣра Хрістова не терпитъ двоедушія: „поелику ты теплъ, а не горячъ, и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ,“ говоритъ Господь, въ Откровеніи Ангелу Лаодикійской Церкви (3, 16).

Гремятъ громы небесные, сверкаютъ молніи: проснитесь всѣ, кому дорога родная Русь, дорога вѣра православная: лучше умереть за эти святыни, чѣмъ видѣть поруганіе ихъ!...

Но зачѣмъ терять надежду!

Богъ поможетъ—и отстоимъ ихъ на радость родной земли!

161.

Объ апокрифической молитвѣ и легкоспасенцахъ.

Всколыхнулась русская жизнь и съ самаго дна ея выходятъ на поверхность такія ужасныя явленія, какъ хулиганство, развратъ въ его самыхъ отвратительныхъ формахъ, безсовѣстность въ житейскихъ, да и не въ однихъ житейскихъ, а и въ общественныхъ, и въ политическихъ отношеніяхъ. Но рядомъ съ этими мутными отстоями „дна“ русской жизни замѣтны явленія и иного порядка: чувствуются тоскливые отголоски какъ будто пробуждающейся совѣсти, слышится какъ будто вздохъ кающейся души... Но вотъ горе: и эти отголоски, эти вздохи души народной, надо сознаться въ этомъ, раньше насъ, пастырей, подслушалъ *кто-то*, кому нужно самое покаянное чувство народное направить на ложный путь и чрезъ то обмануть кающихся... Недавно я писалъ въ своихъ „Дневникахъ“, какъ враги Церкви подмѣтили въ средѣ нашей интеллигенціи нѣкоторую склонность къ такъ называемому мистицизму и стараются направить эти проблески духовнаго пробужденія въ сторону разныхъ мистическихъ лжеученій. Теперь множество писемъ, мною получаемыхъ, побуждаютъ меня обратить вниманіе моихъ читателей, особенно же пастырей, на другое явленіе, замѣчаемое въ низшихъ классахъ народа. Впрочемъ, тѣ, кому это нужно, не стѣсняются обращаться и къ интеллигентнымъ лицамъ съ своими непрошенными совѣтами. Беру одно изъ болѣе характерныхъ писемъ по сему поводу:

„Меня одолѣваетъ сомнѣніе и безпокойство... Получила я прилагаемое письмо, съ приглашеніемъ переписать *девять* разъ и разослать *девяти* лицамъ молитву, тутъ же помѣщенную... Это не въ первый разъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ такъ же точно разсылалась, но только съ требованіемъ *семи* списковъ, другая молитва, въ которой нѣсколько разъ упоминалась *кровь*... правда, съ прибавленіемъ словъ: *святая Христова кровь*.. Ради этой крови просили спасенія и благословенія. Сколько мнѣ помнится, тогда чуть ли не С. Синодъ заявилъ о ненадобности и даже вредѣ подобныхъ *анонимныхъ*, тайныхъ почтовыхъ пропагандъ молитвъ, невѣдомо кѣмъ выдуманныхъ. Теперешняя молитва гораздо короче. Въ ней, *повидимому*, нѣтъ ничего предосудительнаго, но мнѣ она кажется почему то подозрительной. Во-первыхъ, число *девять*—число *масонское*. Во-вторыхъ, упоминаніе о *всемъ человѣчествѣ* пахнетъ интернаціонализмомъ, не вяжущимся съ простымъ благочестіемъ. Въ-третьихъ, какое-то *внутреннее чувство* подсказываетъ, что есть *тайный смыслъ* въ словахъ, повидимому благочестивыхъ... Боюсь, не скрывается ли богохульство подъ видомъ молитвы. Конечно, Господь не осудитъ согрѣшившаго *по невѣдѣнію*. Не боюсь я и обѣщанныхъ за неисполненіе переписки злополучій. Господь прибѣжище мое: кого убоюся? Но, быть можетъ, слѣдовало бы предупредить *малыхъ сихъ*, не умѣющихъ думать собственными мыслями. Можетъ быть, духовный авторитетъ нуженъ въ данномъ случаѣ, какъ и духовное знаніе. Вотъ почему и смѣю безпокоить васъ, владыко. Посылаю вамъ оригиналъ, полученный мною. Можетъ быть, найдете нужнымъ написать предупрежденіе и совѣтъ—не поддаваться подобнымъ приглашеніямъ, позади которыхъ мнѣ почему-то *ясно чувствуется* масонская интрига... Быть

можетъ, желаніе заставить богохульствовать самихъ вѣрующихъ православныхъ людей. Злобное жидовство очень способно на подобную мысль, Быть можетъ, тутъ и еще цѣль: узнать, *кто и насколько* способенъ *поддаваться* внушенію... Словомъ, прошу вашего совѣта и указанія и остаюсь"...

Слѣдуетъ подпись и адресъ.

А вотъ и приложенное письмо:

„М. Г. Посылаю вамъ молитву, которая должна обойти кругомъ свѣта. Перепишите и увидите, что случится чудо. Сказано: кто эти молитвы перепишетъ въ теченіе двухъ дней 9-ти лицамъ, тотъ будетъ избавленъ отъ зла и на 4-й день получитъ радость, а кто оставитъ безъ вниманія, того постигнетъ несчастье. Не подписывайте своего имени, а только обозначьте число, когда получено письмо. Не прерывайте эту молитву, посылая которую девяти лицамъ, напишите все, что пишу вамъ. Я получила 25 января и отправила 26 января 1913 г." Затѣмъ слѣдуетъ молитва, которую привожу какъ образчикъ чисто-сектантскаго мышленія:

„О Господи! Я молю Тебя: благослови меня и все человѣчество, избави отъ зла и дай намъ пребывать съ Тобою. Аминь".

Вотъ и все!..

А если выкинуть это фарисейское „я молю Тебя", совсѣмъ ненужное въ столь краткой молитвѣ, то молитва будетъ еще короче.

О чемъ же проситъ молитва?

„Благослови меня и все человѣчество"...

Великое дѣло—Божіе благословеніе, но православная молитва прежде всего проситъ *помилованія*, ибо тогда Божіе благословеніе придетъ само собою. Авторъ какъ будто „все человѣчество" уже считаетъ помилованнымъ. А покаялось ли оно?... Не слышится въ этой молитвѣ духа покаяннаго... И что разумѣетъ авторъ подъ словомъ: „все человѣчество?" Ужели онъ дерзаетъ просить благословенія Божія всѣмъ еретикамъ, безбожникамъ и богохульникамъ? всѣмъ тѣмъ, которые отвращаются отъ Божія благословенія, бѣгутъ отъ лица Божія, погибая въ богоненавистничествѣ? Но не оскорбленіе ли Богу такая молитва? И простой іерей не благословитъ того, кто издѣвается надъ Божіимъ благословеніемъ... А это что за выраженіе: „дай намъ пребывать съ Тобою"? Какъ понимать его? Господь вездѣсущъ, значитъ не о томъ рѣчь.., О чемъ же? Это—секретъ автора, самочинно сочиняющаго молитвы для „всего свѣта"...

Но весь вредъ распространенія подобныхъ молитвъ не въ словахъ самой молитвы, а въ томъ наказѣ, какимъ она сопровождается. Въ этомъ наказѣ—и суевѣріе, и даже богохульство... Невѣдомый писака-сектантъ обязываетъ получившаго его молитву сейчасъ же, въ теченіе непремѣнно двухъ дней, написать девять копій молитвы и разослать девяти лицамъ, да еще смѣетъ пророчествовать и угрожать: если исполните его приказъ, то на 4-й,—непремѣнно на четвертый почему-то день - „получите радость, а кто оставитъ безъ вниманія, того постигнетъ, видите ли, несчастіе"... Это ужъ, какъ говорится, слишкомъ... заврался г. авторъ! Откуда онъ заручился такою властію—давать счастье или нагонять на людей несчастье однимъ своимъ полуграмотнымъ писаніемъ? И конечно, многіе православные получили эту апокрифическую молитву и не обратили на нее ни малѣйшаго вниманія; я получилъ ихъ съ десятокъ и съ негодованіемъ на автора за его наказъ разорвалъ и бросилъ въ кор-

зину, и, милостію Божіей, всѣ мы цѣлы и невредимы, и никакихъ несчастій съ нами не случилось. Да и не могло случиться, ибо мы вѣруемъ, что Господь милостивѣе автора молитвы и не станетъ, по его предписанію, раздавать счастье или карать насъ за неисполненіе его приказа, притомъ еще отзывающагося, какъ замѣчено въ вышеприведенномъ письмѣ, масонщиной—несчастіями... Справедливо говоритъ одинъ пастырь въ „Колоколѣ“, что „этотъ наказъ дѣлаетъ молитву „заговоромъ“, превращаетъ разсылку ея въ посѣвъ кощунственнаго суевѣрія, въ пропаганду колдовскаго причитанія, хотя она упоминаетъ и имя Божіе. Вспомните Златоуста: онъ внушалъ „бѣжати и отвращатися волшебниковъ, хотя бы они призывали и Святую Троицу, и угодниковъ Божіихъ, и знаменовались крестнымъ знаменіемъ“ („Требникъ“). Есть элементъ волшебства, чаровничества въ этомъ призываніи счастья на разсылающаго молитву и несчастья на ослушниковъ. „Я послалъ молитву—и Богъ обязанъ дать мнѣ счастье, не можетъ отказать мнѣ въ дарованіи великой радости; пусть я по дѣламъ-то моимъ, по чувствамъ и расположеніямъ заслуживалъ бы бичей и скорпіоновъ“. Развѣ это не кощунственная надежда? Хрістосъ Господь научилъ насъ молиться Отцу небесному, дабы на небѣ и на землѣ творилось все по Его премудрой и справедливой волѣ. А теперь невѣдомый міру изобрѣтатель хочетъ связать волю Божію немудрымъ актомъ разсылки молитвы и назначить Богу даже и срокъ для исполненія надежды“... Какое безуміе! Какое страшное кощунство и богохульство!...

Лѣтъ сорокъ тому назадъ распространялась тоже молитва, съ подобнымъ заговоромъ, обѣщаніями и угрозами. Изрѣдка она и теперь продолжаетъ кружить по бѣлу свѣту. Помню: тогда, еще ученикъ семинаріи, я находилъ въ ней армянскую ересь, ибо молитва—*трисвятое* обращена была къ одному Лицу Пресвятыя Троицы, къ Сыну Божію... Видно, живучи подобныя суевѣрія. А въ наше время они находятъ себѣ очень благопріятную почву въ той слабости человѣческой, которою всегда злоупотреблялъ врагъ рода человѣческаго, когда ему хотѣлось отклонить людей, ищущихъ спасенія, на ложный путь! Такъ было во всѣ времена, съ древнѣйшихъ временъ. Идея счастія заложена въ душу человѣка при его сотвореніи. Богъ сотворилъ его не для страданій, а для блаженства. Но для достиженія блаженства и въ раю нуженъ былъ трудъ—воздѣлывать и хранить рай, нужно было послушаніе Богу, отсѣченіе своей воли. Врагъ искусилъ людей желаніемъ сразу получить высшее счастіе—*будете яко бози*... Первозданные пали. Но заложенное въ душу стремленіе къ блаженству, а послѣ паденія—къ спасенію осталось неистребимымъ. И вотъ, рядомъ съ путемъ подвига, по слову Господа: *царствіе Божіе нудится и тѣсныя врата, узокъ путь*, ведущій въ него, является иной путь, какъ бы въ обходъ перваго—путь самочинія, легкоспасенства, какъ охарактеризовалъ его въ своихъ писаніяхъ святитель Ѳеофанъ—затворникъ. Идея спасенія „полегче“ лежитъ въ основѣ всѣхъ сектъ, какъ раціоналистическихъ, такъ и мистическихъ. Подвигъ слишкомъ тяжелъ: нельзя ли его чѣмъ-либо замѣнить? Даже въ области самаго подвига явились и являются способы и средства достигнуть тѣхъ или иныхъ состояній, считаемыхъ благодатными, помимо путей, указуемыхъ Цер-

ковію. Латинская церковь придумала, для облегченія, преимущественно мірянъ, индульгенціи, Францискъ Ассизскій изобрѣлъ особые способы достигать экзальтированной восторженности, Игнатій Лойола—цѣлую систему „духовныхъ упражненій", во многомъ напоминающихъ не ученіе опытныхъ великихъ подвижниковъ Востока, а скорѣе ученіе іоговъ языческаго Индустана. Протестанты—раціоналисты просто отвергли значеніе подвига и добрыхъ дѣлъ въ воспитаніи человѣка для вѣчной жизни, успокоивая свою совѣсть на ученіи, будто одной вѣры достаточно для спасенія, а сектанты—мистики придумали радѣнія, скопцы-уродованіе себя и т. д. А въ сущности все сводится къ одному: какъ бы полегче, безъ подвига, заповѣданнаго „до пролитія крови", спастись. Вотъ почему всѣмъ этимъ отщепенцамъ отъ Православной Церкви такъ ненавистно ученіе Церкви о необходимости подвига, борьбы съ самимъ собою, смиреннаго сознанія своего духовнаго безсилія въ этомъ дѣлѣ и необходимости, а слѣдовательно, и исканія благодатной Божіей помощи. Такъ постепенно вытравляется изъ сознанія хрістіанъ ученіе о крестѣ, о необходимости участія хрістіанина въ Хрістовыхъ страданіяхъ чрезъ исполненіе заповѣди Спасителя: *аще кто хощетъ по Мнѣ итти, да отвержется себе и возметъ крестъ свой...*

Слѣдуетъ отмѣтить, какъ это уклоненіе отъ креста, отъ подвига, такъ сказать — просачивается въ нашу церковную жизнь. Покойный о. Іоаннъ Кронштадтскій, самъ величайшій подвижникъ крестоношенія и внутренняго духовнаго подвига, нерѣдко совѣтовалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ чаще причащаться Св. Хрістовыхъ Таинъ. Само собою разумѣется, это должно быть совершаемо съ должнымъ приготовленіемъ, съ великимъ благоговѣніемъ и согласно съ установленными Церковію правилами. Среди его духовныхъ дѣтей нашлись такіе, которые приняли къ сердцу его совѣтъ. Всѣмъ вѣрующимъ извѣстно, что святѣйшее Таинство Евхаристіи доставляетъ причастникамъ, благоговѣйно къ нему приступающимъ, великое духовное утѣшеніе. Естественно, что не могли не испытывать сего утѣшенія и упомянутыя духовныя чада о. Іоанна. И они стали чаще обычнаго приступать къ святѣйшему таинству. Но немощи человѣческія сказались и въ нихъ: мало-по-малу они стали остывать въ принятомъ на себя не по силѣ подвигѣ, все свое вниманіе лишь устремляя на то утѣшеніе, какое доставляло имъ причащеніе Св. Таинъ и, не внимая своему недостоинству, начали все дѣло спасенія своего поставлять единственно въ самомъ причащеніи, приступая къ нему безъ должнаго, посильнаго приготовленія. Заповѣдь подвига, крестоношенія, борьбы съ собою, смиреннаго очищенія совѣсти въ слезномъ покаяніи—все это отошло сначала на второй планъ, а потомъ и забываться стало... Явилась секта, сначала, можетъ быть, не столь замѣтная, а потомъ, вслѣдствіе, какъ думаю, особыхъ, извѣстныхъ изъ ученія святоотеческаго, условій психофизіологическихъ, о коихъ теперь говорить не мѣсто, секта приняла характеръ хлыстовщины и, вѣроятно, въ своемъ развитіи превратится въ таковую...

То и дѣло слышишь и читаешь, что въ разныхъ уголкахъ православной Россіи появляются секты: въ Бессарабіи — иннокентіевщина, въ Вологодской епархіи — степановщина, въ Харьковской тоже—отъ имени другаго Стефана, въ Кіевской еще не исчезли слѣды малеванщи-

ны... Въ самой столицѣ есть проходимцы, увлекающіе своимъ лживымъ благочестіемъ даже людей интеллигентныхъ, не говорю уже о пресловутной чуриковщинѣ. Казалось бы уже одно то, что какой-нибудь мужикъ, назвавшись странникомъ, отростивъ себѣ волоса, явился, невѣдомо зачѣмъ, въ столицу, бродитъ по улицамъ, иногда босой, безъ шапки, съ громадною палкой—уже одно это должно было бы предостеречь каждаго, понимающаго хрістіанскую жизнь, отъ знакомства съ такимъ загадочнымъ человѣкомъ: думать, что въ нашъ вѣкъ много избранниковъ Божіихъ, несущихъ подвигъ юродства ради Христа, нельзя: истинныхъ юродивыхъ и всегда было немного: греческая Церковь въ числѣ святыхъ чтитъ только Симеона да Исидору Египетскую,—Андрей уже славянинъ, а русская Церковь имѣетъ въ своихъ святцахъ сихъ подвижниковъ не больше трехъ-четырехъ десятковъ. А между тѣмъ странныхъ людей немало бродитъ въ столицѣ, и говорятъ, дѣла у нихъ идутъ не дурно... Свои дома имѣютъ! И тѣмъ не менѣе—къ такимъ проходимцамъ льнутъ не только простые люди, но и изъ общества. Что же влечетъ къ нимъ? Думаю—желаніе получить наставленіе, какъ душу спасти—*полегче*... Вотъ тутъ-то и попадаютъ сіи ищущіе спасенія въ сѣти хлыстовщины и подобныхъ лжеученій...

Нѣтъ надобности говорить, что разные Редстоки, Пашковы, а въ послѣднее время—Фетлеры находятъ себѣ многихъ послѣдователей въ средѣ якобы ищущихъ спасенія. Благо же теперь въ модѣ всякія свободы—до свободы духовнаго самоубійства включительно. А увлеченіе проповѣдями такихъ лжеучителей и есть, въ сущности, самое настоящее духовное самоубійство...

Повторяю: опасность въ томъ, что это стремленіе къ легкоспасенству подмѣчено врагами Церкви, ему покровительствуетъ и печать, и интеллигенція; къ нему снисходительно относится даже и наше пастырство. Не будемъ грѣха таить: сами будучи немощны, мы всегда готовы снизойти и другимъ въ такихъ предметахъ, въ коихъ не только не имѣемъ права дѣлать уступки, но и долгомъ обязаны безпощадно обличать заблужденіе, дабы оградить чистоту самаго идеала жизни православной, какимъ онъ преданъ намъ св. матерію нашей—Церковію...

162.

Мерзость запустѣнія въ нашей столицѣ.

I.

Знаменія времени зовутъ насъ къ покаянію.

Помните ли вы, читатели мои, какъ девять лѣтъ назадъ была выкрадена великая святыня русской земли—чудотворная икона Казанская? Болью, тоскою, тяжелымъ предчувствіемъ грядущихъ бѣдъ отозвалось въ русскомъ сердцѣ это событіе, и развѣ не оправдались наши предчувствія? Не даромъ въ народѣ издавна было вѣрованіе, что пока цѣла эта святая икона, пока она стоитъ на стражѣ между христіанской Европой и иновѣрнымъ, языческо-магометанскимъ міромъ Азіи, дотолѣ и мы можемъ быть спокойны, а покинетъ Она, наша Заступница усердная, мѣсто Свое—и горе, и бѣды грозятъ намъ, и останемся мы беззащитными... Такъ, вѣдь, оно и случилось... Нѣтъ нуж-

ды говорить о томъ, что мы пережили за эти девять лѣтъ..

Да, это попущеніе Божіе—похитить св. икону, было знаменіемъ, вразумленіемъ Божіимъ для насъ. Но мы не вняли сему знаменію. И знаменія—присмотритесь — повторяются то и дѣло... Сейчасъ я прочиталъ въ газетахъ, что въ Сергіевомъ посадѣ до-тла сгорѣлъ „театръ": тамъ театра и не было, но, очевидно, это тотъ „клубъ", въ которомъ такъ недавно, на минувшихъ святкахъ, вопреки моему предостереженію, исполнялся „сатанинскій танецъ"... Сохрани меня Богъ—быть пророкомъ, но... случайностей въ мірѣ не бываетъ и, конечно, не я одинъ думаю, что посадскихъ обывателей вразумляетъ оскорбляемый ими угодникъ Божій...

Три года назадъ мы, люди преданные Церкви, протестовали противъ построенія буддійскаго капища въ столицѣ. Князья-редакторы и вся іудействующая печать издѣвалась надъ нами, какъ надъ фанатиками; о капищѣ долго молчали, и мы полагали, что нашъ голосъ услышанъ, что капища не будетъ, а зданіе обратятъ—ну хотя бы въ азіатскій музей... Увы, газеты оповѣщаютъ, что 21 февраля, въ столь радостный, столь священный для насъ, православныхъ русскихъ людей, день, пріѣхавшій изъ Монголіи идольскій жрецъ совершитъ торжественное открытіе сего капища, и столица православной Руси увидитъ впервые, можетъ быть, на берегахъ Невы жертвоприношеніе идоламъ... и когда же? Въ день свѣтлыхъ воспоминаній торжества православія надъ интригами латинства, которое собралось было триста лѣтъ назадъ поглотить православіе!..

Но и этого мало. Только-что сгорѣлъ Троицкій соборъ, величайшая святыня столицы, сгорѣлъ отъ загадочной причины, будто самъ загорѣлся, не стерпѣвъ зрѣти возвышающееся предъ нимъ другое капище—мечеть лжепророка, обманщика Магомета... „Не достойны вы, русскіе люди, святыни Божіей, и она уходитъ отъ васъ"... Я боюсь договаривать дальнѣйшія слова Господа іудеямъ: се оставляется домъ вашъ пустъ!.. О нѣтъ, Господи, накажи насъ, но помилуй ради тѣхъ младенцевъ вѣры, кои, подобно младенцамъ града Ниневіи, не умѣютъ отличить правой руки отъ лѣвой, которые не знаютъ, что и дѣлать при видѣ торжествующе возвышающагося надъ Крестомъ Господнимъ полумѣсяца и языческихъ эмблемъ. Вѣдь, сердцемъ-то они болѣютъ о семъ!.. Утѣшь и вразуми ихъ, Господи!

Но и этого еще мало: въ тотъ же священный день, 21 февраля, какъ сообщаютъ услужливыя газеты, это магометово капище будетъ „освящено" (!) особымъ служеніемъ, которое кощунственно, какъ и въ буддійскомъ капищѣ, газеты называютъ „богослуженіемъ". (Прости насъ, Господи, что повторяемъ это воистину богохульное въ данномъ смыслѣ слово!).

Плачь, русская православная душа! Кайся предъ Богомъ, благо же наступаютъ и дни покаянія! Вся сія попускается Господомъ за твои грѣхи, за твою языческую жизнь!..

А еще больнѣе, еще страшнѣе газетное сообщеніе, что такъ называемая Государственная Дума отвергла предложеніе правыхъ членовъ объ ассигнованіи на храмы Божіи... Это ужъ полное отреченіе отъ всѣхъ завѣтовъ предковъ, это измѣна святой Руси.

Но утѣшимъ себя тѣмъ, что Дума еще не Русь..., что тамъ не тѣ „лучшіе русскіе по духу люди", какихъ звалъ Государь, а въ боль-

шинствѣ—отщепенцы отъ народа, измѣнившіе его идеаламъ и завѣтамъ.

Утѣшимъ себя крѣпкою надеждою, что встанетъ, наконецъ, настоящая, историческая Русь, соберется съ силами, разгонитъ туманъ, ее обуявшій, и построитъ на мѣстѣ сгорѣвшаго такой храмъ, какого еще не было на Руси!

И это будетъ храмъ-памятникъ не только минувшему трехсотлѣтію, но и побѣдѣ надъ современною смутою—побѣдѣ русскаго народнаго духа надъ всею, столь несродною сему духу иноземщиной, масонщиной и всяческой духовною заразой...

А кто знаетъ? Если не мы, то наши дѣти или внуки дождутся и того дня, когда и капища, и мечети обратятся въ храмы Божіи...

Дерзайте же, людіе Божіи, дерзайте и не унывайте!

II.

До боли горько, обидно, страшно!...

„Колоколъ“ сообщаетъ, что въ Петербургѣ, въ великій день великихъ воспоминаній религіозно-патріотическаго подъема народнаго духа, открылось... идолослуженіе...

Дождалась Русь-матушка!

Прислушаемся же вотъ, что говоритъ святый апостолъ Павелъ объ идолослуженіи.

„Язычники, принося жертвы, приносятъ ихъ бѣсамъ, а не Богу. Но я не хочу, чтобы вы были въ общеніи съ бѣсами“,—предостерегаетъ сей апостолъ, паче всѣхъ апостоловъ потрудившійся въ благовѣстіи Христовомъ.

Итакъ, въ столицѣ православнаго государства началось формально служеніе „бѣсамъ“. Слышно, что гдѣ-то, въ подпольяхъ аристократическаго дома, есть, и безъ всякой покрышки, служеніе сатанѣ: служатъ, какъ говорятъ, и „обѣдню“ ему...

Ужасомъ сжимается сердце, когда приходятъ на мысль пророческія слова того же великаго апостола, который за девятнадцать вѣковъ предсказалъ, что предъ пришествіемъ антихриста произойдетъ „отступленіе“, отступничество отъ вѣры, и это будетъ признакомъ близости пришествія „человѣка беззаконія, сына погибели“... Не начинается ли на нашихъ глазахъ это отступничество?..

Что язычники молятся своимъ богамъ—„бѣсамъ“, это естественно; что приносятъ имъ жертвы—понятно: вѣдь, не вѣдая истиннаго Бога, они мнятъ служити якобы истинному Богу...: Во тьмѣ ходятъ!..

А вотъ, что именуемые христіане принимаютъ участіе въ ихъ идолослуженіи, — это ужасно, это уже богоотступничество, достойное анаѳемы!

Вѣдаютъ ли эти „нѣсколько офицеровъ, во главѣ съ полковникомъ генеральнаго штаба И. (жаль, что полной фамиліи газета не сообщаетъ: имена такихъ „полковниковъ“ надо бы пригвождать къ позорному столбу!), эта княгиня Дундукова, эти два несчастные ученика училища правовѣдѣнія, — вѣдаютъ ли, говорю, всѣ эти „богоискатели“, катающіеся на моторахъ, что они творятъ?.. Съ кѣмъ въ общеніе входятъ?.. Пусть перечитаютъ еще разъ приведенныя слова апостола Христова! А, впрочемъ, какое дѣло этимъ „просвѣщеннымъ“ особамъ до какого-то тамъ апостола Павла?.. Для нихъ вотъ этотъ „цанитъ Агванъ Дорджіевъ“—куда авторитетнѣе „іудея Павла“, жившаго 19

вѣковъ назадъ... Не правда ли, какъ все это горько, обидно, страшно?..

Впрочемъ, говорить съ сими несчастными, бывшими когда-то православными, кажется, безполезно. Да едва ли и дойдутъ до нихъ эти строки. Извѣстно, вѣдь, что наши „интеллигенты“ брезгуютъ черносотенными газетами. Поэтому, предоставивъ ихъ суду Божію, вдумаемся въ печальный смыслъ того явленія, что на берегахъ Невы, гдѣ исторія не запомнитъ магометовыхъ мечетей, гдѣ идолопоклонство было, можетъ быть, когда-то, во времена до-хрістіанскія, теперь когда Церковь Хрістова вспоминаетъ 1600-лѣтіе знаменитаго эдикта Константина Великаго о свободѣ хрістіанства, теперь—въ столицѣ православнаго царства строятся капища для идоловъ да мечети для лжепророка аравійскихъ пустынь... Что же это значитъ? Или сила Хрістова ученія стала безсильна бороться съ этой бѣсовской прелестью? О, конечно же—нѣтъ!.. Іисусъ Хрістосъ вчера и днесь, Той же и во вѣки! Онъ разъ навсегда побѣдилъ сатану, и никогда врата адова не одолѣютъ Его Церкви! Но оглянемся на себя. Мы-то, хрістіане, стоимъ ли носимаго нами званія хрістіанъ? Не поносится ли имя Хрістово въ насъ, въ нашей жизни? Вѣдь, если бы мы оправдывали свое званіе, то и магометане и язычники, среди насъ живущіе, давно стали бы хрістіанами. А если и не обратились бы къ нашей святой вѣрѣ, то настолько уважали бы ее, что и не подумали бы строить свои кумирни и мечети въ нашей столицѣ. Мы, православные, не иначе можемъ смотрѣть на эти зданія, какъ на „мерзость запустѣнія“, какъ на оскорбленіе нашего религіознаго чувства... Съ омерзеніемъ приходится теперь намъ, православнымъ, проходить и проѣзжать мимо этихъ... построекъ! А еще болѣе обидно вспомнить, что среди насъ, православныхъ, есть люди, которые участвовали въ этихъ постройкахъ, которые помогали язычникамъ и чтителямъ Магомета въ ихъ хлопотахъ... Не говорю уже о тѣхъ, кто принимаетъ участіе въ идолослуженіи,—таковымъ мы не имѣемъ права, по заповѣди апостола, даже привѣтствіе говорить...

Страшно то, что все это даромъ намъ не пройдетъ, за все это богоотступничество русскихъ людей придется страдать все той же нашей матери-Россіи...

Рука отказывается писать, когда размышляешь о всемъ этомъ. Знаю, что меня назовутъ фанатикомъ: называйте, господа, какъ угодно, но я крѣпко убѣжденъ, что судъ Божій покараетъ насъ за это. Ручательство сему—вся ветхозавѣтная исторія евреевъ... Мнѣ, русскому человѣку, да еще архіерею, до боли жаль Россію, и пусть іуден и ихъ приспѣшники смѣются надо мною: силъ нѣтъ молчать!..

И я увѣренъ, что не одинъ такъ думаю. Знаю, что милліоны русскихъ людей то же думаютъ со мною. Мы боимся за судьбы родной земли. Іудея погибла отъ своей интеллигенціи, отъ всѣхъ этихъ хрістоненавистныхъ книжниковъ и фарисеевъ, отъ безбожниковъ-саддукеевъ, и мы боимся, чтобъ не случилось чего подобнаго съ нами, съ нашей дорогой Русью...

163.

Въ защиту святаго поста.

Мои дневники, особенно послѣдніе— „объ анонимахъ“ и о „легкоспасенцахъ“, видимо, тревожатъ совѣсть нѣкоторыхъ читателей: я по-

лучаю немало писемъ съ откликами на нихъ. Что-жъ? Слава Богу, что совѣсть заговариваетъ и тянетъ людей къ суду Божію... Вѣдь, давно сказано: единъ Богъ безъ грѣха, а святые отцы говорятъ: грѣшить свойственно людямъ, а пребывать во грѣхѣ нераскаянно—только демонамъ. Аще падеши — востани, убѣждаютъ они всякаго грѣшника: и елико падеши, толико востани... Но вотъ наше горе: въ нашемъ сердцѣ нерѣдко, даже безъ нашего вѣдома, хозяйничаетъ наше грѣхолюбіе, и лишь только совѣсть встрѣвожится, проснется, какъ оно, грѣхолюбивое сердце, тотчасъ же отдаетъ приказъ нашему уму: подыскать оправданіе... А умъ, какъ извѣстно, состоитъ на послугахъ у сердца: вѣдь, Господь—Сердцевѣдецъ истину сказалъ, что отъ сердца, а не отъ ума исходятъ помышленія. Притомъ, сердце иногда такъ искусно прячется за умъ, что мы того и не замѣчаемъ, и воображаемъ, что нашъ разсудокъ въ данномъ случаѣ работаетъ только во имя здраваго смысла и требованій логики... Да, сложное дѣло—душа человѣческая и духовная жизнь: не только чужая, но и своя-то собственная душа для насъ иногда представляетъ собою именно—потемки! Иной весь свой вѣкъ въ потемкахъ ходитъ, въ потемкахъ и умираетъ, воображая, что во свѣтѣ ходилъ... Только тамъ, къ его ужасу, откроются его духовныя очи и увидитъ онъ, несчастный, какъ жестоко заблуждался. А, вѣдь, совѣсть-то и ему подсказывала, и его тревожила, но онъ не далъ ей свободы обличать его, спѣшилъ заглушать ея голосъ мудрованіями лжеименнаго разума.

Вотъ это замѣчается и въ тѣхъ письмахъ, которыя получаю я въ отвѣтъ на мои дневники. Особенно замѣчается это стремленіе—какъ-нибудь ускользнуть изъ-подъ креста, спастись полегче, да чтобы о вѣчныхъ мученіяхъ не напоминали! И всюду такъ и выступаетъ одна и только одна идея—о Божіемъ милосердіи... Какъ будто теперь-то, въ сей земной жизни, недостаточно Божія милосердія, не отверсты для кающихся объятія Отчи: чего не дѣлаетъ Господь для того, чтобы призвать насъ къ покаянію! И осыпаетъ насъ Своими милостями, и вразумляетъ бѣдствіями, и проявляетъ дивную силу Свою и благость въ чудесахъ и знаменіяхъ, и самое теченіе жизни, какъ личной, такъ и государственной располагаетъ такъ, что виденъ Его указующій перстъ, видна Его правящая десница. Но что дѣлать съ нашимъ нечувствіемъ? Когда вдумываешься во все это, то страшно становится и за себя, нечувственнаго грѣшника, и за весь грѣшный міръ, и слышится въ совѣсти грозный голосъ древняго пророка: „увы, народъ грѣшный, народъ обремененный беззаконіями! Оставили Господа, презрѣли Святаго Израилева, повернулись назадъ. Во что бить васъ еще, продолжающіе упорство? Вся голова въ язвахъ, и все сердце исчахло“... (Ис. I, 4—5). Въ самомъ дѣлѣ: только и слышишь со всѣхъ сторонъ жалобы: жить тяжело, силъ нѣтъ, тамъ эпидеміи и недородъ хлѣба, здѣсь смута въ умахъ и сердцахъ, каждый день самоубійства, грабежи, кощунства, богохульства, а на политическомъ горизонтѣ собираются грозныя тучи—одна другой темнѣе, одна другой грознѣе... Казалось бы: какъ не вспомнить забытаго Бога? Какъ не всплакнуть сердцемъ и не покаяться—такъ, какъ каялись когда-то ниневитяне, какъ умѣли каяться наши предки?—И совѣсть тревожится, напоминаетъ намъ о томъ же, а мы все свое: приказъ и наказъ уму: „искать пу-

тей спасенія полегче!"... Но, вѣдь, у Господа уже положены пути, указаны намъ, и не восхощетъ же Онъ въ угоду намъ, *нашей лѣности*, измѣнятьСвои законы: вѣдь это, какъ сами мы потомъ, если не здѣсь, то на томъ свѣтѣ, узнаемъ,—это было бы намъ же во вредъ! Да и то надобно сказать: развѣ неправду говоритъ Господь, что иго Его благо и бремя Его легко есть? Развѣ обманываетъ Его любимый ученикъ, когда говоритъ, что заповѣди Его вовсе не тяжелы? Развѣ обманывали себя и насъ святые крестоносцы, увѣряя, что нашъ крестъ жизненный въ концѣ концовъ обращается въ крылья, возносящія насъ на небо? Да наконецъ—опытъ, постоянный опытъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ крестоносцевъ—Христовыхъ послѣдователей убѣждаетъ, что съ нами и за насъ несетъ крестъ нашъ Самъ Господь, а отъ насъ требуетъ только одного: *сыне, даждь Ми твое сердце*—довѣрься Моему водительству, вѣрь и знай, что все скорбное бываетъ по Моему попущенію и въ радость обращается, лишь бы ты самъ не вредилъ себѣ своимъ самочиніемъ въ дѣлѣ спасенія, не бѣжалъ отъ креста и изъ-подъ креста, лишь бы все свое сердце отдалъ исполненію въ простотѣ Моихъ заповѣдей животворящихъ, а Я тебѣ ручаюсь—вѣрь Моему слову Божественному: *сила Моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9), и если бы даже мать забыла грудное дитя свое, то—Я не забуду тебя! (Ис. 49, 15).—Такъ, Господь съ нами, Господь всегда пребываетъ благодатію Своею въ Церкви Своей, ей Онъ поручилъ дѣло нашего спасенія: только пребывай въ послушаніи ея водительству, не вѣрь своему слабому, вѣчно заблуждающемуся разуму, пользуйся таинствами, и твое спасеніе обезпечено. Видите, какъ и узкій путь, ведущій въ царство небесное, становится удобопроходимъ, и иго Христово—удобоносимо для тѣхъ, кто пребываетъ въ нѣдрахъ Церкви. Къ несчастію, врагъ нынѣ сѣетъ мысль въ сердца вѣрующихъ, будто можно обойтись безъ Церкви, можно спасаться въ одиночку, руководиться не ученіемъ Церкви, а своимъ мудрованіемъ. И мнятъ себя многіе изъ воспріявшихъ сію мысль, будто они остаются православными, вовсе не замѣчая того, какъ постепенно отходятъ отъ православія, святыня котораго хранится только въ Церкви. И становится понятнымъ, почему имъ, отошедшимъ отъ Церкви, кажутся тяжкимъ бременемъ заповѣди церковныя: они не испытываютъ сердцемъ своимъ обновляющей и согрѣвающей духъ благодати Божіей, только въ Церкви Божіей раздаваемой. Беру ближайшій къ переживаемымъ днямъ святой четыредесятницы примѣръ. Тяготятся постомъ, а не знаютъ опытно сладости сего святаго упражненія, которое, при руководствѣ Церкви проходимое, въ глубокомъ смиреніи, при обузданіи страстей, утончаетъ нашу природу, приближаетъ насъ къ духовному міру, даетъ намъ возможность переживать прикосновенія къ сему міру, самый тѣлесный составъ нашъ обновляетъ, освѣжаетъ и, хотя отчасти, возстановляетъ гармонію жизни человѣка, какъ существа духовно-тѣлеснаго, возвращая его, въ нѣкоей степени, при помощи благодати Божіей, къ состоянію Адама первозданнаго. Мы забыли объ этой гармоніи жизни; мы не знаемъ радостей господства духа надъ плотію; мы постоянно обманываемъ себя, оказывая всяческое снисхожденіе, на самомъ же дѣлѣ поблажку этой плоти и въ концѣ концовъ совсѣмъ оплотеняемся, становимся, по выраженію псалмопѣв-

ца, подобными скотамъ несмысленнымъ и уже теряемъ всякое опытное представленіе о жизни духа. Немудрено, что современные люди если не всегда высказываютъ, то на дѣлѣ постоянно проявляютъ въ жизни теорію дарвинизма о родствѣ человѣка съ животными. Не удивляюсь, что сказанія о древнихъ подвижникахъ кажутся имъ вымыслами, да многіе и не знаютъ ихъ. А между тѣмъ стоило бы, если ужъ не ради подвига подражанія имъ, то хотя бы ради такъ называемаго научнаго интереса, ради, наконецъ, собственной пользы, въ цѣляхъ здоровья, заглянуть въ житія святыхъ, чтобы такъ или иначе использовать ихъ опытъ въ отношеніи поста. Вѣдь, и они были такіе же, какъ мы, люди, такую же и плоть носили, хотя, конечно, не столь избалованную, какъ наша. А все же—не угодно ли вотъ послушать, какъ они постились. Раскроемъ безцѣнное сокровище назиданія—житія святыхъ Божіихъ и приникнемъ слухомъ сердца къ тому, что говорятъ они. Вотъ преподобный Иларіонъ принимаетъ пищу иногда чрезъ три, иногда чрезъ четыре дня. Преподобный Савва вкушаетъ чрезъ пять дней, а Симеонъ Дивногорецъ, еще въ самомъ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ, шести лѣтъ отъ роду, уже постится по семи дней. Во всю жизнь потомъ онъ держится правила: вкушать чрезъ три дня, иногда чрезъ семь, иногда же чрезъ десять. Преподобный Оръ вкушалъ разъ въ недѣлю, такъ же постился и преподобный Макарій Александрійскій въ святыя четыредесятницы. Іоаннъ Постникъ, патріархъ Константинопольскій, во все время своего святительства, въ продолженіе всей недѣли не имѣлъ стола, и только въ воскресенье вкушалъ немного огородныхъ овощей. Преподобный Паисій пять дней въ недѣлю постился, а въ субботу и воскресенье подкрѣплялъ себя скудною пищею. Потомъ, къ одной недѣлѣ приложилъ онъ и другую, и вкушалъ уже чрезъ двѣ недѣли. Преподобный Петръ Аѳонскій постился сперва двѣ недѣли, а послѣ постоянно вкушалъ чрезъ сорокъ дней пищу, которую приносилъ ему Ангелъ Божій. Преподобные Виссаріонъ и Симеонъ юродивый часто проводили безъ пищи цѣлую недѣлю, а иногда и сорокъ дней. Симеонъ столпникъ сначала вкушалъ въ недѣлю разъ, потомъ, желая пріучить себя къ строжайшему посту, заключился въ тѣсной кельѣ на сорокъ дней, и хотя у него были хлѣбъ и вода, однако онъ не прикоснулся къ нимъ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно проводилъ св. четыредесятницу безъ пищи и питія. Преподобные: Герасимъ, Анинъ, Ѳеодоръ Сикеотъ, Антоній и Ѳеодосій Великіе, Макарій Египетскій, Кириакъ, Іоанникій Великій, Маркъ Ѳракійскій, Аѳанасій Аѳонскій, Арсеній Великій, Онуфрій Великій, Марія Египетская, Даніилъ столпникъ и множество другихъ подвижниковъ всю жизнь свою проводили въ изумительныхъ подвигахъ поста. А когда принимали пищу, то надобно еще сказать: что это была за пища? Это были смоквы и финики, разные огородные овощи, самымъ простымъ образомъ приготовленные, безъ всякихъ приправъ, развѣ только съ солью, очень рѣдко—съ масломъ. Одному подвижнику, въ день Пасхи, ученикъ приготовилъ пищу съ масломъ: онъ посмотрѣлъ на нее, залился слезами и, сказавъ: „Господь мой вкусилъ опять съ желчію, и я ли буду ѣсть съ масломъ?“,—велѣлъ подать себѣ обычную пищу безъ масла. Вкушали они вареныя зерна пшеницы, ячменя, чечевицы, что у нихъ называлось сочивомъ. Тѣ, ко-

торые жили въ монастыряхъ или близъ оныхъ, питались, конечно, и хлѣбомъ, преимущественно сухарями, которыми запасались на нѣсколько дней, мѣсяцевъ и даже лѣтъ; но многіе и хлѣба не вкушали. Преподобный Маркъ Ѳракійскій, 95 лѣтъ не видѣвшій лица человѣческаго, открывался посѣтившему его Серапіону, что голодъ принуждалъ его иногда наполнять чрево землею и пить морскую воду. Пустынники, обыкновенно, питались дикими растеніями, корнями разныхъ травъ, мохомъ, дубовой корой... Они смотрѣли на пищу, какъ на лекарство: фунтъ хлѣба въ сутки—вотъ самая обычная мѣра ихъ пропитанія. Но многіе и эту мѣру сокращали: преподобный Досиѳей уменьшилъ ее до четверти фунта въ день, преподобный Макарій Александрійскій сдѣлалъ себѣ сосудъ съ узкимъ отверстіемъ такъ, чтобы только могла проходить рука, и клалъ въ этотъ сосудъ мелко нарѣзанные сухари: сколько можно было за одинъ разъ захватить рукою, столько и составляло его дневное пропитаніе,—это было не болѣе осьмушки фунта въ день. Многіе изъ нашихъ Кіевопечерскихъ затворниковъ питались, обыкновенно, одною просфорою...

Слабые люди нашего времени скажутъ: такъ изнурять себя—грѣшно, такая скудость въ пищѣ вредитъ здоровью, сокращаетъ жизнь. Но едвали кто изъ насъ способенъ выносить такіе великіе труды, какіе выносили святые постники: цѣлыя ночи выстаивали они на молитвѣ съ земными поклонами, весь день проходилъ у нихъ въ тяжелой работѣ, они легко переносили и нестерпимый лѣтній зной, и зимнюю стужу, спали часъ-два въ сутки на голой землѣ, а иные и вовсе не ложились, а только дремали, сидя или стоя. И при всемъ этомъ—замѣтьте—они почти не знали болѣзней, всегда были бодры духомъ и тѣломъ, хотя на видъ они были—только кожа да кости. А жили они—вотъ по сколько лѣтъ: Симеонъ столпникъ стоялъ на столпѣ 80 лѣтъ, а всего жилъ 103 года; Кириакъ отшельникъ жилъ 109 лѣтъ; Алипій столпникъ—118; Іоаннъ молчальникъ—104, Антоній и Ѳеодосій Великіе по 105; Павелъ Ѳивейскій 113; Павелъ Комельскій 112; Анинъ 110; Макарій Александрійскій 100. Маркъ Ѳракійскій только въ пустынѣ провелъ 95 лѣтъ, не считая того, сколько жилъ въ мірѣ. И другіе многіе жили по сто лѣтъ, а до 90—большая часть...

Видите: самый строгій постъ не вредитъ здоровью, напротивъ, постники-то и живутъ дольше другихъ. Да и теперь, спросите: гдѣ можно больше встрѣтить глубокихъ старцевъ, убѣленныхъ сѣдинами—въ міру ли, или въ св. обителяхъ? Конечно, въ монастыряхъ, и эти старцы—конечно, изъ тѣхъ, которые строже соблюдаютъ монашескіе уставы о постѣ. Или скажете, что святымъ людямъ Самъ Богъ помогаетъ Своею благодатію? Правда, но кому же Богъ отказываетъ въ Своей благодатной помощи? *Грядущаго ко Мнѣ не иждену вонъ*, говоритъ Господь.—Впрочемъ, я не къ тому говорю, чтобы намъ, грѣшнымъ, во всемъ брать примѣръ съ угодниковъ Божіихъ: вѣдь, и сами они не вдругъ доходили до такого строгаго поста, а много лѣтъ пріучали себя къ тому. Да и они же учатъ насъ, что „удивляться трудамъ святыхъ дѣло похвальное, ревновать имъ спасительно, а хотѣть вдругъ сдѣлаться подражателемъ ихъ жизни есть дѣло безразсудное“. (Лѣст. IV, 42). Я хочу только опытомъ святыхъ угодниковъ убѣдить въ той же истинѣ, въ коей убѣждаетъ и опытъ вра-

чей: постъ не только не вреденъ, но и полезенъ для здоровья, не только не сокращаетъ, но удлиняетъ нашу жизнь... Вѣдь, вѣримъ же мы опытамъ какихъ-нибудь Таннеровъ, такъ не слѣдуетъ ли намъ, православнымъ хрістіанамъ, повѣрить больше опытамъ святыхъ угодниковъ Божіихъ?—Церковь учитъ: постись, не можешь поститься—смирись, почти постъ великихъ подвижниковъ поста, склонись предъ ними въ благоговѣніи, но не дерзай осуждать свою благодатную мать, якобы установившую непосильные для тебя посты. Ты боленъ? Но отъ больныхъ Богъ не требуетъ поста. Только и тутъ, подъ предлогомъ смиренія, болѣзни, не лицемѣръ, не допускай грѣхолюбивому сердцу обманывать себя... Вѣдь, за все надо Богу отвѣчать. Наши предки вотъ и жили въ простотѣ сердца, старались, по мѣрѣ силъ, соблюдать положенные Церковію посты, а не пускались въ сектантскія самооправданія, съ обвиненіемъ Церкви въ томъ, будто она требуетъ отъ насъ непосильнаго подвига; сознавая свои немощи, они смирялись и говорили: „святые постились—въ рай вселились, а мы постимся—никуда не годимся“.

Удивительное дѣло: на почвѣ модныхъ увлеченій мы готовы отказаться отъ животной пищи, хоть навсегда; открываются, напримѣръ, вегетаріанскія столовыя, питаются тамъ почти исключительно растительной пищей, и являются имъ подражатели, а вотъ отказаться отъ мяса на Великій постъ, заповѣданный не кѣмъ-нибудь изъ святыхъ мужей, хотя и ихъ заповѣдь для насъ обязательна, но—святыми Апостолами, въ подражаніе Самому Господу нашему, постившемуся ради нашего спасенія четыредесятницу дней—это намъ, видите ли, не подъ силу, да и напрасно это положено, и Самъ Хрістосъ-де говоритъ, что не входящее во уста сквернитъ человѣка, и у Апостола-де сказано, что брашно насъ не поставитъ предъ Богомъ, и прочіе неумные глаголы... Кто еще вѣруетъ во святую Соборную и Апостольскую Церковь, того я спрошу: скажи мнѣ, по совѣсти: ужели на протяженіи почти двухъ тысячелѣтій милліоны православныхъ, соблюдавшихъ посты, тысячи пастырей и учителей Церкви, всѣ эти великіе святители и подвижники, единогласно восхваляющіе постъ, — ужели всѣ они, личнымъ опытомъ доказавшіе, на себѣ извѣдавшіе силу и пользу поста, были—простите мнѣ, угодники Божіи, это выраженіе, можетъ быть, не совсѣмъ умѣстное—ужели они были глупѣе тебя, современный хрістіанинъ, ужели заблуждались, обманывались и, въ своихъ писаніяхъ восхваляя постъ, обманываютъ насъ?... Кто изъ православныхъ посмѣетъ допустить такую оскорбительную и для угодниковъ Божіихъ, и для самой Церкви Хрістовой—мысль? Да тѣмъ болѣе, что всѣ сіи защитники поста единогласно приглашаютъ всѣхъ сомнѣвающихся: вкусите и видите, яко благъ и полезенъ постъ! Не вѣрите намъ—сами на себѣ извѣдайте!—Увы, современному горе - хрістіанину не хочется и поститься, не хочется и смириться, признать себя виновнымъ въ нарушеніи постовъ, вотъ его грѣхолюбивое сердце и отдаетъ приказъ вселукавому уму—пустить въ ходъ всѣ словеса лукавствія, лишь бы какъ-нибудь оправдать его лѣность... Я спрашиваю такого якобы—хрістіанина: честно ли это? Достойно ли званія хрістіанскаго?

Нѣтъ, не въ духѣ Хрістовомъ все это! Богъ не нуждается въ нашемъ постѣ—намъ нуженъ постъ! Постъ

нуженъ былъ еще въ раю, невинному Адаму, чтобы проявить послушаніе и чрезъ послушаніе—любовь къ Творцу и Благодѣтелю: намъ ли, порабощеннымъ плоти и страстямъ, онъ не нуженъ? Затѣмъ, вѣдь, Богу нужно наше покаянное сердце: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ. Не нужна Богу наша фарисейская праведность, самооправданіе: Ему нужно, для нашего же спасенія, мытарево злато—святое хрістоподражательное смиреніе. Гдѣ нѣтъ этого злата—тамъ нѣтъ и угоднаго Богу добра. Ни постъ, ни милостыня, ни молитвенные подвиги — ничто не угодно Богу безъ этой златой пробы—таково ученіе нашей матери—Церкви. А какое ужъ тутъ смиреніе, когда люди, считающіе себя чадами Церкви, судятъ уставы и заповѣди своей матери? Да наконецъ, сама природа наша не требуетъ ли поста? Когда скорбь сжимаетъ сердце, когда тоска давитъ душу, когда чувствуешь надъ собою бѣду: до пищи ли тогда? Не является ли какое то отвращеніе отъ пищи, не хотѣлось бы и говорить, и думать о столѣ... И постъ—время покаянія, время, когда надобно войти въ себя, оглянуться на себя, подумать о томъ, что ждетъ тебя въ грядущей вѣчности; постъ—время слезъ, оплакиванія своего духовнаго мертвеца, своей грѣшной души,—казалось бы, надо радоваться, что Церковь идетъ навстрѣчу этой потребности нашей природы, заповѣдуя постъ, благодарить заботливую мать, которая хочетъ воздѣйствовать на нашу ослабѣвшую волю своею дисциплиной: если не хотимъ добровольно, то хотя бы изъ любви, изъ послушанія къ матери, если только мы любимъ ее, надо по мѣрѣ силъ подчиниться ея требованіямъ, а мы... не только не подчиняемся, не только не смиряемся, не укоряемъ себя, не признаемся въ своевольномъ нарушеніи ея уставовъ, но и критикуемъ эти уставы, эти благотворныя распоряженія родной любящей матери... Да смѣемъ ли мы послѣ того называть себя ея чадами, да еще вѣрными чадами, православными!? Оглянемся, православные: не отходимъ ли мы отъ Церкви на путь гордаго монаха Лютера, который, возставая противъ злоупотребленій папы, попралъ и апостольскія преданія и сталъ ересіархомъ. А разъ ставъ на этотъ путь, можно дойти и до тѣхъ выводовъ, къ какимъ пришло лютеранство. И надо правду сказать: многіе изъ нашихъ, такъ называемыхъ, интеллигентовъ, еще считающіе себя православными, уже давно стали на этотъ путь и судятъ матерь—Церковь и ея уставы, чиноположенія, сами пока не сознавая, что тѣмъ оскорбляютъ исповѣдуемое ими православіе, оскорбляютъ Церковь...

Вразуми, Господи, согрѣшающихъ по невѣдѣнію и не попусти имъ отпасть отъ св. Церкви!

164.

Новый молитвенникъ за Русскую землю.

Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ!..

Въ то время, когда Церковь земная, воинствующая, со всѣхъ сторонъ обуревается, когда ея враги—и внѣшніе: иновѣрцы, сектанты и раскольники, и внутренніе, такъ сказать — домашніе — по паспорту именующіе себя еще православными, а на дѣлѣ давно съ презрѣніемъ относящіеся къ ея таинствамъ, ея іерархіи,—съ неслыханною дерзостію въ печатныхъ листахъ, именуемыхъ газетами, всячески издѣваются надъ нами, недостойными ея служителями,

обвиняютъ насъ, пастырей Церкви, въ „фанатическихъ выступленіяхъ, грубомъ невѣжествѣ, варварской нетерпимости“, даже какомъ-то „чревовѣщательствѣ“, за то только, что мы громко плачемъ, вмѣстѣ со всею православною Русью, по поводу открытія идольскаго капища въ нашей столицѣ, открытаго идолослуженія, на коемъ не срамятся присутствовать князья и княгини русскаго происхожденія,—въ то время Церковь небесная, волею главы Церкви—Господа нашего Іисуса Христа, въ лицѣ своихъ небесныхъ заступниковъ за насъ предъ Богомъ, въ лицѣ угодившихъ Богу собратій нашихъ, укрѣпляетъ нашу слабѣющую вѣру, въ чудесахъ и знаменіяхъ, совершаемыхъ по ихъ молитвенному заступленію. Видитъ Господь скорби невѣсты Своей непорочной, Церкви православной, и утѣшаетъ вѣрныхъ ей чадъ ея, свидѣтельствуя непреложную истину ея ученія прославленіемъ все новыхъ и новыхъ исповѣдниковъ сей истины, святыхъ угодниковъ Его. И вѣрующему сердцу открывается какъ бы нѣкое дивное духовное зрѣлище: видятъ святые Божіи съ высоты небесной, какъ невѣріе, равнодушіе къ вѣрѣ, всяческія лжеученія, колеблютъ вѣру даже вѣрующихъ, но недостаточно знающихъ и оцѣнивающихъ сокровище своей вѣры,—видятъ и какъ бы нисходятъ на землю, ходятъ среди вѣрующихъ, укрѣпляя вѣру ихъ, утѣшая ихъ въ скорбяхъ, исцѣляя всякій ихъ недугъ и болѣзнь.

Былъ я, одиннадцать лѣтъ назадъ, въ Саровѣ, на открытіи мощей преподобнаго Серафима и могу свидѣтельствовать, что мы переживали тогда воистину евангельскіе дни: чувствовалось, что угодникъ Божій какъ бы ходитъ незримо, но слишкомъ ощутимо среди насъ, ходитъ и, подобясь Своему Господу, болящихъ исцѣляетъ, скорбящихъ утѣшаетъ, маловѣрныхъ вразумляетъ и всюду вокругъ себя токи благодати проливаетъ... То же свидѣтельствуютъ бывшіе въ Бѣлгородѣ во дни открытія св. мощей другого новаго молитвенника Русской земли, святителя Христова Іоасафа. А нынѣ сердцемъ вѣруется, что близится время прославленія и еще двухъ дивныхъ чудотворцевъ земли Русской: святѣйшаго Патріарха Гермогена и Епископа Тамбовскаго Питирима. О послѣднемъ уже представлено и ходатайство помѣстной Церкви Тамбовской, за подписью многихъ тысячъ православныхъ русскихъ людей. Представлены въ Святѣйшій Синодъ и дѣянія (по нынѣшнему—протоколы) учрежденной Святѣйшимъ Синодомъ особой комиссіи по изслѣдованію случаевъ чудотвореній, совершившихся по молитвенному предъ Богомъ предстательству святителя Питирима, епископа Тамбовскаго. Въ соборѣ, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи угодника Божія, записано болѣе 260 чудесъ, изъ коихъ комиссія обслѣдовала только 52, а изъ сихъ признала несомнѣнно чудесными исцѣленіями 34. Во славу Божію и въ прославленіе новаго чудотворца приведу здѣсь нѣсколько поразительныхъ знаменій милости Божіей, по молитвамъ святителя Питирима, къ болящимъ.

Въ 1900 году у преподавателя семинаріи, священника, нынѣ протоіерея, Петра Успенскаго заболѣла малютка-дочь, 11-ти мѣсяцевъ, дѣтскою холериной. Несмотря ни на какіе рецепты, ничто не помогало: что ни давали больной—все тотчасъ же было извергаемо назадъ. Въ ночь на 7 іюля больная стонала, вскрикивала, металась въ разныя стороны, оконечности стали холодѣть... На другой день, во 2-мъ

часу дня, стоны дитяти стали слабѣе, руки и ноги остыли, глазки закатывались, — чувствовалось, что малютка находится въ предсмертныхъ мученіяхъ. Родители уже благословили малютку иконою Успенія Богоматери на вѣчный покой... Вдругъ, предъ всенощной имъ приходитъ на мысль обратиться къ святителю Питириму... И вотъ, послѣ всенощной на праздникъ Казанской иконы Богоматери, приносятъ изъ собора ризу святителя, накрываютъ ею больную дѣвочку, малютка засыпаетъ часа на два, затѣмъ и ночью раза четыре засыпаетъ, каждый разъ на полчаса... Къ утру она начинаетъ уже принимать молоко, рвота и поносъ ослабѣваютъ, а послѣ поздней литургіи на другой день она уже повеселѣла и съ другими дѣтьми стала играть. А на третій день, 11-го числа, ее уже вынесли на воздухъ.

Въ 1903 году, проживающій въ Тамбовѣ крестьянинъ Николай Ильинъ заболѣлъ стрѣльбою въ спинѣ и поясницѣ, у него отнялись руки и ноги: онъ, могъ только ползать, и то съ трудомъ. Лѣченье не помогало. За три дня до исцѣленія онъ не могъ и на постели повернуться. Пригласили доктора: тотъ только покачалъ головой... Жена и дочь обратились съ горячею молитвою къ святителю Питириму. Дочь пошла въ соборъ, купила тамъ масла и крестикъ, положила на раку святителя и еще помолилась... Когда она возвратилась въ домъ, то отецъ лежалъ, опираясь исключительно на локти и колѣна: такъ онъ страдалъ. Ему помазали больныя мѣста и возложили на шею крестикъ. Онъ забылся. И вотъ, спустя часа полтора-два, когда вся семья, желая дать покой больному, находилась въ отдѣльной отъ него комнатѣ, вдругъ онъ входитъ въ эту комнату... Исцѣленіе совершилось!

Въ 1898 году заболѣлъ брюшнымъ тифомъ сынъ мѣщанина Василій Ѳеодоровъ. Болѣзнь приняла такой оборотъ, что надежды на выздоровленіе, по словамъ врача Сперанскаго, не было. Сестра больного принесла изъ собора, отъ гробницы святителя, образокъ и маслица, надѣла на брата образокъ, помазала его масломъ. Больной скоро заснулъ, и увидѣлъ сонъ: къ нему подошелъ монахъ, позвалъ его въ пещеру и сказалъ ему: „вотъ, я тебя исцѣлилъ; теперь смотри: не грѣши и молись больше“. Послѣ этого больной сталъ быстро поправляться и совершенно выздоровѣлъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на одну подробность въ показаніи сестры: когда брату стало легче, она стала говорить, что, все-таки, докторъ помогъ больному. И вотъ, какъ будто отъ этихъ словъ, больной вдругъ впалъ въ безпамятство, у него отнялся языкъ, самъ онъ весь похолодѣлъ, сдѣлался какъ мертвый. Тогда сестра поняла, что искушала Божіе милосердіе, и вслухъ стала говорить, что если братъ встанетъ, то это будетъ чудо милости Божіей, по молитвамъ святителя Питирима, указывая и на слова доктора: „всякія лѣкарства безсильны, давайте портвейнъ“. Обратилась она молитвенно и къ святителю, и братъ въ ту же ночь пришелъ въ себя, а на утро уже былъ здоровъ.

У козловской мѣщанки Елены Баранниковой открылась невыносимая боль въ правой рукѣ. Рука затѣмъ стала постепенно сохнуть, пальцы пригнулись къ ладони, а кисть руки сдѣлалась какъ налитая. Боль была такъ мучительна, что больная не могла заснуть по ночамъ. Такъ прошла зима, никакія

лѣкарства не помогали. Наступило половодье, и больной, отъ нестерпимой боли, приходила даже мысль утопиться, но она сотворила молитву, и грѣховный помыслъ ее оставилъ. Разъ, прислонившись къ стѣнѣ, она задремала и видитъ, будто она въ Тамбовѣ, гдѣ до того никогда не бывала, идетъ по саду, спускается по ступенькамъ къ колодцу, гдѣ видитъ молодую монахиню, которая черпаетъ воду,—и спрашиваетъ ее: какой же это колодезь?—„Угодника Питирима“, отвѣчаетъ та. — У колодца небольшое ведро съ кружкой, и больная проситъ монахиню почерпнуть ей воды, ибо сама не можетъ этого сдѣлать, по болѣзни руки, которую хочетъ омыть водою. Монахиня говоритъ: „приходи сама сюда, почерпнешь воды, и исцѣлѣетъ твоя рука“. На этомъ сонъ прервался, но на другую ночь больная видитъ во снѣ двухъ старцевъ-иноковъ, которые ей говорили: „обѣщаешься ли итти къ угоднику Питириму? Онъ тебя исцѣлитъ, а другой никто не поможетъ“. На утро она разсказала сонъ роднымъ, и они отправили ее въ Тамбовъ. Рука ея была на привязи, вся высохла, а пальцы всѣ свело къ ладони. Боль была такъ нестерпима, что она плакала. Родные утѣшали ее, говоря, что святитель Питиримъ поможетъ ей, и пригласили ее къ чаю. Предъ чаемъ больная хотѣла перекреститься и вдругъ чувствуетъ, что больная рука какъ бы онѣмѣла, боль прекратилась, и она перекрестилась правою рукою въ первый разъ за все время болѣзни... Утромъ она пошла разыскивать колодезь святителя, и все нашла въ томъ видѣ, какъ видѣла во снѣ. Она сама зачерпнула воды, умылась, напилась, омыла руку и почувствовала, что никакой боли въ рукѣ уже нѣтъ... Отъ колодца прошла въ соборъ и тамъ съ молитвою положила руку на гробницу угодника Божія. Взглянувъ на изображеніе святителя, она узнала ликъ явившагося ей во снѣ.

Сынъ тамбовскаго купца Захарія Гавриловъ Малинъ въ 1872 г. заболѣлъ лихорадкой, 6-го октября, по пріѣздѣ въ Тамбовъ съ хутора, впалъ въ безпамятство, при чемъ у него открылся кашель съ кровохарканьемъ. Лѣкарь Диттерсъ нашелъ у него „желудочный“ тифъ и воспаленіе легкихъ. Лучшій врачъ въ Тамбовѣ Икавицъ, осмотрѣвъ больного, сказалъ родителямъ, что, вслѣдствіе сильной тифозной горячки и пораженія легкихъ, на спасеніе больного почти нѣтъ надежды и что, если бы больной, какимъ-либо чудомъ, остался живъ, то у него неизбѣжно будетъ чахотка. Тогда мать больного предложила ему пріобщиться св. Таинъ. 16-го октября отслужена была въ соборѣ заупокойная литургія и панихида по святителѣ Питиримѣ, и больнаго причастили. Въ ночь на 17-е октября больной видитъ во снѣ святителя Питирима, который, взявъ его за руку, заставлялъ молиться съ собою. Проснувшись, больной разсказалъ сонъ родителямъ, и всѣ стали молиться святителю. Въ 11-мъ часу утра, того же числа, святитель самъ наяву явился больному, который былъ въ то время въ полной памяти, явился не одинъ, а въ сопровожденіи многихъ святыхъ, которые остановились въ отдаленіи и смотрѣли на больнаго изъ-за ширмъ, ограждавшихъ его постель. Святитель подошелъ къ самой постели и, наклонившись надъ больнымъ, троекратно благословилъ его, произнося каждый разъ: „властію, мнѣ данной, встань, чадо!“ А потомъ добавилъ: „вставай, чрезъ три дня ты будешь здоровъ!“ И съ сими словами

быстро удалился, а съ нимъ и всѣ святые. Больной хотѣлъ поцѣловать руку или край одежды святителя, но не успѣлъ: такъ онъ быстро удалился. Одѣтъ былъ святитель въ голубое съ бѣлымъ облаченіе и когда онъ благословлялъ, то больной хорошо разсмотрѣлъ его руку, худую и длинную, желтоватаго цвѣта. Когда видѣніе окончилось, больной сѣлъ на постели, а до того момента онъ не поднимался безъ посторонней помощи. Этому очень удивилась его мать. Больной разсказалъ ей свое видѣніе, попросилъ себѣ чулки и туфли и, съ словами: „святитель Питиримъ велѣлъ мнѣ итти", всталъ и пошелъ, и попросилъ себѣ ѣсть. Съ этого дня онъ отказался отъ всякихъ медицинскихъ пособій, принималъ только масло изъ лампады и воду изъ источника святителя. 19-го октября угодникъ Божій снова явился ему наяву. Подойдя къ его постели и наклонившись надъ нимъ, святитель спросилъ: „будешь ли въ праздничные дни, въ свободное отъ занятій время, ходить въ церковь?" Больной отвѣтилъ: „буду".—„А исполнишь ли всѣ обѣщанія, которыя ты далъ?" продолжалъ святитель и на утвердительный отвѣтъ больнаго сказалъ: „вставай, будешь здоровъ!" И сталъ невидимъ. Въ этотъ разъ святитель былъ одѣтъ, какъ монахъ: въ подрясникѣ и ременномъ поясѣ съ пряжками. Послѣ этого посѣщенія больной окончательно оправился. Онъ живъ и теперь, жива и его родная сестра Елисавета Гавриловна, которая въ 1872 году только—что окончила курсъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и была очевидицею тяжкой болѣзни брата и чудеснаго исцѣленія его, по молитвамъ святителя Питирима.

У купца Владиміра Николаевича Самгина тяжко заболѣлъ, тифомъ сынъ Сергѣй, одного году и 4-хъ мѣсяцевъ; врачъ 12 дней лѣчилъ безуспѣшно: жаръ усиливался, дѣлались припадки, вся правая сторона тѣла была парализована, голова замѣтно увеличилась и дитя было безъ сознанія. Лѣкарства давали ему, разжимая ротъ. Консиліумъ врачей установилъ воспаленіе мозговыхъ оболочекъ. Докторъ Сперанскій лѣчилъ ребенка болѣе двухъ мѣсяцевъ, посѣщая ежедневно, а иногда и дважды въ день. Но пользы не было. Мать плакала въ ожиданіи неминуемой смерти, а докторъ ей говорилъ: „не жалѣйте о немъ: если онъ и будетъ живъ, то долженъ остаться идіотомъ, или слѣпымъ, или безъ ногъ". За отъѣздомъ доктора изъ Тамбова обратились къ другому—Настюкову, но тотъ сказалъ прямо, что совѣстно деньги брать за безполезныя посѣщенія. Тогда родители обратились съ молитвою къ святителю Питириму, больного помазали масломъ изъ лампады отъ мощей угодника Божія, накрыли его ризою святителя, и тотчасъ же замѣтили улучшеніе: жаръ уменьшился, припадки стали слабѣе, въ парализованныхъ частяхъ появилось движеніе... Ободренная мать рѣшилась свезти ребенка въ соборъ. И его повезли на подушкѣ, причастили св. Таинъ и приложили къ гробницѣ святителя. Послѣ этого болѣзненныя явленія прекратились и болѣе не возобновлялись. Теперь мальчикъ учится въ школѣ, никакихъ слѣдовъ прежней болѣзни нѣтъ. Стоитъ отмѣтить, что врачъ Сперанскій, подъ присягою подтвердившій подробности болѣзни Сережи, не хотѣлъ признать чуднаго исцѣленія его, приписывая это образцовому уходу матери, исполнявшей въ точности всѣ предписанія врача. Невольно вспоминается, какъ нѣ-

когда фарисеи объясняли чудеса Спасителя—не силою Божіей...

Крестьянинъ деревни Комаровки, Тамбовскаго уѣзда Александръ Андреевичъ Саяпинъ, весною 1909 года, заболѣлъ стѣсненіемъ въ груди, сильнымъ біеніемъ сердца, невыносимымъ запоромъ и болью въ ногахъ. Одни признавали въ этомъ грудную жабу, другіе порокъ сердца, а врачъ Макаровъ нашелъ катарръ желудка. Леченіе ему не помогло. Болѣзнь такъ истощила его силы, что онъ едва могъ бродить съ костылемъ по комнатѣ. Такъ прошло 8 мѣсяцевъ. И вотъ, ему приходитъ мысль обратиться къ небесному Врачу: 14 января 1910 года, въ 11 часовъ ночи, когда всѣ домашніе его уснули, онъ тихо всталъ съ постели и началъ усердно, горячо и со слезами молиться о своихъ грѣхахъ предъ иконой Спасителя и Божіей Матери, прося и святителя Питирима быть за него ходатаемъ. Послѣ молитвы, онъ легъ и скоро заснулъ. И вотъ, видитъ онъ, будто стоитъ на нѣкоемъ мѣстѣ г. Тамбова, лицемъ къ собору, какъ бы въ ожиданіи чего-то. Вдругъ въ воздухѣ появился человѣкъ, который идетъ, какъ бы съ горы, прямо на него. Это былъ монахъ, имѣвшій продолговатое лицо, темно-русые волосы, въ клобукѣ и черной мантіи. Приблизившись къ Саяпину, онъ помазалъ ему лобъ, потомъ, разстегнувъ рубашку, сталъ мазать грудь. И больной чувствовалъ, какъ по тѣлу его проходило какое-то пріятное состояніе; онъ хотѣлъ поцѣловать руку монаха, но не успѣлъ: видѣніе сокрылось, и онъ проснулся,—До самаго утра проплакалъ умиленный Саяпинъ, и почувствовалъ значительное облегченіе. Спустя три дня Саяпинъ опять видитъ во снѣ того же монаха, который несетъ ему горящій свѣтильникъ. Передавъ ему свѣтильникъ, монахъ приказалъ нести его въ Казанскій монастырь, а самъ пошелъ за нимъ. У воротъ видѣніе кончилось, и онъ проснулся. Послѣ сихъ явленій Саяпинъ сталъ совершенно здоровъ и не хотѣлъ никому о семъ говорить, но видно самъ угодникъ Божій заставилъ его повѣдать о совершившемся чудѣ. На него вдругъ напала такая тоска, что онъ не зналъ, какъ отъ нея избавиться. Тогда онъ разсказалъ все приходскому священнику, о. Григорію Вадковскому, по его совѣту отправился въ Тамбовъ поблагодарить святителя, 8-го марта 1910 года былъ у его гробницы, узналъ по иконѣ ликъ своего исцѣлителя и о всемъ заявилъ причту собора. Послѣ сего тоска его миновала, и онъ какъ бы вновь переродился.

Но довольно. Всѣхъ чудесъ не перечтешь. Они продолжаютъ совершаться и понынѣ. Тѣ, о которыхъ говорится въ протоколахъ, официально обслѣдованы, подтверждены показаніями, подъ присягой, тѣхъ лицъ, коихъ касаются, надъ коими проявлена милость Божія или же кои были свидѣтелями благодатныхъ знаменій. Это не благочестивыя сообщенія частныхъ лицъ, хотя и достойныхъ вѣры, но все же недостаточно авторитетныхъ, чтобы каждый читатель обязанъ былъ всецѣло имъ довѣрять.

Радуемся новой милости Божіей къ родной Церкви нашей, переживающей трудныя времена. Безконечно милосердый Господь видимо хочетъ подкрѣпить слабѣющую вѣру нашу, и въ дивныхъ знаменіяхъ какъ бы громко зоветъ насъ въ Церкви-матери: смотрите, въ ней, и только въ ней единой, источники благодати; съ нею, и только съ нею, небесная Церковь въ общеніи,

слѣдовательно—въ ней, и только въ ней, чистая истина Хрістова ученія...

Но въ упомянутыхъ протоколахъ звучитъ и скорбная нотка: наши „интеллигенты“, въ липѣ разныхъ врачей, какъ бы стыдятся открыто признать участіе силы Божіей въ чудесныхъ знаменіяхъ, какъ бы стараются ослабить силу свидѣтельствъ относительно болѣзней, которыя сами же лѣчили. Нерѣдко читаешь, что тотъ или другой врачъ отзывается, что онъ „не помнитъ“ той или другой подробности, что „скорбныя листки“ затеряны и под. А одинъ, на просьбу священника, которому было поручено дѣло разслѣдованія чуда, сообщить ему, что онъ знаетъ по сему дѣлу, грубо заявилъ, что „ему нѣтъ охоты возиться съ этимъ дѣломъ, что чудесъ онъ не признаетъ, такъ какъ доказать этого никто не можетъ, равно не желаетъ онъ поддерживать эту вѣру въ чудеса и въ другихъ“. А когда священникъ попросилъ его письменно изложить свой взглядъ на это для комиссіи, врачъ отвѣтилъ, „что писать не желаетъ, такъ какъ онъ человѣкъ занятой: у него въ сутки 24 рабочихъ часа“. Выходитъ, что на словахъ онъ—совсѣмъ „современный“ человѣкъ, „передовой, чуждый предразсудковъ и суевѣрій“, а высказать это на бумагѣ—мужества недостаетъ: пожалуй, къ отвѣту привлекутъ еще... Но отвѣчать ему все-таки пришлось: г. губернаторъ, человѣкъ преданный Церкви, изъявилъ желаніе войти въ составъ подкомиссіи по обслѣдованію даннаго случая, и взялъ на себя трудъ допросить врача, выразивъ надежду, что по отношенію къ нему, какъ губернатору, врачъ будетъ сговорчивѣе и любезнѣе. По другому дѣлу пришлось даже обратиться къ посредству г. Оберъ-Прокурора С. Синода, чтобы вытребовать копіи съ скорбныхъ листовъ изъ петербургской Александровской больницы.

Казалось бы: если нѣтъ чудесъ, то тутъ-то и удобно было бы представителямъ науки войти въ дѣло, чтобы доказать, что всѣ эти комиссіи, обслѣдованія—напрасны, что всѣ такъ называемыя чудеса—явленія естественныя. Но вотъ, подите же: просвѣщенные по духу вѣка сего, ученію Хріста враждебнаго, предпочитаютъ замалчивать такія явленія, доказывая тѣмъ, что и нынѣшніе фарисеи умѣютъ не хуже своихъ предшественниковъ временъ евангельскихъ, закрывать глаза и притворяться, имѣя уши—не слышать, и имѣя очи—не видѣть...

Святитель Питиримъ родился въ 1645 году, въ г. Вязьмѣ. Тамъ онъ принялъ монашество на 21-мъ году жизни, въ Предтечевскомъ монастырѣ, гдѣ до самаго своего святительства, до 1685 года и подвизался, сначала въ числѣ братіи, а потомъ и настоятелемъ. Святительствовалъ въ Тамбовѣ около 13 лѣтъ, и преставился 28 іюля 1698 г. Лѣтописи изображаютъ его въ личной жизни великимъ подвижникомъ, въ пастырскомъ служеніи — ревностнымъ архипастыремъ, ничего не щадившимъ для блага паствы, строившимъ храмы, посѣщавшимъ епархію съ проповѣдію слова Божія, неутомимымъ труженикомъ.

На его гробницѣ, между прочимъ, начертанъ такой стихъ изъ чина погребенія архіерейскаго:

„Въ вѣрѣ и надеждѣ и любви пожилъ еси, приснопамятне: тѣмже превѣчный Богъ, Ему же и работалъ еси, Самъ вчинитъ духъ твой въ мѣстѣ свѣтлѣ и краснѣ, идѣже праведніи упокоеваются, и полу-

чили на судѣ Христовѣ оставленіе и велію милость".

Это, какъ бы, откликъ любящей паствы на смиренную просьбу пастыря въ другомъ, тутъ же начертанномъ, стихѣ:

„Духовная моя братія! не забудите мя, егда молитеся, но видѣвше мой гробъ, поминайте мою любовь и молитеся Христу, да учинитъ духъ мой съ праведными!"

165.

Совершишася!

(На Великую Пятницу).

Какъ много можно сказать однимъ, только однимъ словомъ! Совершилось! Закончено, исполнено...

Нѣтъ сомнѣнія, что это слово произносилось и врагами Господа, нашего Спасителя, когда они, возвратившись съ ужасной Голгоѳы домой, съ чувствомъ сатанинской радости, не разъ повторяли это слово: наконецъ-то, мы достигли столь страстно желанной цѣли: Іисуса Назарянина, нашего неумолимаго Обличителя, нѣтъ больше въ живыхъ; мы не услышимъ больше Его властныхъ, жгучихъ, невыносимыхъ для нашей совѣсти глаголовъ, всегда ставившихъ насъ въ позорное положеніе предъ этимъ невѣжественнымъ народомъ, готовымъ обожать Его, итти за Нимъ въ горы и пустыни, голодать съ Нимъ, чтобы слушать и слушать Его безъ конца! Да! Его больше нѣтъ: теперь намъ нечего бояться, теперь мы—полные господа, вожди народа, и народъ пойдетъ за нами, какъ послушное безсловесное животное, а Его, этого Галилеянина, постепенно забудетъ, и Его новое ученіе развѣется какъ облако, какъ дымъ по вѣтру, и мы спокойно будемъ жить, какъ намъ хочется... Совершилось: кончено, больше Онъ не будетъ преслѣдовать насъ, какъ грозная тѣнь, какъ неумолимый Судія!..

Такъ ликовали книжники и фарисеи, беззаконные іудейскіе архіереи и саддукеи, торжествуя сегодня побѣду свою надъ Пророкомъ изъ Галилеи. Но отвратимъ нашъ мысленный взоръ отъ этихъ гордыхъ представителей іудейской, развращенной до мозга костей интеллигенціи, этихъ богоотступниковъ и христоубійцъ. Перенесемся и мыслію, и сердцемъ на священную Голгоѳу. Здѣсь совершается великая тайна нашего спасенія. Здѣсь приносится безцѣнная Жертва искупленія всего рода человѣческаго. Здѣсь Агнецъ Божій, вземляй грѣхи всего міра, умираетъ на крестѣ. Вотъ Онъ, въ несказанномъ томленіи крестныхъ мукъ взываетъ: „Жажду"! Вотъ Онъ вкушаетъ уксуса, смѣшаннаго съ горькою желчью. Вотъ слышится изъ Его божественныхъ устъ это великое, безконечное по своему значенію, слово: „совершишася!"—Совершилось! возопилъ Онъ въ сознаніи исполненнаго великаго дѣла, порученнаго Ему Отцемъ Небеснымъ: *дѣло совершихъ, Отче, еже далъ еси Мнѣ, да сотворю!* Совершилось! возгласилъ Онъ, какъ Побѣдитель, торжествуя побѣду надъ адомъ и смертью. Совершилось! Еще утромъ сего дня, великаго и единственнаго дня во всемірной исторіи, адъ и смерть царили властно надъ родомъ человѣческимъ, а теперь, въ этотъ священный, таинственный часъ, когда Господь, преклонь главу, послушный волѣ Отца Небеснаго, испустилъ духъ, адъ, по выраженію пѣсни церковной, уже, стеня, вопіетъ,

смерть уже лежитъ, окаянная, безъ дыханія, — исполнилось давно желанное чаяніе народовъ—явился и совершилъ Свое дѣло обѣтованный Примиритель неба съ грѣшною землей, въ беззаконіяхъ зачатаго человѣка съ Богомъ всесвятымъ; немощь человѣческая воспринята въ любовь Божественную, и сею любовію покрыты всѣ долги кающихся, то-есть, алчущихъ и жаждущихъ спасенія, грѣшниковъ... Кто, какой умъ—не говорю человѣческій, но и ангельскій, какой умъ сотворенный въ состояніи обнять и постигнуть все величіе совершеннаго любовію воплотившагося Сына Божія дѣла нашего спасенія?..

Пріидите же и припадемъ къ сему священному Гробу, сокрывающему въ себѣ Источникъ нашей жизни, нашего вѣчнаго спасенія, нашего безконечнаго блаженства! Пріидите и припадемъ къ сему Источнику жизни, Жизнодавцу Господу, и восплачемся предъ Нимъ, какъ плачутъ малыя дѣти, провинившіяся предъ любимой матерью, восплачемся слезами глубокаго сердечнаго раскаянія во грѣхахъ своихъ, раскаянія безъ всякаго самооправданія, въ простотѣ любящаго сердца, предъ любящимъ Отцемъ, Который любитъ насъ нѣжнѣе всякой матери, Который питаетъ насъ тѣломъ Своимъ, поитъ насъ кровію Своею,—восплачемся плачемъ покаянія нераскаяннаго — неизмѣннаго, безповоротнаго! Вѣдь, все это—и эти язвы гвоздинныя, и это прободенное ребро, и эти раны отъ терній на главѣ, и этотъ гробъ—все это—насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія! Вѣдь, все это—дѣло единственно любви Божіей, которая привлекла и Божію премудрость, и Божіе всемогущество, и всѣ совершенства Божіи для сего великаго дѣла. И вѣщаетъ въ совѣсти нашей сія Любовь безконечная: людіе Мои, винограде Мой возлюбленный! Что еще сотворю вамъ? чего еще не сотворилъ? Ждалъ Я, что вы принесете Мнѣ гроздіе добрыхъ дѣлъ, а вы приносите только терніе грѣховъ! Доколѣ же это будетъ? Доколѣ еще буду терпѣть васъ? Время житія вашего течетъ, течетъ и къ концу приближается, а вы все еще коснѣете въ привычныхъ и вашему сердцу столь любезныхъ грѣхахъ, коснѣете и ваше сердце все больше срастается съ ними, все грубѣе становится ваша душа, засыпаетъ въ васъ совѣсть, оземленяется, въ плоть обращается духъ... Всему есть мѣра, всему предѣлъ: есть предѣлъ и Божію долготерпѣнію, тѣмъ паче есть предѣлы человѣческимъ силамъ и способностямъ. Правда, нѣтъ предѣла Божію милосердію, но когда люди ожесточаются въ грѣхолюбіи до такой степени, что теряютъ уже и самую способность къ покаянію, тогда сама благость Божія изрекаетъ Свой праведный судъ о нихъ: каждый лишній день, каждый часъ жизни на землѣ для нераскаянныхъ грѣшниковъ только увеличиваетъ ихъ бремя грѣховное, только собираетъ угліе огненное гнѣва Божія на нихъ: изъ милосердія къ нимъ настало время, пробилъ часъ прекратить ихъ жизнь... И долготерпѣніе Божіе къ таковымъ истощается, и настаетъ для нихъ часъ перехода—увы—не въ вѣчную жизнь, а въ муки безконечныя!..

Если когда, то здѣсь, у гроба нашего Спасителя, когда особенно пробуждается наша совѣсть, когда во всей необъятной полнотѣ раскрывается Божіе долготерпѣніе, Божія любовь къ намъ, грѣшнымъ—теперь-то и время плакать о грѣхахъ...

Братіе! Кто еще не принесъ покаянія? Кто не соединился съ Господомъ въ святѣйшемъ таинствѣ

Причащенія тѣла и крови Его? Спѣшите это сдѣлать немедля, раскройте свои раны грѣховныя у сего священнаго гроба, предъ отцемъ духовнымъ, сегодня же, а завтра приступите къ Чашѣ Господней... Грядущій свѣтлый праздникъ Воскресенія Хрістова несетъ вѣрующей душѣ и радость свѣтлую, а способна ли воспринять эту радость душа, грѣхами помраченная? Се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія! Кто знаетъ? Не стоимъ ли мы на самой послѣдней грани Божія долготерпѣнія? Не дошли ли въ своемъ грѣховномъ ожесточеніи до того, что скоро уже и неспособны будемъ къ покаянію?..

О, премилосердый Господи, насъ ради распятый и во гробѣ положенный! Ты расположилъ сердце сораспятаго съ Тобою благоразумнаго разбойника къ покаянію, Ты коснулся сердецъ и тѣхъ, которые возвращались съ страшной Голгоѳы, біюще въ перси своя! Умягчи и наши сердца; открой и наши очи, чтобы мы могли видѣть всю бездну грѣховную, въ какую мы впали, простри и намъ изъ гроба Твоего Твою спасающую десницу и даждь прежде конца, даждь нынѣ же, здѣсь же пролить горькія слезы сердечнаго покаянія и уже не возвращаться на путь грѣха и вѣчной погибели! Аминь.

166.

Наше Солнце—Хрістосъ!

Хрістосъ воскресе!

Что произошло бы съ нашею землею, если бы погасло солнце?

Безъ сомнѣнія, что всякая жизнь на ней исчезла бы, погибли бы не только всѣ живыя существа, но и растенія, океаны обратились бы въ сплошныя льдины, все погрузилось бы въ совершенную тьму, все стало бы достояніемъ царства смерти и ужаса...

А что сталось бы съ родомъ человѣческимъ, если бы не воскресъ Хрістосъ? если бы это живоносное и животворное Солнце наше осталось бы во мракѣ гробовой пещеры Іосифа Аримаѳейскаго, если бы не возсіяло оттуда во славѣ Божества?..

О, конечно, родъ человѣческій всецѣло погрузился бы въ совершенную тьму безбожія, сталъ бы игралищемъ страстей, люди уподобились бы скотамъ несмысленнымъ, превратились бы въ лютыхъ, неукротимыхъ звѣрей, а затѣмъ, извращая остатки образа Божія въ своей духовной природѣ, грубѣя нравственно, тупѣя умственно, выраждаясь физически и истощая себя въ гнуснѣйшихъ порокахъ, и совсѣмъ истребили бы сами себя...

Разъ это уже едва и не совершилось въ исторіи. О допотопномъ мірѣ Самъ Богъ свидѣтельствовалъ, что всѣ люди стали плотью... И волны потопа смыли нечестивцевъ съ лица земли и только тѣмъ остановили конечную гибель міра. Но допотопные люди, повидимому, еще не дошли до полнаго физическаго вырожденія: по крайней мѣрѣ, Библія говоритъ, что тогда были люди исполины, слѣдовательно, еще сильные физически. А то безбожіе, то развращеніе, къ коему толкаютъ родъ людской современные проповѣдники всяческихъ свободъ, всяческихъ модныхъ нынѣ антихрістіанскихъ ученій, грозитъ намъ нравственнымъ развращеніемъ до одичанія, умственнымъ потемнѣніемъ—до безумія, физическимъ вы-

рожденіемъ—до жалкаго состоянія идіотовъ — полумертвецовъ, а затѣмъ, повторяю — всеобщею гибелью человѣка на землѣ... И пусть не обманываютъ себя тѣ безумцы, которые мечтаютъ, погасивъ вѣру въ Бога, обративъ людей въ животныхъ, господствовать надъ ними: непреложный законъ правды Божіей, о которой они не хотятъ и слышать, совершитъ свой судъ и надъ ними, какъ было нѣкогда съ Навуходоносоромъ, царемъ Вавилонскимъ, который возгордился противъ Бога и превращенъ былъ въ звѣря, питался травою, какъ волъ, пока не смирился, пока не исповѣдалъ Божію правду и Божіе всемогущество...

Не допустилъ Господь и древнему міру дохрістіанскихъ временъ дойти до такого состоянія: милосердый Творецъ видѣлъ, что человѣчество гибнетъ, и поспѣшилъ послать Сына Своего Единороднаго, да спасется Имъ міръ... Видѣлъ Всевѣдущій, что въ грѣшномъ человѣчествѣ, погруженномъ во тьму идолопоклонства, еще таятся зачатки вѣры, еще не совсѣмъ померкла совѣсть, еще люди, по крайней мѣрѣ лучшіе изъ людей, какъ бы ощупью ищутъ Бога, ставятъ жертвенникъ невѣдомому Богу, ждутъ Примирителя, смотрятъ на небо, ожидая свѣтлой звѣзды, которая должна указать имъ Желаннаго и Ожидаемаго... И вотъ Онъ, Избавитель міра, Надежда рода человѣческаго, Онъ, Обѣтованный Владыка Хрістосъ, явился въ міръ, какъ Сынъ Дѣвы изъ Назарета, смиренно пожилъ среди людей, принесъ Себя, яко агнецъ, въ жертву искупленія рода человѣческаго, умеръ на крестѣ, положенъ во гробѣ яко смертный,—Онъ, Солнце правды, зашелъ подъ землю, снисшелъ до глубинъ адовыхъ... Что сталось бы съ нами, если бы Онъ остался тамъ?.. Но—слава Ему, ада Побѣдителю и смерти Умертвителю!—Онъ извелъ оттуда узниковъ, Онъ Себѣ взялъ ключи ада и смерти, и торжественно, яко Владыка жизни, яко Живоносецъ, возсіялъ изъ гроба, яко Женихъ отъ чертога—весь Радость, весь Благость, весь Любовь... и ликующая Церковь, привѣтствуя Его, восклицаетъ: гдѣ ти, смерте, жало? Гдѣ ти, аде, побѣда? Взошло наше Солнце красное, Солнце правды, Солнце жизни вѣчной, незаходимое, взошло, обогрѣло міръ Своими лучами, влило жизнь въ умирающее человѣчество, разогнало тьму невѣдѣнія, идолослуженія, тьму всяческихъ заблужденій и пороковъ, бросило свои свѣтлые лучи на лице земли, и увидѣли люди всѣ сѣти сатанины, для нихъ раскинутыя, и ужаснулись ихъ, и побѣжали отъ нихъ, но ужаснулся и врагъ Бога и людей отъ славы Креста Хрістова, и убѣжалъ въ свою преисподнюю, и разлилась повсюду радость всемірная, ликованіе, торжество воскресенія, побѣды надъ смертью...

Грѣшны мы, немощны, не умѣемъ, еще неспособны радоваться радостію небесною, какъ подобаетъ, какъ радуются Ангелы и святые Божіи на небесахъ; но и мы, внимая слову великаго Златословеснаго учителя, нынѣ не плачемъ о грѣхахъ своихъ, не оплакиваемъ своего убожества: и мы сегодня чувствуемъ, какъ наше грѣшное сердце, въ мѣру нашего смиренія и вѣры, наполняется этой радостью небесной, и оно, это слабое, измученное суетою житейской сердце ощущаетъ ликованіе съ нами всего міра видимаго и невидимаго, и небожителей на небѣ, и всей твари, каждой былинки на землѣ... Все, все, ликуя, восклицаетъ съ нами: Хрістосъ воскресе! Хрістосъ воскресе! Хрістосъ воскресе!..

Да иначе и быть не можетъ: какъ не ликовать, когда мы знаемъ, что если бы Христосъ не воскресъ, то и вѣра наша потеряла бы всякій смыслъ, и мы, по выраженію Апостола были бы „лжесвидѣтелями о Богѣ, потому что свидѣтельствовали бы о Богѣ, что Онъ воскресилъ Христа, Котораго Онъ не воскрешалъ“, мы были бы „несчастнѣе всѣхъ человѣковъ“... Но—Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ—и мы радуемся, мы торжествуемъ Его побѣду надъ смертію: вѣдь это—наша побѣда, вѣдь Онъ, нашъ Спаситель, сталъ первенцемъ изъ воскресшихъ въ вѣчную жизнь; Онъ и намъ проложилъ путь къ воскресенію, къ вѣчной жизни. Да и сама тварь, даже неодушевленная тварь,—ибо Богу всемогущему и неодушевленная тварь внемлетъ съ благоговѣніемъ, и неразумная повинуется яко разумная,—и сія тварь, по ученію Апостола Павла, надѣется, что нѣкогда будетъ освобождена отъ рабства тлѣнію въ свободу славы чадъ Божіихъ (Рим. 8, 22). Вотъ почему сердце такъ радостно откликается на радость твари земной въ праздникъ Воскресенія Христова: оно знаетъ, что Солнце правды—Христосъ Своею благодатію согрѣваетъ весь міръ, Своимъ воскресеніемъ предначинаетъ воскресеніе и обновленіе всего міра, не исключая и неразумной видимой твари...

Братія мои! Чада ликующей Церкви!

Цѣлымъ сердцемъ раздѣляя съ вами свѣтлую радость праздника Воскресенія Христова, я не хотѣлъ бы бросать, хотя ничтожную, тѣнь на эту радость. Но долгъ пастыря, но истинная любовь, желающая вамъ всѣхъ благъ отъ воскресшаго Господа, властно повелѣваютъ мнѣ не скрывать отъ васъ той опасности, которая и среди свѣтлой радости Воскресенія постоянно грозитъ намъ въ сей юдоли земной: берегитесь, чтобы врагъ незамѣтно не увлекъ васъ въ искушенія отъ плоти и міра, чтобы потомъ, затемнивъ умъ вашъ служеніемъ страстямъ, отравивъ сердце самоцѣномъ и самооправданіемъ, отвлечь отъ матери—Церкви и погрузить во тьму современныхъ лжеученій и тонкаго язычества...

Воскресшій Господь да осѣнитъ васъ Своею благодатію, да покроетъ и оградитъ отъ такихъ искушеній, да сохранитъ вѣрными и послушными чадами Своей непорочной невѣсты, а нашей матери—Церкви! О Немъ и радуйтесь радостію небесною, неизглаголанною, радуйтесь и носите въ своихъ устахъ, въ своихъ сердцахъ сей глаголъ радости: Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! Аминь.

167.

Урокъ съ неба.

Наконецъ-то Православная Русь дождалась столь желаннаго и давно ожидаемаго дня, когда отъ всего, любовью къ родинѣ пламенѣющаго сердца можетъ воскликнуть къ великому печальнику Православія и родной Руси: „Святителю отче Ермогене, моли Бога о насъ!“ [1])

Нигдѣ, ни въ одной странѣ въ мірѣ, съ той поры, какъ, 1600 лѣтъ

---

[1]) Святѣйшій патріархъ подписывалъ свое имя не *Гермогенъ*, а *Ермогенъ*, почему С. Синодъ и принялъ въ службѣ ему это начертаніе имени: *Ермогенъ*. Прославленіе Святителя назначено на 12-е мая. Знаменательно, что это—день памяти и друга его, сотрудника въ подвигахъ защиты Церкви и отечества—преподобнаго Діонисія, архимандрита Св. Троицкой Сергіевы Лавры. Обитель Преподоб-

назадъ, Великій Константинъ провозгласилъ въ Миланѣ свой достопамятный эдиктъ о свободѣ Хрістіанской вѣры, —нигдѣ святая вѣра Православная не имѣла такой жизненной, можно сказать — животворной, связи съ жизнью души народной, какъ у насъ на Руси. Церковь Православная воспріяла нашъ народъ въ его младенчествѣ, она воспитала его душу въ святыхъ идеалахъ Христова ученія, она дала ему и просвѣщеніе, и все, что на Западѣ принято называть культурою,—не въ смыслѣ матеріальныхъ удобствъ жизни, а въ смыслѣ духовнаго облагороженія,— она оберегала его отъ всякихъ покушеній внѣшнихъ враговъ, она же охраняла душу его отъ покушеній гордыхъ владыкъ Рима, да и теперь она, и — увы! — почти только она одна отстаиваетъ святыню его завѣтовъ отъ всякихъ сумасбродныхъ сектъ и ересей.

Мы переживаемъ время борьбы за всѣ святыни народнаго сердца, и вотъ, судьбами Божіими, съ высоты небесной, изъ глубины вѣковъ минувшихъ, встаетъ предъ нами, какъ свѣтлый вождь, съ жезломъ патріаршескимъ, въ вѣнцѣ мученичества, великій святитель древней Руси, славный адамантъ, крѣпкій столпъ непоколебимый, святѣйшій патріархъ Ермогенъ... Встаетъ онъ во всемъ величіи славы небесной, какъ угодникъ Божій, въ чудесахъ Богомъ прославляемый, встаетъ, чтобы сказать намъ: Православные Русскіе люди!.. Не унывайте, не смущайтесь тою духовною смутою, какою окутываетъ васъ духъ вѣка сего антихрістіанскаго: Іисусъ Хрістосъ вчера и днесь Той же и во вѣки! Взирайте на скончаніе моего жительства и подражайте вѣрѣ моей! Я вѣровалъ въ непобѣдимую силу нашего святаго Православія, нашей Церкви святой, вѣровалъ, за вѣру пострадалъ и мученически скончался: и — побѣдилъ! Вѣрьте и вы, небоязненно исповѣдуйте истину Хрістову, и вы побѣдите... Вѣдайте, что всѣ мы, ваши духовные предки, всѣ святые Божіи, за православіе крѣпко стоявшіе — съ вами; съ вами и я, смиренный Ермогенъ, вашъ вождь и заступникъ предъ Богомъ!

Знаютъ наши заклятые враги, въ чемъ сила Руси святой, и всѣми силами подкапываются подъ святую Церковь Православную. Вѣра православная есть душа души народной, и вотъ эту-то душу они и стараются убить въ нашемъ народѣ. Но наши „небесные сродники“ — святые угодники, родные намъ не только по духу, по вѣрѣ, но и по плоти всегда стоятъ на стражѣ и готовы намъ на помощь, и отъ насъ зависитъ,—принять или оттолкнуть эту помощь. Повторяю: особенно это ощутительно въ наше скорбное, смутное время. Въ теченіе десяти — только десяти лѣтъ, со дня Саровскихъ торжествъ, Господь прославилъ, т. е., послалъ намъ на помощь: Преподобнаго Серафима, Святителя Іоасафа, а нынѣ чудесными знаменіями прославляетъ Патріарха Ермогена. Кромѣ того: возстановлено чествованіе памяти преподобной княгини Анны Кашинской и преподобнаго Евфросина Синеозерскаго. Я уже писалъ, что въ С. Синодѣ прошло дѣло о прославленіи святителя Питирима Тамбовскаго. Вид-

---

наго Сергія будетъ праздновать память святыхъ друзей совмѣстно. Міръ, признавая ихъ заслуги предъ отечествомъ, хочетъ ставить имъ мірской памятникъ вмѣстѣ, а св. Церковь, какъ бы по внушенію Божію соединяетъ ихъ память въ одно число, ибо при избраніи числа никому и на мысль не приходило такое совпаденіе.

но велики опасности грозятъ Церкви Божіей, когда является толикъ облакъ свидѣтелей ея истины, Божіихъ угодниковъ, и притомъ облеченныхъ чудесными знаменіями... Но если такъ, а въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, то и мы должны проснуться отъ того нечувствія, той холодности—хуже, чѣмъ холодности къ родной вѣрѣ, которая такъ обуяла насъ въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ новыхъ, разрушительныхъ вѣяній... Да, пора проснуться! Насъ будятъ угодники Божіи! Горе намъ будетъ, если мы не проснемся, если цѣлымъ сердцемъ не откликнемся на ихъ призывающій къ покаянію гласъ!

Вотъ, думаю я, смыслъ того голоса съ неба, который вотъ уже десять лѣтъ раздается въ нашей совѣсти, раздается въ нашей Церкви Православной. Этотъ голосъ обращенъ первѣе всего къ намъ, пастырямъ Церкви. Мы должны быть его истолкователями. Мы прежде всего должны воспринять его въ свою душу, въ свое сердце. Намъ болѣе, чѣмъ кому-либо грѣшно не понимать „знаменій времени“. А знаменія грозныя... Я не разъ говорилъ о нихъ, раскрывая язвы современной жизни. Но это еще знаменія только отрицательныя. Есть и положительныя—это вотъ чудеса, совершающіяся у гробовъ святыхъ Божіихъ. Безъ нужды Богъ чудесъ не творитъ. Онъ творитъ ихъ лишь тогда, когда нужно укрѣпить слабѣющую вѣру. И если чудеса учащаются, то значитъ слабѣющая вѣра нуждается въ подкрѣпленіи—не въ тѣхъ, кто своею вѣрою привлекаетъ чудеса, но—и главнымъ образомъ въ тѣхъ, которые охладѣли къ вѣрѣ. Пастыри Церкви! Будите вѣру въ дремлющихъ православныхъ, возжигайте ее въ тѣхъ, въ комъ она погасла. А это возможно только при условіи: если въ самихъ себѣ будемъ возгрѣвать даръ Божій, живущій въ насъ, по слову Апостола, возложеніемъ рукъ преемниковъ Апостольскихъ. Чѣмъ возжигать? — Глубокимъ сознаніемъ своей немощи, своего духовнаго убожества, смиренною жалобою на себя предъ милосердымъ Господомъ, общеніемъ съ Нимъ въ святѣйшемъ Таинствѣ Евхаристіи, смиреннымъ исполненіемъ заповѣдей Господнихъ и, наконецъ—живымъ, постояннымъ сознаніемъ близости суда Божія надъ грѣшниками, отъ нихъ же первый есть каждый изъ насъ. Кто знаетъ, что грядетъ на грѣшный родъ людской и грядетъ, можетъ быть, уже скоро-скоро?.. Если не на весь міръ, то на нашу грѣшную Русь? Если не на всю Русь, то—на тѣхъ, кто является болѣе за нее отвѣтственнымъ предъ Богомъ? А кто—какъ не мы?!

Простите мнѣ, отцы и братія! Я не разъ писалъ и не перестану писать, не перестану кричать, что не всѣ мы—о, какъ далеко не всѣ!—стоимъ на правомъ жизненномъ пути! Мы вотъ все толкуемъ о жалованьи, объ обезпеченіи... Да развѣ мы не видимъ, къ чему дѣло идетъ? Еще такъ недавно въ нашемъ законосовѣщательномъ учрежденіи, такъ называемые якобы „лучшіе люди“ отказали въ путевыхъ издержкахъ священникамъ, церковною властію избраннымъ и посвященнымъ, на проѣздъ за десятокъ тысячъ верстъ, туда, гдѣ некому совершить крещеніе, причастить больного, на одрѣ смерти лежащаго, отказали подъ постыдно-лицемѣрнымъ предлогомъ, якобы сіи пастыри не отвѣчаютъ своему назначенію... Да развѣ сіи господа призваны экзаменовать пастырей? Развѣ они лучше святителей, властей церковныхъ, понима-

ютъ: кто достоинъ, кто недостоинъ?.. Это—наши кадеки-то, враги Церкви, судьи въ такомъ дѣлѣ?..

Такъ вотъ, добрые работники на нивѣ Божіей, и судите: можно ли расчитывать на такихъ „законосовѣщателей“, чтобы они дали вамъ жалованье!.. Правда, они составили въ своихъ „фракціяхъ“—фу, и не выговоришь, какое нехорошее слово!—проектъ обезпеченія духовенства, но подъ условіемъ, чтобъ приходъ былъ организованъ такъ, какъ имъ это будетъ угодно, а не такъ, какъ повелѣваютъ каноны церковные. А это значитъ: разрушить весь православный строй нашей церковной жизни. Вотъ какою цѣною они предлагаютъ вамъ жалованье. Да вѣдь это—воистину ножъ, медомъ помазанный! Это—покушеніе на самую Церковь! Ея порабощеніе! Нѣтъ, такія предложенія можно назвать предательскими. Тяжкій грѣхъ былъ бы, если бы мы дали согласіе на нихъ. Нѣтъ, ужъ лучше „страдать съ народомъ Божіимъ, нежели царствовать съ египтянами!“

Но все это я говорю къ тому, что всѣ обстоятельства какъ бы указуютъ намъ, что нѣтъ у насъ надежды, кромѣ Господа Бога, что пора наконецъ намъ увѣровать въ слово Его непреложное: „ищите прежде царствія Божія и правды Его и сія вся приложатся вамъ“. Вѣдь Онъ видитъ все тяжелое положеніе наше какъ въ отношеніи нашихъ нуждъ земныхъ, такъ и въ отношеніи великой тяготы служенія нашего пастырскаго: сколько у насъ враговъ! какъ они хитры, лукавы! какъ они вводятъ въ заблужденіе нашихъ друзей даже! Приведу послѣдній примѣръ: въ нѣсколькихъ патріотическихъ газетахъ появилось ошеломляющее извѣстіе, будто въ Енисейской епархіи покончили самоубійствомъ 6 священниковъ! На повѣрку оказывается, что извѣстіе это пустила въ ходъ іудейская „Сибирская Жизнь“, что изъ 6-тидва случая не самоубійства, а убійства, что въ теченіе послѣдняго года было только два случая, а два остальные начиная съ 1891 года по сіе время, на протяженіи 22 лѣтъ... А благожелательная къ Церкви газета, попавшись на удочку, уже дѣлаетъ выводы: какое у насъ духовенство, какіе у Восторгова курсисты! И такимъ образомъ помогаетъ клеветникамъ взводить на насъ клеветы...

Чѣмъ ограждать себя отъ такихъ похуленій? Да всего лучше — всепрощеніемъ! Вспомните, что преподобный Іоаннъ Лѣствичникъ заповѣдуетъ монаху: „пей поруганіе какъ воду живую!“ Въ наше, особенно въ наше тяжелое для Церкви время прикладно и іереямъ Божіимъ „пить“ это поруганіе безмолвно: есть Судія на небѣ: Онъ и разсудитъ! Господь сказалъ: „аще Мене изгнаша, и васъ ижденутъ, аще Мое слово соблюдоша, и ваше соблюдутъ“. Если только и слышишь поруганіе Его святаго имени, издѣвательства надъ Его невѣстою—Церковію святой, то что дивнаго, если поносятъ и наше званіе, если на насъ клевещутъ, взводятъ небылицы? Вотъ была бы бѣда, вотъ когда не было бы ни въ чемъ для насъ ни утѣшенія, ни оправданія, еслибы на дѣлѣ были поводы къ такому поношенію. А если на насъ взводятъ неправду, то— *блаженни есте, егда поносятъ васъ*, рече Господь.

Всякій пастырь есть подвижникъ, есть крестоносецъ. Не напрасно онъ носитъ крестъ на персяхъ: это—символъ его исповѣданія, его подвига. Не напрасно дано это святое знаменіе на перси *всѣхъ* іереевъ именно въ *наше* время: нынѣ служеніе пастырское не можетъ не быть по-

двигомъ крестнымъ, если пастырь не захочетъ быть наемникомъ; если понесетъ свой крестъ изъ любви къ Тому, Кто наложилъ его. Не напрасно Господь и воздвигаетъ въ наши дни изъ вѣковъ минувшихъ такихъ подвижниковъ-пастырей, какими были Питиримъ Тамбовскій, Іоасафъ Бѣлгородскій, а наипаче—исповѣдникъ и священномученикъ за отечество—Патріархъ Ермогенъ. Въ этомъ и утѣшеніе наше и поученіе! Утѣшеніе: ибо мы не одиноки, мы не покинуты, съ нами незримо святые наши заступники и за Русь нашу предъ Богомъ печальники, а стало быть и за насъ, грѣшныхъ. Поученіе: то ли еще терпимъ мы, что терпѣли они, что терпѣлъ великій святитель Ермогенъ! Его въ сырой подвалъ заключили, голодомъ заморили, а мы еще—слава Богу — въ своихъ жилищахъ обитаемъ, еще хлѣбъ насущный имѣемъ. Надъ нимъ всячески издѣвались, всякую пакость причинить старались, а мы—какъ никакъ—пока еще подъ защитою законовъ живемъ... А если и приходится нѣкое безчестіе понести, то Богъ попускаетъ сіе въ мѣру немощи нашей и помогаетъ въ подвигѣ, а между тѣмъ мы становимся причастниками скорбей святыхъ Божіихъ и, слѣдовательно — участниками ихъ небесной награды: *радуйтеся*, глаголетъ Господь, *и веселитеся; яко мзда ваша многа на небесѣхъ.*

А вы, міряне, крѣпче держитесь завѣтовъ матери-Церкви Православной. Во смиреніи сердца старайтесь исполнять заповѣди Христовы по слову Его: „да не увѣсть шуйца, что творитъ десница твоя". Помните, что добро, сдѣланное напоказъ, чтобъ люди его видѣли, не есть добро въ очахъ Божіихъ. Такимъ добромъ хвалятся всѣ сектанты и—за такое добро воспріемлютъ мзду свою, лишаясь награды на небесахъ. Если видите немощи и недостатки пастырей, то покройте ихъ любовію, да и Богъ покроетъ грѣхи ваши. Не подражайте среднему сыну Ноя, какъ ни больно на душѣ видѣть въ пастыряхъ такія немощи, но — кто безъ грѣха? Пастыря врагъ искушаетъ больше, чѣмъ пасомаго, ибо пастырь итти долженъ впереди пасомыхъ и указывать имъ путь къ небу. Если можете, не нарушая мира, постарайтесь любовью воздѣйствовать на пастыря, на его совѣсть... Не выносите на улицу, въ газеты, недостатковъ духовенства: если ревность о славѣ Божіей требуетъ обличенія кого-либо изъ пастырей, то повѣдайте архипастырю, повѣдайте въ духѣ любви къ немощному, не изъ-за угла, не анонимами, а прямо, лицемъ къ лицу... Изъ газетныхъ обличеній ничего, кромѣ соблазна, не выйдетъ... Вѣдь, въ общемъ-то, наше духовенство все же выше по нравственности, чѣмъ, въ общемъ же—міряне. Вѣдь, и они—не ангелы, и съ ними бываютъ искушенія... А тебя, овца словесная, кто призвалъ быть судіею твоего пастыря? У него есть судія—архіерей, и сего довольно... Ужели іудеи и іудействующіе редакторы разныхъ лѣвыхъ листковъ могутъ быть безпристрастными судіями въ дѣлѣ пастырства? Да они рады бываютъ облить помоями не только немощнаго пастыря, но будь—хоть о. Іоаннъ Кронштадтскій—и того готовы обезчестить... И съ такими-то господами не грѣшно ли имѣть дѣло православнымъ людямъ?

О, какое тяжелое время мы переживаемъ! Тысячу разъ повторяешь это слово, и все не выскажешь того горя, которое накипѣло въ душѣ! Куда ни оглянись—вездѣ все немощи, все пороки, всѣ судятъ и осуждаютъ другъ друга, а кто чистъ

отъ скверны, по слову Писанія? Кто изъ васъ безъ грѣха—первый брось камень на служителя Церкви, или даже на своего собрата ближняго-мірянина? И если Самъ безгрѣшный Господь, прежде Своего суда, не сдѣлалъ сего по вызову фарисеевъ, то не будьте же фарисеями, загляните въ свою совѣсть, лучше вздохните къ Богу о своихъ грѣхахъ и возблагодарите Его милосердіе къ намъ, грѣшнымъ, что не поставилъ Онъ благодатной силы таинствъ церковныхъ въ зависимость отъ достоинства или недостоинства совершающаго ихъ служителя Церкви Своей. Богу прежде всего нужно наше смиренное сердце, а не фарисейская добродѣтель. Есть смиренная добродѣтель—Онъ ее пріемлетъ яко злато мытарево, и вздохъ покаянный Ему дороже жертвъ и овновъ тучныхъ, а нѣтъ смиренія—всуе всѣ подвиги, всѣ твои добродѣтели!

Такъ жили, такъ учили, такъ заповѣдали и намъ жить наши великіе подвижники смиренія, особенно тѣ, коихъ Господь прославляетъ въ наше грѣшное, гордое время. Достойно вниманія, что именно смиреннѣйшихъ угодниковъ Своихъ являетъ Господь въ наши дни. Именно такими были: Ѳеодосій Черниговскій, Іоасафъ Бѣлгородскій, Питиримъ Тамбовскій, Серафимъ Саровскій. Да и святитель Ермогенъ являлъ во всемъ величіи свое смиреніе въ подвалѣ Чудова монастыря. Будемъ же взирать на эту жемчужину духовную, именуемую смиреніемъ, въ сихъ святыхъ Божіихъ и учиться подражать сей добродѣтели. Она не требуетъ ни богатства, ни способностей, ни тѣлесныхъ подвиговъ: *смирихся*, говоритъ царь Давидъ, *и спасе мя Господь*. Богъ не взыщетъ милостыни отъ нищаго, не взыщетъ поста строгаго—отъ болящаго, не потребуетъ поклоновъ и другихъ подвиговъ отъ немощнаго, а смиренія отъ всѣхъ потребуетъ—безусловно!

А есть-ли это мытарево злато у того, кто осуждаетъ ближняго, кто выноситъ чужіе грѣхи на улицу?...

Да, много грѣховъ скопилось на русской душѣ. Но тяжелѣе всѣхъ—грѣхъ гордости, пренебреженія къ завѣтамъ родной Церкви, грѣхъ взаимнаго осужденія. Всѣ мы заражены, въ большей или меньшей степени, этимъ грѣхомъ. Всѣ повинны въ немъ. Да еще и сознать его не хотимъ: все оправдываемся, ссылаясь на свою якобы ревность о чистотѣ нравовъ, о пользахъ Церкви, или же прикрываясь сожалѣніемъ о печальномъ положеніи дѣлъ... А того не спросимъ: наше ли это дѣло-то? А, между тѣмъ, грѣхъ осужденія отнимаетъ цѣну и у того малаго добра, какое, намъ кажется, мы еще творимъ. Вотъ отъчего и бѣдствуетъ наша Русская земля. Оттого и смуты, и ереси, и расколы, и раздоры... Всякому хочется выставить свое „я“ впередъ, перевести эту букву съ русскаго „я“ на славянскій „азъ“... Хотя въ другихъ случаяхъ мы славянскаго-то языка и не долюбливаемъ.

Православные Русскіе люди! Пожалѣемъ нашу матушку Русь: видите—ее жалѣютъ и родные намъ святые угодники Божіи, ее не забылъ еще и Господь.... Пожалѣемъ себя, своихъ дѣтей, свои будущія поколѣнія! Познаемъ свой господственный грѣхъ, смиримся предъ Богомъ, смиримся другъ предъ другомъ, смиримся и примиримся, и будемъ чистосердечно каяться въ своихъ грѣхахъ и за себя, и другъ за друга, любовію покрывая другъ друга. Этому поучаютъ насъ новопрославляемые Богомъ святители—заступники предъ Богомъ за Русь Православную...

О, святителіе Хрістовы, столпы Церкви непоколебимые, заступники Руси нашей непреоборимые! Сбились мы съ путей, вами завѣщанныхъ, уклонились съ путей заповѣдей Божіихъ. Не покиньте насъ, блуждающихъ, прострите руку помощи, поставьте на вѣрныя стези освѣтите сіи стези свѣтомъ той благодати, которая просвѣщаетъ и освящаетъ всякаго человѣка! Спасите Русь, не дайте ей погибнуть во мракѣ современныхъ мудрованій: ваша молитва крѣпка у Бога...

168—169.

Одинъ изъ невидныхъ стражей души народной.

(Памяти моего дядюшки).

Помянухъ дни древнія и поучахся...

Наше мутное и смутное время невольно заставляетъ переноситься мыслію къ первымъ вѣкамъ христіанства, ко временамъ гоненій на вѣру Хрістову и страшно становится, когда помыслишь: какъ далеко ушли мы отъ тѣхъ вѣковъ — не говорю уже въ жизни, но и въ мысли, въ міросозерцаніи, въ самыхъ идеалахъ, столь помутившихся и потускнѣвшихъ въ нашемъ сознаніи...

Вотъ примѣръ. Древніе христіане называли смерть *успеніемъ*, *преставленіемъ*, а день смерти даже — *днемъ рожденія* — рожденіемъ въ другую лучшую жизнь. Оттого и праздновали день кончины мучениковъ и другихъ святыхъ какъ радостный праздникъ, какъ торжество надъ смертью. „Почиваетъ въ мирѣ“, „почиваетъ во Хрістѣ“ — вотъ обычныя надписи на мѣстахъ погребеній въ древнихъ катакомбахъ, этихъ *усыпальницахъ*, гдѣ погребено до 300,000 мучениковъ... А нынѣ?... Пышныя нагробія, вовсе не нужные покойнику вѣнки, суета суетъ, которая однакоже стоитъ тысячи и сотни тысячъ,—стоитъ столько, что на эти деньги можно бы построить сотни храмовъ Божіихъ тамъ, гдѣ православная душа жаждетъ мѣста молитвы, но не имѣетъ сего утѣшенія... А вѣдь въ этихъ храмахъ Божіихъ до скончанія вѣковъ приносилась бы безкровная Жертва за упокой души тѣхъ, которые теперь поколятся подъ безполезными для нихъ памятниками!..

Но отвратимъ очи свои отъ этой суеты. Утѣшимъ себя тѣмъ, что и въ наши дни есть рабы Божіи, отходящіе въ другую жизнь „въ мирѣ“, съ надеждою воскресенія, какъ-бы на временный покой послѣ трудовой жизни въ этой юдоли скорбей. У ихъ гроба какъ-то тепло становится на душѣ, мысль о смерти отходитъ на второй планъ, на мѣсто ея является созерцаніе таинства смерти... „Спитъ спокойно во Хрістѣ“, думается, когда смотришь на спокойное лицо усопшаго, или лучше: „созерцаетъ въ благоговѣніи то, что для насъ еще закрыто, невѣдомо, но что ему—усопшему—теперь открылось, стало уже не предметомъ вѣры, а живою дѣйствительностью“...

И сердце спрашиваетъ почившаго: въ чемъ тайна его спокойствія? Почему у его гроба не вѣетъ призракъ смерти, почему такъ тянетъ именно къ этому покойнику: тогда

какъ отъ другого бѣжать хочется? И тайный голосъ, голосъ совѣсти нашей отвѣчаетъ намъ: посмотрите, оглянитесь на его жизнь, и вы все поймете...

5 февраля скончался почтенный старецъ, мой дядюшка, протоіерей Григорій Іоанновичъ Грузовъ, на 89-мъ году своей труженической, праведной жизни. 65 лѣтъ служилъ онъ въ священномъ санѣ, почти 55 лѣтъ — въ одномъ и томъ же бѣдномъ приходѣ, и только тяжкая болѣзнь заставила его разстаться съ любимою паствою, съ тѣми, кого онъ крестилъ, вѣнчалъ, съ кѣмъ дѣлилъ всѣ скорби и радости... Помнится, разъ, проѣзжая чрезъ Кострому, я стоялъ обѣдню въ соборѣ, гдѣ служилъ преосвященный Тихонъ. На семъ служеніи онъ далъ санъ протоіерея одному вотъ изъ такихъ смиренныхъ служителей алтаря, восьмидесятилѣтнему старцу: во время причастнаго стиха, онъ представилъ мнѣ сего старца съ словами: „вотъ кѣмъ стоитъ Русская земля!“ Да, вотъ такими смиренными служителями Церкви Божіей, какъ этотъ невѣдомый мнѣ старецъ, какъ мой нынѣ почившій дядюшка, пока и крѣпка наша Русь православная; въ тишинѣ и безвѣстности, скромно и въ простотѣ сердца они дѣлаютъ свое дѣло, воспитывая народъ въ страхѣ Божіемъ, въ послушаніи родной матери—Церкви, въ преданіяхъ и завѣтахъ родной старины, въ беззавѣтной любви къ Царю и отечеству... Съ ними, вотъ съ этими смиренными батюшками, нашъ народъ прошелъ чрезъ всю свою тысячелѣтнюю исторію, перенесъ и иго татарское, и крѣпостную зависимость, и глады, и моры, и нашествія иноплеменныхъ, они утѣшали его во всѣхъ невзгодахъ историческихъ, дѣлили съ нимъ горе его, помогали ему нести тяжелый крестъ жизни, согрѣвали его сердце утѣшеніями вѣры и благодати Христовой. Это были—пѣстуны народные на протяженіи тысячи лѣтъ исторіи нашего народа, это были стражи народной души и всѣхъ тѣхъ сокровищъ, которыми наградила Русскій народъ его любящая мать—православная Церковь. Храмъ Божій да „батюшка родимый“—вотъ кто ближе всѣхъ стоялъ къ народу, кто воспиталъ душу народную, кто былъ ея ангеломъ—хранителемъ...

Такимъ вотъ былъ и покойный отецъ Григорій. Сынъ бѣднаго сельскаго дьячка (род. въ 1825 году), онъ провелъ свое дѣтство въ родномъ Чашниковѣ, въ многолюдной семьѣ отца, подъ благодатными вѣяніями родного храма Живоначальныя Троицы, пѣлъ и читалъ на клиросѣ, ходилъ по приходу славить Христа въ Рождество и Пасху, собирая грошики, любимый прихожанами, воспитываемый матерью въ страхѣ Божіемъ и уваженіи къ старшимъ. Съ добродушною шуткой разсказывалъ покойный, какъ мать, провожая его до Москвы, чтобы записать въ духовное училище, строго наказывала ему: „смотри, сынокъ, будь ко всѣмъ почтителенъ, всѣмъ старшимъ кланяйся“. И воспринялъ послушный сынъ урокъ матери: лишь только вошли въ заставу, какъ Гришенька снялъ шапку и сталъ кланяться направо и налѣво проходящей публикѣ. Увидѣвъ это, мать спросила: „что это ты дѣлаешь?“—„А какъ же, маменька? Вѣдь, всѣ они старше меня: надо кланяться“..

На время ученья въ училищѣ пришлось мальчику пріютиться въ темномъ углу у какого-то столяра, на первомъ же урокѣ ему пришлось отвѣдать и дѣтскаго горя: книгъ не было, учить урокъ не по чему;

онъ такъ и сказалъ учителю, когда тотъ сталъ спрашивать урокъ. Но его оправданіе, которое ему казалось столь законнымъ, не было принято во вниманіе и за незнаніе урока мальчикъ былъ наказанъ розгою. И всю жизнь, до глубокой старости онъ помнилъ эту розгу, и называлъ ее благодѣтельницей своей, ибо она заставила его вставать пораньше, до разсвѣта бѣгать въ училище, чтобы тамъ у товарищей брать книги и готовить по нимъ уроки...

Кончилось ученье. Грузовъ вышелъ изъ семинаріи въ первомъ разрядѣ. Ему предлагали даже итти въ академію, но добраго юношу—идеалиста влекло призваніе послужить Церкви въ селѣ. Старая семинарія умѣла воспитывать такое стремленіе въ юношахъ. Мои братья, учившіеся спустя лѣтъ десять послѣ дяди, еще привозили вороха списанныхъ проповѣдей разныхъ авторовъ: это они готовили себѣ запасъ на время пастырскаго служенія. Теперь — увы! — семинаристы объ этомъ не думаютъ... И вотъ, молодой студентъ идетъ въ консисторію и подаетъ Митрополиту Филарету прошеніе на первое открывшееся священническое мѣсто въ селѣ Петровѣ Рузскаго уѣзда, верстахъ въ 70-ти отъ Москвы. Мѣсто было изъ бѣдныхъ, соперниковъ не оказалось, и онъ опредѣленъ туда. Надо искать невѣсту. Спрашиваетъ родныхъ, знакомыхъ... Указываютъ ему на семью одной просфорницы, у которой четыре дочери—невѣсты. Григорій Ивановичъ, преодолѣвая семинарскую застѣнчивость, идетъ къ будущей тещѣ, знакомится, начинаетъ посѣщать ея домъ... Но зачѣмъ ходитъ—сказать недостаетъ рѣшимости. Старушка — просфорница рѣшается наконецъ помочь юношѣ: „да не стѣсняйтесь, пожалуйста, Григорій Ивановичъ: вѣдь, я знаю, зачѣмъ вы къ намъ ходите (конечно, добрые сваты ее предупредили), говорите откровенно: которая же вамъ больше нравится?— „А какую, мать, благословишь, отвѣчаетъ женихъ, такую и возьму!“ И мать, слѣдуя примѣру ветхозавѣтнаго Лавана, отдаетъ ему старшую изъ дочерей своихъ, Елену Николаевну. И свадьба скоро состоялась. Взялъ Григорій Ивановичъ у одного барина сюртукъ для вѣнчанія, посвятился во іереи и съ молодою супругою отправился въ невѣдомое дотолѣ Петрово.

Былъ ненастный ноябрьскій вечеръ. Грязь, слякоть, холодъ, дождь хлесталъ въ лицо. Тьма такая, что въ пяти шагахъ ничего не видно. Возница провезъ молодого іерея мимо церкви и по старому проспекту временъ Екатерины Второй привезъ его въ сосѣднюю деревню. Увидѣвъ въ избѣ огонекъ, о. Григорій слѣзъ съ телѣги и постучался въ окно, чтобы спросить дорогу. Окно открылось, и старикъ сказалъ батюшкѣ, чтобъ поворачивали назадъ: село они проѣхали...

Вернулись. Разглядѣли церковь. Рядомъ чей-то домъ. Постучались и здѣсь. Оказалось — тутъ живетъ о. дьяконъ. Хозяинъ радушно принялъ своего будущаго настоятеля. На утро о. Григорій пошелъ въ храмъ Божій, гдѣ Богъ привелъ ему служить и... при видѣ его заплакалъ!... Старый деревянный храмъ весь перекосился, отворишь дверь—не затворишь; стѣны немшоны, съ потолка сыплется иней, а стало быть, если сойдется народъ, то польетъ и дождь...

Послѣ храма пошелъ осматривать свое будущее жилище. И тутъ хоть плачь! Бѣдная избушка, въ два окна,

вросла въ землю, полы провалились... Это домъ священника, его предшественника.

Что дѣлать? Какъ жить?..

Пошелъ знакомиться съ сосѣдями, а ихъ было только два приказчика или, какъ они себя величали, управляющіе имѣніемъ. Приходитъ къ первому—оказался добрымъ человѣкомъ: ободрилъ батюшку, приласкалъ, пообѣщалъ помочь, чѣмъ можетъ. Заговорилъ о. Григорій о домѣ—„надо, говоритъ управляющій, строить новый".—Но, вѣдь, нѣтъ ни денегъ, ни лѣсу?—„Все найдется, отецъ!"—Кто же повѣритъ мнѣ?—„Но почему же не повѣрить? Вѣдь, жить пріѣхалъ—не сбѣжишь. Вотъ поѣдемъ къ сосѣду: у него есть готовый сухой лѣсъ—отпуститъ!"

Поѣхали. Долго о. Григорій не рѣшался сказать, зачѣмъ пріѣхалъ, да спасибо первому сосѣду: выручилъ!—„Чтожъ, батя, молчишь? Проси N. N-ча!"—Простите: духу недостаетъ!—„А въ чемъ дѣло"?—спрашиваетъ хозяинъ.—О. Григорій разсказалъ свою нужду. — „Ахъ, отецъ Григорій! Да бери, сколько тебѣ нужно!"—Вѣдь взять—платить надобно, а денегъ нѣтъ у меня.—„Сочтемся, когда-нибудь заплатишь".

И о. Григорій, при помощи тѣхъ же добрыхъ людей (которые и денегъ дали) построилъ себѣ домикъ, и не теряя времени въ томъ же домикѣ, гдѣ самъ жилъ съ молодою супругою, собралъ ребятишекъ деревенскихъ и сталъ ихъ учить грамотѣ. Такъ, еще въ 1848 году, положено было начало церковно-приходской школѣ, лучше сказать—школѣ грамоты. Тогда не „изыскивали средствъ", не ожидали помощи ниоткуда, и творили святое дѣло въ простотѣ сердца: брали ребятъ, учили ихъ по семи съ полтиной съ головы за выучку читать, писать и четыремъ правиламъ ариѳметики, горшокъ каши да мѣрку гороху на придачу — и дѣло кончено. Такъ велось съ незапамятныхъ временъ, въ такой школѣ учились и мы когда-то у своихъ родителей. Такъ училъ и о. Григорій. А учить онъ былъ мастеръ: все время, пока учился въ семинаріи, давалъ уроки въ барскихъ домахъ, откуда иногда за нимъ, какъ онъ, бывало, хвалился, „и каретку посылали". Дѣтей онъ всю жизнь любилъ страстно, умѣлъ какъ-то особенно ласкать ихъ, завладѣвать ихъ сердечкомъ, умѣлъ говорить ихъ дѣтскимъ языкомъ такъ, что ребятки льнули къ нему не какъ даже къ отцу, а какъ къ родной матушкѣ.

Шли годы, и школа о. Григорія росла, ширилась, впослѣдствіи раздѣлилась на двѣ: одна обратилась въ начальную церковно-приходскую, другая-въ двухкласную для питомцевъ воспитательнаго дома. Пока не было послѣдней, о. Григорій готовилъ питомцевъ къ экзамену и когда тѣ выдерживали экзаменъ, то онъ получалъ за выучку отъ воспитательнаго дома рублей уже по 17, по 18 съ ученика.

Настала весна. Оказалось, что рядомъ съ домомъ—болото. О. Григорій немедленно принялся осушать это болото: провелъ канавы, выкопалъ прудъ и все это—одинъ, своими руками. А затѣмъ насадилъ и садъ изъ плодовыхъ деревьевъ, который впослѣдствіи сталъ давать ему до 70 рублей: яблоки и вишни онъ самъ возилъ для продажи въ Бѣлокаменную.

Но главною заботою его былъ храмъ Божій. Онъ задался мыслію—непремѣнно построить каменный храмъ. Двадцать пять лѣтъ строилъ онъ его, строилъ безъ крупныхъ жертвователей, только на лепты прихожанъ да сборомъ по матушкѣ

Россіи чрезъ „дядю Власа“, и построилъ вѣдь, да еще какой! Трехпрестольный, съ золоченымъ пятияруснымъ иконостасомъ, съ каменною колокольнею, и колоколъ въ 200 пудовъ отлилъ... „Все Богъ“, говаривалъ старецъ, „Богъ да добрые люди—мои прихожане. Трудились, трудами созидали Божій храмъ. Устроили свой кирпичный заводъ, 25 лѣтъ возили дрова изъ лѣсныхъ дачъ, кирпичъ, товары на фабрику покойнаго Павла Григорьевича Цурикова,—они возили, а я являлся въ контору фабрики да за провозъ-то, что слѣдуетъ, и получалъ, и отвозилъ въ Москву при случаѣ, сдавалъ въ сохранную казну. Такъ и копили по грошикамъ, а когда скопили малость, строить стали... Все Богъ да мои добрые прихожане!“

Но смиренный пастырь и самъ работалъ немало. Каждый день не разъ онъ, въ лѣтнее время, поднимался по лѣсамъ на стройку, самъ вмѣстѣ съ десятникомъ (архитекторъ-то наѣзжалъ раза два во весь строительный сезонъ), слѣдилъ за работами, дѣлалъ указанія, самъ ѣздилъ закупать матеріалы, самъ управлялъ кирпичнымъ заводомъ, словомъ—вездѣ являлся самъ лично, не довѣряя никому, изъ постороннихъ—не потому, чтобы не было у него добрыхъ и честныхъ прихожанъ: были въ тѣ времена хорошіе люди всюду,—а потому, что „свой глазокъ—смотрокъ“, и товаръ выберешь получше, и купишь подешевле... Помню, въ 1874 году, онъ заѣхалъ ко мнѣ въ Новый Іерусалимъ, гдѣ я былъ тогда послушникомъ, радостный, торжествующій: „слава Богу, говоритъ: освященіе храма разрѣшено!“ И разсказалъ, какъ принялъ его незабвенный святитель московскій митрополитъ Иннокентій. „Пришелъ я къ нему не во время: онъ, батюшка, ушелъ въ баньку, говорятъ мнѣ.—Такъ я завтра приду, говорю я.—Ахъ, нѣтъ, отецъ: этого у насъ нельзя, владыка приказалъ докладывать о всѣхъ, кто издалека придетъ, безотказно.—Сижу, жду. Говорятъ: пришелъ. Зоветъ къ себѣ. Вхожу въ кабинетъ. А онъ, батюшка, царство ему небесное, выходитъ ко мнѣ запросто, въ одномъ подрясничкѣ, а съ головки-то и бородки такъ и течетъ водица... Ну, что, отецъ, скажешь? Зачѣмъ пожаловалъ?—Разсказалъ я ему, въ чемъ дѣло.—А издалека ты пріѣхалъ-то? спрашиваетъ меня.—Верстъ за 70. (Надо помнить, что въ тѣ времена еще не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни шоссейныхъ). А гдѣ, говоритъ, остановился?—На постояломъ дворѣ, отвѣчаю.—Ахъ, какъ это неудобно-то... заботливо сказалъ святитель. Надо поскорѣе тебя отпустить, а то консисторія-то затянетъ дѣло... Да вотъ что: я напишу резолюцію сейчасъ же, тебѣ канцелярія моя дастъ копію засвидѣтельствованную, и ступай ты съ Богомъ, покажи благочинному, да и освящайте святый храмъ... Вотъ какой былъ ангелъ Божій!“ И слезы благодарности къ великому равноапостольному святителю орошали старческія ланиты моего дядюшки. „Каждый день, и утромъ и вечеромъ, поминаю я его на своей грѣшной молитвѣ, прибавлялъ старецъ: а когда служу, то имя его съ родными своими неотмѣнно поминаю“.

И храмъ былъ освященъ о. благочиннымъ. О. Григорій сказалъ своимъ добрымъ сотрудникамъ-прихожанамъ слово, растрогавшее ихъ до слезъ. Вообще, онъ поучалъ своихъ духовныхъ чадъ не мудрствуя, въ простотѣ сердца и отъ сердца, словъ своихъ не писалъ, а говорилъ то, что подсказывало ему сердце да любовь къ дѣтямъ духовнымъ. И

слово его, какъ доброе сѣмя, ложилось на простыя сердца и приносило плодъ по роду своему. Но, слѣдуя заповѣди Апостола—любить не словомъ только, но и дѣломъ, о. Григорій показывалъ и на дѣлѣ свою любовь къ прихожанамъ. Случалось, напримѣръ, что, обходя приходъ съ святынею въ Пасху, онъ замѣчалъ, что у бѣдняка мужичка дворъ раскрытъ, солома снята съ крыши и скормлена скоту: ясно, что платить батюшкѣ за посѣщеніе у него нѣтъ ни гроша. Мужичекъ встрѣчаетъ батюшку у воротъ, беретъ благословеніе, а о. Григорій его спрашиваетъ уже: „что, братъ, заплатить-то намъ нечѣмъ?“ —Не обезсудьте, родной“, отвѣчаетъ тотъ. И о. Григорій, вынимая изъ кармана 15—20 к., суетъ мужичку въ руку, оглядываясь, какъ бы этого не замѣтилъ дьячекъ. „Возьми, братъ, расплатись съ нами, а то дьячекъ-то будетъ скорбѣть: вѣдь, я-то, попъ, я-то какъ-нибудь проживу, а онъ получаетъ восьмую копѣйку: какъ ему жить съ его большой семьей?“— И не бывало случаевъ, чтобъ эти двугривенные или пятиалтынные не возвращались батюшкѣ, хотя поздней осенью, съ глубокой благодарностью. Вотъ почему такъ горячо любили его прихожане и надо было видѣть, какъ они провожали его, когда онъ, послѣ тяжкой, въ теченіе цѣлаго года, болѣзни, рѣшился выйти за штатъ: толпами проводили его до границъ прихода и горько плакали—эти мужики, эти грубыя на видъ натуры... А когда старецъ поселился въ Москвѣ, то нерѣдко, бывая въ Москвѣ, навѣщали его, своего „батюшку родимаго“, приносили ему немудрые деревенскіе гостинцы. Да и въ Петровѣ, несмотря на бѣдность прихода, домъ его, милостію Божіей и любовію прихожанъ, можно было назвать полною чашею: были у него и лошадки, и коровки, были и гуси и утки на его трудовомъ пруду, родилась у него въ полѣ и ржица, и гречиха, и картошка, и вика... Все Богъ благословлялъ!

Любилъ покойный переноситься воспоминаніями въ свое родное Петрово. Съ какою благодарностью къ Богу разсказывалъ онъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ этомъ скромномъ уголкѣ московской епархіи! Нерѣдко слезы лились изъ очей его, слезы, сопровождаемыя славословіемъ ко Господу. И стоитъ отмѣтить эту добрую черту въ его духовномъ обликѣ: умѣлъ онъ крѣпко привязываться къ людямъ, за то гдѣ онъ ни бывалъ, гдѣ ни жилъ—вездѣ Богъ посылалъ ему людей, которые умѣли цѣнить его доброе сердце, отвѣчали ему любовью и давали его отзывчивому сердцу пищу къ изліянію благодарности къ Богу за любовь этихъ людей и къ молитвѣ за нихъ.

Можно думать, что благодаря вотъ этой кристальной чистотѣ и простотѣ его добраго сердца добрые люди помогли ему и сыновьямъ дать образованіе незаурядное: милостью Божіей, они служатъ теперь въ чинахъ превосходительныхъ, сердцемъ унаслѣдовавъ доброе сердце своего старца-родителя...

Любилъ, страстно любилъ старецъ сельскую природу: до восхода солнечнаго вставалъ онъ въ лѣтнее время, шелъ въ лѣсъ или поле косить, пахать, въ полѣ и отдыхалъ, а если бывала служба, то еще до утрени, бывало, наработается, и вечеромъ ложился послѣ заката солнца. Спалъ такъ мало, что всѣ удивлялись ему. Питался тѣмъ, что приготовитъ ему матушка—его вѣрный неизмѣнный спутникъ въ жизни, другъ въ скорбяхъ, помощникъ въ трудахъ. Она была ему ровесница:

только на три мѣсяца моложе, и скончалась лишь въ августѣ минувшаго года, за пять мѣсяцевъ до его кончины. Жили какъ два ласковыхъ голубка, давая примѣръ и дѣтямъ и прихожанамъ. Въ характерѣ, въ личныхъ качествахъ они какъ будто восполняли другъ друга. Покойный приписывалъ эту милость Божію тому, что не самъ онъ выбралъ себѣ подругу жизни, а положился на волю Божію. И когда скончалась эта добрая старица, о. Григорій подошелъ къ ея постели, преклонилъ колѣна и, цѣлуя почившую, сквозь слезы трогательно промолвилъ: „и зачѣмъ ты меня покинула? Ужъ взяла бы и меня съ собой!“... И сталъ готовиться къ исходу въ вѣчную жизнь: часто говѣлъ, причащался св. Таинъ и, наконецъ, освятился елеопомазаніемъ. Отпраздновавъ день своего ангела, 25 января, онъ уже не вставалъ съ постели, и 5 февраля тихо отошелъ ко Господу...

Въ погребеніи его участвовали нѣсколько іереевъ—сродниковъ его, и, хотя онъ недавно жилъ въ приходѣ св. Троицы, что на Капелькахъ, но къ погребенію собралось много народа: видно, такъ было угодно Богу почтить старца Божія общецерковною молитвою...

О. Григорій являлъ въ себѣ типъ патріархальнаго священника: всецѣлая преданность Богу, служеніе ближнему въ простотѣ любящаго сердца, готовность во всякое время отдать послѣднее нуждающемуся, крѣпкая вѣра въ промыслъ Божій—вотъ чѣмъ онъ жилъ самъ и училъ другихъ тому же. И на немъ удивительно исполнялось слово Господа: *ищите прежде всего царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ*. Онъ по мѣрѣ силъ, въ простотѣ сердца дѣлалъ свое дѣло и вѣрилъ, что Господь во время благотребное не оставитъ его. И по вѣрѣ его всегда бывало такъ. И храмъ, и колокольню, и школу, и домъ себѣ онъ построилъ, и дѣтей воспиталъ, а долговъ не оставилъ: во всемъ Богъ помогалъ!

Когда мнѣ приходится бесѣдовать съ молодыми іереями, то я указываю имъ на примѣры такихъ старцевъ Божіихъ-іереевъ, питомцевъ старой школы, носителей старыхъ завѣтовъ Руси святой. И грустно, и больно становится, когда оглянешься кругомъ и не видишь въ молодомъ поколѣніи такихъ патріархальныхъ типовъ служителей Божіей Церкви. Встрѣчаются ревностные проповѣдники, школьные дѣятели, борцы съ пьянствомъ,—и за то, конечно, слава Богу,—но слишкомъ мало такихъ, въ коихъ самоцѣнъ былъ бы совершенно убитъ сознаніемъ, что сами-то они—круглый нуль, ничто, что если что и творится доброе черезъ нихъ, такъ, вѣдь, это отнюдь не они дѣлаютъ, а Богъ черезъ нихъ: Богъ и средства посылаетъ, и случай даетъ, и силы, и время—все отъ Бога, и слава Ему—милосердому! Въ душѣ такихъ старцевъ живетъ страхъ: какъ бы не приписать себѣ чего-нибудь въ дѣлѣ Божіемъ, какъ бы не лишиться за это Божія благословенія и помощи въ будущемъ. Это—страхъ Божій, начало—основа духовной мудрости, духовнаго разсужденія. Даже помыслять, что вотъ это сдѣлалъ я, они считаютъ святотатствомъ. Оттого и проявляется въ ихъ пастырской дѣятельности незримое для другихъ, но для нихъ самихъ сердцемъ ощутимое водительство десницы Божіей.—Нельзя быть добрымъ пастыремъ, если не воспитаешь въ себѣ, въ чувствѣ своего сердца, этого мистическаго настроенія, этого живаго ощущенія водительства Божія въ пастырскомъ

служеніи. Не свое дѣло дѣлаемъ, а Христово: мы Его послушники, Его работники и даже болѣе—*соработники*. И дѣло Его—великое: воспитывать чадъ царствія Божія, будущихъ гражданъ Іерусалима небеснаго. *Къ симъ кто доволенъ*? восклицалъ нѣкогда избранный сосудъ благодати—Апостолъ Павелъ. А онъ имѣлъ *умъ Христовъ*, онъ дерзалъ говорить о себѣ: *не кто́му азъ живу, но живетъ во мнѣ Христосъ*... Живетъ а слѣдовательно и дѣйствуетъ. Если же такъ судилъ о себѣ великій Павелъ, паче всѣхъ потрудившійся въ благовѣстіи Евангелія, первоверховный среди Апостоловъ, то что речемъ о себѣ мы, грѣшные, недостойнѣйшіе носители благодати Божіей, служители Церкви?... Но у Христа таковъ законъ: чѣмъ кто больше сознаетъ свою немощь, свое недостоинство, тѣмъ ближе къ тому и Его благодать: *сила бо Его въ немощи совершается*. Вотъ почему, если и всякому христіанину, то тѣмъ паче пастырю Церкви подобаетъ всякимъ храненіемъ хранить, какъ неоцѣненное сокровище, какъ нѣжный благоуханный цвѣтокъ оберегать въ чувствѣ сердца сознаніе своего ничтожества, своей безпомощности, постоянной нужды въ Божіей помощи...

Вотъ чѣмъ сильны были іереи Божіи, подобные смиренному о. Григорію. Они крѣпко вѣровали, что Христосъ не оставитъ безъ помощи, не допуститъ до голоданія и нужды безысходной Своего работника, и въ основѣ ихъ нравственнаго устроенія глубоко лежало сознаніе, что смиренное чувство своего недостаточества есть та стихія, которой долженъ жить истинный служитель Христовъ....

170.

Милостивое Царское слово.

Нашему возлюбленному Государю благоугодно было, въ 6 день сего мая, осчастливить меня Своею Высокомонаршею Милостію. Вотъ Его всемилостивѣйшій Рескриптъ, данный на мое имя:

Преосвященный архіепископъ Ніконъ.

Долголѣтніе и многополезные труды ваши по составленію книгъ и листковъ религіознаго содержанія въ бытность вашу инокомъ Троице-Сергіевой лавры, а затѣмъ и во время вашего служенія въ епископскомъ санѣ давно снискали вамъ всеобщее уваженіе въ средѣ вѣрующаго православнаго русскаго народа. Нынѣ вы призваны стать во главѣ учрежденнаго съ Моего соизволенія издательскаго совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, коему предстоитъ осуществить весьма трудную задачу объединенія и планомѣрнаго развитія издательской дѣятельности православной россійской церкви во славу Божію и на благо Отечества.

Выражая твердую надежду, что на предлежащемъ вамъ высокомъ поприщѣ служенія святой православной церкви вы успѣшно примѣните пріобрѣтенные вами опытъ и знанія къ тому, чтобы

вѣчно живые и спасительные источники религіозно-нравственнаго вѣдѣнія—книги Священнаго Писанія, а равно богатыя и назидательныя сокровища святоотеческой письменности сдѣлались доступными широкому пользованію и ясному пониманію русскаго вѣрующаго народа и чтобы не только раскрыты были упованія нашей православной вѣры, но и даны были основанія къ ея защитѣ, Я призналъ справедливымъ возвести васъ въ санъ архіепископа.

Богъ въ помощь вамъ въ семъ великомъ и святомъ дѣлѣ.

Поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ благосклонный

Въ Царскомъ Селѣ
6 Мая 1913 г.

НИКОЛАЙ.

Прочиталъ я эти золотыя строки, поцѣловалъ подпись Помазанника Божія и... глубоко задумался...

Да, только надежда на помощь Божію, на обѣтованіе Господа, что сила Его въ немощи совершается да вотъ такое ласковое, бодрящее слово Царя Православнаго поддерживаютъ мои слабѣющія силы на предстоящее мнѣ дѣланіе: буди во всемъ на мнѣ воля Божія во славу Церкви святой, нашей матери!

Радуетъ меня и то отношеніе ко мнѣ вѣрующаго православнаго русскаго народа, которое, признаюсь, столь неожиданно для меня и столь торжественно засвидѣтельствовано съ высоты Царскаго Престола. Но боюсь, какъ бы, по немощамъ моимъ, не обманутъ столь дорогой для меня „крѣпкой надежды", о которой говоритъ Высочайшій Рескриптъ... Помогите и вы, мои добрые друзья-читатели, молитвами своими къ Богу за немощь мою!

Читаю и перечитываю дорогія строки... „Вѣчно живые и спасительные источники религіозно-нравственнаго вѣдѣнія—книги Священнаго Писанія, а равно богатыя и назидательныя сокровища святоотеческой письменности" должны быть „доступными широкому пользованію и ясному пониманію Русскаго вѣрующаго народа"... должны быть „не только раскрыты упованія нашей православной вѣры, но и даны основанія къ ея защитѣ"... Это слова Царскаго Рескрипта. Это драгоцѣнный завѣтъ Государя не мнѣ только, многонемощному архіерею, но и всѣмъ пастырямъ и архипастырямъ Православной Церкви. Это завѣтъ всѣмъ православнымъ русскимъ людямъ.

Велика, прямо непосильна та задача, которая возлагается на меня и моихъ будущихъ сотрудниковъ по Издательскому Совѣту! „Предлежащее высокое поприще"—необъятно. Не говорю уже о себѣ—весь нашъ будущій Совѣтъ безсиленъ сдѣлать что-либо замѣтное на этомъ обширномъ поприщѣ безъ дѣятельнаго сотрудничества всего православнаго пастырства, всѣхъ ревнителей Церкви. Дремлющее религіозное чувство въ русской душѣ пробуждается и тревожно озирается, ищетъ удовлетворенія духовнаго голода, проситъ духовной пищи... А ему предлагаютъ какіе-то рожцы вмѣсто чистой пшеницы, камень вмѣсто хлѣба, отраву вмѣсто врачеванія... Въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ", издаваемыхъ при С. Синодѣ, напечатано „Положеніе"; на основаніи котораго будетъ дѣйство-

вать „Издательскій Совѣтъ". Его дѣятельности дается такой просторъ, что „Положеніемъ" какъ бы предусматриваются всѣ духовныя нужды народа, какъ простого, такъ и болѣе или менѣе образованныхъ классовъ. Само собою понятно, что нельзя ожидать быстраго осуществленія всей намѣченной программы этой дѣятельности: она будетъ осуществляться постепенно, по мѣрѣ силъ нашихъ и тѣхъ средствъ, какими будемъ располагать. А пока и то хорошо, что какъ предсѣдатель, такъ и всѣ члены Совѣта будутъ исполнять свои обязанности безъ всякаго жалованья, а сотрудники, конечно, будутъ получать заслуженный ими гонораръ...

Итакъ: благослови, Господи!

171.

Новый журналъ, посвященный церковному искусству.

Мы такъ осуетились, такъ погрузились въ мутныя волны современности, что совсѣмъ забыли о томъ, чѣмъ живетъ душа, по природѣ своей всегда хрістіанка, какъ сказалъ уже давно одинъ хрістіанскій философъ. А въ потребности человѣческой души входитъ неистребимое стремленіе къ прекрасному наравнѣ съ стремленіемъ къ истинѣ и добру. Вѣдь, если такъ жить, какъ жили русскіе люди, въ своемъ большинствѣ, въ послѣднее десятилѣтіе, то— чего ждать добраго? — пожалуй и въ животное обратишься...

Вотъ почему съ радостью отмѣчаешь всякую искорку идеализма въ области духа: будетъ ли то идеальный порывъ къ добру, или къ истинѣ, или къ красотѣ. Вотъ почему я отъ души порадовался когда, еще въ январѣ мѣсяцѣ, получилъ программу новаго ежемѣсячнаго изданія, посвященнаго церковному искусству, подъ названіемъ „Свѣтильникъ". Вскорѣ затѣмъ г. редакторъ В. И. Оловянишниковъ и лично пригласилъ меня—принять участіе въ изданіи посильнымъ трудомъ. Не имѣя возможности писать большія статьи, я послалъ въ редакцію нижеслѣдующее привѣтствіе столь симпатичному изданію:

Мой привѣтъ „Свѣтильнику".

Божіе благословеніе благому начинанію православныхъ русскихъ людей!

Ароматомъ весны повѣяло отъ программы „Свѣтильника", древнехрістіанскимъ духомъ пахнуло отъ самаго его названія „Свѣтильникъ"...

Это — терракотовая или просто глиняная лампочка, съ которою ходили древніе хрістіане по переходамъ священныхъ катакомбъ; это та лампочка, о коей говоритъ Господь въ Евангеліи: „не затѣмъ зажигаютъ свѣтильникъ, чтобы ставить его подъ сосудъ, но ставятъ на подсвѣчникѣ, чтобы онъ свѣтилъ всѣмъ".

И дай Богъ, чтобъ этотъ свѣтильникъ горѣлъ и разгорался все ярче и ярче; чтобъ все больше и больше пронизывалъ ту тьму, которая окутала насъ со всѣхъ сторонъ; чтобы новое изданіе (не хотѣлось бы употреблять французское слово „журналъ") раскрывало современнымъ русскимъ людямъ всю красоту и духовность нашего родного міросозерцанія, нашего великаго въ своихъ идеалахъ творчества въ области родного искусства...

Русскій человѣкъ сердцемъ понимаетъ, что въ истинномъ искусствѣ какъ солнце въ малой каплѣ водъ,

отображается одна изъ сторонъ богоподобія въ душѣ человѣческой, а именно вѣчное стремленіе къ красотѣ, не внѣшней пластической красотѣ, а той духовной, которая только воплощается во внѣшнихъ формахъ изящнаго.

Отъ вѣковъ древнихъ первые опыты, первые плоды своего художественнаго творчества человѣкъ сталъ посвящать Богу въ твореніяхъ религіознаго искусства. Такъ было въ Египтѣ, Ассиріи, Вавилонѣ, Римѣ и въ прекрасной Греціи. Такъ было даже у евреевъ: ихъ искусство, еще во дни странствованія ихъ по пустынѣ Аравійской, проявилось въ художественныхъ украшеніяхъ скиніи.

Стремленіе къ прекрасному, какъ черта образа Божія въ человѣкѣ, искало себѣ и выраженія въ области религіознаго культа.

Твоя отъ Твоихъ—Тебѣ приношу! Какъ бы такъ говорилъ Всесовершенному Богу Творцу, Вѣчной Красотѣ духовной, нерукотворной, неподражаемой, человѣкъ—бренное твореніе Божіе, въ восторгѣ духа сознавая, лучше сказать—ощущая въ себѣ инстинктивныя влеченія идеи красоты, какъ животворящее вѣяніе Духа Божія, какъ отображеніе Божія образа въ своемъ существѣ.

И редакція „Свѣтильника“ вѣрно отмѣтила эту связь религіи съ искусствомъ, посвятивъ свое изданіе именно религіозному искусству.

Искусство, оторванное отъ религіозныхъ основъ,—что листъ, сорванный съ вѣтки и носимый вѣтромъ. Въ немъ засыхаетъ самый источникъ вдохновенія и жизни, изъ него улетаетъ идея духовной красоты въ ея первоосновѣ.

Я не хочу сказать, что искусство должно имѣть предметомъ вдохновенія только религіозныя темы: оно должно воплощать, въ доступныхъ нашимъ чувствамъ формахъ, вложенную въ нашу душу идею прекраснаго согласно съ намѣреніемъ Божіимъ, насколько можетъ понять это намѣреніе художникъ, руководимый своею совѣстью, какъ добрый хрістіанинъ.

Древній грекъ ловилъ чутьемъ идею красоты и воплощалъ ее, какъ могъ, въ своихъ произведеніяхъ, воплощалъ какъ язычникъ; оттого эта идея у него весьма слабо воплощала духовную красоту, отливаясь вся въ пластическія формы красоты тѣлесной и не перенося духа зрителя въ чистую область духовной красоты.

Наши древне-русскіе художники-иконописцы, художники — зодчіе были, можетъ быть, младенцами въ дѣлѣ техники, но зато въ душѣ своей носили такіе идеалы духовной красоты и величія, какихъ трудно встрѣтить у нынѣшнихъ представителей искусства...

Вотъ и пожелаемъ, чтобы „Свѣтильникъ“ освѣщалъ эти духовные идеалы нашей русской православной души, раскрывалъ бы тайны воплощенія сихъ идеаловъ въ современномъ искусствѣ, и какъ при свѣтѣ тихой лампады ощутительнѣе для сердца вѣрующаго становится идея темнаго, на первый взглядъ, лика святой древней иконы, такъ бы при чтеніи „Свѣтильника“ прояснялись въ сознаніи православнаго читателя родные идеалы нашихъ благочестивыхъ предковъ, и въ нашихъ очерствѣвшихъ сердцахъ начинали бы звучать тѣ святыя струны, какія звучали въ ихъ сердцахъ...

Теперь вышелъ первый выпускъ „Свѣтильника“. Книжка напечатана въ большую четверть листа, что необходимо въ виду роскошныхъ

рисунковъ, въ ней помѣщенныхъ (всего 23 рисунка, наклеенныхъ на 11-ти листахъ особой плотной бумаги); шрифтъ, бумага, заставки—роскошь; статьи: профессора Н. Покровскаго и В. Трутовскаго—знатоковъ церковнаго искусства, очень интересны: первая — „Новое церковное искусство и церковная старина", вторая—„Патріархъ Филаретъ Никитичъ и нѣкоторыя памятки его въ Москвѣ". Его Императорское Высочество Великій Князь Петръ Николаевичъ далъ для „Свѣтильника" проекты: богадѣльни при храмѣ, двухъ лампадъ и хоругви, а профессоръ Васнецовъ — эскизъ для иконы Святителя Алексія, Митрополита Московскаго. Самая обертка книжки очень оригинальна: на ней изображенъ древне-хрістіанскій свѣтильникъ изъ римскихъ катакомбъ...

Отъ души пожелаемъ добраго успѣха и Божіей помощи новому изданію.

Цѣна годовому изданію на 1 годъ—6 р., на полгода—3 р. 50 к. Адресъ редакціи: Москва, Никольская, Товарищество П. И. Оловянишникова С-я.

172.

Новая порція яда отрицанія.

Давно это было: лѣтъ двадцать назадъ. Ѣхалъ я изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ; спутникомъ моимъ оказался извѣстный, теперь уже покойный, художникъ М. Какая-то грусть, разочарованность, почти безнадежность отражались на его усталомъ лицѣ. Мы разговорились. Я, между прочимъ, замѣтилъ, что художники по самой профессіи своей близки къ духовному, идейному міру, и эта близость сама по себѣ можетъ доставлять миръ душѣ и нравственное удовлетвореніе. Мой собесѣдникъ какъ-то тяжело вздохнулъ и отрицательно покачалъ головой. Изъ бесѣды съ нимъ для меня стало ясно, что его душа отравлена современными лженаучными бреднями, сердце опустошено, что онъ переживаетъ духовное сиротство, одиночество, пустоту... Жаль было видѣть человѣка, духовныя потребности котораго не заглохли, благодаря художественному таланту, но и не находили себѣ удовлетворенія. Бережно касаясь больной души, я пытался указать ему путь къ Богопознанію, но онъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой, сказавъ: „поздно!" И—замолчалъ...

Этотъ случай пришелъ мнѣ на память, когда на-дняхъ я прочиталъ „научное письмо" почтеннаго Эльпе въ „Новомъ Времени", подъ заглавіемъ: „Сорокъ лѣтъ въ поискахъ за истиной". Всему ученому міру извѣстный нашъ соотечественникъ, профессоръ И. И. Мечниковъ издалъ сборникъ своихъ статей, „соединенныхъ одной общей мыслью и направленныхъ къ установленію раціональнаго міропониманія, къ выработкѣ и уясненію основъ общаго воззрѣнія на человѣческую жизнь". Такъ опредѣляетъ смыслъ этого сборника самъ авторъ. Видно, борьба свѣта со тьмою не кончится въ мірѣ семъ грѣшномъ дотолѣ, пока не придетъ Свѣтъ неприступный, чтобы окончательно сразить князя тьмы и низвергнуть его въ вѣчную тьму кромѣшнюю; видно, сынамъ свѣта, чадамъ Церкви при-

дется до скончанія вѣка бороться съ той ложью, которая силится затмить ученіе Хрістово и закрыть чистую истину Божественнаго Откровенія туманомъ всяческихъ мудрованій якобы научнаго, да еще—положительнаго знанія.

Что такое „раціональное міропониманіе?“ Это попытка слѣпорожденнаго написать сочиненіе о художественной картинѣ Рафаэля, попытка глухого отъ рожденія сочинить трактатъ о музыкѣ и пѣніи. Извѣстно, вѣдь, что раціонализмъ стремится стоять исключительно на почвѣ матеріализма; подобно древнимъ саддукеямъ, раціоналисты чистой воды не хотятъ знать ни духа, ни ангела, ни духовнаго сверхчувственнаго міра; для нихъ вся область бытія заключена въ тѣсныхъ рамкахъ чувственнаго міра; въ своей тордынѣ они не хотятъ примириться съ мыслію объ иномъ мірѣ, который познается не пятью чувствами, а тѣмъ органомъ духа, котораго нѣтъ ни у одного въ мірѣ живого существа, кромѣ человѣка, и который называется „вѣрующее сердце“. Казалось бы: съ древнѣйшихъ временъ, съ той поры, какъ стало помнить себя человѣчество, люди вѣрили въ бытіе этого иного міра,—правда, представляли его различно, но важенъ фактъ этой вѣры, этой потребности вѣры, чтобы и такъ называемое „положительное знаніе“ признало его какъ фактъ, не отрицало его, если хочетъ быть честнымъ... Но вотъ, подите же: какъ будто пришельцы съ луны, наши научники притворяются, что и не подозрѣваютъ о существованіи этого факта, а когда фактъ сей бьетъ въ глаза—отдѣлываются самымъ нелѣпымъ, не выдерживающимъ никакой критики объясненіемъ его и затѣмъ ужъ больше не хотятъ и говорить о немъ... Что имъ за дѣло до исторіи, до милліоновъ душъ вѣрующихъ, до поразительныхъ чудесъ, совершающихся въ Церкви, даже просто—до того величайшаго всемірнаго чуда исторіи, какимъ является Хрістіанство?.. Что имъ за дѣло до того чуда, какой представляетъ собою ихъ собственный умъ съ его законами мышленія, съ его способностью воплощать идеи въ слово, распредѣлять ихъ по категоріямъ, разбираться во всемъ томъ хаосѣ, какой представляетъ міръ идей, представленій, образовъ и отвлеченныхъ понятій?.. Вѣдь, это же все факты, вѣдь, все это, если угодно ужъ сочинять „раціональное міропониманіе“, надо поставить на свое мѣсто, объяснить, изложить, и притомъ на основаніи тѣхъ именно принциповъ, какіе положены въ основу раціонализма, т. е., принциповъ исключительно матеріалистическаго объясненія всѣхъ сихъ явленій.—Нѣтъ ни духа, ни ангеловъ ни чуда, ни Бога... Все—естественно, все—законы природы, все объяснимо... Да въ томъ-то и вопросъ: какъ вы, господа, объясните хотя бы вотъ это чудо: вашу собственную духовную дѣятельность,—вотъ этотъ вашъ умъ, который мыслитъ сейчасъ? Полсотни лѣтъ тому назадъ ваши предшественники Фохты и Молешотты пытались, вѣдь, толковать намъ, что мысль выдѣляется изъ мозга такъ же, какъ моча изъ почекъ, да что-то ничего изъ такого объясненія не вышло, кромѣ остроумныхъ шутокъ за счетъ изобрѣтателей такихъ теорій. Нѣтъ, не теоріи намъ нужны, а—если ужъ вамъ такъ угодно—воистину точное знаніе, аксіомы науки, ясныя и для дѣтей, опытныя доказательства вашихъ теорій, стремящихся объяснить все, что касается духовнаго міра, духовной жизни... Но, вѣдь, этого пока еще нѣтъ, пока мы слы-

шимъ только одни гаданія и гипотезы, и—ни одного факта. И простительно было бы вамъ, господа научники, довольствоваться своими гипотезами, если бы вы жили не среди хрістіанъ, если бы не имѣли вы возможности безпристрастно и научно провѣрить то, что проповѣдуемъ мы, если бы не могли наблюдать воочію факты нашего соприкосновенія съ тѣмъ міромъ, который такъ отрицаете, который, очевидно, такъ вамъ не милъ, а нашему сердцу такъ близокъ... И сбывается на васъ вѣчное слово Хрістово: *утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцамъ. Ей, Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою!*

Слава Богу: есть и среди ученыхъ люди честные, которые откровенно говорятъ, когда коснется вопросъ о предметахъ духовнаго міра: „доступное наукѣ знаніе пока есть не болѣе, какъ невѣжество съ открытыми глазами. Великій океанъ истины продолжаетъ пребывать неизслѣдованнымъ предъ нами. Современный ученый изслѣдователь сущаго есть не больше, какъ младенецъ, сидящій на берегу моря и пытающійся переливать морскую воду въ выкопанную имъ луночку въ пескѣ—ложечкой, своимъ маленькимъ умомъ. Истинная наука и истинная религія никогда не противорѣчили другъ другу. Онѣ движутся по параллельнымъ путямъ и никогда не могутъ столкнуться одна съ другой“. Вотъ почему всякое „міропониманіе“ помимо вѣры есть ложь, ибо понимать міръ можно только при свѣтѣ Божественнаго откровенія. И какъ скоро раціонализмъ отвергаетъ сей источникъ истины, созидаемое имъ міровоззрѣніе строится на пескѣ человѣческихъ мудрованій, которыя вчера еще казались подобіемъ истины, а сегодня стали несомнѣнною ложью.

Вотъ такою ложью, къ сожалѣнію, пропитаны и статьи нашей ученой знаменитости — г. Мечникова, собранныя въ его книгѣ. Онъ и знать не хочетъ о существованіи хрістіанскаго міровоззрѣнія, вся цѣль жизни, весь ея смыслъ, по его ученію, сводится „къ возможности человѣку прожить полный и счастливый циклъ жизни, заканчивающійся спокойной естественной смертью, когда наступитъ извѣстнаго рода пресыщеніе, помимо вѣры уничтожающее страхъ смерти“. Вотъ и все...

Стоило ли сорокъ лѣтъ искать такой „истины“, такого „раціональнаго міровоззрѣнія“? Оно давно извѣстно, отъ временъ языческихъ: *да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ!* Въ статьяхъ идетъ рѣчь о томъ, нужны или не нужны толстыя кишки, даже—желудокъ, что „уже четыре человѣка (какая точная статистика!) живутъ безъ желудка и этимъ доказываютъ безполезность его“, что человѣкъ, по складу своей организаціи, въ одно и то же время есть и „обезьяній уродъ“, и „дѣйствительно усовершенствованная обезьяна“ и под. И все это объединяется подъ новымъ моднымъ словомъ „ортобіозъ“...

Тяжелое впечатлѣніе производитъ на читателя эта новинка. Если бы профессоръ далъ что-нибудь новое въ той спеціальной области, въ которой онъ работаетъ, можетъ быть, ему сказали бы спасибо. Но онъ пустился въ область, совершенно ему чуждую, въ область метафизики и философіи, и своими разсужденіями изъ физіологіи и патологіи дискредитируетъ самъ себя въ глазахъ читателей: такъ и видно, что ему хотѣлось бы подслужиться духу вѣка сего лукаваго и безбожнаго,

сказать „новое“ слово, а сказалось-то старое, давно изношенное и брошенное, и стало ясно, что знаменитый въ своей области ученый оказался школьникомъ, списавшимъ чужую задачку, да еще и неудачную..

А подумалъ-ли нашъ почтенный соотечественникъ, издавая свой сборникъ, что изъ сего выйдетъ? Не надо быть пророкомъ, что іудейская и іудействующая печать поднимет шумъ около его книги: „Нашъ славный ученый Мечниковъ! Самъ профессоръ Мечниковъ сказалъ, доказалъ, что вся цѣль нашей жизни—пожить подольше и умереть отъ пресыщенія жизнью! Дальше нѣтъ цѣли! А если видишь, что эта цѣль недостижима, то зачѣмъ и жить?... За гробомъ нѣтъ ничего!“

И вотъ, наша, падкая на всякую новинку, преклоняющаяся предъ всякимъ авторитетомъ, лишь бы онъ поблажалъ ея вольностямъ, молодежь набросится на изданіе г. Мечникова и будетъ впитывать въ себя новую порцію яда отрицанія всего, чѣмъ жива наша хрістіанская душа, а тамъ—долго ли до грѣха—начнутся и самоубійства „по Мечникову“...

И что за помѣшательство такое у современныхъ ученыхъ и—замѣтьте: у нашихъ соотечественниковъ, какъ будто, въ особенности?

173.

На память о свѣтломъ торжествѣ.

Исполнилось, наконецъ, сердечное желаніе православныхъ русскихъ людей, удовлетворена потребность ихъ сердца, совершилось давно ожидаемое событіе: еще разъ разверзлось небо надъ Русью православной и оттуда въ сіяніи славы небесной благословилъ родную землю ея великій печальникъ, страдалецъ за нее, святѣйшій патріархъ Ермогенъ. Триста лѣтъ почивалъ онъ безмолвно въ благоуханіи святыни, подъ сводами первопрестольнаго храма Успенія Владычицы, и вотъ, теперь будто живой встаетъ онъ изъ своего гроба, чтобы во время благопотребно поддержать родную свою Русь въ минуту трудную, во дни новой смуты, новой борьбы за святыя идеалы Русской земли, за вѣру православную, за Русскаго Царя Самодержавнаго, и являетъ свое заступленіе въ знаменіяхъ и чудесахъ многихъ.

12-го мая, когда Церковь празднуетъ память его друга и сотрудника въ служеніи Церкви и отечеству, преподобнаго Діонисія, Радонежскаго чудотворца, совершилось торжественное прославленіе памяти Патріарха Ермогена. Три-четыре дня во время этихъ торжествъ священный Кремль Москвы былъ переполненъ массами народа, со всѣхъ концовъ Руси православной стекшагося къ гробницѣ новоявленнаго чудотворца. Канунъ, 11-е мая, былъ днемъ послѣдняго поминовенія святителя по чину поминовенія усопшихъ. Въ послѣдній разъ Церковь приносила имя его, яко единаго отъ насъ, въ молитвѣ ко Господу, да упокоитъ его душу Господь во царствіи небесномъ; въ послѣдній разъ совершены по немъ заупокойный парастасъ наканунѣ и литургія въ сей день; послѣ литургіи сонмъ святителей и многъ соборъ священнослужителей приблизились къ мѣсту его упокоенія и совершили послѣднюю

панихиду, которая скорѣе напоминала послѣдованіе утрени великой суботы съ ея торжественно-величавымъ предчувствіемъ близкаго воскресенія, чѣмъ поминовеніе покойника. Гулко подъ сводами древняго собора раздалось послѣднее пѣніе „вѣчной памяти“ святѣйшему Ермогену, чтобы смѣниться пѣніемъ до скончанія вѣковъ: „святителю, отче Ермогене, моли Бога о насъ!“.

Въ 6 часовъ ударили къ всенощному бдѣнію. Прибылъ блаженнѣйшій Патріархъ Антіохійскій Киръ-Григорій. Богу было угодно, чтобы одинъ изъ восточныхъ патріарховъ былъ въ числѣ тѣхъ святителей, которые впервые воспѣли у гроба Русскаго Патріарха, страдальца за Православную вѣру и Русь: „Величаемъ тя, священномучениче Ермогене“... Началась одна изъ тѣхъ службъ, которыя ощутительно для вѣрующаго объединяютъ Церковь земную съ Церковію небесною, которыя заставляютъ забывать всякую усталось, переносятъ душу въ міръ радостей небесныхъ. А русская душа кромѣ того переносилась и за триста лѣтъ назадъ, когда вотъ съ этого священнаго амвона раздалось могучее слово святѣйшаго Ермогена, который благословлялъ и призывалъ вѣрныхъ сыновъ родины на ея защиту, на ея освобожденіе отъ злыхъ враговъ вѣры православной, и гремѣлъ проклятіями противъ ея измѣнниковъ, не страшась ни пытокъ, ни темницъ, ни самой мучительной смерти... Святыя минуты, когда пѣлымъ сердцемъ чувствуешь себя сыномъ родной Руси святой, вѣрнымъ чадомъ Церкви - матери, когда сливаешься съ этою Русью, живешь одною съ нею жизнію, когда отъ всей души благодаришь Бога, что родился ты русскимъ, православнымъ и имѣешь великое счастіе быть таковымъ навѣки... Какъ несчастны тѣ изъ нашихъ сородичей, которые отщепились отъ самой души народной въ своемъ міросозерцаніи, которые вмѣсто вотъ этого благодатнаго общенія съ небомъ и старою Русью питаются рожцами жалкихъ западныхъ мудрованій, не дающихъ душѣ ничего, кромѣ ощущенія страшной пустоты и безцѣльности жизни...

Чинно, стройно, благолѣпно шла служба Божія до самаго поліелея. Хоръ синодальныхъ пѣвчихъ, въ новыхъ, своеобразныхъ костюмахъ, сшитыхъ по рисункамъ великаго знатока старой Руси В. М. Васнецова наподобіе боярскихъ кафтановъ, исполнялъ священныя пѣснопѣнія образцово. Запѣли *Хвалите имя Господне*... Отверзлись царскія врата, и оттуда выступилъ и направился къ гробницѣ Патріарха сонмъ многъ святителей и священнослужителей. Во главѣ — блаженнѣйшій Патріархъ, два митрополита, и 19 архіепископовъ и епископовъ. Окруживъ священную раку, они сняли съ нея покровъ и святительскую мантію и, сотворивъ земное поклоненіе, громогласно, торжественно воспѣли: „Величаемъ тя, священномучениче Ермогене, и чтемъ святую память твою, ты бо молиши о насъ Христа Бога нашего!“

Въ эти торжественныя минуты вся церковь поклонилась новопрославленному чудотворцу, заступнику Русской земли...

Началось крестное обхожденіе собора. Высоко несли икону святителя среди другихъ святынь и множества хоругвей. Соборы, особенно колокольня Ивана Великаго, горѣли разноцвѣтными электрическими огнями. Ярко горѣла исполинскими буквами надпись, длиною въ 18 аршинъ, на стѣнѣ колокольни, надъ ея галлереей:

„Радуйся, священномучениче Ермогене, Россійскія земли великій заступниче!“

Нужно ли говорить о торжественномъ звонѣ знаменитаго на Руси Ивана Великаго? Онъ ликовалъ за всю Русь, а ему вторили тысячи московскихъ колоколовъ-богатырей, и волны святыхъ звуковъ, какъ небесные хоры незримыхъ пѣвцовъ, носились надъ старою Москвой, которая, въ прославленіи новаго чудотворца, праздновала и свое освобожденіе отъ заклятыхъ враговъ Руси и Православія...

Около 11 часовъ окончилось всенощное бдѣніе. Душа была переполнена такихъ впечатлѣній, которыя не забываются на всю жизнь. Но на утро готовились новыя впечатлѣнія, новыя духовныя радости. Богъ привелъ мнѣ совершить божественную литургію въ кремлевскомъ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, откуда крестнымъ ходомъ мы, четыре архіерея и служащіе съ нами прослѣдовали въ Успенскій соборъ, чтобы присоединиться къ общему крестному ходу оттуда на Красную площадь. Этотъ крестный ходъ, совершонный при чудной весенней погодѣ, когда, казалось, сама природа радовалась нашею радостью, и солнце такъ дивно играло лучами на святыхъ иконахъ и хоругвяхъ, этотъ крестный ходъ, въ коемъ бѣлая лента священныхъ облаченій растянулась отъ Успенскаго собора почти до Спасскихъ воротъ, представлялъ такую картину, которой не представить никакому воображенію, которая не поддается никакому описанію... Вся кремлевская площадь была залита моремъ головъ, вся противоположная Кремлю сторона набережной Москвы-рѣки пестрѣла тысячамм народа, издали участвовавшаго въ молитвѣ, а по выходѣ изъ Кремля на Красную площадь зрѣлище было не только торжественно, но и умилительно: многотысячныя массы народа, обнаживъ головы, подняли руки для крестнаго знаменія и слились въ единодушной молитвѣ, устремляя взоры на смиренный ликъ святителя Ермогена, несомый во главѣ крестнаго хода. Патріархъ взошелъ на Лобное мѣсто съ святителями; священнослужители образовали два длинныхъ ряда вдоль площади по направленію къ Никольскимъ воротамъ; на Лобномъ мѣстѣ Патріархъ по-славянски прочиталъ Евангеліе и осѣнилъ народъ святымъ крестомъ „воздвизальнымъ“, т. е. большимъ, обычно предносимымъ патріарху въ его служеніяхъ, на всѣ четыре стороны... И опять вспомнилось, какъ съ этого самаго Лобнаго мѣста, триста лѣтъ назадъ, неустрашимый первосвятитель Русской Церкви своимъ огненнымъ словомъ безпощадно обличалъ измѣну и призывалъ народъ къ исполненію долга...

Шествіе возвратилось въ Кремль чрезъ Никольскія ворота и направилось въ Успенскій соборъ. Молебное пѣніе завершилось здѣсь громогласнымъ многолѣтствованіемъ, которое исполнено хоромъ разными напѣвами.

Не буду говорить о праздничной трапезѣ, имѣвшей, между прочимъ, ту особенность, что на ней не было никакихъ винъ, замѣненныхъ „квасомъ хлѣбнымъ выкислымъ, монастырскимъ, медами: вишневымъ казанскимъ, малиновымъ кашинскимъ, яблочнымъ коломенскимъ и кофіемъ аравійскимъ“. Роспись кушаньямъ была составлена по древнему праздничному обиходу патріаршаго столованія.

Вечеромъ по всей Москвѣ снова совершены всенощныя бдѣнія, всецѣло посвященныя прославленію

святителя, Ермогена. А воутріе—были вездѣ совершены божественныя литургіи. Въ Чудовомъ монастырѣ, въ самомъ мѣстѣ заточенія святителя въ сей день освященъ храмъ—первый храмъ на Руси во имя сего страдальца за Русь. Мірскіе люди собираются ставить ему памятникъ на Красной площади. Я уже имѣлъ случай въ „Троицкомъ Словѣ“ высказать свое мнѣніе о такихъ памятникахъ. Не по душѣ они русскому человѣку. Не памятниковъ-статуй проситъ она для своихъ благодатныхъ мужей, Богомъ прославленныхъ. А вотъ — храмы Божіи, посвященные ихъ памяти—вотъ лучшіе имъ памятники. Въ сихъ храмахъ православные русскіе люди и будутъ бесѣдовать въ молитвѣ съ своими небесными молитвенниками, духовными вождями роднаго народа. И это будетъ не мертвое воспоминаніе о заслугахъ предъ отечествомъ сихъ благодатныхъ вождей, а живое общеніе съ ними. Не думаю, чтобы и угодникамъ Божіимъ, чуждымъ и тѣни всякаго земнаго славолюбія, были угодны эти статуи-памятники, предъ которыми, вѣдь, не будетъ и столь милаго русскому сердцу символа молитвы—горящей лампады,—статуи, стоящія среди шумной площади, оскорбляемыя самымъ равнодушіемъ этого шума толпы людской,—нѣтъ: иноземный это обычай, и никогда русская душа не примирится съ нимъ, а развѣ только будетъ терпѣть его...

Слава Богу, прославляющему святыя Своя во утѣшеніе церкви Своей, на земли бѣдствующей, въ укрѣпленіе немоществующей вѣры нашей, во свидѣтельство истины православія и въ показаніе благодати, обитающей въ Церкви Православной!...

174—177.

Великое искушеніе около святѣйшаго имени Божія.

I.

Съ болью сердца, съ муками души издалека наблюдаю я великое искушеніе, попущеніемъ Божіимъ постигшее Св. Гору и ея,—повидимому, только русскихъ—насельниковъ... Что сіе значитъ? Восторжествуетъ ли врагъ Церкви, или же смиреніе иноческое побѣдитъ его?..

Вотъ что особенно страшно: сатана, доселѣ трепетавшій предъ именемъ Господа нашего, какъ именемъ Того, Кто сокрушилъ его державу, теперь построилъ искушеніе около сего имени и сѣетъ вражду—да еще какую!—между исповѣдающими Господа, посвятившими себя всецѣло служенію Господу, ради Господа отрекшимися отъ міра и всего, яже въ мірѣ... Какова дерзость! Но каково же и ослѣпленіе тѣхъ, кто поддался сему искушенію! Неужели такъ оскудѣла духовная жизнь современныхъ подвижниковъ Аѳона, что не замѣчаютъ они козней искусителя? Страшно за Церковь, которой нешвенный, Боготканный хитонъ хотятъ разорвать...

Въ чемъ дѣло?

Явилось ученіе, доселѣ Церковью не разсмотрѣнное, а потому и въ ея вѣроизложеніяхъ—ни положительно, ни отрицательно не формулированное. Кратко оно выражается въ трехъ-четырехъ словахъ: „Имя Божіе есть Самъ Богъ“. И только. Въ подробномъ изложеніи оно уже говоритъ, что всякое имя Божіе, вся-

кое слово Божіе, все откровеніе Божіе, всякая молитва, къ Богу обращенная, всякое исповѣданіе имени Божія—есть Богъ...

Темно, неясно, непонятно все это для человѣка, особенно для простеца. Но сіе ученіе уже выдается какъ „догматъ": авторъ книги, въ которой впервые появилось оно, схимонахъ Иларіонъ, такъ и говоритъ, что онъ „поставилъ этотъ догматъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ не встрѣчается нигдѣ, кромѣ о. Іоанна Кронштадтскаго". Но о. Иларіонъ утверждаетъ, что этотъ догматъ якобы всегда содержался и содержится Церковію, но доселѣ былъ какъ бы сокровенъ.

Чтобы правильно судить о семъ якобы сокровенномъ догматѣ, должно помнить, что всѣ догматы, несмотря на всю ихъ таинственность и непостижимость для ума нашего, тѣмъ не менѣе никогда не противорѣчатъ законамъ нашего разума. Непостижимость еще не есть логическое противорѣчіе. Напримѣръ: Богъ троиченъ въ Лицахъ, но единъ по существу,—вотъ догматъ. Противорѣчитъ ли онъ разуму? Онъ непостижимъ для нашего ума, но законамъ разума не противорѣчитъ, ибо содержитъ въ себѣ двѣ истины—разныя, но взаимно не отрицающія одна другую:—единство сущности Божества, другая—троичность Лицъ. Такъ, насъ учили въ православной догматикѣ. Вотъ почему всѣ догматы пріемлются разумомъ, когда онъ смиряется предъ тайнами Божественнаго откровенія. Но въ новомъ ученіи имѣется логическое противорѣчіе.

Что такое имя вообще, какъ мы его понимаемъ?

Имя есть условное слово, болѣе или менѣе соотвѣтствующее тому предмету, о коемъ мы хотимъ мыслить; это есть необходимый для нашего ума условный знакъ, облекаемый нами въ звуки (слово), въ буквы (письмо) или же только умопредставляемый, отвлеченно, субъективно мыслимый, но реально внѣ нашего ума не существующій образъ (идея). Безъ такого знака нашъ умъ былъ бы не въ состояніи приблизить къ своему пониманію тотъ предметъ, какой мы разумѣемъ подъ тѣмъ или другимъ именемъ. Нашъ духъ, самъ по себѣ, внѣ тѣла, можетъ быть, въ такихъ именахъ и не нуждается; но теперь, пока онъ заключенъ въ тѣлесный составъ, онъ иначе и мыслить не можетъ, какъ умопредставляемыми образами, идеями, словами, именами. Обычно имя указуетъ намъ какія-либо свойства предмета, приближаемаго къ нашему мышленію, но повторяю: реально—ни духовно, ни матеріально имя само по себѣ не существуетъ. Это почти то же, что въ математикѣ идеальная точка, линія, кругъ, въ географіи—экваторъ, меридіанъ и под. Таково значеніе имени для нашего мышленія, такова его сущность.

Возьмемъ другое слово, входящее въ формулу новаго догмата: „Богъ". Самымъ главнымъ, какъ бы всеобъемлющимъ признакомъ сего понятія въ нашемъ христіанскомъ смыслѣ является всесовершенная духовная *личность*. Такъ, и въ православномъ Катихизисѣ говорится, что Богъ есть Духъ, духовная личность, Духъ вѣчный, всеблагій, всевѣдущій, всеправедный, всемогущій, вездѣсущій, неизмѣняемый, вседовольный, всеблаженный. Всѣ другіе признаки сего понятія объединяются въ основномъ понятіи личности—Духа. Этотъ признакъ должно имѣть въ благоговѣйномъ вниманіи всегда, когда мы произносимъ слово „Богъ".

И вотъ, при соединеніи двухъ, сейчасъ разсмотрѣнныхъ нами словъ

„имя“ и „Богъ“ въ одно предложеніе, въ одну мысль, какъ это видимъ мы въ новомъ догматѣ, является явное логическое противорѣчіе одного понятія другому: „имя“, какъ идея, мысль—нѣчто реально—ни матеріально, ни духовно не существующее, а „Богъ“ есть реальнѣйшее существо, самобытная сущность, основа всякаго реальнаго бытія и притомъ—повторяю—всесовершеннѣйшая личность. Ясно, тутъ само собою выходитъ такое умозаключеніе: нереальное (имя) есть реальнѣйшее Существо, всесовершеннѣйшая Личность.

Такого логическаго противорѣчія и взаимнаго отрицанія двухъ понятій нашъ разумъ, какъ отображеніе разума творческаго, принять не можетъ.

Защитники новаго догмата говорятъ, что имя Божіе неотъемлемо отъ Бога, что каждый разъ, когда мы произносимъ имя Господа, то разумѣемъ или призываемъ именно Его Самого, а не отвлеченную идею, умопредставляемый образъ.

Но тогда зачѣмъ же ставить логическое ударепіе на словѣ „имя“, зачѣмъ какъ бы подчеркивать это слово? Зачѣмъ настаивать на имени тогда, когда разумѣемъ Его Самого? Невольно приходитъ на мысль, что это нужно новымъ учителямъ по какимъ-то особымъ соображеніямъ. И если вникнуть глубже въ ихъ ученіе, то становится понятнымъ, зачѣмъ это имъ нужно.

Должно сказать, что хотя имя, какъ отвлеченное умопредставленіе о чемъ бы то ни было, отдѣльно отъ предмета реально не существуетъ, но въ процессѣ мышленія всегда можетъ быть отдѣлено отъ того предмета, коему усвояется. Ему можетъ быть приписано то или другое качество, коимъ самый предметъ не обладаетъ. Напримѣръ, объ имени можно сказать: благозвучно оно или нѣтъ, легко или не легко произносимо, объемлетъ ли всѣ признаки именуемаго или же часть ихъ, одинъ изъ нихъ, и подобное. Нѣтъ надобности дѣлать исключеніе и тогда, когда рѣчь идетъ объ имени Божіемъ. Мы употребляемъ его и въ молитвѣ, произносимъ и тогда, когда бесѣдуемъ или пишемъ о Богѣ. Надо помнить еще и то, что мы существа ограниченныя, а Богъ неограниченъ, непостижимъ для нашего ума, необъятенъ для нашего слова. По благости Своей Онъ открываетъ Себя въ словѣ человѣческомъ, но всякое слово наше остается ограниченнымъ и условнымъ, Онъ же безусловно всесовершенъ. Въ Его имени, въ нашемъ слабомъ словѣ или нашемъ умопредставленіи о Немъ есть только приближеніе понятія о Немъ къ нашему уму, но не тожество—не только съ самымъ существомъ Его, но даже и съ тою идеею о Богѣ, которая прирождена нашему духу, какъ неотъемлемая черта образа Божія въ насъ самихъ, которая предносится, въ силу этой прирожденности, нашему уму, но не объемлется, не выражается во всей полнотѣ своей ни однимъ изъ нашихъ словесъ. Посему необходимо признать, что наша идея, наша мысль о Богѣ—одно, а самое Существо Божіе—другое. Только при такомъ отдѣленіи имени, какъ мысли о Богѣ, отъ самаго Существа Божія и можно здраво мыслить и благоговѣйно разсуждать о Немъ. Уже по одному этому непозволительно дерзать говорить: „имя Божіе есть Самъ Богъ“. Богъ въ Существѣ Своемъ неименуемъ. Нѣтъ на землѣ достойнаго Его имени и на языкахъ человѣческихъ такихъ словъ, которыя во всей полнотѣ обнимали бы Его Существо, всѣ Его совершенства; и такъ называемыя имена Его

суть только слова, указующія на то или иное Его свойство, напримѣръ: *Сущій (Іегова)*, русское *Богъ*— указуютъ на Его вѣчность, Его приснобытіе, на то, что Онъ самосущій источникъ всякаго бытія; *Іисусъ*— на то, что Онъ есть Спаситель нашъ, насъ ради воплотившійся и ставшій *Богочеловѣкомъ*; *Христосъ*—на то же служеніе спасенію рода человѣческаго; *Сынъ Божій* на Его предвѣчное рожденіе отъ Отца, на Его отношеніе къ Первому Лицу Пресвятыя Троицы; *Господь*—на Его владычественное отношеніе къ созданной Имъ твари и искупленнымъ Его кровію людямъ, и т. под. Но если бы нашлось на языкѣ человѣческомъ слово или въ мысли нашей представленіе, во всей полнотѣ объемлющее въ себѣ всѣ свойства и совершенства Божіи, и тогда это была бы только идея о Богѣ, только благоговѣйная мысль о Немъ, наше субъективное представленіе, а не Самъ Онъ по Своему Существу. Если угодно—это былъ бы только мысленный образъ Божій, духовная умопредставляемая икона Его, а не Самъ Онъ. Правда, когда благоговѣйная мысль обращается къ Богу, призывая святѣйшее имя Его, то Господь въ то же мгновеніе внемлетъ молящемуся, мало того: Онъ Самъ даетъ и молитву молящемуся, но и при семъ Самое Существо Божіе не воплощается въ идеѣ, а лишь проявляется нѣкая сила Божія, именуемая благодатію. И является она не потому только, что человѣкъ умомъ или устами произнесъ имя Божіе, а потому, что произнесъ его съ должнымъ благоговѣніемъ и вѣрою, обращая и свое сердце къ Богу (Существу Божію), какъ цвѣтокъ обращается къ солнцу. Не отъ звуковъ имени, не отъ отвлеченной идеи, не отъ умопредставляемаго имени, а отъ Самого Бога льется на него лучъ благодати. Имя при семъ является, какъ я уже сказалъ, лишь необходимымъ для нашего мышленія условіемъ, чтобы облечь нашу мысль въ наше слабое слово, что для Бога не нужно, а для насъ необходимо.

Повторяю: для насъ имя Божіе есть только слабая тѣнь одного изъ свойствъ или состояній Божіихъ, отмѣченная въ нашемъ словѣ или мышленіи; мы и тѣни воздаемъ должное почитаніе, какъ иконѣ, ибо и тѣнь апостола Петра исцѣляла болящихъ; но не дерзаемъ отожествлять сію тѣнь съ Самимъ Богомъ и говорить, что „имя Божіе есть Богъ“. На это не даетъ намъ права простой, здравый разумъ; это на дѣлѣ доказываютъ и сами защитники новаго догмата: несмотря на ихъ настойчивое увѣреніе, что имя Божіе неотдѣлимо отъ Лица Божія, они все же его отдѣляютъ въ своемъ мышленіи. Да и разумъ непремѣнно этого требуетъ, ибо Господь Богъ есть Личность, а идея и есть только идея, отвлеченность, субъективное представленіе, хотя бы и внушенное, открытое Богомъ человѣку. Разъ они называютъ идею „Богомъ“, они тѣмъ самымъ уже признаютъ ее личностью. Но поелику эта, уже обратившаяся, по ихъ ученію, въ личность идея ими настойчиво признается „Богомъ“, поелику ими усиленно подчеркивается, что не только Самъ Господь Богъ есть Богъ, но и имя Его есть „Богъ“, то съ логическою необходимостію изъ сего выходитъ, что какъ Существо Божіе Само въ Себѣ есть Богъ, такъ и имя Его есть Богъ, а симъ самымъ въ ихъ мышленіи имя отдѣляется въ особую отъ Бога личность. Нѣтъ нужды дѣлать отсюда логическое умозаключеніе, ведущее къ какому-то двоебожію... О, конечно, они протестуютъ противъ такого пониманія, но здравый разумъ требуетъ при-

знанія сего вывода съ неумолимою логикою...

Исповѣдники новаго догмата предвидятъ такое возраженіе, но для опроверженія его у нихъ недостаетъ строго логическихъ построеній и посему они пускаются—съ одной стороны въ мистику, съ другой ищутъ всюду авторитетовъ, чтобы, не входя въ разсмотрѣніе вопроса по существу, подкрѣпить свое ученіе ихъ словами. Они говорятъ, что въ ученіи о духовной жизни опытъ важнѣе науки. Но жизнь духовная—одно, а точное изложеніе вѣры—другое. Такіе великіе учители монашества, какъ преподобный Іоаннъ Лѣствичникъ и Варсануфій Великій, предостерегаютъ монаховъ, даже безмолвниковъ, посвятившихъ себя высшему подвигу, отъ занятія догматическими изслѣдованіями. „Неизмѣрима глубина догматовъ, говоритъ св. Лѣствичникъ, и уму безмолвника не безбѣдно пускаться въ нее. Не безопасно плавать въ одеждѣ, и подверженному страсти касаться богословія“ (Лѣств. сл. 27, гл. 10—11). И когда одинъ братъ вопрошалъ преподобнаго Варсануфія: „если въ моемъ присутствіи состязаются о вѣрѣ съ кѣмъ-либо изъ неправо мудрствующихъ о ней, долженъ ли и я состязаться или нѣтъ? ибо помыслъ говоритъ мнѣ: когда молчишь, то измѣняешь вѣрѣ“,—великій авва прямо и рѣшительно отвѣчалъ: „никогда не состязайся о вѣрѣ; Богъ не требуетъ отъ тебя сего, но лишь того, чтобы ты вѣровалъ право, какъ принялъ отъ святой Церкви при крещеніи, и чтобы соблюдалъ заповѣди Его. Сохрани сіе и спасешься. Бесѣдовать же о догматахъ не слѣдуетъ, ибо это выше тебя. Но молись Богу о своихъ согрѣшеніяхъ, и въ семъ пусть упражняется умъ твой. Берегись, чтобы въ сердцѣ своемъ не осудить имѣющихъ такое собесѣдованіе, ибо ты не знаешь, право ли говорятъ они или нѣтъ. Богъ будетъ судить оное дѣло: если же будешь спрошенъ, скажи: простите меня, отцы святые, это выше меня“ (отв. 702). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же святый отецъ вопросившему о мудрованіяхъ Оригена, между прочимъ, пишетъ: „небеса ужасаются, о чемъ любопытствуютъ люди. Земля сотрясается, какъ они хотятъ изслѣдовать непостижимое. Это догматы языческіе, это пустословіе людей, которые думаютъ о себѣ, что они нѣчто значатъ“... (отв. 606). И святый Григорій Богословъ пишетъ: „незнающему богословскихъ наукъ непозволительно и разсуждать о догматахъ вѣры; какъ больному глазами нельзя смотрѣть на солнце, такъ и неученому въ богословскихъ наукахъ нельзя и учить о новыхъ догматахъ“. Было бы очень полезно современнымъ инокамъ — богословамъ на Аѳонѣ припомнить сіи наставленія св. отцевъ.

Излагать ученіе о божественности имени Божія есть дѣло православнаго богословія, а не аскетики. Опытъ духовной жизни — великое дѣло, и многіе богословы почерпали въ немъ благодатную помощь Божію къ уразумѣнію и выраженію въ своихъ писаніяхъ истинъ вѣры, но не всякому подвижнику это дается. Притомъ, всеконечно, они не дерзали въ семъ великомъ дѣлѣ полагаться на свой только личный опытъ, на свои выводы изъ сего опыта, а строго провѣряли свои мысли ученіемъ Церкви, яко единой непогрѣшимой хранительницы истины Божіей. Съ великимъ дерзновеніемъ говорили о нѣкоторыхъ истинахъ такіе подвижники, какъ преподобный Серафимъ Саровскій и отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, но и они не выдавали своихъ мыслей за точно изложенныя истины, за до-

гматы, какъ это дѣлаютъ отецъ Иларіонъ и Антоній Булатовичъ, не дерзали составлять своихъ вѣроопредѣленій, и ни одинъ учитель Церкви не посмѣетъ назвать своего личнаго мнѣнія догматомъ, хотя бы находилъ и у другихъ церковныхъ писателей нѣчто, подтверждающее его мнѣніе.

Изъ авторитетовъ новые учители болѣе всего ссылаются на Іоанна Кронштадтскаго. Но должно помнить, что, какъ замѣтилъ одинъ писатель, онъ пріобрѣлъ извѣстность не своими учено-богословскими трудами, а подвигами и благодатными дарами. А св. Апостолъ Павелъ говоритъ, что Богъ раздѣляетъ Свои дарованія — каждому свое. Отецъ Іоаннъ имѣлъ даръ, по преимуществу, молитвы и исцѣленій, митрополитъ Филаретъ Московскій—даръ мудрости и постиженія ученія церковнаго, инъ—иной даръ. Церковь непогрѣшима не въ отдѣльныхъ своихъ членахъ, а въ цѣлой полнотѣ своей („плирома", исполненіе Церкви). Если бы о. Іоаннъ дожилъ до появленія новаго ученія объ имени Божіемъ, то, конечно, онъ разъяснилъ бы намъ тѣ выраженія, которыя, главнымъ образомъ, полагаютъ въ основѣ новаго догмата. Примѣръ сему—его протесты противъ искаженія его мыслей, такъ называемыми іоаннитами, которыхъ онъ не стѣсняясь предавалъ открыто анаѳемѣ. Имѣя въ виду, что Церковь въ своихъ вѣроопредѣленіяхъ нигдѣ не учитъ такъ, какъ учатъ защитники новаго догмата, я дерзаю утверждать, что не училъ такъ и о. Іоаннъ, и что смыслъ тѣхъ выраженій, которыя приводятся ими, не тотъ, какой они въ нихъ находятъ, тѣмъ болѣе, что, какъ оказывается, выписки взяты, въ большинствѣ, не изъ подлинныхъ записей о. Іоанна, а изъ перевода съ англійскаго. Подлинникъ же на англійскомъ языкѣ представляетъ какъ бы пересказъ, сводъ мыслей, а не точныхъ словъ о. Іоанна, въ изложеніи уже англичанина, который потрудился пересмотрѣть дневники его и извлечь изъ нихъ въ своемъ изложеніи то, что ему было особенно по сердцу.

Какой же могъ быть смыслъ у о. Іоанна въ приводимыхъ выраженіяхъ? Позволяю себѣ отвѣтить на сей вопросъ, какъ это представляется возможнымъ.

Дѣлатели молитвы Іисусовой свидѣтельствуютъ, что „когда умъ бываетъ заключенъ въ сердцѣ", когда все духовное существо человѣка бываетъ сосредоточено на мысли о Богѣ, при чемъ мысль, при содѣйствіи благодати Божіей, какъ бы благоговѣйно предстоитъ невидимо присутствующему Богу по слову псалмопѣвца: *презрѣхъ Господа прѣдо мною выну* (Пс. 15, 8), тогда согрѣвается сердце человѣка прикосновеніемъ къ нему Божіей благодати, и сладостно бываетъ молитвеннику самое имя Господа Іисуса Христа держать въ своемъ умѣ или лучше сказать,—въ сердцѣ, по слову того же псалмопѣвца: *помянухъ Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4). Сіе-то состояніе, испытываемое молитвенникомъ, даетъ ему увѣренность, что Господь внемлетъ его молитвѣ, что Онъ, милосердый, *тутъ*, около него.—Гдѣ же? вопрошаетъ его духъ его, какъ бы желая обнять Неосязаемаго? — Человѣкъ привыкъ мыслить всякое существо въ какомъ-либо пунктѣ пространства; въ данный моментъ онъ ощущаетъ прикосновеніе благодати въ сердцѣ—тамъ, гдѣ онъ въ смиренной любви держитъ и какъ бы лобызаетъ имя Господа, и вотъ, въ умиленіи сердца, въ восторгѣ духа онъ готовъ воскликнуть: „Ты здѣсь,

Ты со мною, Господь мой и Богъ мой! Добро есть мнѣ съ Тобою быти!" И его мысль емлется за сладчайшее имя Божіе, какъ бы за ризу Хрістову, какъ бы за пречистыя нозѣ Его. И все сіе совершается столь быстро, столь неотдѣлимо проходитъ одинъ моментъ переживанія ощущеній отъ другого, что у молитвенника можетъ возникнуть мысль о присутствіи Самого Господа въ Его имени, и прикосновеніе лучей благодати, согрѣвающей сердце, можетъ быть принято или, по крайней мѣрѣ, для краткости выраженія въ словѣ, названо присутствіемъ Господа въ Его имени, хотя на самомъ дѣлѣ все сіе совершается въ сердцѣ, самое же имя не есть, какъ я уже выше сказалъ, реальное нѣчто, а лишь условное умопредставленіе, хотя бы и Самимъ Богомъ намъ открытое, какъ необходимое для нашего мышленія, чтобы обратиться мыслію къ непостижимому, умомъ необъемлемому, словомъ невыражаемому Существу Божію. Здѣсь непримѣнимо понятіе о вездѣсущіи Божіемъ, ибо для имени нѣтъ пространства, къ коему относится понятіе вездѣсущія Божія.

Можно думать, что и о. Іоаннъ, переживая благодатныя состоянія въ молитвенномъ общеніи съ Богомъ, свои переживанія набрасывалъ на бумагу, не заботясь о догматической точности выраженій, въ своихъ летучихъ замѣткахъ или дневникахъ. А англичанинъ, человѣкъ иныхъ догматическихъ понятій, иного воспитанія въ ученіи вѣры, изложилъ сіи мысли о. Іоанна по своему. При печатаніи же русскаго перевода о. Іоанну не было времени точнѣе вчитаться въ текстъ перевода и лучше оформить свои мысли въ догматическомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что едва ли ему могло притти на мысль, что явятся люди, которые его слова—наброски будутъ принимать за строго выраженный догматъ. Религіозныя переживанія легче и свободнѣе выражаются въ поэтическихъ формахъ, нежели въ точныхъ догматическихъ опредѣленіяхъ. Надо и то сказать, что если одинъ даже изъ великихъ отцевъ Церкви, по недоразумѣнію, нѣкоторое время держался неправославныхъ мнѣній о вѣчности мученій, то тѣмъ простительнѣе о. Іоанну не быть точнымъ въ выраженіи своихъ мыслей-переживаній, и онъ, конечно, исправилъ бы ихъ, если бы кто ему указалъ на эти неточности.

Я довольно подробно остановился на выпискахъ изъ писаній о. Іоанна Кронштадтскаго потому, что изъ всѣхъ свидѣтельствъ, приводимыхъ о. Булатовичемъ изъ обширнѣйшей аскетической литературы, этотъ подвижникъ - молитвенникъ выпуклѣе всѣхъ выразилъ ученіе о Божественности имени Господня въ благопріятномъ для о. Булатовича видѣ. И не могу не высказать удивленія, какъ мало авторъ „Апологіи" использовалъ сію литературу: вѣдь, святыхъ отцевъ считается у Миня до 400 томовъ! Равно и изъ русскихъ богослововъ почти нѣтъ ни одного, кромѣ нѣсколькихъ строкъ изъ еп. Игнатія Брянчанинова, а на еп. Ѳеофана о. Булатовичъ бросаетъ даже тѣнь, будто „по богатству ума ему не давалось сокровище простоты сердечной, а ею-де только и познается Богъ по имени Іисусъ". Ясно, что не нашелъ онъ въ писаніяхъ сего святителя, преисполненныхъ опыта духовнаго, того, чего искалъ,— подтвержденія своихъ мудрованій. Величайшій богословъ послѣдняго времени митрополитъ Филаретъ Московскій, самъ мистикъ по своему духовному складу, имъ

совершенно обойденъ, не говоря уже о другихъ. А трудился о. Булатовичъ много и усердно, собирая отовсюду все, что только было можно подобрать въ свою пользу. И если принять во вниманіе, что, не находя прямыхъ опредѣленій своего новаго догмата, онъ выписывалъ мѣста, относящіяся не только къ имени Господа, но и къ дѣйствіямъ Божіимъ, благодати и под., всячески стараясь истолковать нѣкоторыя, казавшіяся ему подходящими, выраженія святыхъ отцевъ (напр., Тихона Задонскаго, Іоанна Златоуста и др.), то нельзя не удивляться скудости и туманности избранныхъ имъ мѣстъ. Приводитъ онъ того или другого св. отца, точнаго выраженія о Божествѣ (т. е. что имя Божіе—Богъ) не находитъ, и начинаетъ осыпать читателя вопросами: „Видите, видите, слышите?“... Дѣлаетъ выводы, прибѣгая къ натяжкамъ, интерполяціямъ, и под. Правда, два-три мѣста есть для него болѣе или менѣе благопріятныя, и онъ, приведя ихъ, торжествуетъ. Но если бы ученіе сіе было принято Церковію какъ догматъ, то отцы и учители Церкви раскрыли бы его гораздо полнѣе: вѣдь, рѣчь идетъ о спасительномъ имени Господа.

Намѣренно или по незнанію греческаго языка у о. Булатовича встрѣчаются и неточности переводовъ въ его выпискахъ изъ первоисточниковъ. Напримѣръ, приводитъ онъ слова св. Ѳеофилакта въ его толкованіи на Дѣянія Апостоловъ гл. 2, 38: „Имя *Іисуса* есть Богъ, равно какъ имя Отца и Святаго Духа“, но имя *Іисусъ* ставитъ вмѣсто родительнаго падежа въ именительномъ: *Іисусъ*, и мысль такою подмѣною падежа измѣняется въ его пользу: выходитъ, что самое имя „*Іисусъ*“ есть Богъ, тогда какъ у Ѳеофилакта мысль просто та, что не къ имени или слову *Іисусъ* надо относить сказуемое Богъ, но что подъ именемъ Христовымъ надо разумѣть Бога, второе лице Святыя Троицы, какъ подъ именами Отца и Духа первое и третіе.

Особенно подчеркиваетъ, и не разъ, въ своей „Апологіи“ о. Булатовичъ пятое опредѣленіе противъ Варлаама, повидимому вовсе не подозрѣвая, что тамъ говорится о *Божественности*, а не о *Богѣ*, и въ греческомъ текстѣ читается не *Ѳеосъ*, а *Ѳеотисъ* — Божественность [1]).

---

[1]) Кстати: насколько можно довѣряться о. Булатовичу въ переводахъ съ греческаго, можно судить по слѣдующему примѣру: вотъ его переводъ 5-го опредѣленія противъ Варлаама: „Также тѣмъ, кои думаютъ и говорятъ, вопреки Божественнымъ словамъ святыхъ и образу мысли Церкви, что только объ одномъ существѣ Божіемъ говорится имя Богъ, и не исповѣдуютъ того, что отнюдь не меньшимъ почитается Божественное дѣйствіе, какъ тому научаютъ насъ Божественные таинноводители, почитающіе во всѣхъ отношеніяхъ одинаковыми, какъ существо Отца и Сына и Святаго Духа, такъ и дѣйствіе Ихъ,—анаѳема, анаѳема, анаѳема“!—А вотъ точный переводъ г. Троицкаго: „Еще же мудрствующимъ и говорящимъ, что имя Божества говорится объ одномъ только существѣ Божественномъ, и не исповѣдующимъ, согласно богодухновеннымъ богословствованіямъ святыхъ и благочестивому мудрствованію Церкви, что оно прилагается не менѣе и къ Божественному дѣйствію (энергіи), и наоборотъ, такимъ образомъ всячески настаивающимъ только на одной Божественности Отца, Сына и Святаго Духа,

И это смѣшеніе двухъ словъ *Богъ* и Божество, *Божественность*, у него проходитъ чрезъ всю книгу. Множество выписокъ онъ не привелъ бы вовсе, какъ къ дѣлу не относящихся, если бы различалъ эти два понятія. Вѣдь, никто изъ православныхъ не дерзнетъ и подумать, что святѣйшее имя Господа нашего, что всѣ имена Божіи, всѣ словеса Божіи—не святы и не Божественны, какъ Богу единому принадлежащія. Но *Божественность и обоженіе*—два понятія различныя. Богъ есть всесовершеннѣйшая Личность, Божественность же—принадлежность Богу, качественность предмета, и, конечно, всѣ дѣйствія Божіи—Божественны, какъ проявленія Божіей жизнедѣятельности и свойствъ Его, но назвать ихъ Богомъ значило бы обоготворитъ ихъ, признать ихъ всесовершенною Личностью, что уже противорѣчитъ всякой логикѣ, всякому здравому понятію о Богѣ и свойствахъ Его. Вотъ почему и упомянутое опредѣленіе собора не употребляетъ ни разу слова „Богъ“ въ отношеніи къ дѣйствіямъ Божіимъ, а ставитъ слово „Божественность“. Только въ неправильномъ переводѣ на русскій слово „Θеотисъ“ передано словомъ „Богъ“.

Божественныя дѣйствія непостижимы и постигаются только вѣрою. Вѣрою мы воспріемлемъ ученіе о благодати Христовой, присущей, напримѣръ, св. иконамъ, честному кресту Господню, св. водѣ, св. мурру и другимъ священнымъ предметамъ. Значитъ ли это, что Богъ присущъ симъ предметамъ всѣмъ Существомъ Своимъ — такъ, что сіи предметы сами по себѣ—Богъ? Но тако мы-

говоритъ-ли кто, какъ Божественные тайноводцы, объ ихъ сущности или же дѣйствіи, и учащимъ насъ этому—анаѳема!“

слящихъ св. Церковь предаетъ анаѳемѣ, повелѣвая воздавать св. иконамъ поклоненіе „относительно, а не боголѣпно“.

Понятія: Богъ въ Существѣ Своемъ и благодать Его — не тожественны. Мы чада Божіи по благодати, а Господь нашъ Іисусъ Христосъ — единородный Сынъ Бога Отца по существу. Благодатію Своею, сею непостижимою силою, симъ даромъ Его благости Онъ пребываетъ съ нами, чадами Его благодати, присно, незримо; по вездѣсущію Своему, всемогуществу и благости соприсутствуетъ Онъ и всей твари, но если въ этомъ смыслѣ понимать Божіе соприсутствіе именамъ Божіимъ, то таковое будетъ неотличимо отъ соприсутствія всей твари. Надо при семъ помнить, что вся тварь есть реальное бытіе, а имена суть лишь символы, знаки отвлеченныхъ умопредставленій, существующихъ только субъективно въ нашемъ сознаніи какъ необходимый элементъ нашего мышленія. Они, конечно, имѣютъ содержаніе, но не пространственное, а идейное и внѣ тѣсныхъ рамокъ нашего тѣлеснаго бытія, какъ условныя звуки и слова, не нужны. По крайней мѣрѣ, языкъ небожителей—не нашъ человѣческій, а каковъ онъ,—мы узнаемъ тогда, когда сами будемъ небожителями, если сего удостоимся. Слѣдовательно, придавать силу и значеніе именамъ, какъ таковымъ, *вѣровать* въ имена, какъ въ нѣчто безусловное, какъ личныя существа (а слово „Богъ“ непремѣнно предполагаетъ Личность)—нельзя, а если такъ, то и называть ихъ „Богомъ“ значитъ низводить Существо Божіе въ область не только сотворенныхъ, ограниченныхъ тварей, но и въ область реально—ни духовно, ни матеріально не существующихъ, а лишь отвле-

ченно мыслимыхъ понятій. Это будетъ уже какой то идейный пантеизмъ, на который указываетъ и докладъ богослововъ Халкинской школы вселенскому патріарху Герману.

II.

Но ужели имена Божіи суть только наши умопредставленія о свойствахъ и состояніяхъ Божіихъ, хотя бы и вѣдомыя намъ изъ Божественнаго откровенія? Ужели они не имѣютъ никакого практическаго отношенія къ нашей духовной жизни, къ той духовной сферѣ, которая окружаетъ насъ?

Всеконечно—имѣютъ; но чтобы выяснить это отношеніе, надобно изъ области догматики перейти въ область психологіи, въ область жизни нашей души, нашего внутренняго человѣка. Если таинственная невѣста Пѣсни пѣсней говоритъ своему жениху: *мгро изліянное имя твое* (1, 2), если имя матери, отца, брата, друга мы не можемъ произносить равнодушно; если царь и пророкъ Давидъ при одномъ воспоминаніи о Богѣ веселился сердцемъ: то возможно ли, чтобы душа, любящая Господа, ищущая Его, стремящаяся къ Нему, не ощущала благоуханія сего духовнаго мура—сладчайшаго имени Господня? Не напрасно же св. Церковь устами своихъ богодухновенныхъ пѣснопѣній именуетъ имя Господне *слабчайшимъ*, *всечестнымъ*, *великолѣпнымъ*, *достопоклоняемымъ*: вѣдь оно, это святѣйшее имя, говоритъ сердцу нашему о пресладкомъ и всещедромъ Іисусѣ, а слѣдовательно и о всемъ томъ, въ чемъ наше вѣчное блаженство, вѣчное спасеніе. Душа наша такъ устроена, что при каждомъ имени, какое она слышитъ, ей какъ бы представляется уже и духовный образъ того, чье имя произнесено, а можетъ ли она не встрепенуться благоговѣніемъ при имени Божіемъ, если она вѣруетъ искренно въ Бога? Но и независимо отъ этого столь естественнаго чувства благоговѣнія, мы вѣруемъ, что и Господь, призываемый въ имени Его, близокъ къ призывающимъ Его во истинѣ Своею благодатію. Чтобы яснѣе была наша мысль о семъ, обратимся къ аналогіи, уже принятой Церковію въ ея священномъ преданіи.

Матерь Божія сказала нѣкогда о Своей иконѣ: съ симъ образомъ буди благодать Моя и сила. И несомнѣнно, и Церковію принято, что есть иконы чудотворныя. Но никто не называетъ ихъ Матерію Божіей. Благодатная сила Матери Божіей, или, что то же, сила Божія, Ей данная отъ Сына Ея и Бога, конечно, неотлучно, пребываетъ въ Ней Самой, и чудеса, совершаемыя предъ такою иконою, суть, несомнѣнно, проявленіе силы Божіей, присущей симъ иконамъ. Не доска, не краски чудодѣйствуютъ, а сія сила Божія по особому благоволенію Божію и по вѣрѣ молящихся предъ иконами. Мало сего: главотяжи и убрусцы Павловы, тѣнь Петрова исцѣляли больныхъ по вѣрѣ соприкасающихся съ ними. Очевидно, не тѣни, не мертвымъ вещамъ вѣрующіе приписывали силу исцѣленій, а молитвамъ св. апостоловъ. Тѣмъ больше основаній сказать, что и имя Божіе, понимаемое не какъ простой звукъ, но какъ нѣкое отображеніе Существа Божія, или, лучше сказать—свойствъ Его, есть нѣкій, конечно, несовершенный, мысленный образъ Божій, и ему, какъ бы чудотворной иконѣ, присуща нѣкая сила Божія, какъ проявленіе того или другаго свойства Божія: въ однихъ случаяхъ — напримѣръ въ таинствахъ—благодат-

ная, благодѣющая намъ по вѣрѣ нашей, въ другихъ, напримѣръ, при заклинаніяхъ надъ демонами—правосудно карающая и попаляющая, и въ тѣхъ и въ другихъ—всемогущая. Какъ въ одеждѣ Христовой, къ коей прикоснулась кровоточивая жена, была нѣкая „сила", исцѣлившая ее, такъ и въ мысленномъ прикосновеніи нашемъ ко Христу Спасителю произнесеніемъ Его всесвятаго имени можетъ проявляться Его сила, Его изволеніемъ. Но не всѣ, прикасавшіеся Христу, получали исцѣленія, а только касавшіеся съ вѣрою, такъ и не всѣ, призывающіе Его имя, получаютъ просимое, какъ Онъ Самъ говоритъ: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего* (Мѳ. 7, 21). Во всякомъ случаѣ, сила Божія, именуемая благодатію, будучи, конечно, проявленіемъ Божіей „энергіи",—а энергія несотворенна, а наоборотъ—сама обладаетъ творческою силою,—тѣмъ не менѣе, никакъ не можетъ быть совершенно отожествлена съ существомъ Божіимъ. Вѣдь и наши дѣйствія не суть еще наше существо, а лишь наша жизнедѣятельность, лишь проявленіе нашихъ свойствъ и состояній. И какъ человѣкообразныя выраженія о Богѣ: „лице Божіе, сердце, умъ, десница", и под. не суть Самъ Богъ, а лишь отраженіе въ нашемъ ограниченномъ умѣ свойствъ Божіихъ, притомъ въ образахъ, по существу Богу несовершенно приличествующихъ, такъ и въ именахъ Божіихъ отражаются, отображаются въ нашемъ сознаніи, умопредставленіи тѣ или другія, но не всѣ вмѣстѣ, свойства Божіи, какъ солнце въ зеркалѣ: оно, это отображеніе солнца, и сіяетъ и грѣетъ, заимствуя свою теплоту и свѣтъ отъ солнца, но не есть само солнце: такъ и имена не суть Богъ Самъ по Сущности Своей, ибо они, имена, даже не суть и существа, т. е., какъ сказано выше, ни матеріально, ни духовно не существуютъ, будучи въ нашемъ умопредставленіи необходимыми элементами нашего мышленія. Сила Божія является въ чудесахъ отъ святыхъ иконъ, но когда? Когда восхощетъ и признаетъ потребнымъ для насъ Господь и когда есть вѣра у молящагося. Аще можеши вѣровати—вся возможна вѣрующему. По невѣрствію вашему не могли вы изгнать бѣса, говоритъ Господь Своимъ апостоламъ. Не слѣдуетъ забывать, что и при постоянномъ упражненіи въ молитвѣ Іисусовой, если это дѣлается самочинно, безъ должнаго руководства и отсѣченія своего смышленія и своей воли, бываютъ искушенія отъ духа прелести, и подвижники гибнутъ. Слѣдовательно, необходимо еще и глубочайшее смиреніе.

Защитники новаго ученія въ совершеніи таинствъ все приписываютъ имени Божію: нельзя, говорятъ они, быть увѣреннымъ, совершилось ли таинство, если все приписывать вѣрѣ совершителя или воспріемлющаго таинство. Такъ; но они забываютъ вѣру самой Церкви, какъ живаго организма любви, какъ единаго тѣла Христова. Я вѣрую въ силу Божіей благодати въ таинствахъ потому, что такъ вѣруетъ *вся* Церковь, а я спасаюсь только въ Церкви, какъ ея живой членъ, какъ нѣкая, выражаясь научнымъ языкомъ, микроскопическая, но живая клѣточка этого великаго, Духомъ Божіимъ оживляемаго организма. Вотъ почему всякое священнодѣйствіе, совершаемое служителемъ Церкви, законно рукоположеннымъ, для меня дѣйственно и вѣра моя въ его силу непогрѣши-

тельна. Церковь жива и не можетъ умереть. Если я живу въ ней,—я живу ея жизнію. Ея вѣра — моя вѣра не только по внутреннему содержанію, по предмету вѣры, но и по принадлежности этой вѣры мнѣ. Члены Церкви всѣ *живи суть*. И на небѣ все та же Церковь—моя Мать, невѣста Хрістова. Вѣра той, небесной Церкви, для ея членовъ стала отчасти уже знаніемъ: многое изъ того, что для насъ здѣсь еще непостижимо, то для нихъ стало уже очевидно; многое, чего я еще не понимаю своимъ ограниченнымъ умомъ,—для нихъ стало аксіомой. Правда, и они ограничены въ видѣніи, яко существа сотворенныя, но мы, плотію облеченные, многаго не можетъ познать изъ того, что ясно для безплотныхъ, и я, какъ живой членъ единой во Христѣ Церкви, моею немощною вѣрою становлюсь причастникомъ этой вѣры—знанія членовъ Церкви, на небесахъ сущей. И я вѣрую во все то, во что вѣруетъ моя Мать—Церковь, что она выразила въ своихъ вѣроопредѣленіяхъ и символахъ, что приняла и хранитъ въ преданіи священномъ, засвидѣтельствованномъ у святыхъ отцевъ. А какой-либо „догматъ", Церковію ясно не выраженный, всею полнотою (плиромою, исполненіемъ) Церкви не воспринятый, не формулированный, я боюсь принимать, пока Церковь сама не выяснитъ своего къ нему отношенія.

Думать, что таинства совершаются только именемъ Божіимъ, его произнесеніемъ, значитъ мыслить по-латински: латины вѣрятъ въ такъ называемое opus operatum; разъ произнесена извѣстная формула—таинство уже совершено,—такъ сказать, механически. Латинскій патеръ, не желая утомлять себя постомъ до совершенія литургіи, предъ ея совершеніемъ беретъ хлѣбъ и вино, произноситъ надъ ними слова Спасителя и употребляетъ ихъ, увѣренный, что онъ поста не нарушилъ, ибо онъ уже причастился св. Таинъ (а по уставу ихъ церкви онъ можетъ совершать хоть двѣ-три литургіи въ день). По нашему же это—кощунство.

Вспомните чудную молитву св. Златоуста предъ причащеніемъ св. Таинъ: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога живаго... Еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое Тѣло Твое и сія есть самая честная Кровь Твоя"... Не говоритъ великій Святитель: „еще вѣрую, яко сіе—предлежащее мнѣ — есть Самъ Богъ Всесовершенный, Богочеловѣкъ", а говоритъ: „сіе есть Тѣло Твое, Кровь Твоя" и только... Но вѣдь Самъ Господь сказалъ: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ... ядый Мя той живъ будетъ во вѣки*... Значитъ, въ тѣлѣ и крови Спасителя, въ семъ животворящемъ—по виду хлѣбѣ и винѣ—Самъ Онъ—Богъ всесовершенный? Выводъ несомнѣнный, и по логикѣ защитниковъ новаго „догмата" слѣдовало бы сказать прямо, что св. Тайны—Самъ Богъ. И мы дѣйствительно воздаемъ имъ боголѣпное поклоненіе. Однако же, Церковь, вѣруя такъ, нигдѣ прямо сей вѣры не выражаетъ въ словесной формулѣ, какъ бы всякое слово человѣческое почитая недостаточно благоговѣйнымъ для выраженія величайшей тайны любви Божіей къ намъ, грѣшнымъ, и щадя немощь нашего разумѣнія... Вспомните несчастнаго безбожника графа Толстого...

Беру еще аналогію или примѣръ. Что есть крестное знаменіе?—Это—дѣйствіе человѣка рукою въ

воздухѣ, изображающее крестъ Господень. Это—не реальный предметъ, ни физическій, ни духовный. Это-внѣшнее изображеніе дѣйствіемъ идеи, мысли, ученія о нашемъ спасеніи страданіями нашего Господа. Это—то же въ области дѣйствія, что звукъ, слово въ области рѣчи. И вотъ наше, Церковію усвоенное отношеніе къ сему св. знаку, точнѣе—знаменію: мы вѣруемъ, что Господь силою честнаго и животворящаго креста Своего, то-есть, чрезъ его посредство, творитъ чудеса и совершаетъ таинства, ибо что есть и всякое таинство, какъ не чудо Божіе? Чѣмъ же является Господень крестъ и знакъ, знаменіе крестное? Конечно,—не Богомъ, а лишь посредствомъ, чрезъ которое благодать Божія проявляетъ свою силу. Господь не нуждается въ семъ посредствѣ, а намъ, нашей немощи, оно необходимо, ибо мы живемъ въ условіяхъ пространства и времени. И видитъ врагъ Бога и людей знаменіе крестное, и вспоминаетъ побѣду надъ нимъ Распятаго на крестѣ, и трепещетъ, и трясется, по выраженію пѣсни церковной, бѣжитъ предъ лицемъ креста, предъ однимъ напоминаніемъ о крестѣ. Бѣжитъ аки песъ, видя жезлъ, коимъ его били. Тутъ Господь далъ намъ крестъ, яко оружіе на діавола. Не движеніе руки нашей страшитъ его, а палитъ его сила Божія, присущая, волею Господа сопровождающая самое напоминаніе о Распятомъ на крестѣ. Такъ хощетъ Богъ, такъ и бываетъ при условіи нашей вѣры. Для вѣрующихъ несомнѣнно присутствіе благодати Божіей при совершеніи съ вѣрою крестнаго знаменія. Но можно ли сказать, что крестное знаменіе есть Самъ Богъ, въ немъ дѣйствующій? Конечно, гдѣ проявляется сила Божія, тамъ и Господь, но одно—вѣра въ присутствіе всемогущей силы Божіей, другое—обожествленіе самого дѣйствія, движенія рукою для крестнаго знаменія. Говорю: движенія, ибо безъ сего движенія не будетъ и крестнаго знаменія. А между тѣмъ, новые учители утверждаютъ, что самое дѣйствіе Божіе есть Богъ. Скажу больше: Церковь даже обращается молитвенно къ сей Божіей силѣ: „непостижимая и божественная сила честнаго и животворящаго креста, не остави насъ, грѣшныхъ".—Что есть сія „непостижимая сила?" Есть ли это особый ангелъ Божій, ангелъ креста Христова, какъ есть ангелы храма, ангелы града, или же непосредственное дѣйствіе Божія всемогущества, привлекаемое смиреніемъ вѣры вѣрующихъ,—въ томъ и другомъ случаѣ обращеніе нашего вѣрующаго сердца восходитъ къ Распятому на крестѣ Господу Іисусу. И, тѣмъ не менѣе, мы не отождествляемъ Его Личности съ Его дѣйствіемъ, движеніемъ, такъ сказать, Его всемогущества, сего Его неотъемлемаго свойства, съ Нимъ Самимъ. Такое различеніе Личности отъ свойствъ ея необходимо для нашего правильнаго мышленія. Богъ есть всесовершенная Личность, обладающая всѣми, какъ вѣдомыми намъ, такъ и невѣдомыми свойствами и совершенствами, и только въ семъ смыслѣ мы можемъ назвать Его Богомъ; каждое изъ Его свойствъ и совершенствъ въ отдѣльности въ нашемъ мышленіи не есть еще, такъ сказать, полная Личность, а лишь то или другое свойство этой Личности, хотя по природѣ своей и не отдѣлимое отъ Нея; но въ нашемъ мышленіи, какъ неспособномъ въ одинъ моментъ созерцать *всѣ* совершенства Божіи во всей ихъ совокупности, по необходимости мыслимое особо. Вотъ почему, во избѣжаніе смѣшенія понятій о Богѣ,

какъ Личности, съ понятіемъ о каждомъ Его свойствѣ въ отдѣльности, Церковь не приняла для сихъ свойствъ названія „Богъ“, въ то же время называя ихъ „божественными“, даже „божескими“, т. е. свойственными только Богу единому, но не „Богомъ“. Такое отношеніе къ свойствамъ Божіимъ, такое строгое различеніе въ нашемъ сознаніи Личности Божіей отъ ея свойствъ предостерегаетъ насъ отъ многихъ заблужденій въ богословствованіи. Зная, что благодать Божія, дѣйствующая въ таинствахъ, проявляющая въ благодатныхъ состояніяхъ вѣрующихъ, являющаяся въ чудесахъ при св. иконахъ, св. мощахъ, въ разныхъ обстоятельствахъ нашей жизни, есть воздѣйствіе Божіе на насъ, мы однако же не называемъ самаго сего воздѣйствія „Богомъ“, а именно—только Божіимъ воздѣйствіемъ, т. е., не самымъ Существомъ Божіимъ, Личностью Бога, а проявленіемъ свойствъ Божіихъ: преимущественно — премудрости, благости и всемогущества Его. Да и нѣтъ никакой необходимости называть Божіе дѣйствіе Богомъ, ибо довольно для вѣрующаго сказать, что „такъ Богъ дѣйствуетъ“, чтобы онъ понялъ, Кто виновникъ дѣйствія и что само дѣйствіе и есть только Его дѣйствіе, проявленіе Его свойствъ, Самъ же Онъ есть и дѣйствуяй вся во всѣхъ. Само собою разумѣется, что всякое „дѣйствіе Божіе“ не есть нѣчто само по себѣ тварное, дѣйствіе твари, а напротивъ, само обладаетъ силою творчества, какъ проявленіе Божія всемогущества. Не отдѣляя „дѣйствія“ Божія отъ Бога, мы и не отожествляемъ его съ Богомъ, какъ Личностью, когда говоримъ о немъ.

Я подробно остановился на понятіи о благодатной силѣ Божіей въ отношеніи крестнаго знаменія потому, что это понятіе ближе другихъ подходитъ къ понятію объ имени Божіемъ. *Далъ еси знаменіе боящимся Тебе, Господи, крестъ Твой честный*, поетъ Церковь, далъ еси оружіе на діавола. То же можно сказать и объ имени Божіемъ: далъ еси знаменіе—имя Твое, Господи, ибо призываемое въ молитвѣ, не какъ нѣчто отвлеченное, но какъ Тебѣ единому принадлежащее, какъ необходимый для нашего мышленія знакъ, „знаменіе“, оно такъ же, какъ и крестное знаменіе, страшно врагамъ Твоимъ и нашимъ. Трепещетъ бо и трясется врагъ—не звуковъ сего имени, но Того, Кто именуется имъ, Кого мы разумѣемъ, произнося сіе имя. И все, что выше сказано о крестномъ знаменіи, можно относить и къ имени Божію. Какъ крестное знаменіе мы не называемъ Богомъ, дабы свойствъ Божіихъ, въ Немъ проявляемыхъ, не смѣшивать съ Личностью и Существомъ Божіимъ, такъ и имя Божіе не называемъ Богомъ, дабы не подать повода простецамъ къ неправильнымъ толкованіямъ и неправославному мудрованію.

На это даетъ намъ право св. Василій Великій, когда говоритъ въ своемъ письмѣ къ Амфилохію: „Мы утверждаемъ, что знаемъ Божіе величіе, Божію силу, премудрость, благость и промыслъ, съ какимъ печется о насъ Богъ, и правосудіе Его, но не самую Сущность. Кто утверждаетъ, что не знаетъ Сущности, тотъ еще не признается, что не знаетъ Бога, потому что понятіе о Богѣ составляется у насъ изъ многаго, нами исчисленнаго. Но говорятъ,—продолжаетъ вселенскій учитель,—„Богъ простъ, и все, что исчислилъ ты въ Немъ, какъ познаваемое, принадлежитъ къ Сущности“. Но это—лжеумствованіе, въ которомъ тысяча несообразностей,—

возражаетъ Святитель. Перечислено нами многое; ужели все это имена одной Сущности?.. Дѣйствованія многоразличны, но Сущность проста. Мы же утверждаемъ, что познаемъ Бога нашего по дѣйствіямъ, но не даемъ обѣщанія приблизиться къ самой Сущности, ибо хотя дѣйствованія Его и до насъ нисходитъ, однако же, Сущность остается неприступною".

Изъ сего видно, что если св. Василій Великій находитъ возможнымъ познавать только свойства Божіи по Его дѣйствіямъ, а не самую Сущность Божію, то тѣмъ паче не подобаетъ смѣшивать въ одномъ имени „Богъ" свойствъ Его и самой Сущности, Личности Божіей. Тѣмъ менѣе основаній говорить, что имя Божіе и есть Самъ Богъ, ибо Богъ только и именуется по Своимъ свойствамъ, будучи неименуемъ по Своей Сущности.

III.

Но какимъ путемъ защитники новаго догмата могли дойти до своихъ убѣжденій? Какъ могло образоваться въ ихъ сознаніи такое странное смѣшеніе отвлеченнаго умопредставленія о Богѣ съ Самою Личностью Бога, обладающею всѣми совершенствами?

Попытаюсь это объяснить, насколько сіе представляется мнѣ возможнымъ.

Прежде всего, думаю, виною такого смѣшенія понятій является простота людей, не знающихъ законовъ логики и не умѣющихъ разобраться въ отвлеченныхъ понятіяхъ, а потому и смѣшивающихъ сіи понятія съ конкретно существующими предметами, напримѣръ, идею, мысль о Богѣ—съ Самимъ Богомъ, понятіе о благодати—съ Самымъ Существомъ Божіимъ и под. А ближайшимъ поводомъ къ такому смѣшенію явилось полное незнаніе еврейскаго міросозерцанія, а отсюда, конечно, и словоупотребленія.

Отъ вѣковъ древнихъ принято, въ знакъ особаго почтенія къ высокопоставленнымъ людямъ обращаться къ нимъ въ изысканныхъ выраженіяхъ или въ третьемъ лицѣ, или во множественномъ числѣ, или же указаніемъ на ихъ высокое положеніе, нравственныя качества и под. Отсюда: „вы" вмѣсто „ты", „ваша свѣтлость", „ваше сіятельство", „величество" и под. Такъ принято и у насъ доселѣ. У евреевъ для этого употреблялось слово „имя": „имя твое" вмѣсто „ты". Дѣло въ томъ, что слово שֵׁם (шемъ) имѣетъ разныя значенія въ Библіи: напримѣръ, въ книгѣ Бытія 11, 4 говорится: „сдѣлаемъ себѣ имя" שֵׁם. Это говорятъ строители вавилонской башни. Значитъ, тутъ рѣчь о символѣ гордыни—о башнѣ до небесъ. Во 2 книгѣ Царствъ 8, 13 о Давидѣ говорится, что онъ, возвращаясь изъ похода, „сдѣлалъ себѣ имя", שֵׁם т. е., увѣковѣчилъ о себѣ память. У пророка Исаіи 55, 13 говорится: „вмѣсто крапивы возрастетъ миртъ, и это будетъ во славу Господа". Еврейскій оборотъ рѣчи (לְשֵׁם), который LXX переводчиковъ перевели словомъ „εἰς ὄνομα", позволяетъ заключить, что здѣсь שֵׁם значитъ „слава", какъ и переведено въ русскомъ текстѣ. Выраженіе „ради имени", напримѣръ, въ псалмѣ 79, 9, находитъ себѣ поясненіе въ томъ же стихѣ „ради славы имени". Въ 3 книгѣ Царствъ 3, 2 говорится: „не былъ построенъ домъ имени Господа", т. е., не было построено дома, какъ обиталища Господа, такъ какъ ясно, что скинія и храмъ Соломономъ были сооружены не для обитанія „имени". Вообще, въ Ветхомъ Завѣтѣ слово שֵׁם употребляется

въ значеніи „слава“, „знакъ“, „память“, „памятникъ“, какъ это установлено гебраистами [1]). Нерѣдко въ Библіи слово „имя“ употребляется какъ метонимія, какъ часть вмѣсто цѣлаго. И это словоупотребленіе перешло даже въ Новый Завѣтъ, напримѣръ, въ книгѣ Дѣяній, глава 1, 16: „бѣ же именъ народа вкупѣ сто двадесять“ — слово „именъ“ стоитъ вмѣсто слово „человѣкъ“, какъ и переведено въ русскомъ текстѣ „Изъ всѣхъ этихъ значеній чаще всего слово „имя“ употребляется въ отношеніи къ Богу въ смыслѣ „слава“, да и самое слово שֵׁם (шемъ) можно разсматривать, по мнѣнію гебраистовъ, какъ производное слово отъ глагола שָׁמַם (шамагъ), что значитъ „быть высокимъ“, „служить знаменемъ или знакомъ“. Слѣдовательно, когда еврей говорилъ въ молитвѣ Богу: „имя Твое“, то сіе было равносильно выраженію: „слава Твоя“. Такимъ образомъ „имя“ идейно для еврея было то же, что для насъ „икона“, и честь, воздаваемая „имени“, восходила на Того, Чье имя было произносимо.

Если мы глубже вдумаемся въ психологію вѣрующаго еврея временъ библейскихъ, то намъ станетъ еще понятнѣе такое словоупотребленіе.

У всѣхъ народовъ были свои боги, носившіе, какъ и люди, свои имена. Еврей зналъ изъ Божественнаго откровенія, что всѣ эти боги—ничто, что только онъ, еврей, знаетъ единаго истиннаго Бога, Бога, умомъ непостижимаго, а посему въ смыслѣ человѣческомъ и не именуемаго, обладающаго въ безконечной мѣрѣ всѣми совершенствами, какъ тѣми, какія приписывали своимъ лжебогамъ язычники, такъ и тѣми, о коихъ язычники и понятія не имѣли, да и тѣми, которые и ему, еврею, Богъ не благоволилъ открыть, и они сокровенны въ Богѣ,—зналъ, что сей Богъ непостижимый, недовѣдомый, по Своей безконечной благости открывающій Себя людямъ въ мѣру ихъ ограниченности, не можетъ и наименованъ быть на языкѣ человѣческомъ однимъ какимъ-либо словомъ (если о дѣлахъ Божіихъ Церковь исповѣдуетъ: ни едино же слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ Твоихъ, то что сказать можетъ языкъ смертныхъ о Самой Сущности Божіей?), а потому, въ глубокомъ благоговѣніи къ сему всесовершеннѣйшему Существу, еврей называлъ своего Бога словомъ „Богъ“ во множественномъ числѣ: „*Боги*“, „Элогимъ“, означая симъ какъ бы необъятность для мысли человѣческой всѣхъ Его совершенствъ, или же вовсе не произносилъ святѣйшаго слова „Богъ“, замѣняя это слово мѣстоименіемъ третьяго лица „*Онъ*“. А когда Богъ открылъ Моисею святѣйшее Свое имя „*Іегова*“, то евреи, начертывая только четыре согласныя буквы сего слова, гласныя сохраняли въ тайнѣ, передавая устнымъ преданіемъ гласные звуки отъ одного первосвященника къ другому. Когда же въ письмѣ появились гласныя (коихъ прежде не было вовсе), то подставляли подъ слово *Іегова* гласные знаки отъ другого имени Божія *Адонай*. Вслѣдствіе сего, съ теченіемъ времени, въ народѣ утратилось самое произношеніе имени *Іегова:* одни читали сіе имя „Іегова“, другіе—„Ягве“, иные—иначе. Затѣмъ, въ книгахъ ветхозавѣтныхъ писателей, гдѣ встрѣчалась нужда ставить имя Божіе, нерѣдко вмѣсто собственнаго имени ставилось про-

---

[1]) См., напр., Gesenius. Hebraïsches und Aramaïsches Handwörterbuch über das Alte Testament. Leipzig. 1895. s. 803—804, Wort שׁם.

сто нарицательное слово „имя“ съ притяжательнымъ къ нему — „Божіе“, „Господне“. Нѣчто подобное сему, хотя уже не по тѣмъ чистымъ побужденіямъ благоговѣнія къ имени Божію, а по лукавнующему мудрованію, избѣгая употребленія имени Божія, евреи употребляли въ своихъ клятвахъ слова: „небо“, „земля“, „алтарь“ и под., въ чемъ обличалъ ихъ Господь нашъ. Въ ихъ софистически настроенномъ мышленіи казалось, что они не нарушали такими клятвами 3-й заповѣди Божіей, воспрещающей употребленіе имени Божія всуе.

Вотъ объясненіе, почему чрезъ Ветхій Завѣтъ, а затѣмъ, поелику апостолы почти всѣ были евреи, то и въ Новомъ проходитъ эта особенность словоупотребленія, несвойственная другимъ народамъ и языкамъ, эти постоянныя метониміи, эти описательныя выраженія: „имя Господне“, „имя Божіе“, вмѣсто „Господь, Богъ“ и под. Вмѣсто того, чтобы сказать: „Хвалите Господа“— говорится: „хвалите имя Господне“, вмѣсто: „буди, Господи, благословенъ“—„буди имя Господне благословенно“ и такъ далѣе—во множествѣ. Множество текстовъ, приводимыхъ въ „Апологіи“ іеромонаха Антонія Булатовича, представляютъ примѣры такихъ метонимій, которымъ онъ совершенно напрасно пользуется для доказательства, якобы, правильности своего новаго догмата, что „имя Божіе есть Богъ“. Во всѣхъ такихъ цитатахъ стоитъ только прочитать слова Писанія съ опущеніемъ метониміи, какъ убѣждаешься въ этомъ, особенно, если принять разнообразное значеніе слова „имя“ въ еврейскомъ текстѣ Библіи. Само собою понятно, что въ такихъ мѣстахъ вездѣ выраженіе „имя Божіе“ стоитъ вмѣсто слова „Богъ“, но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что самое *имя* должно почитать „Богомъ“.

Новое ученіе послѣдователей о. Иларіона и о. Антонія Булатовича не поняло и не приняло во вниманіе этой особенности еврейскаго словоупотребленія вообще и въ отношеніи къ имени Божію въ особенности. Это ученіе склонно придавать самымъ словамъ, означающимъ имена Божіи, какое-то мистическое значеніе, какъ реальнымъ сущностямъ. Если самъ о. Булатовичъ еще не сливаетъ понятій „Существо Божіе“ и „имя Божіе“, то его послѣдователи-простецы, готовые душу положить „за имя Хрістово“, уже не далеки отъ сего. А такое отожествленіе въ одномъ понятіи Сущности Божіей и Имени Божія, такое смѣшеніе словъ и понятій въ простыхъ умахъ можетъ повести къ суевѣрію. Извѣстно, что у индійскихъ іоговъ есть таинственное слово: „ооммани-падме-хумъ“, у египтянъ было такое же слово: „тодттъ“— слова магическія, произнесеніе коихъ, по ихъ вѣрованіямъ, должно имѣть магическое дѣйствіе: разъ произнесено слово—дѣйствіе должно-де слѣдовать независимо уже отъ того, кто произнесъ его. Ко временамъ Іисуса Хріста, вслѣдствіе упадка благочестія подъ вліяніемъ лицемѣрія фарисейскаго и развращенности саддукейской, исказилось и истинное пониманіе ученія о Богѣ и сложилось суевѣрное пониманіе имени Божія, какъ это видно изъ ихъ пасквиля на св. Евангеліе Маасе „Іешу га-Нацри“ (Исторія Іисуса Назарянина) или „Тольдотъ Іешу“ (Родословіе Іисуса) [1]). Евреи пони-

[1]) Сохранился въ рукописяхъ XV вѣка, но извѣстенъ былъ еще писателямъ II-го вѣка. Здѣсь говорится, что Іисусъ былъ незаконный Сынъ Маріи. „Мать отдала его въ школу, гдѣ Онъ обнаружилъ необычайные успѣхи и поражалъ

мали имя Божіе именно какъ нѣкое таинственное слово, какъ талисманъ, которымъ можно механически творить чудеса. Нѣчто подобное сему, особенно при дальнѣйшемъ развитіи ученія объ обожествленіи имени Божія, усматривается и у Булатовича. Несмотря на его протестъ противъ обвиненія его въ томъ, что онъ обособляетъ, какъ бы отдѣляетъ имя Божіе отъ Самого Бога, когда утверждаетъ, что имя Божіе есть Богъ, обвиненіе это остается въ силѣ, ибо говоря такъ, онъ мыслитъ имя Божіе какъ нѣчто реальное, а не умопредставляемое только. Онъ не отличаетъ Существа Божія, дѣйствія Божія, отъ проявленія свойствъ Божіихъ въ Божіей дѣятельности, наконецъ—отъ Божіей благодати. Что есть благодать? Конечно, непостижимая и божественная сила Божія, Божіе волеизволеніе въ дѣйствіи всемогущества и благости Его, но это еще не есть Самое Существо Божіе, какъ это говоритъ св. Василій Великій. Мы склоняемся и предъ волею земного Царя, когда слышимъ ее, но самаго волеизъявленія не отожествляемъ съ лицемъ Государя—законодателя. Мы повинуемся, когда представитель власти объявляетъ намъ *именемъ закона* то и то, но повинуемся не имени, не буквѣ, не слову, а волѣ законодателя. Мы сердцемъ воспріемлемъ благодать Божію, но самый актъ ея воздѣйствія на насъ, признавая проявленіемъ силы Божіей, не отожествляемъ съ Существомъ Божіимъ. Мы не обращаемся съ молитвою къ Божіей благодати: „благодать Божія, посѣти насъ!“ Но молимся: „посѣти насъ, Боже, Твоею благодатію!“ Если же въ поэтическихъ настроеніяхъ мы иногда какъ бы обращаемся молитвенно къ кресту Господню или ко Гробу Его, то дѣлаемъ сіе, не олицетворяя сихъ предметовъ, а вознося свой умъ къ Освятившему ихъ прикосновеніемъ пречистаго тѣла Своего. Иначе понимать такія обращенія значило бы мыслить по латинскому мудрованію. У латинъ какъ бы отдѣляютъ „сердце“ Іисусово, „Тѣло Іисусово“ и устрояютъ имъ особые праздники.

Своихъ учителей. Когда ему было 30 лѣтъ, открылась нечистота Его рожденія, за что Онъ присужденъ былъ къ истребленію. Но Онъ ушелъ въ Іерусалимъ, проникъ въ Святое святыхъ храма и узналъ здѣсь тайное имя Божіе и получилъ силу творить чудеса посредствомъ этого имени. Это имя было начертано на камнѣ основанія (бен-шетія), находившемся въ храмѣ во Святомъ святыхъ, на мѣстѣ ковчега въ Соломоновомъ храмѣ. Такъ какъ сила имени была такова, что посредствомъ него можно было разрушить міръ, то мудрецы, желая предохранить похищеніе имени, у двухъ желѣзныхъ столбовъ предъ храмомъ на цѣпяхъ приставили двухъ собакъ, которыя своимъ ужасающимъ видомъ и лаемъ производили то, что выходившій изъ храма отъ испуга забывалъ прочитанное имя. Но Іисусъ, написавъ имя на листкѣ пергамента, скрылъ листокъ въ разрѣзѣ Своей голени. Такимъ образомъ, собаки не воспрепятствовали Ему снова узнать позабытое имя.

...Мудрецы, однако, нашли преданнаго имъ человѣка, по имени Іуду Искаріота, который такимъ же образомъ, какъ Іисусъ, узнаетъ имя Божіе и получаетъ силу творить чудеса.. Однажды, когда для доказательства Своей Божественности Іисусъ сталъ летать, Искаріотъ тоже сталъ летать. Іуда осквернилъ Іисуса своей уриною, послѣ чего оба, какъ осквернившіе имя Божіе, лишились его и упали. Лишенный чудотворной силы Іисусъ былъ взятъ. Ему закрывали голову одеждою и били гранатовою палкой, но Іисусъ не могъ узнать, кто Его билъ. Изъ этого мудрецы узнали, что имя отошло отъ Него.

...Его казнили въ пятницу, наканунѣ Пасхи и субботы. Когда же хотѣли повѣсить Его на деревѣ, дерево сокрушилось: Іисусъ зналъ, что Его умертвятъ и повѣсятъ на деревѣ, а потому, когда еще владѣлъ именемъ, Онъ заклялъ всѣ дерева“...

Тамъ Лойола сочинилъ особую молитву съ такими дѣленіями:

„Душа Іисуса, освяти меня,
Тѣло Іисуса, спаси меня,
Кровь Іисуса, упои меня,
Вода отъ ребръ Іисуса, очисти меня,
Страсти Іисуса, укрѣпите меня,
О, благій Іисусъ, услышь меня!“

Еще можно мыслить, хотя и безъ особаго въ данномъ случаѣ смысла, отдѣльно: тѣло, душу, кровь, воду, какъ реальные предметы, но мыслить таковымъ „имя“ невозможно, если не соединять съ таковымъ мудрованіемъ нѣкоего мистическаго, даже магическаго значенія, что будетъ уже дѣломъ грѣшнымъ, ибо тогда имя Божіе будетъ употребляться какъ магическое—боюсь сказать—волшебное слово...

Когда Господь говорилъ іудеямъ о таинствѣ причащенія, о питаніи тѣломъ и кровію Его, іудеи поняли это въ грубомъ смыслѣ и сказали: *како можетъ Сей намъ дати плоть Свою ясти? Жестоко слово сіе...* И тѣ, которые учатъ, что въ Самомъ имени Божіемъ пребываетъ Богъ, что самое имя Божіе есть уже Самъ Богъ,—проводятъ не духовное ученіе, а грубо чувственное, ибо для нихъ, *незамѣтно для нихъ самихъ*, имя Божіе становится Богомъ, какъ бы отдѣляясь отъ Самого Бога. Между тѣмъ, въ Евангеліи и книгѣ Дѣяній Апостольскихъ мы читаемъ вотъ что: Евангелистъ повѣствуетъ, что нѣкто именемъ Іисусовымъ изгонялъ бѣсовъ и Апостолы запретили ему, но Господь не одобрилъ такого запрещенія. А въ Дѣяніяхъ: сыновья нѣкоего Скевы первосвященника дѣлали, повидимому, то же, что и упоминаемый въ Евангеліи человѣкъ, но бѣсы не только не слушались его, но и дерзко на него нападали. Откуда эта разница?—Въ первомъ случаѣ, видимо, дѣйствовалъ человѣкъ близкій къ вѣрѣ въ Іисуса Христа и Господь незримо помогалъ ему, а во второмъ—какіе-то спекулянты, хотѣвшіе дѣйствовать именемъ Господа какъ магическимъ средствомъ, какъ талисманомъ, и Сердцевѣдецъ не попустилъ имъ сего. Такъ же объясняется и обращеніе язычника, который, слѣдуя примѣру мученика, сталъ въ видѣ опыта, но съ доброю цѣлію, призывать имя Божіе и увѣровалъ во Христа. Господь, трости сокрушенной не преломляющій, съ любовію отнесся къ сему младенцу вѣры и обратилъ его къ Себѣ чудеснымъ прикосновеніемъ Своей благодати къ его сердцу, какъ обратилъ и волхва Кипріана, призвавшаго имя „Бога Іустины“ и оградившаго себя крестомъ. Итакъ, кромѣ произнесенія устами или умомъ имени Господа нужно еще смиренная вѣра, хотя бы въ ея „зернѣ горушнѣ“, какъ это было у упомянутыхъ язычниковъ, чтобы призываніе имени воздѣйствовало.

Такъ именно учитъ и о. Іоаннъ Кронштадтскій, на котораго любятъ ссылаться защитники новаго ученія. Вотъ его слова: „Вездѣ всемогущій творческій духъ Господа нашего Іисуса Христа, и вездѣ Онъ можетъ даже не сущая нарицати яко сущая (Матѳ. 28, 20). А чтобы маловѣрное сердце не помыслило, что крестъ или имя Христово дѣйствуютъ сами по себѣ, эти же крестъ и имя Христово не производятъ чуда, когда я не увижу сердечными очами или вѣрою Христа Господа и не повѣрю отъ сердца во все то, что Онъ совершилъ нашего ради спасенія“.

Я радъ бы былъ не утверждать, но очень боюсь, что въ новомъ ученіи о томъ, что имя Божіе есть Богъ, сокровенно для самихъ, исповѣдующихъ сіе ученіе, въ зачаткахъ уже таится желаніе найти путь спа-

сенія возможно легкій... Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть легче: повторяй имя Божіе хотя бы на первый разъ механически, безъ участія сердца, и оно, какъ Богъ само въ себѣ, разогрѣетъ твое сердце и просвѣтитъ его, очиститъ и преобразуетъ, и ты спасешься. По крайней мѣрѣ, нѣкоторый намекъ на такое ученіе есть въ книгѣ о. Иларіона. Но правильно ли оно? Правда, у святыхъ отцевъ указывается на благодатное дѣйствіе молитвы Іисусовой, но, вѣдь, вездѣ и всюду подразумѣвается и настойчиво предписывается подвигъ самопонужденія къ молитвѣ, борьба съ самимъ собою, глубочайшее смиреніе и самоосужденіе. Къ молитвѣ механической, безъ участія сердца, безъ томленія его, святые отцы примѣняютъ слова Спасителя: *что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите яже глаголю?* И слова псалма: *молитва его буди въ грѣхъ*. Небрежная молитва, расчитанная только на число строкъ и поклоновъ, въ сущности есть только самообманъ, нарушеніе 3-й заповѣди Божіей, какъ произнесеніе имени Божія всуе. Главное дѣло не въ звукахъ или словахъ молитвы самихъ въ себѣ, не въ томъ или другомъ имени Божіемъ, а въ смиренно-покаянномъ расположеніи сердца, привлекающемъ благодать Божію. И Господь говоритъ: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ?*..

Изъ всего, что писано защитниками новаго догмата, видно, что они:

1) подъ словомъ „Богъ“ разумѣютъ не Личность, а нѣчто, въ духовномъ, конечно, а не матеріальномъ смыслѣ, пантеистическое, ибо, по ихъ ученію, всякое свойство Божіе, всякое дѣйствіе Божіе, слово Божіе, заповѣдь Божія, все откровеніе Божіе, всякое проявленіе благодатныхъ дарованій, мирное и чистое чувство въ душѣ, Богомъ оправданной, всѣ плоды Духа, самая молитва и имя Іисусъ—все сіе есть „Богъ“, даже „исповѣданіе имени Іисусова въ Іисусовой молитвѣ есть Самъ Господь Іисусъ Христосъ“.

Вотъ ихъ понятіе о Богѣ. Но при такомъ понятіи о Богѣ, гдѣ же личность, какъ существеннѣйшій признакъ такого понятія? Слова Спасителя: *глаголы, яже Азъ глаголахъ, духъ суть и животъ суть*, они понимаютъ по-своему и слова: *духъ* и *животъ* пишутъ съ прописной буквы.

2) Посему всѣмъ именамъ, словесамъ и дѣйствіямъ Божіимъ они придаютъ особый мистическій смыслъ, въ силу коего они все сіе и почитаютъ Богомъ.

3) Во всемъ этомъ усматриваютъ нѣкій сокровенный смыслъ, можетъ быть, и имъ непостижимый, но въ который они слѣпо вѣруютъ, и сію вѣру пытаются оправдать ученіемъ, что имъ открываются тайны, непостижимыя ученымъ богословамъ, которые-де неопытны въ духовной жизни и не въ состояніи судить о ея сокровенныхъ явленіяхъ, какъ слѣпой не можетъ судить о цвѣтахъ. Къ такимъ ученымъ о. Булатовичъ относитъ и великаго подвижника послѣдняго времени святителя Ѳеофана-затворника, о которомъ онъ говоритъ, что ему „по богатству ума не давалось сокровище простоты сердечной, а ею-де только и познается Богъ по имени Іисусъ“.

Вопрошаю: можно ли съ строго-церковной точки зрѣнія допустить такое какъ бы обособленное отъ общаго ученія Церкви ученіе?..

IV.

Въ предшествующихъ №№ „Троицкаго Слова“, въ своемъ „Днев-

никѣ", я помѣстилъ докладъ мой С. Сѵноду по поводу новаго лжеученія, появившагося на Аѳонѣ. Въ дополненіе къ сему докладу помѣщаю тѣ листки, которые составлены и изданы мною уже на Аѳонѣ, съ цѣлію дать простымъ людямъ средство разобраться въ ереси, вдумываясь въ ученіе Церкви и св. Отцевъ.

178.

Какъ учитъ св. Церковь объ именахъ Божіихъ.

(Выписки изъ св. отцевъ и церковныхъ вѣроопредѣленій).

Имя и предметъ, имъ обозначаемый, не одно и то же.

Иное—предметъ, по своей природѣ подлежащій названію, и иное—названіе, обозначающее предметъ. Бытіе—не одно и то же съ именованіемъ. (*Св. Григорій Нисскій. Опроверженіе Евномія, кн. 12, ч. VI, стр. 373; 328.*)

Всякое имя есть нѣкоторый признакъ или знакъ какой-либо сущности,(—*стр. 495.*)

Слова суть какъ бы тѣни предметовъ,(—*стр. 325.*)

Наименованія не изъ самаго естества проистекаютъ, но прилагаются къ предметамъ *нашею мыслію*, (—*стр. 315; 323.*)

Употребленіе словъ и именъ придумано послѣ сотворенія людей, (—*стр. 329.*)

Богъ есть Создатель вещей, *а не именъ*, не имѣющихъ существенности и составленныхъ изъ звуковъ голоса и языка,(—*стр. 373.*)

Имена *означаютъ* только сущности, а сами *не суть* сущности. (*Св. Василій Великій. Опроверженіе на защитительную рѣчь нечест. Евномія М. 1857 ч. 3. стр. 153.*)

У Бога нѣтъ ни голоса, ни вида, но Онъ выше образовъ и звуковъ. (*Св. Іоаннъ Златоустъ. Толкован. на евангеліе отъ Іоанна, т. VIII, стр. 268.*)

Выраженіе: *рече* (Богъ) нисколько не указываетъ на голосъ и рѣчь Божію, но на волю Божію. (*Св. Григорій Нисскій, ч. VI, стр. 356.*)

„Глаголы, яже глаголю вамъ, духъ суть",... сказалъ: духъ, вмѣсто того, чтобы сказать—духовные. (*Св. Іоаннъ Златоустъ, VIII ,310.*)

Слова Христовы, тѣлесно произнесенныя, не суть сущность Духа Святаго. (*Св. Григорій Палама. 2-е слово противъ латинянъ. У Игумена Модеста, стр. 42.*)

Имена Божія явились послѣ созданія человѣка, нужны только намъ, а не Богу, и сами по себѣ не Богъ.

Не ради Бога, а ради насъ измышлены имена для усвоенія понятія о Сущемъ т. е. о Богѣ. (*Св. Григорій Нисскій, VI, 331.*)

Усвоемыя Богу имена недавни сравнительно съ Самимъ Богомъ, ибо Богъ не есть реченіе и не въ голосѣ и звукѣ имѣетъ бытіе. (—*стр. 324.*)

Всякій умъ и слово безконечно далеки отъ Бога, чтобы быть Ему подобными. (*Св. Діонисій Ареопагитъ: О небесной іерархіи, стр. 9.*)

А если имя Его страшно, то не гораздо ли болѣе самое существо Его? (*Св. Іоаннъ Златоустъ, въ толк. на 110 псаломъ.*)

Не Богъ еще то, что мы представляемъ себѣ подъ понятіемъ Бога,

или чѣмъ мы Его изобразили, или *чѣмъ описало Его слово.* (*Св. Григорій Богословъ. Твореніе, Москва, 1844 ч. 3, стр. 21.*)

Мы не знаемъ имени, которое бы обнимало Божеское естество. А слово, посредствомъ имени объясняющее Божественное существо, подобно тому, кто собственною дланію думаетъ обнять все море. (*Св. Григорій Нисскій VI, 92; 332.*)

Богъ не есть имя. (*Св. Іустинъ мученикъ, Апологія II, 6, М. 1864, стр. 120.*)

Богъ не имя. (*Св. Іоаннъ Дамаскинъ. О мученіи Св. Вавилы.*)

Іисусъ есть имя Сына Божія по плоти, принятое Имъ по воплощеніи.

Іисусомъ названъ для того, чтобы *подъ именемъ Іисусъ скрыть* отъ діавола Его Божество. (*Св. Іоаннъ Златоустъ, VII, 18.*)

Господь названъ Іисусомъ Христомъ потому, что облекся въ плоть. Іисусъ—имя Его по плоти. (*II, 891.*)

Господь принялъ названіе Христа *не до воплощенія*, какъ лжеумствуютъ нѣкоторые... Слово тогда получило названіе Іисуса Христа, когда Оно стало плотію. (*Св. Іоаннъ Дамаскинъ. Точное изложеніе правосл. вѣры, М. 1855, кн. IV, гл. 6, стр. 228—230.*)

Іисусъ Христосъ—имя Сына Божія, а *не всей Св. Троицы.* (*Св. Димитрій Ростовскій. Твор., изд. Сойкина. Спб. 1910 г. стр. 78.*)

Имена Божіи должно почитать наравнѣ съ св. крестомъ и иконами, а не какъ Самого Бога.

Что имя Іисуса Христа Распятаго, съ вѣрою произнесенное движеніемъ устъ, *то же самое* есть и знаменіе креста, съ вѣрою сдѣланное движеніемъ руки или другимъ какимъ образомъ представленное. (*Пространный христіанскій катихизисъ. О крещеніи. М. 1840 г. стр. 82.*)

Имя Божіе называется святымъ, конечно, не потому, что въ самыхъ слогахъ имѣетъ нѣкую освящающую силу, но потому, что свято и чисто всякое свойство Божіе. (*Св. Василій Великій, въ толкованіи на псаломъ 32.*)

Иконное изображеніе указуется евангельскими повѣствованіями, евангельское повѣствованіе указуется иконными изображеніями. Чествовати ихъ не истиннымъ богопочтеніемъ, еже подобаетъ *Единому Божескому Естеству*, но... честь, воздаваемая образу, переходитъ къ первообразу. (*Опредѣленіе VII вселенскаго собора.*)

Вѣчная память вѣрующимъ, возвѣщающимъ... что *одинаковую* приноситъ пользу, какъ посредствомъ слова возвѣщеніе, такъ и посредствомъ иконъ истины утвержденіе. Какъ очи зрящихъ освящаются честными иконами, такъ и уста освящаются словами. (*Опредѣленіе Константинопольскаго собора 842 года, читавшееся въ недѣлю православія. Синодикъ въ недѣлю православія. Одесса 1893 г. стр. 6—7.*)

179.

Что означаетъ слово „вѣровать“?

Есть слова, къ которымъ мы такъ привыкли, что не задумаемся надъ ихъ смысломъ: такъ ли мы ихъ понимаемъ, какъ должно. Таково слово: „вѣровать“. Изъ споровъ объ имени Божіемъ выяснилось, что простые

люди понимаютъ это слово такъ: вѣровать значитъ признавать за Бога. Вѣровать во имя Божіе, говорятъ они, значитъ: самое имя почитать за Бога. Берутъ Евангеліе, вычитываютъ всѣ мѣста, гдѣ Спаситель или св. Евангелистъ употребляютъ это выраженіе, и съ полнымъ убѣжденіемъ, что они правы, показываютъ эти мѣста тому, кто не раздѣляетъ ихъ убѣжденій, паче же рещи — заблужденій.

Между тѣмъ, ни въ одномъ мѣстѣ св. Писанія, ни въ Евангеліи, ни въ посланіяхъ Апостольскихъ, нѣтъ такого ученія, будто имя Божіе есть Богъ и вѣровать въ Него слѣдуетъ *какъ въ Бога*. Это ужъ неправильное толкованіе самихъ имеславниковъ.

Какъ же слѣдуетъ понимать это выраженіе, эти два слова, чтомыя въ св. Евангеліи: *вѣровать во имя Его*, то есть, во имя Господа?

Надобно прежде всего вникнуть въ точный смыслъ одного слова: *вѣрую*. А смыслъ этого слова становится совершенно ясенъ, когда прочитаемъ весь Символъ Православныя вѣры, отъ начала до конца. Въ этомъ великомъ исповѣданіи вѣры, составленномъ святыми отцами перваго и втораго Вселенскихъ соборовъ, на всѣ вѣка, для вѣрующихъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, съ строгимъ завѣтомъ послѣдующихъ Вселенскихъ соборовъ: отнюдь не измѣнять въ этомъ Символѣ вѣры ни единаго слова,—въ этомъ, говорю. Символѣ вѣры, во-первыхъ: нѣтъ выраженія: „вѣрую во *имя* Божіе“, во вторыхъ: стоитъ во главѣ всего одно слово: *вѣрую* и затѣмъ перечисляются тѣ истины, которыя воспріемлются сердцемъ вѣрующаго православнаго хрістіанина и чрезъ вѣру усвояются его умомъ. Первая святѣйшая истина—ученіе о трехъ Лицахъ Пресвятыя Живоначальныя Троицы: *вѣрую, во единаго Бога Отца, и во единаго Господа Іисуса Христа (а не во имя Его), Сына Божія Единороднаго, и въ Духа Святаго Господа животворящаго*. Въ сихъ членахъ вѣры излагается ученіе Церкви о свойствахъ Божіихъ, объ искупленіи рода человѣческаго крестною смертію воплотившагося Сына Божія, вообще, о всемъ домостроительствѣ или промышленіи Божіемъ о спасеніи людей, о послѣднемъ судѣ Сына Божія, о третьемъ Лицѣ Святыя Троицы—Духѣ Святомъ. Достойно вниманія, что святые отцы не сочли нужнымъ вносить особаго ученія о вѣрѣ въ имя Божіе въ Символъ вѣры, хотя вопросъ объ этомъ былъ поднятъ еще въ тѣ времена лжеучителемъ Евноміемъ, котораго обличали такіе великіе отцы Церкви, какъ Василій Великій и особенно Григорій Нисскій, и осудилъ 2-й Вселенскій соборъ.

Ученіе о Лицахъ Святыя Троицы занимаетъ въ Символѣ вѣры восемь членовъ. Далѣе святый Символъ говоритъ: *во едину святую соборную и Апостольскую Церковь*. Тутъ, конечно, подразумѣвается то же слово: *вѣрую. Вѣрую въ Церковь...* Что же это значитъ? Вѣдь, если слово *вѣрую* надо понимать такъ, какъ его понимаютъ имеславцы, то выходитъ, что Церковь есть Богъ. Они, вѣдь, думаютъ, что слово: *вѣрую* вездѣ значитъ: *признаю за Бога*. Вѣрую въ Церковь, по ихъ разумѣнію, и надо бы понимать: признаю за Бога Церковь. Но никто изъ нихъ этой ереси не говоритъ. Никто Церковь Богомъ не признаетъ. Что же значитъ тутъ слово: *вѣрую*? Очевидно—не то, что разумѣютъ имеславцы. И дѣйствительно, оно не только тутъ, но и вездѣ значитъ: пріемлю сердцемъ и умомъ, за послушаніе Церкви—матери, то, что она предлагаетъ

мнѣ въ своемъ исповѣданіи какъ о себѣ самой *(вѣрую въ Церковь)*, такъ и о всѣхъ истинахъ, ею возвѣщаемыхъ въ ея Символахъ, вѣроопредѣленіяхъ святыхъ соборовъ Вселенскихъ и помѣстныхъ, въ согласномъ, единомысленномъ ученіи св. отцевъ, — пріемлю, ничтоже вопреки глаголя, хотя и не все сіе умомъ моимъ постигаю, пріемлю сердцемъ за святую истину и устами исповѣдую сію истину.

Вотъ что значитъ слово: *вѣрую*. Въ этомъ смыслѣ св. Церковь вѣруетъ въ силу честнаго и животворящаго креста, вѣруетъ въ силу спасительныхъ таинствъ, совершаемыхъ благодатію Духа Божія, вѣруетъ и въ спасительную силу молитвеннаго призыванія Господа Бога посредствомъ имени Его, страшнаго для демоновъ. И не одно только имя Господа „Іисусъ“ Церковь разумѣетъ подъ словомъ „имя Божіе“, а всякое слово, какимъ Церковь обыкла призывать Господа въ своихъ молитвахъ. И мы вѣруемъ въ силу благодати Божіей, призываемой чрезъ благоговѣйное произнесеніе въ молитвѣ имени Божія съ вѣрою, но самаго „имени“, ни звуковъ, ни буквъ, ни даже умопредставленія нашего—Богомъ не почитаемъ, слѣдуя точному ученію православной Церкви объ имени Божіемъ, изложенному въ Пространномъ Христіанскомъ Катихизисѣ, гдѣ говорится:

„*Что имя* Іисуса Христа распятаго, съ вѣрою произнесенное движеніемъ устъ, *то же самое* есть и знаменіе креста, съ вѣрою сдѣланное движеніемъ руки или другимъ какимъ образомъ представленное“.

Здѣсь имя Божіе приравнивается къ крестному знаменію, а крестное знаменіе никто Богомъ не почитаетъ И замѣтьте: это—не частное мнѣніе какого-либо учителя Церкви, это—ученіе самой Церкви, изложенное въ учебной книгѣ для всѣхъ вѣрующихъ, въ Катихизисѣ, который представляетъ собою точное исповѣданіе вѣры, неизмѣнное, непреложное, неподлежащее никакой критикѣ частныхъ людей, какіе бы это ни были ученые богословы. Вотъ что значитъ Катихизисъ; вотъ какъ учитъ онъ объ имени Божіемъ.

3.

Мое доброе слово „имеславцамъ“.

Послѣ многихъ увѣщаній, разъясненій, свидѣтельствъ и доказательствъ посредствомъ выписокъ изъ св. Отцевъ и учителей Церкви, я еще разъ обращаюсь къ монашеской совѣсти тѣхъ, которые изобрѣли себѣ названіе „имеславцевъ“, и говорю имъ:

Станьте въ своей совѣсти предъ лицемъ Божіимъ и скажите, не кривя душой: такъ, вы порѣшили, что и два вселенскихъ патріарха, и Всероссійскій Святѣйшій Сунодъ, и всѣ святители Православной Церкви, смиренно во единомысліи пріявшіе посланіе Святѣйшаго Сунода и грамоты Патріарховъ,—всѣ они впали въ ересь „имеборства“, и только вы, одни вы, именующіе себя „имеславцами“, остались непогрѣшимы въ ученіи объ именахъ Божіихъ?.. Значитъ, всѣ мы, всѣ вѣрные сыны Церкви,—а насъ, не забудьте: сто милліоновъ,—по вашему — еретики, а вы, горсточка аѳонитовъ, не умѣющая даже читать св. Отцовъ на тѣхъ языкахъ, на какихъ они писали,—вы, безъ епископа, а слѣдовательно и безъ Церкви,—вы непогрѣшимы?..

Подумайте: куда вы зашли съ своими мудрованіями! Простите слово жестокое, но правдивое: сколько же надобно имѣть гордыни, чтобы поставить себя выше всей Церкви, обвинить и осудить ее всю—всѣ сто милліоновъ православныхъ, съ нѣсколькими сотнями архіереевъ, съ сотнею тысячъ пастырей, изъ коихъ многіе всю жизнь свою отдали богословскимъ наукамъ,—всѣхъ признать еретиками, а себя, *только себя*, безъ единаго епископа, считать правовѣрующими? Со стороны смотрѣть на васъ—страшно... По-братски васъ сердечно жаль; хочется протянуть вамъ руку помощи, чтобъ извлечь васъ изъ прелести мудрованій еретическихъ, но что дѣлать съ вами, когда вы затыкаете уши, чтобы не слышать, закрываете очи, чтобы не читать обличеній этихъ мудрованій?.. Мы умоляемъ васъ словомъ любви — мы не слушаете; мы раскрываемъ предъ вами богомудрыя писанія св. Отцевъ—вы не хотите читать ихъ; мы обращаемся къ вашей монашеской совѣсти, напоминаемъ вамъ обѣты послушанія Церкви, пастырямъ Церкви, обѣты смиренія и отсѣченія своего смышленія—вы упорствуете, заглушая и голосъ самой совѣсти своими излюбленными, сто разъ опровергнутыми мудрованіями и рвете наши листки, не читая: честно ли это?.. Наконецъ Церковь, въ лицѣ Святѣйшаго Патріарха и Святѣйшаго Всероссійскаго Сунода, грозитъ вамъ судомъ своимъ, грозитъ отлученіемъ отъ себя, грозитъ духовною смертью—васъ и это все не устрашаетъ: вы идете на явную погибель... Ради чего? Кто такъ убѣдилъ васъ въ истинности вашего мудрованія? Ужели ваши лжебогословы умнѣе всѣхъ архіереевъ, всѣхъ патріарховъ, всего нашего Святѣйшаго Сунода,—умнѣе всей Церкви и даже всѣхъ св. Отцевъ?.. Ужели, читая точныя выписки изъ св. Отцевъ, непререкаемо убѣждающія, что—

„Богъ не есть имя“ (слова св. Іустина мученика и Іоанна Дамаскина);

„Всякое имя (а слѣдовательно и имя Божіе) есть только нѣкоторый признакъ или знакъ какой-либо сущности, и слова суть какъ бы тѣни предметовъ“ (слова св. Григорія Нисскаго);

„Имена только означаютъ сущности, а сами не есть сущности“ (слова Василія Великаго);

„Слова Хрістовы, тѣлесно произнесенныя, не суть сущность Духа Святаго“ (слова св. Григорія Паламы);

„Не Богъ еще то, что мы представляемъ себѣ подъ понятіемъ Бога, или чѣмъ мы Его изобразимъ, или чѣмъ описало Его слово“ (слова св. Григорія Богослова);

„Мы не знаемъ имени, которое бы обнимало Божеское естество, а слово посредствомъ имени объясняющее Божественное Существо, подобно тому, кто собственною дланію думаетъ обнять все море“ (слова св. Григорія Нисскаго);—

Ужели совѣсть ваша при чтеніи сихъ мѣстъ не тревожитъ васъ вопросомъ: не ошибаетесь ли?.. Какъ не согласиться съ св. Діонисіемъ Ареопагитомъ, что „всякій умъ и слово безконечно далеки отъ Бога, чтобы быть Ему подобными“—даже только подобными, а не Самимъ Богомъ?..

Вотъ вы все твердите, что имена Божіи отъ Бога неотдѣлимы, а вотъ св. Златоустъ ясно отдѣляетъ имя Божіе отъ Самого Бога, когда говоритъ, что „если имя Его страшно, то не гораздо ли болѣе Существо Его“? Видите: Существо Божіе гораздо выше имени Его: значитъ—имя и Существо не одно и то же, значитъ имя— не Богъ.

Вы все повторяете, что имена со-

вѣчны Богу, а вотъ св. Григорій Нисскій прямо говоритъ, что „усвояемыя Богу имена недавни сравнительно съ Самимъ Богомъ", что не ради Бога, а ради насъ измышлены имена для усвоенія понятія о Сущемъ, то есть о Богѣ, что „употребленіе словъ и именъ придумано послѣ сотворенія людей". И св. Златоустъ говоритъ, что „у Бога нѣтъ ни голоса, ни вида, но Онъ выше образовъ и звуковъ". А св. Григорій Нисскій поясняетъ, что „выраженіе „рече" Богъ нисколько не указываетъ на голосъ и рѣчь Божію, но на волю Божію".

И объ имени Господа нашего—*Іисуса* напрасно мудрствуете, будто оно Богъ: святый Златоустъ говоритъ, что имя „Іисусъ есть имя Его по плоти, — что Господь названъ Іисусомъ Христомъ потому, что облекся въ плоть,—названъ для того, чтобы подъ именемъ Іисусъ скрыть отъ діавола Его Божество". Подумайте: какъ же имя Іисусъ будетъ скрывать отъ хитраго діавола Божество Христово, если оно, по вашему, само есть Богъ? Если бы такъ было, какъ вы говорите, то имя Іисусъ не скрывало бы а открывало бы Божество Господа нашего. И св. Іоаннъ Дамаскинъ въ „Точномъ изложеніи Православной вѣры "такъ же говоритъ: „Господь принялъ названіе Христа не до воплощенія, какъ лжеумствуютъ нѣкоторые (подумайте: не вы ли эти нѣкоторые?). Слово тогда получило названіе Іисуса Христа, когда Оно стало плотію".

Ужели, читая всѣ эти, точныя до слова, выписки изъ св. Отцевъ, ваша монашеская совѣсть не говоритъ вамъ: къ чему упорствовать? зачѣмъ лукавить? Видите, что отцы Церкви не за васъ, а противъ васъ; что вы, если были искренни, то впали въ ошибку, въ заблужденіе невольное, и пора сознаться въ этомъ: вѣдь, ошибаться людямъ свойственно, но они должны скорѣе исправлять свою ошибку, а не упорствовать въ ней. Кто упорствуетъ въ неправомъ ученіи, тотъ еретикъ: такимъ и былъ нѣкто Евномій, осужденный на второмъ вселенскомъ соборѣ за ту самую ересь, какой теперь держитесь вы.

Итакъ, успокойте свою мятущуюся совѣсть, смиритесь предъ Церковію, забросьте всѣ свои мудрованія, сожгите всѣ свои тетрадки! Глубоко скорбитъ о вашемъ отпаденіи матерь наша Церковь: порадуйте ее своимъ обращеніемъ! Иначе—она закроетъ предъ вами свои двери, отлучитъ васъ отъ Божественныхъ Таинъ Христовыхъ: а можно ли жить безъ сего хлѣба небеснаго?..

Именемъ Святѣйшаго Синода Всероссійской Церкви, какъ уполномоченный отъ него постоянный членъ его, именемъ Святѣйшаго Патріарха, который столь благоволительно отнесся къ моему посланничеству на св. Гору, наконецъ, священнымъ для всѣхъ насъ, православныхъ русскихъ людей, именемъ Помазанника Божія, нашего возлюбленнаго Государя Императора, Коего Высочайшимъ повелѣніемъ я посланъ сюда,—умоляю васъ, отцы и братія: бросьте распри, примиритесь съ Церковью—матерью, оставьте лжеученіе, осужденное еще на второмъ Вселенскомъ соборѣ, и будьте послушными чадами Церкви Православной! Не раздирайте ризу Христову, якоже древніе еретики и раскольники...

Исполняя мой долгъ, мое святое послушаніе Высшей Церковной Власти, я обращаю сіе мое слово къ вамъ, къ вашей монашеской совѣсти, отцы и братія. Святая Гора не можетъ терпѣть на себѣ лжемудрствующихъ. Пресвятая Матерь Божія, Домостроительница сей Горы, изгонитъ васъ отсюда, если не по-

каетесь. Отлученные отъ Церкви, изгнанные изъ святого удѣла Матери Божіей —гдѣ склоните вы свои непослушныя Церкви головы? Гдѣ обрѣтете миръ своимъ смущеннымъ душамъ? Самъ Господь и Богъ нашъ Іисусъ Хрістосъ, строго заповѣдавшій повиноваться Церкви, отвратитъ отъ васъ лице Свое, яко отъ преслушниковъ Его непорочной невѣсты — Церкви, и речетъ вамъ: *не вѣмъ васъ!..*

Страшно, возлюбленные, впасти въ руцѣ Бога живаго... Аминь.

181.

Мои вины предъ кагаломъ.

„Колоколъ“ почти цѣликомъ перепечаталъ изъ Одесской „Русской Рѣчи“ статейку, подъ заглавіемъ: „Почему Еврейская печать, особенно одесская, нападаетъ на архіепископа Нікона“. Такъ какъ статейка довольно вѣрно воспроизводитъ одинъ фактъ изъ моей поѣздки по Рузскому уѣзду въ печальной памяти 1905 году, то не лишнимъ считаю занести эту статейку въ свой дневникъ, тѣмъ болѣе, что авторъ ея опустилъ нѣкоторыя мелочи, очень для того времени характерныя, а потому я и пополню ихъ. Вотъ эта статейка:

„На грязной улицѣ еврейской печати опять праздникъ. Аѳонская смута, умѣло раздутая бѣжавшими изъ Россіи революціонерами, даетъ ей поводъ для нападеній на Церковь. Что сущность волнующаго Аѳонъ лжеученія состоитъ въ дикой мысли, будто именованія Бога суть самъ Богъ, объ этомъ лѣвая печать стыдливо умалчиваетъ, а старается облить своею грязью тѣхъ, кто тушилъ возгорѣвшійся пожаръ. Особенно точатъ зубы на водворившаго внѣшній порядокъ на Аѳонѣ архіепископа Нікона. Съ нимъ у лѣвыхъ партій свои счеты“.

Надо оговорить, что внѣшній порядокъ водворенъ не мною, а представителями государственной власти, которая—честь ей и глубокая благодарность,—рѣшила разорить самое гнѣздо смуты, изъявъ изъ Пантелеимонова монастыря, а затѣмъ и Андреевскаго скита главарей смуты, сумѣвшихъ загипнотизировать темную толпу невѣжественныхъ монаховъ, и спрятавшихся за эту толпу. Безъ такого изъятія возстановить внѣшній порядокъ было невозможно.

Послушаемъ дальше, что говоритъ авторъ.

„Это было 13 іюля 1905 года. Преосвященный Ніконъ, тогда викарій московскій, по порученію митрополита Владиміра, обозрѣвалъ церкви Рузскаго уѣзда. Переночевавъ въ имѣніи профессора Зографа, онъ направился въ село Волынщину, имѣніе князя Д. Н. Долгорукова, гдѣ въ то время находился сынъ его, знаменитый впослѣдствіи членъ Гос. Думы Павелъ Долгоруковъ, за свою „освободительную“ дѣятельность потомъ освобожденный отъ придворнаго званія. Въ день 13 іюля Церковь празднуетъ св. Архангелу Гавріилу и прочимъ небеснымъ силамъ. Зачало изъ Евангелія читается: притча о сѣмени и плевелахъ. Владыка положилъ эту притчу въ основаніе своего поученія къ народу, указавъ, какъ и нынѣ являются враги Церкви и отечества, сѣющіе плевелы на русской землѣ,—это разные религіозные и политическіе лжеучи-

тели. Охарактеризовавъ этихъ пропагандистовъ, онъ предостерегалъ отъ нихъ простой народъ.

Послѣ службы старецъ-князь, отецъ Павла Долгорукова, пригласилъ владыку къ себѣ въ домъ и встрѣтилъ его у дверей съ хлѣбомъ и солью, привѣтствуя горячею рѣчью, въ которой просилъ передать глубокую благодарность митрополиту за то, что въ такое смутное время онъ послалъ своего викарія, чтобы поднять духъ народа. Старецъ такъ былъ растроганъ, что буквально плакалъ, когда говорилъ эту рѣчь.

Во время чая ко владыкѣ подошли два мужичка и просили его отслужить панихиду у памятника Императора Александра II".

Замѣчу, что этотъ „памятникъ" — небольшой бюстъ на колоннѣ — поставленъ у входа въ усадьбу князя Долгорукова. Наши крестьяне не особенно чтутъ подобные памятники; по ихъ мнѣнію эти „идолы" покойникамъ не нужны, а потому можно думать, что самая мысль о такой панихидѣ, по всей вѣроятности, принадлежитъ князю Павлу Долгорукову, который потомъ могъ использовать служеніе панихиды архіереемъ о Царѣ-Освободителѣ въ своихъ „освободительныхъ" цѣляхъ.

Авторъ продолжаетъ:

„Владыка выразилъ сожалѣніе, что сдѣлать этого самъ не можетъ, ибо съ нимъ нѣтъ облаченій, а распорядился, чтобы вынесли къ памятнику иконы, а мѣстный священникъ отслужилъ литію: „помолюсь и я съ вами", сказалъ преосвященный.

Шелъ проливной дождь. Народу собралось множество. Совершена краткая литія. Пропѣли „со святыми упокой" и вѣчную память. Князь Павелъ Долгоруковъ крикнулъ: „лошадей", но преосвященный остановилъ его: „минутку, князь". И обратился къ народу съ краткою рѣчью:

— Православные! Сейчасъ мы молились объ упокоеніи души Царя Александра II. Почему вы такъ усердно молитесь именно за этого Императора? Всѣ Цари наши—великіе благодѣтели народа. И Царь Миротворецъ Александръ III много добра оказалъ своему народу. Но вотъ, вы особенно помните, особенно молитесь за Александра II. Почему? Да потому, братіе, что Онъ именно вамъ, крестьянамъ, оказалъ великое благодѣяніе. Кто такіе были вы до 19 февраля 1861 года? Почти скоты, которыхъ едва не продавали на площади. А Онъ, Царь—Освободитель, сдѣлалъ васъ полноправными людьми, далъ вамъ свободу, далъ землю, далъ право учиться: учись, трудись, достигай хоть должности министра: это ли не величайшее благодѣяніе?

Но думали ли вы о томъ, почему нашему батюшкѣ Царю Александру II-му Богъ помогъ такъ мирно, спокойно, безъ потрясеній, безъ всякой смуты совершить такое великое дѣло? Въ другихъ государствахъ освобожденіе крестьянъ стоило большихъ кровопролитій. Да потому, православные, что наши Цари *Самодержавные*: Богъ по образу Своего вседержительства далъ намъ Царя Самодержавнаго, и какъ Господь Вседержитель—„рече и быша, повелѣ и создашася", такъ и Цари наши Самодержавные скажутъ слово: „быть по сему"—и бываетъ такъ, и никто, рѣшительно никто не можетъ противиться Царскому повелѣнію. Вотъ и сказалъ Царь Александръ II, Самодержецъ Всероссійскій: быть крестьянамъ свободными, и стали они свободные люди.

Вотъ, братіе мои, что значитъ Самодержавіе. Стойте за него крѣпко,

храните его, какъ завѣтную святыню. Жизни своей не щадите, чтобъ отстоять его. А если появится какой-нибудь нехорошій человѣкъ, который будетъ вамъ толковать, что надо уничтожить самодержавіе, что надо устроить такъ, чтобы ограничить Царскую власть, то гоните его отъ себя прочь, какъ смутьяна, какъ врага родной земли и Царя-Батюшки. Царь есть Помазанникъ Божій, на Немъ почиваетъ благодать Божія, ниспосланная на него въ таинствѣ муропомазанія. Стойте же грудью за Царя Самодержца, молитесь за Него и будьте готовы душу свою за Него положить".

Въ отвѣтъ на эту рѣчь слушатели грянули:

— „Мы готовы умереть за Царя-Батюшку, Самодержца Всероссійскаго... Дай Богъ Ему многая лѣта"...

Преосвященный сказалъ:

— И Богъ васъ благословитъ, православные...

Надо было видѣть покраснѣвшую физіономію князя Павла Долгорукова, надо было видѣть, какою злобою сверкали его выкатившіеся глаза...

А старецъ - князь, несчастный отецъ его, несмотря на грязь, упалъ на колѣни предъ владыкою, со слезами благодаря его за такое слово...

Такъ вотъ за что ненавидятъ іудеи Нікона, вотъ почему обливаютъ его при всякомъ случаѣ грязью... Они не могутъ забыть ему и его проповѣдь, читанную 16-го октября того же года во всѣхъ церквахъ древлепрестольной столицы, проповѣдь противъ забастовокъ, послѣ которой на другой день рабочіе стали служить молебны и стали становиться на работы...

Простятъ ли такія „вины" передъ ними іудеи и іудейскіе „служники"?

Такъ кончаетъ авторъ свою статейку. А „Колоколъ" прибавляетъ: „кромѣ этихъ у архіепископа Нікона винъ противъ кагала немало".

Да, немало. Извѣстно, какъ юрки іудейскіе корреспонденты. Надо имѣть большой запасъ терпѣнія, чтобы не выгнать вонъ иного интервьюшку, который сумѣетъ поймать васъ тамъ и тогда, гдѣ и когда вы не подозрѣваете его присутствія. Вотъ вамъ примѣры. Мимо Аѳона проѣзжалъ блаженнѣйшій патріархъ Антіохійскій Григорій, возвращаясь изъ Россіи. Пароходъ „Царь" стоялъ около часа противъ Пантелеймонова монастыря, высаживая присланную съ „Кагула" роту солдатъ. Я счелъ долгомъ воспользоваться этимъ, чтобы посѣтить блаженнѣйшаго путешественника. Только-что я взошелъ на палубу „Царя", какъ предо мною выросъ корреспондентъ іудейской газеты „Утро Россіи", и сталъ-было предлагать вопросы о положеніи нашего дѣла. Я рѣшительно отказался отвѣчать: время было дорого, чтобы побесѣдовать съ патріархомъ. Мнѣ помогли пройти въ общую столовую, гдѣ и встрѣтилъ меня его блаженство. Но лишь только началась бесѣда, какъ прислуга подаетъ мнѣ карточку того же корреспондента и отъ его имени проситъ разрѣшенія... чего бы вы думали? — присутствовать при моей бесѣдѣ съ патріархомъ! Эта, съ позволенія сказать, наглость меня возмутила. Я рѣшительно отвѣтилъ, что такого разрѣшенія дано не будетъ... И вотъ въ „Утрѣ Россіи" является корреспонденція, совершенно искажающая мои увѣщательныя бесѣды съ аѳонитами, а эту корреспонденцію перепечатали вѣроятно, всѣ іудейскія газеты... Значитъ: іудейскій интервьюшка отомстилъ...

Въ Кіевѣ мнѣ докладываютъ, что

просить позволенія видѣться „студентъ духовной академіи“. Предполагая встрѣтить юношу, я вижу пожилого брюнета, который сразу началъ: „общество интересуется событіями на Аѳонѣ“... но я прервалъ его: „съ кѣмъ имѣю честь говорить? Мнѣ доложили о студентѣ духовной академіи...“—„Да, я учился... я кончилъ академію“... Вижу, что онъ лжетъ, и говорю: „и какое дѣло мірянамъ судить о томъ, что имъ вовсе непонятно, да и едва ли интересуетъ?.. Я не считаю полезнымъ терять время на бесѣды съ корреспондентами, особенно такими, какой приставалъ ко мнѣ на „Царѣ“. И я, въ поученіе брюнету, кратко сообщилъ о неудачѣ его коллеги. Тутъ мнѣ подали карточку инспектора типографій въ Кіевѣ, и я отпустилъ непрошеннаго гостя.

Посѣтившій меня затѣмъ миссіонеръ изъ Вологды разсказывалъ, что сей брюнетъ потомъ около часа бесѣдовалъ съ изгнанными съ Аѳона монахами, часть коихъ уже прибыла въ Кіевъ, и думаю, въ одной изъ іудейскихъ кіевскихъ газетъ появилась уже на другой же день какая-нибудь красненькая корреспонденція о свиданіи со мною... въ „освободительномъ“ духѣ, и, конечно, еретичествующіе противники Церкви представлены мучениками, а я—ихъ гонителемъ.

Похвалитися не пользуетъ ми, но надо сознаться, что никогда я не входилъ въ сдѣлку съ совѣстью, когда шла рѣчь объ „освободительномъ движеніи“; всегда я называлъ и буду называть это движеніе революціоннымъ, преступнымъ, измѣническимъ, гибельнымъ для родного народа и родной земли. И пусть іудеи и ихъ приспѣшники, разные кадеты и даже октябристы, издѣваются надо мною, въ своихъ карикатурахъ, сколько имъ угодно, обливаютъ меня грязью, клевещутъ, поносятъ, присылаютъ мнѣ не только ругательные пасквили, но и — это не разъ было — смертные приговоры: я вѣрую, что если Господь не попуститъ—извѣстное животное не съѣстъ меня, а если будетъ воля Божія потерпѣть что отъ враговъ Церкви Христовой, моей безцѣнной матери, — буди Его святая воля: Онъ же и поможетъ перенести, а я, пока живъ, не перестану обличать ихъ махинаціи, насколько понимаю ихъ, не перестану исполнять мой долгъ предъ Церковію, Царемъ Самодержавнымъ и родной Русью многострадальной...

182.

Моя октябрьская проповѣдь и память о ней въ жидовствующей печати.

Правъ былъ авторъ статьи въ „Русской Рѣчи“, которую я привелъ въ прошломъ моемъ дневникѣ, что іудеи не забудутъ и не простятъ Никону его проповѣдь 16-го октября 1905 года. Только что я сдалъ прошлый дневникъ въ типографію, какъ мнѣ кто-то прислалъ въ бандероли „Утро Россіи“, въ которомъ какой-то самозванецъ — „баккалавръ“ дѣлаетъ строгій выговоръ Святѣйшему Суноду за то, что онъ послалъ меня на Аѳонъ—меня, „человѣка крайне узкаго, односторонняго, неуживчиваго, придирчиваго, капризнаго, не стѣсняющагося въ пріемахъ борьбы съ почему-либо неугодными ему лицами,

который за всѣ эти качества да еще за крайне неудачное авторство пресловутой погромной проповѣди отъ 16 октября 1905 года, былъ удаленъ изъ Москвы по единодушному желанію ея духовенства, поддержанному бывшимъ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ кн. А. Д. Оболенскимъ". Такъ пишется іудеями исторія. „Научнѣе такого легата, говоритъ „баккалавръ" изъ синагоги, трудно было что-либо и придумать: онъ и мирныхъ-то обитателей способенъ раздражить и довести чуть не до бунта, а его послали вразумлять и примирять уже и безъ того достаточно ожесточенныхъ людей". Такъ аттестуетъ меня предъ своими читателями жидовско-раскольничья газета. Къ сожалѣнію, она настолько невѣжественна въ моемъ послужномъ спискѣ, или же настолько нечестна предъ своими читателями, что—или не знаетъ, или знаетъ да умалчиваетъ, что рѣчь идетъ не объ епископѣ, а объ архіепископѣ, не о заштатномъ епископѣ, а о постоянномъ членѣ С. Сунода, не о какомъ-то неучѣ, а удостоенномъ высокаго званія почетнаго члена Московской Императорской Духовной Академіи, хотя онъ въ сей Академіи и не учился, и получившаго за свои труды двѣ Макарьевскія преміи. Прошу прощенія у читателей, что вынуждаюсь немного вразумить относительно своей особы „баккалавра" изъ синагоги. Ну, да что съ такими „баккалаврами" толковать: имъ, вѣдь, законъ честности не писанъ, хотя все же слѣдовало побольше уважать своихъ читателей и не обманывать ихъ: а что какъ да они все умолчанное газетою знаютъ? Вѣдь тогда и аттестаціи газеты не повѣрятъ, а обзовутъ ее лгуньей...

Но не затѣмъ я заговорилъ объ этомъ уличномъ листкѣ, который православные презираютъ, а вотъ ужъ не впервые снова идетъ въ газетахъ рѣчь о моей „пресловутой погромной проповѣди 16-го октября", и многіе читатели мои просятъ меня ознакомить съ нею, чтобы самимъ судить, а не со словъ жидовской прессы, о достоинствахъ и недостаткахъ сей проповѣди. Разыскалъ я ее въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" отъ того самаго числа, когда она произнесена, и помѣщаю въ этомъ дневникѣ: можетъ быть и моимъ врагамъ полезно ее перечитать.

Что намъ дѣлать въ эти тревожные наши дни?

„Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, всѣхъ насъ заступи!...

Вотъ молитвенный вопль, съ какимъ, триста лѣтъ назадъ, обратилась бѣдствующая Москва, а съ нею и вся Русь Православная къ Матери Божіей въ тяжкую годину междуцарствія,—обратилась, и Москва была освобождена отъ Поляковъ, и гнѣвъ Божій былъ преложенъ на милость. Близится день, когда Москва благодарственно воспоминаетъ это великое заступленіе Царицы Небесной, но какъ благопотребно и сегодня не только Москвѣ, но и всей Русской землѣ съ слезами покаянія, съ горячею мольбою воззвать къ Матери Божіей: „Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, всѣхъ насъ заступи!"...

Сердце обливается кровью, когда видишь, что творится вокругъ насъ... Уже не поляки, не внѣшніе враги, а свои же, русскіе люди, потерявъ

страхъ Божій, довѣрившись крамольникамъ, держатъ нашу первопрестольную столицу какъ бы въ осадѣ. И безъ того тяжело жилось намъ по грѣхамъ нашимъ: то неурожаи, то болѣзни, то несчастная война, а теперь творится нѣчто доселѣ неслыханное на Руси: какъ будто Богъ отнялъ разумъ у русскихъ людей. По приказу подпольныхъ крамольниковъ, начались всюду стачки и забастовки, и на фабрикахъ, и на заводахъ, и въ школахъ, и на желѣзныхъ дорогахъ. И вотъ, дошло до того, что прекратился подвозъ жизненныхъ припасовъ, и съ каждымъ днемъ они становятся дороже; несчастныя семьи, питающіяся почти однимъ хлѣбомъ, теперь должны жить впроголодь, ибо хлѣбъ дорожаетъ; а сколько тысячъ грудныхъ младенцевъ, сколько несчастныхъ страдальцевъ больныхъ теперь томятся голодомъ и жалуются Богу на этихъ жестокихъ забастовщиковъ, прекратившихъ всякій подвозъ молока! Сколько больныхъ остается безъ помощи, потому что забастовщики не позволяютъ готовить лѣкарство въ аптекахъ! Не нынѣ—завтра можно ожидать, что эта ужасная эпидемія забастовки охватитъ городскихъ рабочихъ, и вся столица останется безъ воды, безъ освѣщенія улицъ и домовъ, безъ движенія дешевыхъ конокъ... О, еслибы знали наши несчастные рабочіе, кто ими руководитъ, кто подсылаетъ къ нимъ смутьяновъ-подстрекателей, то съ ужасомъ отвернулись бы отъ нихъ, какъ отъ гадинъ ядовитыхъ, какъ отъ зачумленныхъ животныхъ! Вѣдь это—такъ называемые „соціалъ-демократы“, это—революціонеры, давно отрекшіеся отъ Бога въ дѣлахъ своихъ, они отреклись, а можетъ быть и вовсе не знали вѣры христіанской, поносятъ ея служителей, ея уставы, издѣваются надъ ея святынями. Главное гнѣздо ихъ за границей: они мечтаютъ весь міръ поработить себѣ; въ своихъ тайныхъ секретныхъ протоколахъ они называютъ насъ, христіанъ, прямо скотами, которымъ Богъ далъ, говорятъ они, образъ человѣческій только для того, чтобъ имъ, якобы избранникамъ, не противно было пользоваться нашими услугами... Съ сатанинскою хитростью они ловятъ въ свои сѣти людей легкомысленныхъ, обѣщаютъ имъ рай земной, но тщательно укрываютъ отъ нихъ свои затаенныя цѣли, свои преступныя мечты. Обманувъ несчастнаго, они толкаютъ его на самыя ужасныя преступленія, якобы ради общаго блага, и дѣйствительно обращаютъ его въ послушнаго себѣ раба. Они всячески стараются вытравить изъ души, или по крайней мѣрѣ извратить, святое ученіе Христово: такъ, заповѣдь Христова говоритъ: не укради, не пожелай себѣ ничего чужаго, а они говорятъ: все—общее, бери у богатаго все, что тебѣ нравится. Заповѣдь Христова говоритъ: дѣлись съ ближнимъ твоимъ послѣднимъ кускомъ, послѣдней копейкой, а они учатъ: отнимай у другихъ все, что тебѣ надобно. Заповѣдь Христова говоритъ: воздадите Кесарева Кесареви, Бога бойтеся, Царя чтите, а они говорятъ: никакого царя не нужно, царь—тиранъ... Заповѣдь Божія говоритъ: въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши, а они говорятъ: въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое. Заповѣдь Христова велитъ полагать души свои за други своя, а они учатъ губить людей ни въ чемъ неповинныхъ, убивать ихъ только за то, что они несогласны съ ними, не идутъ на разбой, хотятъ честно трудиться и готовы до смерти стоять за законъ, за Царя, за Церковь Божію...

Вотъ каковы эти обманщики, изверги рода человѣческаго!.. Берегите же себя, возлюбленные братія, берегите себя и дѣтей своихъ отъ этихъ льстецовъ, ради Бога, ради вашего вѣчнаго спасенія берегитесь ихъ! Горе міру отъ соблазнъ,—говоритъ Спаситель,—но еще больше горе тому, чрезъ кого соблазнъ приходитъ. Смотрите, сколько горя—цѣлое море слезъ разливается по лицу родной земли отъ этихъ соблазнителей-крамольниковъ: судите же сами, какое страшное горе, какой строгій судъ Божій ждетъ этихъ несчастныхъ злодѣевъ и ихъ сообщниковъ. Пора намъ одуматься, пора перестать быть равнодушными къ этому великому бѣдствію на Руси, пора стряхнуть съ себя духовную лѣность и больше не подпускать къ себѣ и къ дѣтямъ нашимъ этихъ опасныхъ, зачумленныхъ людей. Прочь лесть ихъ и обманъ, прочь коварное діавольское навожденіе! Оградимъ себя крестнымъ знаменіемъ, взглянемъ опасности прямо въ глаза! Вѣдь, еще немного и—люди превратятся въ хищныхъ звѣрей, станутъ громить жилища наши, грабить храмы Божіи, убивать другъ друга, какъ дѣлаютъ безумцы... Говорятъ, что человѣкъ, потерявшій страхъ Божій и совѣсть, человѣкъ, которому законъ не писанъ, который потерялъ и страхъ человѣческій, такой человѣкъ хуже всякаго лютаго звѣря. И намъ грозитъ бѣда, что въ такихъ лютыхъ звѣрей и обратятся всѣ эти одичавшія толпы разныхъ забастовщиковъ, коими руководятъ безбожные анархисты. Вотъ этого-то и добиваются всячески наши заклятые враги, подпольные наши крамольники и ихъ заграничные руководители. Братья, ужели мы допустимъ это? Ужели и теперь будемъ безучастно смотрѣть на всѣ эти безобразія?

Но что же дѣлать?—что дѣлать?—вотъ вопросъ, неотступно терзающій душу.

Что дѣлать?—Очнуться, проснуться надо. Сознать всю опасность надо. Оглянуться вокругъ надо: не заразила ли эта нравственная чума кого изъ близкихъ нашихъ? Заглянуть въ свое сердце надо: чѣмъ оно живетъ, ради чего и для кого оно бьется? Къ совѣсти своей прислушаться надо. Она подскажетъ, Ангелъ Божій, хранитель нашъ, чрезъ совѣсть нашу заговоритъ съ нами о томъ, что надо дѣлать. Онъ скажетъ намъ, что прежде всего—надо принести Богу искреннее, слезное, всенародное покаяніе. Оно, это покаяніе очиститъ насъ, обновитъ наше сердце, нашего внутренняго человѣка. Оно положитъ начало благое новой, быть можетъ, еще намъ невѣдомой, или давно нами забытой духовной жизни, жизни по заповѣдямъ Божіимъ. Оно сдѣлаетъ насъ мужественными, бодрыми среди великихъ испытаній, оно сдѣлаетъ насъ способными положить съ радостью души свои за братій своихъ, если это будетъ Богомъ суждено. Это—въ самихъ себѣ. А затѣмъ—около насъ. Молитвою за несчастныхъ, одержимыхъ духомъ смуты, гордыни и противленія, *до вразумитъ ихъ Господь ими же вѣсть путями*,—словами любви и братскаго увѣщанія къ нимъ попытаемся, приложимъ всѣ усилія вразумить ихъ, на путь истины обратить. Это—святое хрістіанское дѣло. *Обративый грѣшника отъ заблужденія пути его*, говоритъ слово Божіе, *спасетъ душу отъ смерти и покрыетъ множество грѣховъ*,—и его, и своихъ.—А затѣмъ—каждый изъ насъ есть сынъ родной земли, вѣрный подданный своего Царя. Можетъ ли сынъ быть равнодушнымъ къ стонамъ своей страдалицы-

матери? А вѣдь она, наша родная, вѣкогда святая, а нынѣ столь предъ Богомъ согрѣшившая, она стонетъ, измученная, терзаемая своими же дѣтьми—нашими несчастными братьями. Что сдѣлалъ бы ты, любящій сынъ, если бы твой умалишенный братъ сталъ бить, мучить вашу общую мать, издѣваться надъ нею, позорить ее? О, конечно, самая природа возопила бы въ тебѣ словами заповѣди Божіей: чти, люби, береги свою мать, Защити ее отъ безумца-брата, лиши его возможности вредить ей!—Если бы твой, лишенный ума, потерявшій совѣсть братъ сталъ издѣваться, какъ Хамъ, надъ отцемъ вашимъ, ужели ты сталъ бы равнодушно смотрѣть на эти издѣвательства? Ужели ты не заставилъ бы молчать этого брата-безумца?—Но вотъ, смотри: твою дорогую мать, родную твою Русь ея несчастныя безумцы-дѣти терзаютъ, собираются на части разорвать, хотятъ отнять у нея завѣтную святыню—Вѣру Православную, въ грязь топчутъ все, чѣмъ она доселѣ жила, крѣпла, красовалась... Твоего Батюшку-Царя поносятъ, рвутъ Его изображенія, хулятъ Его царскія повелѣнія, издѣваются надъ Нимъ: можетъ ли твое сердце быть спокойнымъ при этомъ, *Русскій* человѣкъ? Не горько ли тебѣ, не больно ли все это переносить? Не кипитъ ли ревностью твое сердце, не потрясается ли отъ негодованія, справедливаго негодованія, все твое существо? Что же тебѣ дѣлать?...

Опять спроси у своей совѣсти. Она напомнитъ тебѣ вѣрноподданническую твою присягу. Она скажетъ тебѣ: будь любящимъ сыномъ родной земли, будь беззавѣтно преданнымъ слугою своего Царя. Исполняй то, чего отъ тебя потребуютъ слуги Царевы, что скажутъ тебѣ пастыри Церкви. Будь готовъ умереть за Царя и за Русь. Вспомни, какъ предки твои безтрепетно за Него умирали. Вспомни, какъ простой посадскій человѣкъ, по-нынѣшнему мѣщанинъ, Козьма Мининъ Сухорукъ поднялъ Нижній, а за нимъ и всю Русь на защиту Родной Земли. Посмотри, какъ онъ, на своемъ памятникѣ, благородно-энергически показываетъ на родной, завѣтный, столь священный для русскаго сердца Кремль болящему князю Димитрію Михаиловичу Пожарскому. Вспомни, какъ вѣчнопамятный костромичъ крестьянинъ Иванъ Сусанинъ съ радостью и мужествомъ положилъ душу свою за Царя, въ куски изрубленный врагами-поляками. Не всѣмъ судилъ Богъ быть такими героями, но всѣмъ заповѣдалъ: чти отца твоего и матерь твою. Царя чтите, братство-народъ возлюбите! Самъ Христосъ Спаситель подалъ намъ трогательный примѣръ человѣческой любви къ Своему родному городу, родному народу. Вспомните, какъ Онъ плакалъ—рыдалъ, смотря на Іерусалимъ и предсказывая его гибель въ тѣ торжественныя минуты, когда народъ Іерусалимскій кричалъ Ему громкое *Осанна*. Намъ ли не любить земли отцевъ своихъ? Вѣдь, она вся русскою кровью полита, ею спаяна; вѣдь и сами мы, костьми нашими, въ ней же ляжемъ, смѣшавъ прахъ свой съ прахомъ предковъ нашихъ...

Братья возлюбленные! Чада Русской земли! Въ тѣ дни, когда мы вспоминаемъ, какъ Матерь Божія, по молитвамъ предковъ нашихъ, спасла землю Русскую въ тяжкую годину междуцарствія, какъ освободила Она нашу первопрестольную Москву, Своею иконою Казанскою отъ нашествія поляковъ и литовцевъ—сегодня прольемъ предъ Нею и Ея Божественнымъ Сыномъ пламенныя мольбы о спасеніи родной

земли нашей отъ крамольниковъ. Поплачемъ прецъ Нею о грѣхахъ нашихъ. Помолимся Ей о несчастныхъ братьяхъ нашихъ, смутою увлеченныхъ на погибельный путь...

Владычице, помози, на ны милосердовавши! Потщися, погибаемъ отъ множества прегрѣшеній! Не отврати Твоя рабы тщи, Тя бо едину надежду имамы...

Вотъ моя проповѣдь 16-го октября, столь ненавистная жидамъ. Я спрашиваю православныхъ русскихъ людей: что въ ней погромнаго? Что—такого, чтобы примѣнять ко мнѣ слова Спасителя, сказанныя сынамъ громовымъ: *не вѣста, коего духа еста вы?* А іудейско-раскольничья газета именно это дѣлаетъ. Повидимому, она хочетъ представить дѣло въ искаженномъ видѣ, приписывая мнѣ, какъ это дѣлаетъ и кн. Мещерскій, то, что сдѣлано государственною властью: удаленіе съ Аѳона еретичествующихъ. Газетамъ такого направленія нѣтъ дѣла до уставовъ монашескихъ: уставъ св. Горы не допускаетъ пребыванія на ней еретиковъ, а потому протатъ, или киноть, святогорскій рѣшительно заявили, что они еретиковъ на св. Горѣ не потерпятъ и если русская власть сего не сдѣлаетъ, то сами изгонятъ еретичествующихъ. Газетный лицемѣръ увѣряетъ, что простой народъ будетъ считать изгнанниковъ мучениками и сожалѣетъ, что зараза „не локализована“ на Аѳонѣ. Какъ видите, это немыслимо даже по уставу св. Горы, не говоря уже о прочемъ. Да и то сказать: видно іудеямъ не по душѣ такое вмѣшательство гражданской власти въ это дѣло, ибо оно разрушило ихъ планы—создать гнѣздо смуты на св. Горѣ подъ видомъ, какъ выражается г. „баккалавръ“, „вещей самыхъ невинныхъ“. Придется искать другого мѣста для такого „почтеннаго“ дѣла, какъ разрушеніе Церкви и Русскаго государства...

183—184.

Ядъ гордыни.

I.

Тяжелую годину переживаетъ наша святая матерь—Церковь Божія—въ наши дни. Съ одной стороны, всѣ силы ада ополчились на нее, какъ будто на нашихъ глазахъ сбывается пророческое слово Апокалипсиса, что „сатана будетъ освобожденъ изъ темницы своей и выйдетъ обольщать народы, находящіеся на четырехъ углахъ земли“ (Ап. 20, 7): отецъ лжи сѣетъ ложь полною рукою и отравляетъ ею все человѣчество, и никому изъ тѣхъ, кто Богомъ поставленъ изгонять сего сѣятеля съ нивы Божіей, будто и дѣла нѣтъ, и безсильно раздается слабый голосъ стражей дома Божія — пастырей Церкви, взывающихъ ко власть имущимъ: помогите, сдержите слугъ сатаны, гибнутъ души, гибнетъ народъ, государство, плачетъ Церковь Божія, лишаемая чадъ своихъ, яко Рахиль, и нѣсть ей утѣшающаго!..

Съ другой стороны, какъ будто просыпается дремлющая совѣсть человѣческая, какъ будто она предчувствуетъ грядущую, можетъ быть, всемірную бѣду, и мечется грѣшная душа, истомленная гладомъ духов-

нымъ, измученная рабствомъ страстямъ, искалѣченная современными масонскими софизмами...

И плачетъ Церковь, невѣста Христова, взывая къ Жениху своему небесному о помощи...

Видятъ это и враги Церкви, видятъ, притворяются скорбящими о положеніи Церкви, а на дѣлѣ злорадствуютъ, отмѣчая, что Св. Синоду „въ рѣдкомъ засѣданіи не приходится обсуждать вопросы о ересяхъ, старыхъ и вновь возникающихъ, о распространеніи сектантства, о какихъ-то загадочныхъ, часто невѣжественныхъ проповѣдникахъ, привлекающихъ къ себѣ тысячи православныхъ", видимо съ особеннымъ удовольствіемъ заносятъ на столбцы своихъ газетъ, что „въ неизвѣданныхъ глубинахъ народной души народилось неизбывное (!?) стремленіе къ правдѣ, (что тутъ разумѣется? Народъ стремится къ спасенію души, хотя и попадаетъ на ложные пути), неудовлетворенное правдою синодской". Какъ не радоваться врагамъ Церкви, когда открывается возможность половить рыбку въ мутной водѣ?..

Надъ нами, не только пастырями, но и пасомыми, сбывается слово притчи Христовой: *спящимъ же человѣкомъ, пріиде врагъ, всѣя плевелы посредъ пшеницы и отъиде* (Мѳ. 13, 24).

Господь ввѣрилъ намъ, пастырямъ, ниву сердецъ человѣческихъ, плохо мы охраняли эту ниву, и заросла она всякимъ быліемъ и плевелами грѣхолюбія нашего, и не узнаешь въ иной душѣ ни образа, ни подобія Божія...

Грѣхъ бо вами да не обладаетъ, предостерегаетъ св. Апостолъ Павелъ. А теперь именно грѣхъ, грѣхъ во всѣхъ его видахъ, возобладалъ надъ людьми; и изъ всѣхъ его видовъ нынѣ царитъ самый опасный, самый гибельный—гордыня.

Извѣстно, что Апостолъ любви, св. Іоаннъ Богословъ, перечисляетъ три главныхъ вида грѣха, произрастающіе изъ одного корня—самости или, говоря по ученому, эгоизма: похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская. И всѣми тремя видами сего горькаго древа отравляетъ насъ исконный человѣкоубійца: вѣдь и праматерь нашу онъ тѣмъ же искушалъ: *и видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь*—вотъ похоть плоти; *и яко угодно очима видѣти*—вотъ похоть очесъ; *и красно есть, еже разумѣти*—вотъ и гордость житейская (Быт. 3, 6). Но въ исторіи человѣчества замѣчается нѣкоторая постепенность въ этихъ искушеніяхъ: сатана какъ будто не хочетъ пускать въ ходъ весь арсеналъ своихъ искушеній сразу.

Первый міръ погибъ отъ похоти плоти: *не имать Духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ въ вѣкъ, зане суть плоть*,—такъ засвидѣтельствовалъ Самъ Богъ, Судія правосудный, о допотопномъ мірѣ. (Быт. 6, 3). И смыто съ лица земли водами всемірнаго потопа скотоподобное человѣчество.

Второй міръ—человѣчество предъ явленіемъ въ міръ Искупителя міра—едва не погибъ отъ той же скотской похоти плоти, но уже въ союзѣ съ другою—похотью очесъ: весь міръ захватилъ въ свои цѣпкія руки желѣзный Римъ, и погрузились люди въ служеніе симъ похотямъ безоглядно, и озвѣрѣли, и искали лишь „хлѣба и зрѣлищъ", и лилась на этихъ зрѣлищахъ неповинная кровь человѣческая для удовлетворенія звѣрскимъ инстинктамъ озвѣрѣвшей, пресыщенной удовольствіями толпы.

Явился Христосъ и—міръ преобразился. Онъ положилъ закваску, и

закваска эта сдѣлала свое дѣло. Люди стали неузнаваемы. Не всѣ, конечно, но тѣ, кто сердцемъ воспринялъ эту закваску, кто духомъ смирился, сердцемъ прильнулъ къ источнику приснотекущему благодатной жизни, тѣ обновились: и пустыни Египта, Сиріи, Палестины заблагоухали ароматомъ равноангельной жизни...

Прошли вѣка надъ землею. Зорко слѣдилъ сатана за ростомъ Церкви Христовой. Онъ видѣлъ успѣхъ ея возрастанія среди народовъ земныхъ. Онъ изобрѣталъ всѣ средства къ ея разрушенію. Гоненія отъ іудеевъ и язычниковъ, ереси и расколы — все пустилъ въ ходъ, чтобъ разрушить дѣло Божіе на землѣ. Но Церковь и посредѣ терній процвѣтала яко благоухающій кринъ: слово Христово—*врата адова не одолѣютъ ея*—сбывалось надъ нею во всей силѣ.

Но въ лабораторіи сатаны былъ въ запасѣ еще одинъ ядъ, сильнѣйшій изъ всѣхъ, тончайшій изъ всѣхъ, имъ изобрѣтенныхъ, притомъ испытанный имъ на самомъ себѣ.

И похоть плоти, и похоть очесъ—дѣтскія игрушки въ сравненіи съ симъ ядомъ; ни тѣмъ, ни другимъ онъ не услаждалъ своего злобнаго существа. Правда, слабыя существа, облеченныя плотью, охотно шли на эти приманки; но когда эти игрушки такъ или иначе ускользали изъ ихъ рукъ, они становились способны къ покаянію, обращались къ Богу и обновлялись духомъ.

Другое дѣло—третій плодъ отъ древа самости, третья и притомъ главная вѣтвь сего древа, или паче рещи—самый корень его—гордыня. О, сатана знаетъ силу яда, извлекаемаго изъ сего корня; на себѣ ее извѣдалъ; самъ пропитанъ симъ ядомъ; весь сотканъ изъ свойствъ составляющихъ элементы этого яда...

Отъ вѣковъ древнихъ, отъ первозданныхъ праотцевъ нашихъ онъ примѣнялъ и очень успѣшно это гибельнѣйшее средство въ своей богоборной дѣятельности въ жизни человѣчества, а теперь сосредоточилъ на немъ всѣ свои надежды. Онъ усовершенствовалъ способы сего примѣненія; онъ нашелъ средства золотить и подслащивать свои пилюли; онъ искусно надѣваетъ на себя личину врача, чтобы скрыть подъ нею отвратительный обликъ врага. Онъ не теряетъ надежды загубить этимъ средствомъ все современное человѣчество, ослѣпленное успѣхами своей культуры, загубить хрістіанскій міръ, разрушить Христову Церковь на землѣ...

И вотъ, онъ работаетъ... Сначала, какъ и до потопа, онъ расшатываетъ всѣ устои нравственной жизни: личной, семейной, общественной, государственной. Для этого онъ пускаетъ въ ходъ старыя средства: разжигаетъ похоть плоти, похоть очесъ. Нравственность разрушается, семейная жизнь падаетъ, государства шатаются въ своихъ основаніяхъ, люди паки уподобляются скотамъ несмысленнымъ, самое хрістіанство остается, большею частью, только на бумагѣ.

Но въ людяхъ еще жива душа, по природѣ своей хрістіанка, а воздѣйствіе хрістіанскаго ученія на всю историческую культуру человѣчества на протяженіи почти двухъ тысячъ лѣтъ не прошло безслѣднымъ: его основныя идеи, хотя въ искаженномъ иногда видѣ, всасываются уже съ молокомъ матери и душа не можетъ мириться съ этой разрухой, не можетъ подавить въ себѣ идей правды и добра...

Тогда опытный въ своемъ дѣлѣ

восьмитысячелѣтній старецъ рѣшаетъ:

— Надо зло въ понятіяхъ людей превратить въ добро!

Но какъ?..

Тихо, незамѣтно подкрадывается онъ къ мыслящей, живущей преимущественно умомъ, части человѣчества, къ людямъ, именующимъ себя интеллигентными, и влагаетъ имъ каплю—только одну капельку своего яда въ видѣ самомнѣнія, своего смышленія: „отчего, въ самомъ дѣлѣ, не позволить себѣ то и то?.. Почему это грѣхъ?.. Что за грѣхъ, если отвѣдаю отъ этого яблочка? Пустое!“

Точь въ точь, какъ дѣло было и съ прародительницей Евой. Начинается вотъ съ этихъ „пустяковъ“, съ этого пренебрежительнаго отношенія къ Божіей заповѣди: мелочи!..

А принципъ уже нарушенъ. Шагъ влѣво сдѣланъ. Равновѣсіе духовной жизни потеряно. Воля склонилась въ сторону лжи...

У человѣка есть прирожденная любовь къ себѣ самому, потому и заповѣди о любви къ себѣ не дано: не нужна! И безъ заповѣди *никтоже когда плоть свою возненавидѣ*, тѣмъ паче душу.

Вотъ сюда-то и вливаетъ каплю своего яда врагъ Бога и людей. Знаетъ онъ, что уже ранѣе первороднымъ грѣхомъ зараженное сердце человѣческое не останется равнодушно, если бы кто затронулъ его самость: стоитъ только поджечь страсть самолюбія. И врагъ поджигаетъ: вѣдь назвавъ „мелочью, пустяками“ дозволенный себѣ грѣхъ, человѣкъ въ сущности *солгалъ*, обманулъ себя же. Опомниться бы надо, покаяться, сознаться въ этомъ. Но разслабленная воля современнаго человѣка, отуманеннаго притомъ самоцѣномъ, не въ силахъ побороть себя, а врагъ все поджигаетъ самолюбіе и заставляетъ умъ подыскивать доводы въ оправданіе—точь въ точь, какъ дѣлалъ это и съ нашими прародителями: смѣлѣе, смѣлѣе! Не умрете! Будете, яко бози!..

Вотъ и готово *оправданіе зла*. Ложь растетъ на лжи; умствованіе выходитъ изъ умствованія; создаются цѣлыя теоріи такого оправданія. Пока люди строятъ только теоріи, жизнь человѣчества какъ будто движется по старой, еще первыми вѣками христіанства данной инерціи по своимъ историческимъ путямъ: люди будто еще христіане; будто и въ Бога вѣруютъ и, по крайней мѣрѣ въ видимомъ-то, стараются держаться хотя края завѣтовъ отеческихъ. Но вотъ, теоріи разработаны, написаны цѣлые томы для ихъ популяризаціи; слабые люди, давно отравленные дѣломъ грѣха, но доселѣ еще томившіеся сознаніемъ грѣховности этого дѣла, вдругъ какъ будто теряютъ почву подъ ногами и жадно хватаются за теоріи оправданія зла. Еще немного,—и они готовы поставить эти теоріи въ основу своей не только частной, личной, семейной, но и общественной и государственной жизни... И объявляется—*разрѣшеніе на вся!*...

Вотъ вамъ и революція!...

—А Богъ-то какъ же? вдругъ хватаетъ себя за голову человѣкъ. Онъ забылъ Бога, онъ хотѣлъ обойтись безъ Него: благо услужливая лженаука, вмѣстѣ съ безумцемъ древности, увѣряетъ его, будто—нѣсть Богъ....

Уменъ падшій ангелъ; опытенъ въ погубленіи людей, но и тутъ дѣлаетъ ошибки. Въ душѣ, по природѣ христіанкѣ, глубоко таятся корни вѣры въ Бога, и въ минуты, когда благодать Божія подстережетъ случай коснуться совѣсти че-

ловѣка, въ немъ вспыхиваетъ искра Божія, и онъ сначала безсознательно рванется къ Богу, а потомъ начинаетъ какъ бы ощупью искать Его...

—Нѣтъ, безъ Бога не могу жить! Такъ измучишься, дойдешь до полнаго отчаянія!..

И человѣкъ начинаетъ искать забытаго Бога.

А тотъ, кого такъ характерно назвалъ Господь человѣкоубійцею искони, уже подстерегаетъ его на пути этихъ исканій. Казалось бы, чего проще: вернуться къ потерянной Христовой вѣрѣ, къ Христовой Церкви, яко сокровищницѣ истины и спасающей благодати....

Но тутъ начинаетъ дѣйствовать та капля яду, которая влагается въ сердце человѣческое сатаною, особенно въ наше время: а какъ быть съ самостью— то? съ самомнѣніемъ? Вѣдь, чтобы пойти въ Церковь, для этого надо безусловно смириться, а можно ли до этого унизиться „образованному человѣку“? Слишкомъ было бы просто, „по-мужицки“...Наши интеллигенты, если и приходятъ въ Церковь, то большею частію воображая, что они „Господу Богу честь дѣлаютъ“ своимъ обращеніемъ.

Такъ тамъ, на днѣ грѣшнаго сердца, хозяйничаетъ врагъ, и несчастный нашъ интеллигентъ, не вѣдая того, ослѣпленный самомнѣніемъ, отравленный ядомъ гордыни, безсознательно соглашается съ этимъ непрошеннымъ хозяиномъ его души, стыдясь идти туда, гдѣ мужикъ находитъ полное удовлетвореніе своей духовной жаждѣ, полный покой душѣ.

И начинается „богоискательство“...

Зорко слѣдитъ за блужданіями смятенной души незримый ея врагъ и принимаетъ всѣ мѣры, чтобы она не попала какъ-нибудь случайно на вѣрный путь—чрезъ Церковь—къ Богу. Пусть она блуждаетъ, сколько угодно по простору распутій мысли человѣческой; онъ толкаетъ ее и въ буддизмъ, и въ оккультизмъ, и въ спиритизмъ, и въ деизмъ, и во всевозможные „измы“: онъ поймалъ ее уже на удицу самомышленія,—лишь бы не сорвалась съ этой удицы—будетъ его вѣрною добычею!

Типичнѣйшимъ представителемъ такихъ душъ является несчастнѣйшій графъ Толстой, этотъ величайшій ересіархъ нашего времени. Не даромъ же сатана сдѣлалъ его идоломъ для нашихъ вѣроотступниковъ. За нимъ, да и раньше его, и вокругъ него—множество было и есть маленькихъ ересіарховъ, яко-бы „богоискателей“. Быть можетъ, это богоисканіе началось у нихъ и искренно, но врагъ не далъ имъ опомниться, опознать себя, вложилъ имъ тщеславную мысль, будто они не якоже прочіи человѣцы—прокладываютъ-де новые пути, и толкнулъ ихъ въ сторону — подальше отъ Церкви: ищите себѣ тамъ этихъ путей на просторѣ!

И Толстой искалъ, усердно искалъ и—дошелъ до личной ненависти ко Христу Спасителю!

И другіе „богоискатели“ ищутъ, болѣе или менѣе усердно придумываютъ „новые пути“ къ Богу, но, аще не смирятся предъ Церковію—кончатъ ненавистію ко Христу, ибо ненависть къ Церкви уже во многихъ изъ нихъ замѣтна.

Почему Толстой такъ возненавидѣлъ Господа Іисуса Христа?

На этотъ вопросъ вотъ что мнѣ отвѣчалъ бывшій когда-то его другъ, а потомъ покинувшій его навсегда Вл. С. Соловьевъ: „можетъ ли сей гордецъ простить какому-то „Назаретскому Плотнику“, что Тотъ раньше его, Толстого, далъ міру такое

ученіе, которое преобразило міръ, удовлетворяя всѣмъ запросамъ духа человѣческаго, а онъ, всемірно-извѣстный Толстой, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, въ сущности только все разрушалъ, а если что и „создалъ“, то все исчезнетъ съ лица земли раньше, чѣмъ его кости сгніютъ въ могилѣ?“.

Таковы плоды гордыни. Таковъ исходъ самочиннаго богоискательства внѣ Церкви...

Но и въ нѣдрахъ Церкви, и въ средѣ вѣрующихъ врагъ ищетъ случая посѣять плевелы гордыни, чтобы оторвать людей отъ Церкви. И тутъ онъ надѣваетъ личину добра, чтобы подъ нею укрыть ядъ гордыни. Откуда всѣ эти секты: баптизмъ, штундизмъ, молоканство; всѣ эти „братцы“, „старцы“, „сестрицы“, бродяги—мнимоюроды? Откуда довѣріе къ нимъ?

Если бы православные люди жили по духу своей матери Церкви, если бы въ смиреніи и простотѣ сердца держались ея завѣтовъ, то несомнѣнно ощущали бы въ себѣ самихъ благодатную жизнь Церкви, сознавали бы себя не бумажными, а живыми членами тѣла Церкви, жили бы ея жизнію и дышали полнотою этой жизни. Ихъ духъ не томился бы жаждою какого-то богоисканія: эта жажда съ избыткомъ удовлетворялась бы отъ источника присно-текущей благодати въ нѣдрахъ самой Церкви. Къ несчастію, православные нашего времени въ большинствѣ своемъ потеряли руководящее начало церковной жизни, которымъ жила и крѣпка была наша старая Русь: это—духъ глубокаго смиренія грѣшной души предъ Богомъ и небесною Церковью; это — сознаніе своего духовнаго безсилія жить безъ Божіей благодати, текущей живымъ потокомъ въ таинствахъ Церкви и въ живомъ молитвенномъ общеніи съ небесными членами Церкви—святыми Божіими. Послѣдствіемъ потери этого духа, этого сознанія, и является исканіе самооправданія, минуя покаянный подвигъ или удовлетворяясь въ семъ святомъ дѣлѣ якобы смиреннымъ, но въ сущности холоднымъ, разсудочнымъ сознаніемъ своей грѣховности *вообще*, уклоненіемъ отъ креста и спостраданія Христу, необходимаго для христіанина, если только онъ желаетъ быть живымъ членомъ тѣла Христова, то-есть, Церкви. Хочется сразу стать святымъ; забывается, что смиренный грѣшникъ-мытарь милѣе Богу лицемѣра-праведника фарисея. Забывается, что чѣмъ ближе мы къ источнику свѣта, тѣмъ ярче, отчетливѣе вырисовывается наша тѣнь. Чѣмъ ближе кающійся грѣшникъ подходитъ къ Богу, тѣмъ виднѣе ему самому его грѣхи, тѣмъ глубже онъ познаетъ свое паденіе.

Не то — у сектантовъ, раскольниковъ, еретиковъ. Называя себя грѣшниками, они не прочь повторить предъ Богомъ молитву фарисея: *благодарю Тя, яко нѣсмь, якоже прочіи человѣцы.* А въ душѣ, полусознательно, а можетъ быть и сознательно, готовы прибавить: „*или якоже сей* православный“. И вотъ, когда православный увидитъ грѣховность своей жизни, когда вздохнетъ объ этомъ, они готовы сказать ему: „иди къ намъ, смотри, какъ хорошо живутъ наши!“ Вотъ и готово искушеніе для смущенной души православнаго, который потерялъ основное руководящее начало православной духовной жизни. Свою грѣховность онъ видитъ, а исходъ изъ этой грѣховности въ покаянномъ чувствѣ и таинствахъ Церкви въ его сознаніи какъ-то затуманился, и выходитъ какъ будто въ его грѣховности виновата его православная вѣра! А врагъ—тутъ какъ

гутъ: „если тамъ живутъ святѣе, то стало быть они и къ Богу ближе: иди къ нимъ! Тамъ легче спастись!“.. И эта мысль о легкомъ спасеніи отравляетъ душу несчастнаго, и онъ мнитъ, что обрѣлъ вѣрный путь ко спасенію. И въ душѣ своей онъ уже осуждаетъ родное православіе, какъ проповѣдь „бременъ тяжкихъ и неудобоносимыхъ“. А это, конечно, есть уже плодъ гордыни, посѣянной въ этой бѣдной душѣ въ то время, когда она имѣла неосторожность допустить къ себѣ мысль возможности спасенія внѣ Церкви. Въ сущности, эта мысль и есть хула на Духа Святаго, живущаго и дѣйствующаго въ таинствахъ Церкви. Вотъ почему грѣхъ ереси, грѣхъ мысли, судится судомъ Церкви, паче рещи—судомъ Божіимъ строже другихъ грѣховъ, грѣховъ воли человѣческой. Грѣхъ воли, какъ бы онъ ни былъ тяжекъ, хотя бы это былъ даже изъ числа такъ называемыхъ смертныхъ грѣховъ, скорѣе сознается человѣкомъ и ближе къ покаянію, чѣмъ ересь. Впавшій въ ересь не допускаетъ и мысли о покаяніи: вѣдь, онъ обрѣлъ якобы правый путь ко спасенію, въ чемъ ему каяться? Напротивъ, у него является склонность другихъ совращать въ свою секту и это онъ считаетъ дѣломъ ревности о спасеніи ближняго, святымъ дѣломъ, исполненіемъ своего долга. Всякій грѣхъ воли сопровождается укоризнами совѣсти, по крайней мѣрѣ на первое время, пока не огрубѣла душа во грѣхѣ. Въ грѣхѣ ереси напротивъ: ядъ духовный дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ, неофиты бываютъ ревностнѣе, вѣрнѣе сказать—ревнивѣе родившихся въ ереси. Въ православіи якоремъ спасенія является *догматъ*, его чистота и—*смиреніе духа*, плодами коего уже бываетъ приложеніе догмата къ жизни въ исполненіи заповѣдей Божіихъ подъ руководствомъ матери—Церкви. Въ этомъ существенное условіе спасенія. У сектантовъ на первое мѣсто выставляется какъ будто жизнь по заповѣдямъ, но лишенная духа смиренія, отравленная ядомъ фарисейскаго самоцѣна, не оживотворяемая благодатію таинствъ; эта якобы добрая жизнь расцвѣтаетъ на почвѣ, удобренной тщеславіемъ, и гаснетъ, вянетъ, какъ скоро нѣтъ этого удобренія. Самый догматъ, въ угожденіе ветхому человѣку, искажается до того, что является уже не основою, на которой зиждется добродѣтельная жизнь, а наоборотъ—подрываетъ эту жизнь. Примѣръ—ученіе сектантовъ о спасеніи безъ добрыхъ дѣлъ.

Такъ исконный человѣкоубійца окрадываетъ неопытныя, неутвержденныя въ православіи души, подмѣнивая сокровище хрістоподражательнаго смиренія духомъ тщеславія и превозношенія, сокровище послушанія матери Церкви—самочиніемъ и самосмышленіемъ, а потому и миръ богопреданной души—отравою самоцѣна и ощущеніе благодатной жизни на лонѣ Церкви—самодовольствомъ фарисея.

Вотъ почему изъ всѣхъ хрістіанскихъ исповѣданій самое ненавистное, самое, выражаясь по-нынѣшнему—одіозное—для врага Божія—православное, какъ чистѣйшая истина, абсолютно противоположная лжи. Разрушить Церковь православную для него значитъ въ сущности покончить съ человѣчествомъ: сатана, вѣдь, знаетъ, что цѣль бытія міра земнаго есть спасеніе рода человѣческаго, а носительницею благодати сего спасенія является Церковь православная. Вотъ почему всѣ силы ада и устремлены на нее. Къ союзу противъ нея адъ привлекаетъ и всѣхъ сектантовъ и инославцевъ: іудеи и язычники, магометане и буд-

дисты, католики и лютеране, спириты и хлысты, безбожники и матеріалисты, лжемистики и всякаго рода либералы отъ эс-эровъ до кадековъ обоего сорта—всѣ пылаютъ ненавистью противъ непорочной невѣсты Христовой—Церкви православной съ достойнымъ удивленія единодушіемъ. Къ несчастію, врагъ находитъ себѣ союзниковъ даже среди тѣхъ, кои якобы ревнуютъ о православіи. Не говорю уже о представителяхъ печатнаго слова либеральныхъ лагерей, по мановенію масонской десницы съ пѣною у рта бросающихся на насъ, аще и недостойныхъ служителей Церкви, даже наши политическіе единомышленники, именующіе себя православными, часто работаютъ въ руку врага Божія, хотя отъ нихъ-то надо бы ожидать побольше благоразумія въ этомъ отношеніи... Да что говорить о міянахъ? Даже среди иноковъ, посвятившихъ себя Богу, давшихъ обѣты всецѣлаго отсѣченія своей воли и смышленія предъ Церковію, даже среди аѳонитовъ въ послѣднее время явилась секта, возстающая на Церковь якобы за имя Божіе!... Это ли не великое искушеніе?... Казалось бы: кому какъ не монахамъ, подавать вѣрующимъ примѣръ послушанія Церкви? А вотъ, подите же!.. Духъ гордыни проникъ и въ ущелья святаго Аѳона и обуялъ простецовъ и они вообразили себя умнѣе двухъ вселенскихъ патріарховъ и всего нашего С. Синода и за свое упорство въ ереси подпали суду церковному...

И снова, какъ во времена оны древнія, повторилась старая исторія; инокъ нѣкій, мало изучавшій богословскія науки, вовсе незнакомый съ науками философскими, даже пренебрегавшій ими, едва прочитавшій нѣсколько книгъ аскетическаго содержанія и не усвоившій ихъ смысла какъ слѣдуетъ, пустился въ метафизику и придумалъ, или, какъ онъ самъ говоритъ, „открылъ новый догматъ“, а въ сущности додумался до философской, метафизической безсмыслицы, что „самое имя Божіе есть уже Самъ Богъ“. Конечно, и самъ мистикъ-монахъ, стараясь воплотить въ словесную формулу свои переживанія, не понималъ, что говорилъ: онъ просто взялъ изъ замѣтокъ о. Іоанна Кронштадтскаго эту формулу, въ которой покойный старецъ наскоро отмѣтилъ свое мысленное и сердечное благодатное соприкосновеніе, въ молитвенномъ состояніи, съ Богомъ, со святыми, а нашъ невѣжественный въ богословіи и философіи авторъ изъ этой формулы уже провозгласилъ новый догматъ, не подумавъ о послѣдствіяхъ такого смѣшенія понятій изъ области психологіи и чувства съ понятіями изъ области боговѣдѣнія и точной богословской науки. Произошло нѣчто вродѣ подмѣны догматики поэзіей, но съ практическимъ примѣненіемъ къ духовной жизни. Когда это примѣненіе обнаружило неправильность основнаго положенія новоизмышленнаго догмата, то на него было обращено вниманіе церковной власти, вниманіе тѣхъ, кому Церковію ввѣрено охраненіе чистоты ученія вѣры. Лже-догматъ былъ всесторонне разсмотрѣнъ, при свѣтѣ ученія св. отцевъ, сначала двумя вселенскими патріархами, а затѣмъ и С. Синодомъ нашей Церкви и объявленъ ересью.

Казалось бы, дѣло кончено, вопросъ выясненъ, рѣшенъ, указаны точныя основанія въ ученіи св. отцевъ, показано даже, съ какою древнею ересью этотъ лжедогматъ находится въ тѣсной связи и когда эта ересь обличена и анаѳематствована. Казалось бы: простецамъ ли

пускаться въ тонкости богословія и—даже философіи, ими же, кстати сказать, по невѣжеству ихъ, презираемой?

Но нашелся интеллигентный монахъ, вчерашній гусаръ, хотя никакого богословія не изучавшій, но умъ свой достаточно изощрившій для того, чтобы подбирать слова по „Симфоніямъ“ изъ Библіи и съ невозможными натяжками толковать ихъ по своему смышленію, чтобы тѣмъ сбивать съ толку простецовъ. Пущена въ ходъ вся схоластика прирожденнаго католика, вся логомахія, достойная не послушнаго сына Церкви, а искуснаго іезуита, и вотъ явилась „Апологія вѣры во имя Божіе“, способная, надо сказать правду, загипнотизировать и не простеца только. Ею увлеклись нѣкоторые наши диллетанты богословія и изъ интеллигентовъ. Нѣкоторое извиненіе симъ интеллигентамъ даетъ только то, что „Апологія“ явилась раньше синодальнаго посланія о новой ереси. Но если даже люди развитые увлеклись, то мудрено ли, что простецы-аѳониты, лишенные всякаго окормленія въ богословскомъ мышленіи, пошли за новымъ ересіархомъ, не сознавая гибельности такого ученія? Стоило имъ только забыть мудрое правило святыхъ отцевъ—не пускаться монаху-простецу въ богословскія изслѣдованія; стоило забыть основное правило монашества—святое послушаніе заповѣдямъ Церкви, отсѣченіе своего смышленія предъ ученіемъ пастырей Церкви, смиренную, въ простотѣ сердца, вѣру въ Церковь, ея же Глава—Хрістосъ, и—отпаденіе отъ Церкви стало совершившимся фактомъ. Простецы вообще склонны вѣрить, не разсуждая; такъ бы оно и должно быть, но *кому* вѣрить—объ этомъ и простецъ долженъ бы подумать: тому ли, кому Хрістосъ заповѣдалъ: *слушаяй васъ Мене слушаетъ*, или же первому встрѣчному самозванцу учителю? Церкви ли и ея пастырямъ, свое ученіе предлагающимъ отъ имени св. Отцевъ, или же неучившемуся нигдѣ въ духовныхъ школахъ монаху, вчерашнему гусару?.. Достойно вниманія, что во всей этой исторіи ни одинъ изъ отпадшихъ не вспомнилъ, не задумался надъ вопросомъ: „а какъ учитъ Церковь? Не разойтись бы мнѣ съ нею? Вѣдь, внѣ Церкви нѣтъ и спасенія“... Увы, духъ гордыни такъ обуялъ несчастныхъ, что они, ни мало не задумываясь, поставили себя судіями пастырей Церкви, стали составлять свои соборы (это—безъ епископовъ-то!), сочинять на этихъ самочинныхъ сборищахъ свои безграмотныя вѣроопредѣленія и анаѳемы на инако, то есть, по-православному, мыслящихъ... Въ Андреевскомъ скиту дерзнули даже въ храмѣ провозгласить анаѳему святѣйшему вселенскому патріарху и нашему Синоду и, конечно, перестали поминать ихъ при богослуженіи.

Такъ посмѣялся надъ несчастными монахами сатана, обувъ гордынею!

А что всего бѣдственнѣе: когда, по уставу св. Горы, новые еретики были изгнаны съ Аѳона, когда въ обителяхъ, заразившихся было ересью, возстановлено благочестіе въ духѣ православія, изгнанные не смирились, не познали своего заблужденія, а стали почитать себя какъ бы мучениками за вѣру во имя Божіе! Какъ будто вѣра во имя Божіе въ томъ и состоитъ, чтобы самое имя почитать Богомъ! Очевидно, они даже самаго слова „вѣрую“ не понимаютъ, предполагая, будто оно значитъ: „признаю за Бога“.

И, вотъ, гонимые совѣстью, они начинаютъ метаться изъ стороны въ сторону...

На указанія, что безъ Церкви нѣтъ спасенія, я слышалъ отвѣты: „мы сами—церковь!“

На возраженіе, что Церкви нѣтъ безъ епископа, отвѣчаютъ, что они принадлежатъ къ Церкви небесной.

На замѣчаніе, что къ небесной Церкви принадлежатъ только святые Божіи и отшедшіе къ Богу наши отцы и братія, говорятъ, что у Бога всѣ живы, что все равно, лишь бы была Церковь... Видимо путаются.

На слова, что безъ причащенія св. Таинъ нѣтъ общенія со Христомъ, нѣтъ жизни вѣчной, если на нихъ будетъ наложенъ полный „аргосъ“ (отлученіе), отвѣчаютъ, что они будутъ причащаться въ молитвѣ именемъ Іисусовымъ.

Правда, пока это—только смѣлыя мысли отдѣльныхъ лицъ, а не общее исповѣданіе имеславцевъ, но смотрите, какъ еретическое мудрованіе постепенно нарастаетъ, отдаляя отъ Церкви отколовшихся отъ нея сыновъ противленія. Со стороны ясно видно, какъ исконный противникъ Божій ходитъ около несчастныхъ и учитъ ихъ своему искусству лжи, самооправданія, горделиваго превозношенія предъ Церковію. Если ему удастся вовлечь въ свои сѣти людей интеллигентныхъ, то Церкви грозитъ отъ сей ереси еще большая смута. Примѣръ—на виду: „Апологія вѣры во имя Божіе“ издана почетнымъ членомъ императорской московской духовной академіи, удостоеннымъ сего званія за его религіозно-философскія изданія. Хотѣлось бы вѣрить, что это было съ его стороны временнымъ увлеченіемъ и что въ слѣдующихъ своихъ книжкахъ „Религіозно-философской библіотеки“ онъ дастъ намъ опроверженіе сей вредоносной „Апологіи“. Но мы живемъ въ такое недобросовѣстное время, что въ ересь охотно пойдутъ и невѣры, лишь бы повредить, причинить боль ненавистной имъ Церкви. Пошелъ же измѣнникъ Церкви Михаилъ Семеновъ къ раскольникамъ, хотя, конечно, ни единаго вѣрованія ихъ въ догматическое значеніе старыхъ обрядовъ не раздѣлялъ; защищаютъ же изгнанные изъ духовной академіи профессора изувѣровъ-хлыстовъ, хотя сами до того презираютъ ихъ, что ужъ, конечно, не пойдутъ къ нимъ на радѣнье... Вѣдь, и сатана трудится въ дѣлѣ погибели людей въ сущности безкорыстно, изъ ненависти къ Богу: мудрено ли, что найдутся ему сотрудники, столь же безкорыстные (не говорю уже о „корыстныхъ“: много продажныхъ душъ на свѣтѣ!) и постараются поддержать ересь просто „изъ принципа“ — изъ ненависти къ Церкви...

Не забудемъ, что мы живемъ въ такое время, когда жидъ (масонъ) работаетъ съ удвоенной энергіей. Ему уже видится на горизонтѣ грядущее царство того, о комъ Господь сказалъ: *инъ пріидетъ во имя свое, того пріимете* (Іоан. 5, 43). Есть изъ-за чего поработать! Не жаль, не только труда, но и денегъ, чтобы заплатить тому, кто поработаетъ надъ разрушеніемъ Церкви Христовой. И работаютъ. Сотни газетъ и журналовъ для того и издаются, чтобы отравлять православныхъ невѣріемъ, поддерживать ереси, сѣять смуту и сомнѣнія въ души простыя. Немало и безсовѣстныхъ ученыхъ продаютъ свое перо жидамъ... Бога въ душѣ потеряли, а совѣсть сатана выкралъ.

185.

Друзьямъ юности моей.

Питомцамъ московской духовной семинаріи, выпуска 1874 г.

Дорогіе друзья, милые сердцу собратья!

Въ будущемъ 1914 году исполнится сорокъ лѣтъ, какъ мы покинули свое теплое гнѣздышко—родную семинарію, а и теперь, когда приходится проѣздомъ бросить взглядъ на нее, такъ тепло становится на душѣ—будто видишь родительскій домъ, будто вотъ-вотъ встрѣтишь тутъ добраго, ласковаго нашего отца ректора протоіерея Н. В. Благоразумова, строгаго, но глубокоуважаемаго инспектора, А. И. Цвѣткова, почтенныхъ наставниковъ и всѣхъ, кто насъ питалъ и грѣлъ тогда, кто о насъ заботился, духовно насъ воспитывалъ и словомъ и добрымъ примѣромъ своимъ... Четыредесятница лѣтъ многотруднаго для многихъ и многоскорбнаго странствованія по бурнымъ волнамъ моря житейскаго—знаменательное, священное число! Оно невольно побуждаетъ насъ оглянуться на пройденный путь съ чувствомъ сердечной благодарности къ Благодѣтелю Богу за Его несказанныя, намъ вѣдомыя и невѣдомыя милости, съ молитвою къ Богу за тѣхъ, кому мы обязаны добрымъ здѣсь воспитаніемъ, съ чувствомъ братской любви къ тѣмъ, кто уже покинулъ это поприще жизни и перешелъ въ другой міръ, оглянуться на все, что минуло невозвратно, и въ виду надвигающейся старости, собраться, можетъ быть для многихъ, въ послѣдній разъ въ жизни, чтобы горячо вмѣстѣ помолиться Господу, прося Его благодатной помощи на остатокъ жизни, подѣлиться скорбями и радостями минувшихъ лѣтъ; вспомянуть мечты юности, пожить хоть одинъ денекъ этими дорогими воспоминаніями, освѣжить ими усталую душу...

Насъ было 65 юношей, бодро, съ розовыми мечтами, съ свѣтлыми надеждами покинувшихъ семинарію. Гдѣ вы теперь, дорогіе друзья? Много ли осталось насъ въ средѣ живыхъ? Кто изъ насъ уже палъ подъ ношей крестной, кто еще работаетъ въ Хрістовомъ виноградникѣ? Кто затерялся въ морѣ житейскомъ, кто еще держится на своей утлой ладьѣ?..

Откликнитесь, друзья!..

Не все крутиться въ вихрѣ суетъ: хоть на денекъ, хоть на часокъ, хоть сердцемъ и мыслью вернемся назадъ, за 40 лѣтъ, и если ужъ нельзя обратиться въ тѣхъ пылкихъ юношей, какими вышли тогда изъ подъ крова родной семинаріи, то постараемся пробудить въ себѣ хотя бы тѣ чувства, какими волновалось молодое сердце на порогѣ школы, спросить себя: а сбылась ли хоть одна завѣтная мечта юности, мечта чистая, добрая, Богу пріятная? Осуществилось-ли хоть одно доброе, твердое намѣреніе—послужить Богу и ближнему, быть полезнымъ, *имѣть счастіе* послужить Церкви Божіей?..

Нынѣ въ обычаѣ праздновать разные юбилеи; сорокъ лѣтъ—не юбилей еще, а уже близко къ тому... Также священное число. Московскій первосвятитель, безъ сомнѣнія, благословитъ насъ собраться для молитвы и братскаго общенія въ храмъ родной семинаріи, какъ его безсмертный, незабвенный предше-

ственникъ святитель-миссіонеръ митрополитъ Иннокентій благословилъ наше исшествіе изъ стѣнъ этой семинаріи...

Усердно прошу доставить и мнѣ, вашему однокашнику, великое утѣшеніе своимъ откликомъ: на первый разъ—кто хочетъ принять участіе въ этомъ праздникѣ воспоминаній нашей юности? Когда и какъ намъ удобнѣе устроить этотъ праздникъ? Чѣмъ отмѣтить его въ нашей памяти, чтобы нынѣшнимъ юношамъ, нашимъ духовнымъ потомкамъ, извлечь для себя полезный жизненный урокъ?

Пишите мнѣ въ Петербургъ, въ Невскую лавру.

186.

Юбилей побѣды креста надъ язычествомъ.

Перенесемся мыслью за 1600 лѣтъ назадъ. Поставимъ себя въ самомъ средоточіи тогдашняго міра—въ Римѣ, въ томъ Римѣ, который былъ въ то время владыкою міра, покорившимъ себѣ почти всѣ народы земные.

Что мы видимъ тогда?

Церковь Божія зѣло страждетъ. Уже тринадцать гоненій пережила она на протяженіи 280 лѣтъ послѣ своего основанія—послѣ того, какъ вознесся во славѣ ея Божественный Создатель. Кровь святыхъ мучениковъ лилась рѣкою. Если бы, говоритъ одинъ писатель, собрать всѣ потоки ея, пролитыя во времена лютыхъ гоненій, то образовалось бы новое „море чермное“, не меньше того, какое перешли израильтяне подъ водительствомъ Моисея. Христіане укрывались въ горахъ, пещерахъ и пропастяхъ земныхъ, а въ окрестностяхъ Рима больше всего ихъ было въ „катакомбахъ“, въ этихъ подземныхъ галлереяхъ, которыя тянутся на нѣсколько сотъ верстъ, въ нѣсколько ярусовъ... Тутъ собирались они на молитву, совершали общественное богослуженіе, тутъ и погребали своихъ страдальцевъ-героевъ вѣры, святыхъ мучениковъ. До 300,000 почиваетъ ихъ тутъ!..

Да, тяжелыя времена переживала тогда святая Церковь Христова. Тяжелыя, но зато и воистину поучительныя на всѣ послѣдующія времена! Поучительныя особенно для нашего дряблаго, погруженнаго въ земную суету, въ земные, скорогибнущіе интересы, времени! Небо, то небо, гдѣ Ангелы Божіи славословятъ Господа немолчными пѣснями, гдѣ святые Божіи, предстоя престолу Вседержителя, благоговѣйно созерцая совершенства Его, склоняются предъ величествомъ славы Его,—это небо было такъ близко къ землѣ, что вѣрующіе были въ постоянномъ благодатномъ общеніи съ нимъ. И въ темницахъ святыхъ мучениковъ озарялъ свѣтъ небесный; и подъ мечомъ палача они видѣли небо сіе для нихъ уже отверстымъ; и на кострахъ ихъ уже освѣжала роса райскаго блаженства. Въ самой смерти своей они торжествовали уже побѣду надъ смертью, славя Господа среди ужасныхъ мученій и радостно переходя въ горній міръ...

Но вотъ, судьбами Божіими, въ 313 году отъ Рождества Христова, въ Медіоланѣ, нынѣшнемъ Миланѣ, властно раздается царственный голосъ, какъ пасхальный благовѣстъ: „отнынѣ каждый, рѣшившійся соблюдать богослуженіе христіанское,

пусть соблюдаетъ его свободно и неуклонно, безъ всякаго затрудненія!“

То былъ голосъ молодого императора Константина, котораго потомъ исторія наименовала Великимъ, а Церковь возвеличила титуломъ Равноапостольнаго. Такъ гласилъ его эдиктъ, по нашему—высочайшій указъ, повелѣніе всѣмъ начальникамъ областей великой Римской имперіи, указъ, обнародованный всюду и всѣмъ, законъ, незнаніемъ котораго никто уже не имѣлъ права отказываться.

Какъ это случилось? Откуда такая милость?...

Это—милость Царя царствующихъ и Господа господствующихъ; это велѣніе судебъ Божіихъ, *сія измѣна Десницы Вышняго*!..

Константинъ, тогда еще язычникъ, непросвѣщенный св. крещеніемъ, воевалъ съ захватившимъ римскій престолъ Максентіемъ; войска у Константина было немного и вотъ, онъ обратился съ крѣпкою молитвою къ Богу, небомъ и землею обладающему, къ Богу, Котораго почитаютъ хрістіане, и съ вѣрою просилъ Его даровать ему побѣду на Максентія. И услышалъ его молитву Господь и во время самой молитвы, когда онъ поднялъ свой взоръ къ небу, онъ увидѣлъ тамъ дивное зрѣлище: на небѣ сіялъ лучезарными звѣздами изображенный крестъ Господень, а надъ нимъ надпись: „симъ побѣждай“!

Крестъ у язычниковъ былъ въ презрѣніи и почитался недобрымъ предзнаменованіемъ; но Господь явился Константину Самъ въ сонномъ видѣніи, снова показалъ ему знаменіе креста и сказалъ: „устрой такое изображеніе и прикажи носить предъ войсками: тогда не только Максентія, но и всѣхъ враговъ твоихъ побѣдишь“.

Императоръ Константинъ исполнилъ волю Господню, и Максентій не только былъ побѣжденъ, но и погибъ: когда онъ бѣжалъ отъ Константина, то подъ нимъ обрушился мостъ чрезъ рѣку Тибръ, имъ же построенный, и онъ потонулъ въ волнахъ этой рѣки...

Нужно ли говорить, какъ ликовали тогдашніе хрістіане, когда этимъ знаменательнымъ указомъ царя Константина разъ навсегда положенъ конецъ страшнымъ гоненіямъ и дана свобода не только открыто исповѣдывать, но и проповѣдывать язычникамъ вѣру Хрістову?

Шестнадцать столѣтій протекло съ тѣхъ поръ. Хрістова Церковь, это — царство не отъ міра сего, стало царствомъ превыше всего міра. Нѣтъ уголка на землѣ, гдѣ не слышно было бы проповѣди о Хрістѣ Спасителѣ. На нашихъ глазахъ сбывается пророчество Господне: „и проповѣдано будетъ сіе Евангеліе царствія по всей вселенной“ (Мѳ. 24, 14). И другое Его слово: „когда Я вознесенъ буду, то всѣхъ привлеку къ Себѣ (Іоан. 12, 32).“ Крестъ Хрістовъ и нынѣ влечетъ къ себѣ души, алчущія и жаждущія правды Божіей. У его подножія находятъ себѣ упокоеніе всѣ труждающіеся и обремененные.

Но не дремлетъ и тотъ, бывшій князь міра, котораго изгналъ изъ міра Хрістосъ. (Іоан. 12, 31). И особенно въ наши дни, онъ яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити (Петр. 5, 8). Не хочетъ онъ признать себя побѣжденнымъ. Онъ снова и снова пытается овладѣть міромъ, изъ котораго изгнанъ. Онъ ищетъ и—увы—находитъ себѣ союзниковъ и сотрудниковъ даже въ средѣ именующихъ себя хрістіанами. И эти лжехрістіане помогаютъ ему усердно...

Но и это провидѣлъ Всевѣдущій и предсказалъ, и предостерегаетъ насъ—и въ томъ наше утѣшеніе... Слышите Его отеческій предостерегающій голосъ во св. Евангеліи: „берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ. Ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: я—хрістосъ, и многихъ прельстятъ... И многіе лжепророки возстанутъ и многихъ прельстятъ. И по причинѣ умноженія беззаконія во многихъ охладѣетъ любовь“ (Матѳ. 24, 4. 5. 11. 12).

Какъ будто все это сказано именно о нашихъ временахъ! Все чаще появляются у насъ и лжепророки, и лжехрісты, и многіе идутъ за ними, за всѣми этими „братцами“ и лжеучителями, и покидаютъ матерь—Церковь Хрістову... И множится, безъ конца множится всякое беззаконіе, и изсякаетъ, высыхаетъ въ нашихъ сердцахъ хрістіанская любовь...

Во дни, когда исторія минувшихъ судебъ Церкви Божіей напоминаетъ намъ о древнихъ хрістіанахъ, о той свободѣ служить Хрісту Богу нашему открыто, жить по-хрістіански и молиться по православному, свободѣ, данной Царемъ Константиномъ—въ эти дни—оглянемся на себя, спросимъ себя: а что, если бы вдругъ возстали бы изъ гробовъ своихъ всѣ эти мученики, во дни гоненій за Хріста кровь свою пролiявшіе, всѣ эти преподобные, свободу свою Хрісту во всецѣломъ послушаніи отдавшіе,—что, если бы они посмотрѣли въ наше сердце: чѣмъ оно занято? Какъ мы пользуемся тою свободою, которую и нашъ Государь далъ намъ, слѣдуя примѣру Великаго Константина?... Узнали ли въ насъ истинныхъ хрістіанъ, своихъ духовныхъ потомковъ?... О, какъ многіе изъ насъ вмѣсто того, чтобы уподобляться святымъ Божіимъ—уподобились скотамъ несмысленнымъ! Какъ многіе бѣгутъ отъ чистыхъ источниковъ ученія церковнаго къ кладенцамъ сокрушеннымъ разныхъ самозванныхъ учителей и пьютъ тамъ отраву вмѣсто питія жизни благодатной!... И всѣ ссылаются на свободу... Но когда человѣкъ свободный самъ бѣжитъ въ разставленныя ему врагомъ его сѣти; когда онъ подъ видомъ свободы попадаетъ въ рабство хотя бы своимъ же собственнымъ страстямъ; когда, пользуясь свободою, одинъ поработилъ себя низкимъ страстямъ: пьянству, сладострастію, любостяжанію; другой—болѣе тонкимъ: тщеславію, гордости, властолюбію; третій—блуждаетъ по распутіямъ своего убогаго смышленія—что это какъ не рабство, не плѣнъ, самый жалкій плѣнъ подъ видомъ свободы?..

Только истина, хранимая въ сокровищницѣ Церкви, дѣлаетъ насъ, по слову Господню, свободными (Іоан. 8, 32). Къ такой свободѣ и призваны всѣ мы, братія (Гал. 5, 13). Въ такой свободѣ, которую даровалъ намъ Хрістосъ, и стойте (ст. 1). Только бы свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти (ст. 13). Такъ учитъ Апостолъ Павелъ. Да и другой первоверховный Апостолъ Хрістовъ—Петръ заповѣдуетъ: не употребляйте свободу для прикрытія зла! (1 Петр. 2, 16).

187.

Художественное юбилейное изданіе.

Великій юбилей, 300-лѣтіе Царствованія Дома Романовыхъ, еще продолжается; еще выходятъ великолѣпныя изданія въ память этого

событія. Недавно появился первый выпускъ „Лѣтописнаго лицеваго Изборника Дома Романовыхъ“. Говорить о художественныхъ достоинствахъ этого изданія не буду: едва ли что подобное появлялось у насъ въ Россіи за послѣднее время въ отношеніи примѣненія усовершенствованій техники, исключая развѣ немногихъ изданій Экспедиціи З. Г. Б. Но изданія Экспедиціи не представляютъ собою чего-либо цѣлаго, а лишь отдѣльные листы, какъ бы отдѣльныя приложенія къ тѣмъ или другимъ хорошимъ изданіямъ. А настоящій „Изборникъ“ есть роскошное, строго задуманное изданіе, которое будетъ служить украшеніемъ не только любой библіотеки, но и кабинета богатаго вельможи.

Цѣна этого изданія, конечно, не можетъ быть дешевою и, однакоже, зная стоимость работъ въ художественныхъ заведеніяхъ, не могу не подивиться, какъ сравнительно дешево оно пущено въ продажу: за выпускъ „Изборника“ на обыкновенной бумагѣ 8 р., на лучшей, въ бумажномъ переплетѣ 15 р., на роскошной, въ полупарчевомъ переплетѣ 25 р. безъ пересылки. Адресъ: Москва, Трехпрудный пер. товарищество скоропечатни А. А. Левенсонъ.

Такъ какъ мои читатели въ значительномъ большинствѣ не могутъ ознакомиться съ симъ изданіемъ, то позволяю себѣ перепечатать оттуда свою статью, помѣщенную въ первомъ выпускѣ.

Неисповѣдимыя судьбы Промысла Божія въ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

арь и боговдохновенный пророкъ Божій Давидъ, созерцая дивные пути Господни въ судьбахъ народовъ земныхъ, говоритъ: „*Съ небесе призрѣ Господь, видѣ вся сыны человѣческія. Отъ готоваго жилища Своего призрѣ на вся живущія на земли*“ (пс. 32, ст. 13). Удивляясь, какъ „Господь вникаетъ во всѣ дѣла ихъ“, какъ „разрушаетъ совѣты язычниковъ, уничтожаетъ замыслы народовъ“ (пс. 32, ст. 15 и 10), пѣснопѣвецъ восклицаетъ: „*Блаженъ языкъ, емуже есть Господь Богъ его, люди, яже избра въ наслѣдіе Себѣ*“. (Пс. 32, ст. 12).

Размышляя въ благоговѣніи о судьбахъ Божіихъ въ исторіи Россіи, невольно повторяешь эти вдохновенныя слова псалмопѣвца, примѣняя ихъ къ нашему народу: блаженъ, счастливъ ты, Русскій народъ, которому Господь Богъ вручилъ великое сокровище — святую вѣру православную, которую избралъ Онъ предпочтительно изъ всѣхъ народовъ земныхъ хранить это сокровище, а посему и самого тебя хранитъ, яко народъ избранный; счастливъ ты, что на самой зарѣ твоего историческаго бытія Господь послалъ тебѣ дивный образъ отчества Верховной власти въ лицѣ твоего просвѣтителя, славнодержавнаго князя Владиміра-Краснаго Солнышка, коего благословенный родъ провелъ тебя чрезъ цѣлыхъ семь вѣковъ многихъ историческихъ бурь и невзгодъ, давая тебѣ такихъ самоотверженныхъ вождей и печальниковъ земли Русской, каковы были: Ярославъ Мудрый, Владиміръ Мономахъ, Александръ Невскій, Іоаннъ Калита, Димитрій Донской... Много согрѣшалъ ты предъ Богомъ по немощи человѣческой и Господь, вразумляя тебя, наказывалъ; но ты не измѣнялъ вѣрѣ православной, и потому Господь, наказуя тебя отечески, миловалъ, и въ тяжкія годины ис-

пытаній, когда, казалось, ты стоялъ уже на краю гибели. Онъ посылалъ тебѣ, кающемуся, избавленіе.

Древніе родословцы повѣствуютъ, что шесть вѣковъ тому назадъ, въ мрачные годы монгольскаго ига, татарскій мурза Четъ, на возвратномъ пути изъ Русскихъ городовъ въ Орду, на Волгѣ, при впаденіи въ нее рѣки Костромы, тяжко заболѣлъ и во снѣ имѣлъ видѣніе: ему явилась Пресвятая Богородица съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и съ предстоящими предъ Нею въ моленіи св. Апостоломъ Филиппомъ и священномученикомъ Ипатіемъ.

Потрясенный этимъ видѣніемъ, Четъ далъ обѣтъ креститься, если выздоровѣетъ и, поправившись отъ болѣзни, пріялъ св. крещеніе, подъ именемъ Захарія, а на мѣстѣ бывшаго ему видѣнія построилъ монастырь, нынѣ именуемый Ипатьевскимъ.

Отъ этого Захарія пошелъ родъ Годуновыхъ, которые считали Ипатьевскій монастырь какъ бы родной себѣ обителью, дѣлали въ него вклады и способствовали его укрѣпленію и возвышенію.

Шли годы; многіе знатные роды, роднясь между собою, вступали въ родственныя связи съ Царями всея Руси.

Но ни одинъ изъ боярскихъ родовъ не былъ такъ близокъ къ потомству Св. Владиміра, какъ родъ Романовыхъ - Юрьевыхъ - Захарьиныхъ. Изслѣдованія родословія показываютъ, что въ теченіе XIV, XV и XVI вѣковъ между представителями этого именитаго рода и потомками князя Владиміра было заключено 12, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ—16 брачныхъ союзовъ и, наконецъ, самъ Царь Іоаннъ IV Васильевичъ женился на боярышнѣ Анастасіи Романовнѣ Юрьевой—Захарьиной.

Браку этому предшествовало слѣдующее обстоятельство, въ коемъ, несомнѣнно, проявленъ былъ Промыслъ Божій. Въ 1530 годахъ преподобный Геннадій Костромской прибылъ въ Москву и посѣтилъ, по приглашенію, домъ боярыни Іуліаніи Ѳеодоровны, супруги окольничьяго Романа Юрьевича Захарьина, прабабушки Михаила Ѳеодоровича, и, благословляя дѣтей ея: Даніила, Никиту и Анастасію, сказалъ послѣдней: „ты вѣтвь прекрасная, плодовитая, будешь намъ Царицею". Его предсказаніе сбылось въ точности: Анастасія была первою супругою Іоанна Грознаго, любимицей Царя и народа; благоговѣйное воспоминаніе объ ея добродѣтеляхъ много содѣйствовало призванію на Царство сына ея племянника — Михаила. Преподобный Геннадій въ 1549 г. самъ присутствовалъ при крещеніи дочери Царицы Анастасіи Романовны.

Такимъ образомъ Романовы-Юрьевы-Захарьины и по свойству и по родству съ Государями Московскими преемственно были ближайшими къ Царскому роду между боярами и, пользуясь вполнѣ заслуженнымъ довѣріемъ Царскимъ, занимали въ Государствѣ Московскомъ первыя мѣста. И у Престола Царскаго, и въ дѣлахъ ратныхъ, и въ службахъ посольскихъ это были, поистинѣ, вѣрнѣйшіе, храбрѣйшіе и усерднѣйшіе слуги Царя и Отечества.

Самыми видными представителями рода Романовыхъ въ тѣ времена были: бояринъ дворецкій Никита Романовичъ, братъ Царицы Анастасіи, и его старшій сынъ Ѳеодоръ Никитичъ, даровитѣйшій человѣкъ своего времени. Преисполненный высокими качествами ума и сердца, онъ былъ украшеніемъ московскаго боярства и пользовался большою извѣстностью даже между

иноземцами. Оба они: и отецъ и сынъ отличались необыкновенною скромностью и благочестіемъ, а Никита Романовичъ такъ и звался въ народѣ „печальникомъ опальныхъ“. Царь Іоаннъ Васильевичъ настолько цѣнилъ заслуги Никиты Романовича, что назначилъ его, передъ своею кончиною, членомъ верховной думы при Наслѣдникѣ Царевичѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, съ титуломъ „правителя“.

Во второй половинѣ XVI вѣка породнились съ Романовыми и съ царскою семьею Годуновы: Иванъ Ивановичъ Годуновъ женился на боярышнѣ Иринѣ Никитишнѣ Романовой, племянницѣ Царицы Анастасіи, а Царевичъ Ѳеодоръ Іоанновичъ вступилъ въ бракъ съ Ириной Ѳеодоровной, родной сестрою Бориса Ѳеодоровича Годунова.

Но Богу угодно было къ царственному служенію Родинѣ пріуготовить семью Романовыхъ страданіями и тяжкимъ крестнымъ подвигомъ. Пока живъ былъ Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, Годуновъ наружно старался поддерживать самыя дружескія отношенія съ Романовыми, такъ что престарѣлый Никита Романовичъ, обманутый этою дружбою, умирая, поручилъ ему свою семью, при чемъ Годуновъ клялся, что будетъ заботиться о его сиротахъ, какъ о своихъ дѣтяхъ, а когда самъ Борисъ сдѣлался Царемъ, то рѣшилъ однимъ ударомъ отдѣлаться отъ всѣхъ Романовыхъ. Ихъ оклеветали въ зломъ умыслѣ противъ Бориса, и бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ и его супруга были разлучены и насильственно пострижены въ монашество, а братья Ѳеодора: Василій, Александръ, Михаилъ и Иванъ Никитичи сосланы были въ далекіе предѣлы Сѣвернаго края, гдѣ трое изъ нихъ, послѣ тягостнаго года ссылки, были умерщвлены жестокими стражами.

Старшій изъ братьевъ Ѳеодоръ Никитичъ, постриженный подъ именемъ Филарета, былъ заточенъ въ Антоніевскомъ Сійскомъ монастырѣ, супруга его Ксенія Ивановна, во инокиняхъ Марѳа, отправлена въ Заонежье, а ихъ сынъ 5-лѣтній Михаилъ съ тетками—сосланъ на Бѣлоозеро, и всѣ они трое неисповѣдимымъ Промысломъ Божіимъ уцѣлѣли отъ руки гонителя, во спасеніе нашего Отечества.

Въ 1605 году судьба Романовыхъ совершенно неожиданно измѣнилась. Среди наступившей смуты и нашествія самозванца Царь Борисъ Годуновъ скоропостижно скончался, а его сынъ былъ убитъ.

Воцарившійся самозванецъ, желая показать, что онъ почитаетъ родственниковъ якобы родителя своего—Царя Грознаго,— возвратилъ изъ ссылки всѣхъ оставшихся въ живыхъ Романовыхъ, а инока Филарета возвелъ въ санъ Митрополита Ростовскаго.

Процарствовавъ 11 мѣсяцевъ, Лжедимитрій былъ свергнутъ съ престола княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, который самъ сдѣлался Царемъ, но смута не унималась: появлялись новые самозванцы, по всему лицу земли Русской бушевали разбойничьи шайки и четырехлѣтнее царствованіе Шуйскаго было сплошнымъ несчастьемъ.

Въ 1610 году нелюбимый ни боярами, ни народомъ Шуйскій былъ свергнутъ съ престола и насильственно постриженъ въ монахи и водворенъ сначала въ Чудовомъ, а потомъ въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ, а Верховная власть перешла къ совѣту, состоявшему изъ семи бояръ, которые, подъ страхомъ окончательнаго разо-

ренія и покоренія Московскаго Государства королемъ Сигизмундомъ, или воцаренія Тушинскаго вора и подъ давленіемъ гетмана Жолкѣвскаго, вошедшаго въ Москву съ польскимъ войскомъ, присягнули сами и народъ Московскій заставили присягнуть сыну Сигизмунда королевичу Владиславу.

Сигизмундъ не вполнѣ остался доволенъ таковымъ рѣшеніемъ Боярской думы и требовалъ присяги не только сыну своему, но и себѣ, и для подкрѣпленія своихъ требованій, во главѣ польскаго войска, осадилъ городъ Смоленскъ.

Тогда для переговоровъ съ Сигизмундомъ подъ Смоленскъ было отправлено Великое Московское посольство, при чемъ происками Жолкѣвскаго, чтобы удалить изъ Москвы опасныхъ для Владислава соперниковъ, во главу посольства были поставлены: митрополитъ Ростовскій Филаретъ и боярин князь Василій Васильевичъ Голицынъ, которымъ Святѣйшій Патріархъ Московскій и всея Руси Ермогенъ накрѣпко наказалъ требовать, чтобы Владиславъ до прибытія въ Россію принялъ православіе, не входилъ въ сношеніе съ римскимъ папою, не строилъ въ Москвѣ костеловъ и не держалъ ксендзовъ, наказывалъ бы смертью отступниковъ отъ православія, женился на русской, имѣлъ при себѣ ограниченное число поляковъ и не ставилъ ихъ на государственныя должности.

Сигизмундъ не соглашался на условія Московскаго посольства и требовалъ отъ Филарета и князя Голицына, чтобы они приказали боярину Шеину сдать ему Смоленскъ, а самъ посылалъ въ Москву Жолкѣвскому секретныя грамоты, что королевича онъ на Московскій престолъ не отпуститъ, а Государствомъ Московскимъ будетъ управлять самъ.

Понявъ, что Сигизмундъ только тянетъ переговоры, чтобы выиграть время, а самъ обманываетъ русскихъ, Ермогенъ, опасаясь допустить на Московскій престолъ такого заклятаго врага православной вѣры, разрѣшилъ Московскій народъ отъ присяги королевичу Владиславу, запретилъ присягать Сигизмунду и разослалъ по городамъ грамоты, призывая народъ ополчиться за святую вѣру и итти на очищеніе Москвы отъ поляковъ.

Когда подъ Смоленскъ пришла вѣсть, что къ Москвѣ собираются ополченія городовъ, Сигизмундъ приказалъ заковать Московскихъ пословъ въ цѣпи и отправилъ ихъ, какъ плѣнниковъ и заложниковъ, въ дальнія польскія крѣпости.

По очищеніи Москвы княземъ Пожарскимъ, былъ созванъ Великій Земскій Соборъ, состоявшій изъ высшихъ духовныхъ чиновъ, бояръ, воеводъ и выборныхъ людей всякаго званія, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ земли Русской.

Прежде чѣмъ приступить къ избранію Царя, этотъ Земскій Соборъ три дня постился и въ Успенскомъ соборѣ у св. мощей угодниковъ Божіихъ усердно просилъ благодатной помощи въ великомъ предстоящемъ дѣлѣ.

7-го февраля въ первомъ же совѣщаніи, на Соборѣ было единодушно провозглашено имя боярина Михаила Ѳеодоровича Романова, но для большей увѣренности въ томъ, что это есть истинное желаніе всей земли, Соборомъ были посланы особые уполномоченные провѣрить по городамъ подлинность мнѣнія ихъ выборщиковъ.

Посланные вернулись и подтвердили, что „во всѣхъ городѣхъ и уѣздахъ, во всякихъ людяхъ отъ мала и до велика та-жъ мысль: что быти на Московскомъ Государствѣ

Государемъ Михаилу Ѳеодоровичу Романову".

21-го февраля архіепископъ Рязанскій и Муромскій Ѳеодоритъ, какъ старшій изъ всего освященнаго Собора, съ келаремъ Троицко-Сергіевой Лавры Авраміемъ Палицынымъ, и съ бояриномъ Василіемъ Петровичемъ Морозовымъ вышелъ изъ Кремля на Красную площадь и съ Лобнаго мѣста спросилъ у собравшагося народа, кого они хотятъ въ Цари.

Народъ Московскій отвѣтилъ: „Михаила Ѳеодоровича Романова".

Юный новоизбранный Царь съ своей матерью, великою старицею инокинею Марѳою Ивановною, находился въ Костромской Романовской вотчинѣ, селѣ Домнинѣ, и отъ преслѣдованія искавшихъ его Польскихъ и Литовскихъ шаекъ лихихъ людей долженъ былъ укрываться въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Великій Московскій Земскій Соборъ, утвердивъ свое избраніе грамотою, снарядилъ особое посольство, съ архіепископомъ Ѳеодоритомъ и бояриномъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ во главѣ, итти въ Костромскіе предѣлы просить Михаила Ѳеодоровича пожаловать на Государство.

Трогательными чертами изображаютъ лѣтописцы моленіе пословъ отъ Земскаго Собора предъ смиреннымъ отрокомъ. Съ одной стороны, въ лицѣ пословъ покаянное чувство изстрадавшаго народа, жаждущаго твердой, Богомъ установленной власти; съ другой—искреннѣйшее смиреніе юнаго избранника Божія, сознающаго все величіе и тяготу возлагаемаго на него креста служенія Царственнаго и свое къ тому недостаточество; а рядомъ съ симъ полная мудрости и жизненнаго опыта стойкая твердость старицы-матери, и въ концѣ всего—всесовершенная преданность волѣ Божіей и матери и сына.

„Аще есть на сіе воля Божія, буди тако", изрекъ Михаилъ, и съ этой священной минуты онъ сталъ Великимъ Государемъ и Самодержцемъ всей Русской земли. Благочестивая мать взяла сына за руку и вмѣстѣ съ нимъ благоговѣйно склонила колѣни передъ благодатнымъ ликомъ Ѳеодоровскія иконы Богоматери, и рекла: „Въ Твои пречистыя руки предаю чадо мое: настави его на пути истины, устрой ему полезная, а съ нимъ и всему роду хрістіанскому".

Такъ великая старица благословила своего сына на великій подвигъ служенія Царскаго; такъ совершилось воцареніе Михаила Ѳеодоровича, спасителя вѣры и Царства; такъ благословилъ, наконецъ, Господь, Царь царствующихъ, многострадальную землю Русскую дарованіемъ ей Царя по сердцу Своему, благословеннаго родоначальника нынѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ.

Насколько глубоко воспринято было сердцемъ народнымъ это призваніе Михаила Ѳеодоровича на Царство именно какъ великая милость Божія къ народу Русскому, какъ явное указаніе Божіе, свидѣтельствуетъ самоотверженный подвигъ простого крестьянина Ивана Сусанина. Онъ явился въ свою очередь также избранникомъ Божіимъ, чтобы запечатлѣть своею мученическою кровью любовь народную къ Царю, избраннику по сердцу Божію.

Сопоставляя событія, предшествовавшія воцаренію Михаила Ѳеодоровича и сопровождавшія оное, и проникая въ глубину внутренняго ихъ смысла и связи между собою, не можемъ не видѣть Промысла

Божія, явно руководившаго историческими судьбами, приведшими на Престолъ Русскій чудесно уцѣлѣвшій отпрыскъ многострадальнаго рода Романовыхъ, въ лицѣ Михаила Ѳеодоровича, и сохранившими, ради юности его, маститаго его родителя, мудрѣйшаго совѣтника въ дѣлахъ Государственныхъ.

Въ теченіе вѣковъ Романовы вѣрою и правдою крѣпко и честно служили Царямъ и Родинѣ, не возносясь въ гордости и не употребляя во зло близости своей къ Царской Семьѣ, и когда умирающій Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ предполагалъ передать скипетръ двоюродному своему брату Ѳеодору Никитичу Романову, тотъ смиренно уклонился отъ этой чести, явно дѣйствуя въ пользу шурина Царскаго Бориса Ѳедоровича Годунова.

Насильственнымъ постриженіемъ и заточеніемъ отплатилъ ему неблагодарный Годуновъ, но, неисповѣдимыми путями Божіими, черезъ это самое постриженіе Филаретъ достигъ величайшаго святительскаго сана Патріарха.

Вся семья Романовыхъ была обречена Годуновымъ на истребленіе, но младенчество Михаила Ѳеодоровича спасло его отъ гоненія.

Самозванецъ, принявшій имя убіеннаго Царевича Димитрія, казалось пришелъ и воцарился на погибель Государства Московскаго, но неисповѣдимыми судьбами онъ оказался орудіемъ Промысла Божія, такъ какъ вызвалъ изъ ссылки остатки семьи Романовыхъ, поставилъ Ѳеодора Никитича митрополитомъ Ростовскимъ и тѣмъ самымъ спасъ для Россіи Царя и Патріарха.

Предки Царя Бориса Годунова, какъ бы въ предвидѣніи, что между потомками ихъ явится жестокій гонитель Романовыхъ, и какъ бы искупая впередъ содѣянный имъ тяжкій грѣхъ, устрояли и укрѣпляли Ипатьевскую обитель, неисповѣдимымъ Промысломъ Божіимъ сдѣлавшуюся мѣстомъ спасенія избранника Божія и народнаго.

Великое Московское посольство, ввереннное Сигизмундомъ въ оковы и тяжкое заточеніе, почти все погибло въ неволѣ, не исключая и перваго боярина князя Василія Васильевича Голицына; неисповѣдимыми судьбами Промысла Божія уцѣлѣлъ лишь одинъ митрополитъ Филаретъ, котораго Господь послѣ шести лѣтъ тяжкаго плѣна и заточенія привелъ на престолъ Патріаршій.

Перстъ Божій и покровительство Божіей Матери, во всемъ этомъ несомнѣнныя и очевидныя, проявляются также и въ слѣдующемъ:

Осенью 1263 года, за 350 лѣтъ до описываемыхъ событій, великій печальникъ земли Русской, благовѣрный великій князь Александръ Ярославовичъ Невскій, возвращаясь изъ Орды, дорогою занемогъ и, не чувствуя себя въ силахъ продолжать путь, остановился въ расположенномъ на берегу Волги, недалеко отъ Костромы, городѣ Городцѣ, у сродника своего, тогдашняго удѣльнаго князя городецкаго, и 14 ноября, принявъ схиму, предалъ праведный духъ свой Господу передъ иконою Пречистой Его Матери, именуемою Ѳеодоровскою, которая составляла и понынѣ составляетъ главную святыню древняго Городца. А 14-го марта 1613 года, также близъ Костромы, въ Ипатьевскомъ монастырѣ, иконою того же явленія Божіей Матери Ѳеодоровскія великая старица инокиня Марѳа Ивановна благословляетъ на Царство сына своего Михаила.

Не знаменательно ли, что одна и та же икона Божіей Матери была свидѣтельницей кончины прародителя старой Московской династіи и

участницей благословенія на Царство родоначальника новой?

Мы, вѣрныя чада Русской земли, послушныя чада Церкви Православной, вѣруемъ и исповѣдуемъ, что Господь нашъ есть Владыка царей земныхъ (Апок. 1, 5), Царь царствующихъ и Господь господствующихъ (1 Тим. 6, 15), что Онъ возноситъ избранныхъ отъ людей Своихъ (Пс. 88, 20) и посаждаетъ ихъ на престолѣ (Пс. 131,11), и Его премудростію они царствуютъ (Притч. 8, 15). Тако вѣруемъ и радуемся о Царѣ своемъ, и молимъ Бога, да возрадуется и Царь нашъ о Господѣ, да исполнитъ Господь вся прошенія Его во благо родного Ему народа, и да хранитъ благословенный Родъ Его могуществомъ Десницы Своей на многіе вѣки. Аминь.

188—192.

Моя поѣздка на старый Аѳонъ и плоды „великаго искушенія“.

Я обѣщалъ моимъ читателямъ подѣлиться своими впечатлѣніями при путешествіи на св. Гору, но замедлилъ это сдѣлать, занятый срочными работами и отчетомъ о поѣздкѣ моей туда. Между тѣмъ, какъ видно между прочимъ и изъ летучихъ замѣтокъ въ отдѣлѣ „Блестки и изгарь“, жидовская печать и всѣ, кому ненавистны Церковь православная и ея іерархія, пронесли яко зло имя мое, извративъ все, что творилось за эти три мѣсяца на св. Горѣ, представили меня какимъ-то инквизиторомъ, а еретичествующихъ, отпадшихъ отъ Церкви монаховъ и послушниковъ—какими-то мучениками. Простой читатель, привыкнувъ вѣрить всякой печатной строкѣ, вѣритъ и этимъ сказкамъ и блазнится, и, можетъ быть, осуждаетъ или попрекаетъ меня же за то, что я до сихъ поръ молчалъ, не выходилъ на газетную улицу, чтобъ опровергать все, что враги Церкви писали обо мнѣ. Но судите сами: прилично ли, не говоря уже о прочемъ, исполнивъ порученіе высшей власти, докладывать о подробностяхъ порученнаго мнѣ дѣла прохожимъ на улицѣ прежде, чѣмъ дѣло доложено самой власти?..

Теперь тотъ долгъ исполненъ: докладъ С. Сѵноду сдѣланъ. Съ разрѣшенія С. Сѵнода я и печатаю почти сполна этотъ отчетъ, въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, а для моихъ читателей и еще пополняю его своими впечатлѣніями, къ аѳонскому дѣлу не относящимися, но, полагаю, для моихъ читателей не безынтересными, и въ своихъ дневникахъ уже помѣщаю его какъ путевыя мои впечатлѣнія.

Изъ Петербурга я выѣхалъ 23 мая; 24-го посѣтилъ Троицкую Сергіеву лавру, чтобы испросить себѣ и моимъ спутникамъ благословенія и молитвенной помощи у преподобнаго Сергія, отца сѣвернаго иночества. 26-го я поклонился святымъ первопрестольникамъ всероссійскимъ въ Московскомъ Кремлѣ, а 27-го посѣтилъ кіевскія пещеры, чтобы и тамъ поклониться великимъ подвижникамъ — носителямъ завѣтовъ древне-аѳонскаго и первоначальникамъ русскаго иночества. Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Флавіанъ принялъ меня съ обычною ему любовію и напутствовалъ молитвеннымъ пожеланіемъ добраго успѣха.

Въ Кіевѣ присоединился ко мнѣ командированный отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ драгоманъ Эрзерумскаго консульства В. С. Щербина, какъ знакомый съ положеніемъ дѣлъ на Аѳонѣ по прежней своей службѣ въ Солунскомъ консульствѣ, не разъ бывшій на Аѳонѣ, а въ Одессѣ настигъ меня и посланный Святѣйшимъ Сунодомъ преподаватель духовнаго училища С. В. Троицкій, задержанный въ Кіевѣ магистерскимъ диспутомъ.

Въ Одессу мы прибыли 28 мая и остановились въ покояхъ архіепископа Назарія. Въ Одессѣ три аѳонскихъ подворья: Пантелеимонова монастыря и скитовъ Андреевскаго и Ильинскаго. Живущіе здѣсь братія Пантелеимоновскаго монастыря въ довольно значительномъ числѣ заражены ересью. Я посѣтилъ всѣ эти подворья 29 мая и бесѣдовалъ съ братіей оныхъ въ ихъ церквахъ. Въ церкви Пантелеимоновскаго подворья со мною вступили въ споръ „имеславцы“ монахи Дометій, Варсонофій и Серафимъ. Я потомъ пригласилъ ихъ въ покои архіепископа Назарія и часа три бесѣдовалъ съ ними, но безуспѣшно. Здѣсь, въ саду, во время бесѣды, монахъ Дометій позволилъ себѣ въ высшей степени оскорбительную выходку противъ Его Святѣйшества, въ Бозѣ почившаго патріарха вселенскаго Іоакима: онъ снялъ съ себя аѳонскую шапку и поднося мнѣ, сказалъ: „вотъ за такую шапку золота, патріархъ осудилъ исповѣдниковъ имени Божія!“ Я рѣзко оборвалъ безумца, и онъ долженъ былъ замолчать...

Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ выступленія монаховъ въ защиту лженученія и потомъ на Аѳонѣ носили одинъ и тотъ же характеръ: горячія заявленія, что они за имя Божіе готовы душу свою положить, пострадать, умереть (какъ будто мы какіе мучители—игемоны), а когда имъ говорили, что никто отъ нихъ этого и не требуетъ, а только разъясняютъ имъ, что и мы всѣ имя Божіе благоговѣйно почитаемъ, признаемъ, что оно достохвально и преславно, но что оно само по себѣ не есть еще Самъ Богъ, — то они начинали безпорядочно волноваться, кричать, повторяя все одну и ту же фразу: „Самъ Богъ, Самъ Богъ!“ Сколько разъ я ни повторялъ въ свою очередь, что я вѣрую и исповѣдую, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ, что рѣчь идетъ не о Его Личности, а только о словахъ-именахъ Его, что одно—Самъ Господь, а другое—Его имя,—ничто не помогало: они уже обвиняли меня, что я не называю Іисуса Христа Богомъ, что я-еретикъ. Между прочимъ, указывали, что посланіе Святѣйшаго Сунода не имѣетъ подписей, напечатано въ „газетѣ“, а потому ему не слѣдуетъ-де вѣрить.

Въ виду сего немедленно изъ Одессы же по телеграфу сдѣлано сношеніе съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Сунода о разрѣшеніи напечатать посланіе брошюрой уже съ подписями; это разрѣшеніе получено и посланіе напечатано Одесскимъ Андреевскимъ подворьемъ въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ и потомъ доставлено на Аѳонъ. Мѣра эта имѣла добрыя послѣдствія: послѣ сего уже не ссылались на отсутствіе подписей, какъ на доказательство неподлинности посланія. Кстати скажу, что я взялъ съ собою на Аѳонъ и распространилъ тамъ 1000 экземпляровъ своего отзыва Святѣйшему Суноду, напечатаннаго въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, подъ заглавіемъ: „Великое искушеніе около святѣйшаго имени Божія“.

30 мая, на пароходѣ „Аѳонъ“ мы

ушли въ Царьградъ, а 31, около 4 часовъ пополудни, мы были уже тамъ. Здѣсь, еще на пароходѣ меня встрѣтили представители подворій аѳонскихъ, а отъ лица его святѣйшества, вселенскаго патріарха, меня привѣтствовали его протосингелъ и личный секретарь, а отъ посольства—генеральный консулъ. въ сопровожденіи секретаря посольства и каваса. Помѣщеніе мнѣ было приготовлено въ покояхъ самого императорскаго посла.

Въ субботу, наканунѣ праздника Святыя Троицы, меня принялъ его святѣйшество, вселенскій патріархъ Германъ V-й, Около 11-ти часовъ утра я прибылъ въ патріархію. Меня сопровождали: секретарь посольства В. С. Серафимовъ, драгоманъ Эрзерумскаго консульства В. С. Щербина и С. В. Троицкій. Переводилъ личный секретарь его святѣйшества г. Папа-Іоанну.

Патріархъ принялъ насъ въ маломъ кабинетѣ. Подходя къ его святѣйшеству, я приблизительно сказалъ: „имѣю счастіе привѣтствовать ваше всесвятѣйшество отъ лица Всероссійскаго Святѣйшаго Сунода и представить его рекомендательную грамоту. Лично же почитаю долгомъ испросить вашихъ святыхъ молитвъ, яко предстоятеля Церкви-матери“..

Патріархъ отвѣтилъ, что очень радъ видѣть представителя Русскаго Святѣйшаго Сунода и получить братскій отъ Сунода привѣтъ.

Мы трижды облобызались. Мои спутники приняли отъ первосвятителя благословеніе. Патріархъ пригласилъ насъ сѣсть и, приказавъ подать угощеніе, сталъ разспрашивать о нашемъ Сунодѣ, его составѣ, устройствѣ и под. Когда я заговорилъ объ аѳонской смутѣ и раскрылъ на это печальное явленіе въ церковной жизни взглядъ Святѣйшаго Сунода, я указалъ и на опасность въ этомъ дѣлѣ со стороны подпольныхъ, незамѣтныхъ со стороны вліяній и вмѣшательства враговъ Церкви и государства. Слѣды этихъ вліяній я указалъ въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, вносящихъ уже и теперь ложь и клевету и обманъ читателей. Я просилъ патріарха теперь же наложить запрещеніе священнослуженія на игумена Арсенія, позволившаго себѣ въ своемъ письмѣ на имя архіепископа Назарія назвать посланіе патріарха „еретическимъ“ и сѣющаго по всему Аѳону предубѣжденіе противъ меня въ русскихъ инокахъ. При этомъ я передалъ патріарху, въ силу указа Святѣйшаго Сунода, и самое письмо игумена Арсенія на имя архіепископа Назарія. Патріархъ отвѣтилъ, что полный „аргосъ“ на Арсенія уже наложенъ. Затѣмъ я предложилъ на разсужденіе патріарха вопросъ: можно ли благословлять упорствующихъ, если будутъ просить благословенія изъ простого приличія? Святитель сказалъ, что Божіе благословеніе преслушникамъ Церкви не подобаетъ преподавать. Далѣе я вопросилъ его: слѣдуетъ ли тѣмъ, которые изъявятъ раскаяніе, предлагать подписку въ томъ, что они глубоко раскаиваются въ заблужденіи и всецѣло, безусловно пріемлютъ ученіе Церкви? Патріархъ сказалъ: „малиста!“ Въ отношеніи упорствующихъ я высказалъ мысль, что списокъ тѣхъ, которые окажутся нетерпимыми на Аѳонѣ и будутъ удалены или же сами удалятся въ Россію, было бы желательно и полезно имѣть Святѣйшему Суноду для предупрежденія настоятелей русскихъ монастырей отъ заразы еретическихъ мудрованій. Патріархъ одобрилъ и это. При прощаніи ста-

рецъ былъ особенно ласковъ, трижды облобызалъ меня и молитвенно пожелалъ, чтобы небесная Домостроительница Св. Горы помогла мнѣ въ исполненіи порученнаго мнѣ дѣла. Послѣ онъ прислалъ мнѣ свою грамоту на имя Кинота Св. Горы о томъ, чтобы священный киноть не препятствовалъ мнѣ въ священнослуженіи и оказывалъ всякія услуги во время моего пребыванія на Святой Горѣ.

Въ субботу же, послѣ завтрака у посла, ѣздилъ въ Балукли, къ живоносному источнику, и въ святую Софію. Въ Балукли настоятель храма, митрополитъ, любезно показалъ мнѣ храмъ, могилы патріарховъ (почиваютъ не въ храмѣ, а на кладбищѣ около самаго храма) и угостилъ неизбѣжнымъ въ такихъ случаяхъ „глико“ и кофе.

Посѣщеніе св. Софіи произвело на меня глубоко-грустное впечатлѣніе... У входа встрѣтилъ насъ старый турокъ и при помощи какой-то нищей дѣвочки открылъ тяжелую чарду, закрывающую вмѣсто дверей входъ во храмъ. Мы очутились въ просторномъ притворѣ, на порогѣ коего намъ предложили надѣть туфли. Обычай этотъ напоминаетъ нѣчто библейское: „сними обувь твою съ ногъ твоихъ, ибо мѣсто, на которомъ ты стоишь, земля святая“. Обычай добрый: не слѣдуетъ въ храмъ Божій вносить уличной грязи...

Еще завѣса—чарда, и мы въ храмѣ. Чудный, необъятный, свѣтлый куполъ его поражаетъ своею красотою и легкостью. Справа и слѣва бѣгутъ въ высь стройныя колонны. Просторъ, пріятный резонансъ,—чувствуется какъ рѣяніе тѣней давно минувшаго... Вѣдь здѣсь, въ этомъ храмѣ, когда-то воистину небеси подобномъ по красотѣ украшеній своихъ, около 930 лѣтъ назадъ, стояли и восторгались службою божественной наши предки-язычники; вѣдь, вотъ тутъ, подъ этимъ величественнымъ сводомъ, въ ихъ сердцахъ рѣшался великій вопросъ: быть или не быть нашей Руси православною... Благословенъ день и часъ, когда совершилось это! Благословенна память и тѣхъ грековъ, которые благоговѣйнымъ служеніемъ и чуднымъ пѣніемъ тронули ихъ сердца, плѣнили простыя души въ послушаніе вѣры; такъ что не знали они, по ихъ же свидѣтельству, гдѣ они находились тогда: на небѣ или на землѣ? Благословенна память и тѣхъ мудрыхъ въ простотѣ своей предковъ нашихъ, которые открыли свои сердца для прикосновенія благодати Божіей предваряющей, дабы потомъ она стала и спасающей... Они, язычники, принесли въ своихъ добрыхъ сердцахъ своему славнодержавному князю Владиміру, яко купцу ищущему добраго бисера—дорогую жемчужину Православія...

А теперь... стоитъ въ тоскующей совѣсти уже другой вопросъ—уже о самой Софіи: быть ей въ былой славѣ храма православнаго, или же оставаться въ поруганіи, униженіи, обслуживая для поклонниковъ лжепророка мѣсто ихъ мечети?... Оставлена, покинута, поругана, осквернена великая святыня хрістіанства! И около пяти вѣковъ протекло надъ нею и стоятъ около нея будто часовые около плѣнника, минареты, и теперь кажется—будто еще витаютъ въ ея притворахъ плачущія тѣни древнихъ царей и патріарховъ византійскихъ; смолкли хоры пѣвцовъ хрістіанскихъ, и раздается дикій вопль муллы, въ которомъ слышится и торжество побѣды лжепророка надъ Хрістомъ, и уже предчувствуется близость побѣды Хріста надъ обманщикомъ... Чу! Гдѣ-то на хорахъ раздался мелодичный рѣчи-

тативъ другого муллы... Онъ вычитываетъ стихи изъ корана...

Бѣдная Софія! Сердце сжимается при мысли о томъ, что же ждетъ тебя наконецъ? Придетъ-ли часъ твоего освобожденія? Или фіалъ гнѣва Божія за грѣхи людскіе еще не до дна изліянъ? Но, вѣдь, ужъ столько вѣковъ на юго-восточной колоннѣ отпечатокъ окровавленной руки султана Магомета свидѣтельствуетъ о жестокостяхъ корана, наполнившаго до уздъ конскихъ этотъ храмъ трупами хотя и грѣшныхъ, но все же хрістіанъ...

Страшны суды Божіи и непостижимы пути Его!...

При всемъ величіи храмъ производитъ тѣмъ болѣе печальное впечатлѣніе. Стѣны покрыты пылью, мозаики и фрески замазаны известью, только полы покрыты циновками, а по мѣстамъ и коврами. Но, вѣдь, на Востокѣ полъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и сидѣнье; вотъ почему, можетъ быть, и заботятся о его чистотѣ, предлагая входящимъ надѣвать туфли.

Обходя этотъ храмъ-первообразъ, я невольно переносился мыслію въ наши русскіе храмы — *Софіи:* въ Кіевъ, въ Новгородъ, въ свою, ставшую мнѣ родною Вологду и наконецъ—въ Кронштадтъ. Величественны сіи храмы; прекрасны въ своемъ родѣ; располагаютъ душу къ молитвѣ; но ни одинъ изъ нихъ не возноситъ такъ душу къ небесамъ, какъ этотъ, столь печальный нынѣ храмъ, покинутый благодатію Божіей... Развѣ только Кронштадтская Софія можетъ дать душѣ утѣшеніе въ ея печали по Софіи Цареградской. Это точная, лишь на 1/4 уменьшенная копія Константинопольской Софіи (діаметръ купола въ Царьградѣ 16, а въ Кронштадтѣ 12 сажен.). Но какая красота отдѣлки, архитектурныхъ линій, какое обиліе свѣта![1]) Въ нижней галлереѣ, впрочемъ,—подъ колоннами, есть и полумракъ, котораго иногда проситъ сама молящаяся душа. Вмѣсто паникадилъ—громадные хоросы, какъ бы необъятныя кольца, на коихъ расположены иконы и лампады. Разница съ хоросами на Востокѣ лишь та, что тамъ они тихо описываютъ круги во время богослуженія, какъ бы изображая движущіяся свѣтила небесныя, а у насъ—неподвижны....

Былъ и въ патріаршей церкви; здѣсь почиваютъ св. мощи царицы Ѳеофаніи и св. великомученицы Евфиміи всехвальныя. Богъ привелъ мнѣ поклониться сей мученицѣ въ самый праздникъ ея памяти. Она почиваетъ въ сребропозлащенной ракѣ, устроенной, какъ мнѣ говорили, усердіемъ въ Бозѣ почившаго митрополита Антонія и другихъ благочестивыхъ жертвователей изъ Петербурга. Нигдѣ не видѣлъ я такъ открытыхъ св. мощей, какъ здѣсь. Лицо св. мученицы совсѣмъ открыто, какъ будто она недавно почила, сохранились прекрасныя черты ея дѣвственнаголика, только немного потемнѣвшаго отъ времени. Глава увѣнчана сребропозлащеннымъ вѣнцомъ на подобіе вѣнчальнаго. На внутренней сторонѣ крышки пріятно было прочитать славянскими буквами слова: „Святая мученица Евфиміе, моли Бога о насъ!“

Но обращаюсь къ своему путешествію.

Въ праздникъ Святыя Троицы я совершилъ Божественную литургію въ посольской церкви, въ сослуженіи настоятеля больничной церкви

---

[1]) Нельзя отъ души не пожалѣть объ одномъ: изображенія святыхъ носятъ крайне странный, чтобы не сказать больше, характеръ: лики зеленые, будто писаны съ мертвецовъ...

о. Н. Остроумова и іеромонаховъ съ аѳонскихъ подворій. Послѣ завтрака у посла я посѣтилъ эти подворья—Пантелеимоновское и Ильинское, гдѣ въ церквахъ бесѣдовалъ съ братіей, убѣждая не поддаваться искушенію новой ереси, раскрывалъ кратко ея суть, обличая подлоги въ переводахъ съ греческаго и умолчанія въ выдержкахъ изъ сочиненій о. Іоанна Кронштадтскаго. А затѣмъ посѣтилъ наши военныя суда „Кагулъ“ и „Ростиславъ“, гдѣ бесѣдовалъ съ офицерами и матросами.

День Святаго Духа я встрѣтилъ въ подворьѣ Андреевскаго скита. Слушалъ литургію, послѣ которой обратился къ братіи съ словомъ предостереженія, положивъ въ основаніе слова Апостола: *блюдите, како опасно ходите*, и слова Господа: *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ*. Раскрывъ ученіе о Церкви, я особенно подчеркнулъ необходимость послушанія ей, заключивъ словами Господа: *аще и Церковь преслушаетъ* братъ твой, *буди тебѣ яко язычникъ и мытарь*.

Здѣсь же посѣтилъ меня представитель при патріархѣ аѳонскаго кинота, старецъ, повидимому, умный и доброжелательный. Онъ сообщилъ мнѣ неутѣшительныя вѣсти о положеніи дѣлъ на Св. Горѣ. Эти свѣдѣнія подтвердила и телеграмма Солунскаго консула г. Бѣляева на имя посла о томъ, что число еретичествующихъ возросло до $^3/_4$ всего братства въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ, и что тамъ грозитъ опасность кассѣ монастырской [1]).

4 іюня на стаціонерѣ „Донецъ“ мы пошли въ море, къ Св. Горѣ.

Съ дѣтства привыкли мы, православные русскіе люди, произносить слово „Аѳонъ“ съ особенною любовію, почти съ благоговѣніемъ. Не только религіозное, но и что-то родное, поэтическое всегда слышалось русской душѣ въ этомъ имени. И тянуло туда наше сердце, и это имя занимало мѣсто въ нашемъ внутреннемъ мірѣ на ряду съ другими, дорогими нашему сердцу именами: Іерусалимъ, Виѳлеемъ, Назаретъ, Іорданъ...

Съ такимъ представленіемъ объ Аѳонѣ и хотѣлось мнѣ увидѣть его. Ужели, думалось, въ самомъ дѣлѣ *потемнѣ злато, измѣнися сребро доброе?* (Пл. Іер. 4, 1). Нѣтъ, не стану вѣрить этому; то тревожное, что послужило причиной моего туда путешествія, что сжимало сердце заботою, та смута, которая, по свѣдѣніямъ, свила тамъ себѣ гнѣздо—все это, думалось мнѣ, есть великое недоразумѣніе, временно налетѣвшее темное облако, которое разсѣется отъ теплыхъ лучей церковной истины, и снова Святая Гора въ тишинѣ духа будетъ хвалить Господа и свою небесную Экономиссу—міра Заступницу усердную...

За сотню верстъ виднѣется вершина Св. Горы. Чѣмъ ближе подходитъ къ ней пароходъ, тѣмъ величавѣе выступаютъ ея очертанія. Все яснѣе и отчетливѣе вырисовываются ея многочисленныя обители: монастыри, скиты, кельи и убогія каливы. На память приходятъ слова Спасителя: *въ дому Отца Моего обители многи суть*... Да, и тутъ уголокъ неба, удѣленный Матерію Божіей грѣшной землѣ. Да, и оби-

[1]) Уже послѣ удаленія имебожниковъ съ Аѳона найдены въ Пантелеимоновомъ монастырѣ списки братій, изъ коихъ видно, что изъ 1700 слишкомъ человѣкъ крѣпкихъ стоятелей за православное ученіе, не поддавшихся террору, ко дню нашего прибытія на Аѳонъ оставалось только сто человѣкъ... *А. Н.*

татели Аѳона должны быть ревнителями равноангельной жизни... Но—увы! И здѣсь борютъ страсти человѣческія, и сюда проникаютъ духи тщеславія, корыстолюбія, властолюбія и гордости, прикрываясь самыми святыми цѣлями...

Пароходъ обошелъ Св. Гору съ юга и повернулъ въ заливъ между самымъ Аѳономъ и сосѣднимъ полуостровомъ. Постепенно открываются монастыри: Ксиропотамъ, Симоно-Петръ, Русскій Пантелеимоновъ... Миновали Дафну, древнюю пристань, гдѣ, по преданію, Матерь Божія вступила на берегъ Аѳона. Еще немного,—и нашъ „Донецъ“ остановился у бочки противъ самаго Пантелеимонова монастыря.

Одинъ русскій архіерей, посѣтившій Аѳонъ лѣтъ 15 назадъ, говорилъ мнѣ: „когда будете сходить на берегъ, вся гора почернѣетъ отъ множества монаховъ: здѣсь такъ рѣдко бываютъ русскіе архіереи, что монахи съ радостію встрѣтятъ васъ, какъ родного святителя“.

И конечно—встрѣтили... Только съ радостью ли?

Не гора,—гора за монастыремъ, по ту его сторону, а балконы и террасы, подвѣшенные къ монашескимъ пяти-шестиэтажнымъ корпусамъ, дѣйствительно, „почернѣли“ отъ монаховъ — увы, не съ радостью, а съ праздныхъ любопытствомъ вышедшихъ посмотрѣть на архіерея, котораго давно, по его сочиненіямъ, знали, котораго когда-то уважали, а теперь... видѣли въ немъ „еретика“...

Внизу, на пристани и близъ порты (воротъ) собралось сотни полторы—двѣ православныхъ монаховъ съ своимъ игуменомъ — архимандритомъ Мисаиломъ во главѣ. Прочіе—или стояли вдали, не желая принимать отъ меня благословенія, или же, не сходя съ террасъ, являлись простыми зрителями этой встрѣчи, которая, признаюсь, показалась мнѣ далеко не „торжественною“. Когда я въ сопровожденіи игумена поднимался къ портѣ, я замѣтилъ по адресу іеромонаха Кирика, бывшаго въ Константинополѣ, по порученію игумена, и возвратившагося съ нами на „Донцѣ“, изъ толпы „имеславцевъ“ угрожающій жестъ—мелочь, но очень характерная для обрисовки настроенія „имеславцевъ“.

Облекшись въ мантію, я приложился къ Св. Кресту, окропилъ себя св. водою и, взявъ посохъ, сталъ подниматься въ монастырь. На пути о. игуменъ сообщилъ мнѣ, что извѣстный игуменъ Арсеній, когда-то миссіонеръ, а нынѣ ставшій ересіархомъ, пораженъ параличемъ и лежитъ въ Андреевскомъ скиту безъ движенія и безъ языка. Признаюсь, это извѣстіе показалось мнѣ какъ бы знаменательнымъ, и я невольно вздохнулъ, вручая судьбу несчастнаго Божію изволенію...

Вотъ и храмъ великомученика и цѣлителя Пантелеимона. Совершена обычная литія. Я приложился къ честной главѣ великомученика. Ставъ на амвонъ съ посохомъ въ рукахъ, я обратился къ братіи съ громкимъ привѣтомъ:

— Хрістосъ посредѣ насъ, отцы и братія!

Въ отвѣтъ откуда-то послышалось довольно слабое:

— И есть, и будетъ!

Окинувъ взглядомъ храмъ, я замѣтилъ, что онъ хотя и не обширенъ, но все же далеко не полонъ: очевидно, „имеславцы“ не пожелали слушать архіерея-еретика, и въ церковь пришли изъ нихъ немногіе.

Я началъ бесѣду съ воспоминаній своего далекаго дѣтства. Взволнованнымъ голосомъ я говорилъ инокамъ о томъ, съ какимъ восторгомъ когда-то я читалъ поэтическія

письма Святогорца, съ какою любовію списывалъ сказанія и даже срисовывалъ изображенія чудотворныхъ иконъ изъ книги „Вышній Покровъ надъ Аѳономъ“, съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ и открытымъ сердцемъ слушалъ простые разсказы о. Св. Горѣ своего земляка, старца о. Полихронія.

Мнѣ хотѣлось пробудить въ сердцахъ иноковъ воспоминанія объ ихъ великихъ почившихъ старцахъ, объ ихъ завѣтахъ, и я перешелъ къ воспоминанію о томъ, какъ я вошелъ въ сношеніе съ ихъ обителью, какъ, благодаря добрымъ ко мнѣ отношеніямъ сихъ старцевъ, я сталъ считать ее какъ бы родною себѣ, какъ всю жизнь мечталъ побывать на Св. Горѣ, и вотъ, наконецъ, когда я уже и мечтать о томъ пересталъ, эта мечта сбывается, но—увы, какъ сбывается! при какихъ печальныхъ обстоятельствахъ! На мнѣ сбывается слово, сказанное нѣкогда апостолу Петру: *егда же состарѣешися, инъ тя поящетъ и ведетъ, аможе не хощеши...*

Напоминаніе о старцахъ, какъ я замѣтилъ, произвело на многихъ доброе впечатлѣніе.

Далѣе я раскрылъ сущность великаго искушенія, столь неожиданно для всего православнаго міра появившагося около святѣйшаго имени Божія. Не входя въ подробности этого вопроса, ибо и время было уже позднее, я просилъ слушателей обратить особенное вниманіе на то, что этотъ вопросъ подробно и обстоятельно уже разсмотрѣнъ церковною властію, что не дѣло монаховъ-простецовъ пускаться въ догматическія изслѣдованія, которыя притомъ же и не по силамъ ихъ неподготовленному наукою уму. Да и святые отцы инокамъ сіе воспрещаютъ. А что важнѣе всего—помнить заповѣдь Спасителя о послушаніи Церкви и Богомъ поставленнымъ пастырямъ, дабы не подвергнуться за непослушаніе ея суду и даже отъ нея отлученію. Въ заключеніе я просилъ откровенно обращаться ко мнѣ со всѣми сомнѣніями, для чего мои двери будутъ всегда для нихъ открыты, и на послушныхъ и вѣрныхъ чадъ Церкви призвалъ Божіе благословеніе.

Безмолвно слушали меня иноки; что они думали—Богъ вѣдаетъ...

Изъ церкви меня провели на греческій архондарикъ. Здѣсь, за обычнымъ аѳонскимъ „глико“ и кофе, я снова сталъ говорить въ присутствіи всѣхъ такъ называемыхъ старцевъ; тема была та же, при чемъ я обратилъ вниманіе слушателей на благодать хиротоніи, которая не только даетъ право пастырю Церкви учить, но и помогаетъ ему, по мѣрѣ его вѣры, въ исполненіи заповѣди Христовой: *шедше, научите.* Апостолъ говоритъ, что пастыри даны Богомъ Церкви для созиданія тѣла Церкви Христовой, а это созиданіе и есть, главнымъ образомъ, ученіе вѣрующихъ истинамъ вѣры. Болѣе часа здѣсь шла моя бесѣда. Всѣ, повидимому, слушали внимательно и никто не возражалъ. На ночлегъ я вернулся на „Донецъ“.

Я предполагалъ вести свои бесѣды сначала съ отдѣльными лицами, болѣе зараженными, или же съ небольшими группами ихъ. Къ сожалѣнію, пользуясь своею сплоченностью, они не допустили осуществить этотъ планъ. Я пригласилъ было къ себѣ на другой же день указанныхъ мнѣ вождей смуты, въ числѣ пяти человѣкъ, но явилось сразу двѣнадцать. Вести бесѣду правильно оказалось уже невозможнымъ. Они перебивали меня, перебивали другъ друга, бросались отъ одной мысли къ другой, и я вынужденъ былъ заявить, что пре-

кращаю бесѣду, но г. консулъ, присутствовавшій тутъ же, потребовалъ, чтобъ непріглашенные удалились. Поднялись было всѣ, но я упросилъ приглашенныхъ остаться. Бесѣда пошла нѣсколько спокойнѣе, но по недостатку логичности въ сужденіяхъ простецовъ и ихъ страстному увлеченію основнымъ положеніемъ ереси: „имя Іисусъ есть Богъ“—нельзя было до чего-либо договориться. Они отвергали самую возможность судить объ этомъ ихъ основномъ положеніи, считая это кощунствомъ. Во время бесѣды монахъ Ириней, между прочимъ, предложилъ мнѣ странный вопросъ: какъ родился Христосъ: такъ ли, какъ всѣ люди, или же иначе? Я не понялъ этого вопроса и не придалъ ему особаго значенія, давъ обычный отвѣтъ согласно катихизису. Но оказалось, что среди здѣшнихъ монаховъ распространена еще новая ересь, будто Господь нашъ, зачатый наитіемъ Святаго Духа, родился не обычнымъ естественнымъ путемъ, а изъ „бока“ Богоматери. Оказывается, что извѣстный экс-миссіонеръ Арсеній, еще въ 1905 году, написалъ брошюрку: „Объясненіе великой тайны воплощенія“, пропущенную тогда же къ печати цензоромъ, іеромонахомъ, а нынѣ архимандритомъ, Александромъ. Въ этой брошюркѣ и проповѣдуется упомянутая ересь, усвоенная „имеславцами“.

Послѣ трехчасовой бесѣды пришлось монаховъ отпустить, при чемъ они обѣщали „разсмотрѣть“ синодальное посланіе, которое, по ихъ словамъ, не основано на св. Писаніи и св. отцахъ, слишкомъ длинно и не имѣетъ подписей, а потому и неподлинно. Послѣ я узналъ, что они поступили буквально такъ, какъ это дѣлаютъ всѣ „Никиты-пустосвяты“: своимъ собратіямъ хвалились, что они одержали побѣду надъ еретикомъ-архіереемъ. Они настойчиво требовали, чтобы я велъ съ ними бесѣду непремѣнно въ церкви, въ присутствіи всей братіи, на что я отвѣчалъ, что если съ десяткомъ ихъ трудно было установить порядокъ, то что будетъ въ церкви? А, вѣдь, за нарушеніе порядка въ храмѣ Божіемъ, какъ за оскорбленіе святыни, надо строже отвѣчать и передъ Богомъ и передъ людьми. Сначала сговоримся здѣсь, частнымъ образомъ, а потомъ и во храмѣ побесѣдуемъ.

Послѣ обѣда въ тотъ же день явился еще одинъ, очень типичный старецъ, іеромонахъ Іорамъ изъ „имеславцевъ“. Онъ долго отрицалъ всякое свое участіе въ смутѣ, ссылаясь на свою простоту: онъ-де вѣрный сынъ Церкви, въ тонкости богословія не можетъ входить, вѣруетъ, какъ вѣровалъ. Наконецъ я сказалъ ему рѣшительно: почто ты лукавишь, старче, отрицаешь свое участіе въ смутѣ? Ужели думаешь, что я явился сюда ничего незнающимъ младенцемъ? Да о твоей дѣятельности я слышалъ еще въ Петербургѣ, а затѣмъ и въ Москвѣ, и въ Одессѣ, и въ Царьградѣ. Къ чему же это запирательство? Если бы ничего не зналъ, то я тебя не позвалъ бы къ себѣ въ числѣ первыхъ.—Только тогда онъ полусознался въ заблужденіи и подписалъ отреченіе отъ него.

7-го іюня консулъ сдѣлалъ попытку воздѣйствовать на еретичествующихъ отъ лица гражданской власти: собралъ старцевъ на архондарикъ и сталъ имъ говорить о необходимости подчиниться патріарху и Синоду. Имѣлось въ виду, чтобы подъ вліяніемъ мысли о послѣдствіяхъ противленія спокойнѣе слушали мои бесѣды и вдумчивѣе относились къ тому, что я буду говорить. Но фанатикъ-главарь мо-

нахъ Ириней выступилъ съ такими дерзостями, что Б. С. Серафимовъ „офиціально заявилъ" консулу объ оскорбленіи, и консулъ приказалъ Иринею отправиться на „Донецъ"; но тотъ бросился въ Покровскій храмъ, приказавъ ударить въ набатъ. Консулъ потребовалъ команду на случай какихъ-либо насилій противъ него. Бунтующіе, по набатному звону, побѣжали вслѣдъ за Иринеемъ въ тотъ же храмъ. Ириней схватилъ крестъ, вскочилъ на амвонъ и, хотя ему никакой опасности не угрожало, махая крестомъ, сталъ кричать, что его „хотятъ бить", и призывалъ толпу умирать за имя Божіе. Консулъ счелъ болѣе благоразумнымъ возвратиться на „Донецъ", а бунтующіе хотѣли уже служить благодарственный молебенъ о побѣдѣ надъ нимъ, зажгли уже свѣчи, но кто-то сказалъ, что рано еще, и разошлись.

Въ тотъ же день консулъ телеграфировалъ послу, что при сплоченности еретичествующихъ, готовыхъ на все, при тѣхъ насиліяхъ, какія они позволяютъ себѣ надъ православными, и террорѣ, коимъ они дѣйствуютъ на мирную братію, нѣтъ возможности изъять главарей, а безъ сего невозможны никакія увѣщанія, никакое умиротвореніе монастыря. Къ вечеру является намѣстникъ монастыря и привозитъ консулу ключъ отъ кассы: есть свѣдѣніе, что готовится ограбленіе кассы и даже поджогъ монастыря. Два другіе ключа остались въ рукахъ „имеславцевъ".

Я предложилъ о. игумену немедленно возвратить всѣхъ изгнанныхъ „имеславцами" изъ обители. Въ числѣ ихъ былъ и духовникъ обители, іеромонахъ Агаѳодоръ.

Когда въ монастырѣ стало извѣстно посланіе Святѣйшаго Синода, то главный смутьянъ монахъ Ириней явился къ игумену и потребовалъ, чтобы его не читали въ церкви, угрожая въ противномъ случаѣ бунтомъ. Посему я распорядился въ первое же воскресенье, въ недѣлю всѣхъ святыхъ, прочитать посланіе въ церкви, въ собраніи всей братіи. Только присутствіе консула дало возможность игумену прочитать его. Во время чтенія раздавались протестующіе возгласы, а по окончаніи Ириней спросилъ читавшаго игумена: „имя Іисусъ— Богъ?" Игуменъ отвѣтилъ: „конечно, самое имя— не Богъ". Этого только и добивались вожди смуты: потомъ они всѣхъ простецовъ увѣрили, будто игуменъ сказалъ, что „Іисусъ— не Богъ".

11 іюня, полагая, что возбужденіе еретичествующихъ нѣсколько успокоилось, я рѣшилъ провести бесѣду въ Покровскомъ храмѣ. Послѣ обѣдни ударили въ колоколъ, и храмъ наполнился монахами. Надѣвъ мантію, я вышелъ на амвонъ. Тѣснымъ кольцомъ окружили меня „имеславцы". Консулъ впрочемъ взялъ предосторожность и впереди поставилъ матросовъ. Были слухи, что „имеславцы" грозили: „попадется Никонъ имъ въ руки, и тогда узнаетъ, что значитъ хулить имя Божіе".

Обличая лжеученіе, я обратился къ ихъ здравому смыслу, указывая на то, что ихъ учитель Булатовичъ все слово Божіе считаетъ Богомъ, но, вѣдь, въ словѣ Божіемъ, въ Священномъ Писаніи, много словъ и человѣческихъ, напримѣръ, приводятся слова безумца: *нѣсть Богъ*; говорится о твореніяхъ Божіихъ, напримѣръ, о червячкѣ: что же, и это все—богъ? Такъ и всѣ имена Божіи, какъ слова, только обозначаютъ Бога, указываютъ на Него, но сами по себѣ еще не Богъ: имя

„Іисусъ“ — не Богъ, имя „Хрістосъ“—не Богъ.

При этихъ словахъ, по командѣ Иринея, послышались крики: „еретикъ! Учитъ, что Хрістосъ — не Богъ!“

Я продолжалъ рѣчь, а такъ какъ вожди смуты продолжали шумѣть, то С. В. Троицкій обратился къ близъ стоявшимъ: „владыка говоритъ, что только *имя* Хрістосъ—не Богъ, а Самъ Хрістосъ есть истинный Богъ нашъ“.

Я говорилъ, что и слова Писанія, и слова святыхъ отцевъ надо понимать въ связи со всѣмъ ученіемъ Церкви, а не брать отрывками: иначе можно впасть въ ересь. Какъ на примѣръ, я указалъ на слова Спасителя: *Отецъ Мой болій Мене есть*, слова, которыя Арій приводилъ въ пользу своей ереси. При этомъ, конечно, я указалъ и на другія слова Господа: *Азъ и Отецъ едино есма*. Особенно больно, говорилъ я, православному сердцу, что лжеученіе явилось именно здѣсь, на Аѳонѣ, не гдѣнибудь въ иныхъ, неправославныхъ странахъ, въ какой-нибудь Франціи или Англіи, а вотъ тутъ, на Аѳонѣ, сердцѣ православія. Вы не разъ выражали желаніе знать, какъ учатъ святые отцы объ именахъ Божіихъ: итакъ, слушайте, что они говорятъ... И я просилъ С. В. Троицкаго читать тѣ выписки, которыя потомъ напечатаны отдѣльнымъ листкомъ въ монастырской типографіи,— онъ читалъ, а я повторялъ читаемое, подчеркивая и раскрывая смыслъ словъ отеческихъ. Меня прерывали, по знаку главарей, шумомъ и криками, но все же я кончилъ чтеніе и объясненія. Ириней сталъ требовать, чтобы я разобралъ какую-то ихъ распрю съ игуменомъ и духовникомъ, на что я отвѣтилъ, что это—не мое дѣло: у нихъ есть протатъ и патріархъ. Онъ заявилъ, что тогда они подпишутъ, что угодно. Я сказалъ, что дешево же они цѣнятъ свои „догматы“, если готовы ими поступиться за смѣну игумена. Тогда онъ гордо сказалъ, что никакія мои увѣщанія не будутъ имѣть успѣха, а шумъ его единомышленниковъ на дѣлѣ подтвердилъ его слова. Мнѣ кричали: „еретикъ, крокодилъ изъ моря, седмиглавый змѣй, волкъ въ овечьей шкурѣ!“.. Въ заключеніе мнѣ все же удалось сказать: „будьте добросовѣстны, выслушайте меня: всѣ прочитанныя изъ святыхъ отцовъ мѣста вы сами можете прочитать въ вашей библіотекѣ: приходите, мы ихъ тамъ покажемъ вамъ! Кто знаетъ по-гречески—тому найдемъ и въ греческихъ подлинникахъ“.

Послѣ этого я ушелъ изъ церкви чрезъ алтарь.

Къ вечеру 11-го пришелъ пароходъ „Царь“, на которомъ было доставлено 118 человѣкъ солдатъ, при 5 офицерахъ, въ распоряженіе консула. На этомъ же пароходѣ возвращался изъ Россіи Антіохійскій патріархъ Григорій. Я воспользовался часовой стоянкой парохода на рейдѣ, чтобы привѣтствовать высокаго путешественника. Онъ былъ радъ видѣть меня, а я просилъ его благословить игумена Мисаила и его сотрудниковъ на святое дѣло защиты православія въ обители. Сначала патріархъ смутился: онъ не понялъ, что рѣчь идетъ о нравственной поддержкѣ, и сказалъ, что не считаетъ возможнымъ вмѣшиваться въ дѣла вселенскаго патріарха; но потомъ, когда я объяснилъ ему, что тутъ важно его мнѣніе: есть ли ученіе, осужденное вселенскими патріархами и нашимъ Святѣйшимъ Сунодомъ, ересь, или только частное мнѣніе,—онъ отвѣтилъ: конечно—ересь, ибо если бы

одно имя Хрістово было Богъ, то не было бы нужды Хрісту страдать и умирать: одно имя Его и спасало бы.—Патріархъ милостиво принялъ икону великомученика Пантелеимона отъ игумена и молитвенно пожелалъ ему успѣха въ умиротвореніи обители.

Въ это время едва не ворвался въ столовую, гдѣ мы бесѣдовали, корреспондентъ „Утра Россіи“, настойчиво требовавшій отъ меня разрѣшенія присутствовать при моей бесѣдѣ съ его блаженствомъ. Я рѣшительно отклонилъ этого непрошеннаго свидѣтеля нашей бесѣды; упоминаю объ этомъ потому, что сей іудей отомстилъ мнѣ помѣщеніемъ въ газетѣ злостной корреспонденціи, искажавшей факты и сообщавшей вымыслы о моихъ дѣйствіяхъ на Аѳонѣ.

13-го іюня посѣтили меня шесть антипросоповъ изъ протата, которые въ бесѣдѣ со мною рѣшительно заявили, что еретики ни въ какомъ случаѣ оставаться на Аѳонѣ не могутъ, и если мы ихъ не удалимъ, то это сдѣлаютъ сами греки, несмотря ни на какіе протесты кого бы то ни было.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, вновь прибывшіе солдаты были отправлены на берегъ. Монахи встревожились и ударили въ набатъ. Вся братія собралась къ воротамъ. Впереди стояли іеромонахи въ облаченіяхъ, съ иконами и крестами. Капитанъ Городысскій просилъ указаній отъ консула. Консулъ и командиръ „Донца“ сами прибыли на мѣсто. Командиръ, З. А. Шипулинскій, приложился къ святымъ иконамъ и обратился къ монахамъ съ рѣчью, въ которой объяснилъ, что солдаты присланы для охраны порядка въ монастырѣ, охраны его кассы и самаго монастыря въ виду угрозъ поджогомъ. Въ концѣ концовъ монахи мирно пропустили солдатъ, безъ всякаго сопротивленія; только одинъ полупьяный іеродіаконъ какъ-то подвернулся подъ прикладъ и получилъ незначительную рану въ голову.

Въ монастырѣ отведено солдатамъ помѣщеніе, и они заняли посты на всѣхъ болѣе важныхъ пунктахъ: у всѣхъ 6 воротъ, у ризницы, кассы, храмовъ, библіотеки, водопровода и т. под.

Не гнушаясь ложью и клеветою всякаго рода, „имеславцы“ позволяли себѣ утверждать, будто и Кіевскій митрополитъ на ихъ сторонѣ, ибо онъ не подписалъ синодальнаго посланія, въ его лаврѣ издана книга Иларіона: „На горахъ Кавказа“, съ его, будто бы, благословенія духовникъ лавры, і. Алексій напечаталъ малограмотную брошюру въ защиту имеславской ереси. Въ этой брошюркѣ проповѣдуется, что „Сынъ Божій обоготворяетъ имя Іисусъ, срастворивъ съ существомъ Своего Божества точно такъ же, какъ и принятую Имъ „отъ человѣкъ“ плоть, неслитно и нераздѣльно“. Эта брошюрка оказалась довольно распространенною среди „имеславцевъ“. Я счелъ своимъ долгомъ немедленно же, съ первою почтой, сообщить все сіе его высокопреосвященству, митрополиту Флавіану, позволивъ себѣ высказать мнѣніе, что профессора священника Глаголева слѣдовало бы заставить написать опроверженіе сей брошюры и вообще ереси, на основаніи святыхъ отцевъ, ибо онъ — человѣкъ науки и можетъ, и по совѣсти долженъ сіе сдѣлать. При личномъ моемъ свиданіи съ митрополитомъ, на обратномъ пути, я отъ него услышалъ, что сіе уже дѣлается по его распоряженію, авторъ же запрещенъ въ священнослуженіи до покаянія въ ереси, а книжка его,

въ количествѣ 4:500 экземпляровъ, заарестована.

Прошла еще недѣля въ безплодныхъ или, лучше сказать, малоплодныхъ попыткахъ къ увѣщанію. Чтобы не оскорблять святыню храма Божія неумѣстными выходками „имеславцевъ“, я и С. В. Троицкій стали посѣщать библіотеку, приглашая всѣхъ, кто хочетъ убѣдиться въ истинѣ, смотрѣть подлинныя мѣста изъ святыхъ отцевъ, главныя положенія коихъ были нами напечатаны въ монастырской типографіи отдѣльнымъ листкомъ. Напечатано было еще мое объясненіе слова „вѣрую“ и мое „доброе слово“ имеславцамъ. И то и другое „имеславцы“ рвали въ клочья, отнимая у православныхъ и обзывая меня „масономъ и еретикомъ“. Придумано было ими и новое „исповѣданіе“, которое въ рукописныхъ листкахъ они и распространяли: надо де вѣровать „во имя Отца, Святаго Духа и Іисуса Сына Божія“.

Я увѣщевалъ ихъ смириться предъ Церковію. „Безъ Церкви нѣтъ спасенія“, говорилъ я. Они отвѣчали: „мы принадлежимъ къ Церкви небесной“. На мое замѣчаніе, что къ небесной Церкви нельзя принадлежать, если не принадлежишь къ земной, что нѣтъ Церкви безъ епископа, что невозможно спасеніе безъ Божественнаго причащенія,—говорили, что они будутъ причащаться именемъ Божіимъ, что они сами—Церковь. Видно было, что для нихъ нѣтъ никакого авторитета: и патріархи-де были еретики, и Сунодъ еретикъ; нѣтъ у нихъ и простаго здраваго разсужденія: не умомъ-де постигаются тайны Божіи; такіе великіе толкователи жизни духовной, какъ святитель-затворникъ епископъ Ѳеофанъ, ими презираются, какъ „ученые“. (и съ особымъ презрѣніемъ произносится это слово), какъ ничего неиспытавшіе на дѣлѣ. Именованіе второго Лица Святыя Троицы „Словомъ“ въ Евангеліи Іоанна толкуется ими въ свою пользу: подъ „Словомъ“ они разумѣютъ имя „Іисусъ“. Въ подкрѣпленіе своихъ лжемудрованій они не стѣсняются прибѣгать къ такимъ домысламъ, которые способны вызвать улыбку сожалѣнія къ нимъ: напримѣръ, чтобы отомстить Халкинской школѣ за ея докладъ патріарху, обличающій ихъ ересь, они перевели слово „Халки“ на цифры: получилось 659; чтобы получить число имени антихриста-666, они подмѣнили послѣднюю букву *η* на *ει*, читая вмѣсто *χάλκη*—*χάλκει* и объявили православное ученіе антихристовымъ. Это — какое-то помѣшательство, когда человѣкъ вѣритъ только себѣ и слушаетъ только себя самого. Игуменъ не разъ съ амвона громко заявлялъ, что онъ вѣруетъ и исповѣдуетъ, что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ,—они кричатъ: „нѣтъ, ты не вѣруешь!“ Духовникъ тоже не разъ пытался заявлять о своей вѣрѣ въ Божество Іисуса Христа: они дерзко кричали ему прямо въ глаза, въ нашемъ присутствіи, въ церкви: „ты самъ не вѣруешь и на духу тому же учишь“!...

Крайняя нетерпимость есть ихъ отличительная черта. Подобно всѣмъ фанатикамъ, они преслѣдуютъ всѣхъ несогласныхъ съ ними всякими досажденіями: называютъ ихъ „масонами, богохульниками, іудами предателями, аріанами“ и именами другихъ еретиковъ; отплевываются отъ нихъ, какъ отъ нечистыхъ, зараженныхъ людей, не хотятъ съ ними молиться, трапезовать, на ихъ привѣтствія не отвѣчаютъ и отворачиваются отъ нихъ; завладѣвъ тою или другою хозяйственною частью, отказываютъ имъ въ удовлетворе-

ніи ихъ нуждъ въ отношеніи, напримѣръ, пищи и одежды. Когда нашъ „Донецъ“ прибылъ къ монастырю, то не хотѣли давать для меня рыбы, и только угроза реквизиціей со стороны консула заставила ихъ вразумиться. Отыскали у св. Златоуста слова: „Если ты услышишь, что кто-нибудь на распутьи или на площади хулитъ Бога, подойди, сдѣлай ему внушеніе. И если нужно будетъ, ударь его, не отказывайся, ударь его по лицу, сокруши уста, освяти руку твою ударомъ, и если обвинятъ тебя, повлекутъ въ судъ, иди. И если судья предъ судилищемъ потребуетъ отвѣта, смѣло скажи, что онъ похулилъ Царя ангеловъ, ибо если слѣдуетъ наказывать хулящихъ земнаго царя, то гораздо больше оскорбляющихъ Того Царя“. И повторяютъ эти слова, и переписываютъ на записочкахъ, и распространяютъ ихъ, и, конечно, готовы исполнять ихъ на дѣлѣ, если бы только не страхъ человѣческій.

Служатъ отдѣльно, не поминая ни патріарха, ни нашего Синода, ни игумена; въ церкви за богослуженіемъ, вмѣсто святоотеческихъ писаній, читаютъ книгу „На горахъ Кавказа“ или „Апологію вѣры“ Булатовича. Власть игумена сведена къ нулю. Простой монахъ Ириней съ важностью ходитъ по монастырю, какъ настоятель, его сторонники демонстративно, какъ бы издѣваясь надъ православными, кланяются ему въ ноги, цѣлуютъ ему руки, а онъ благословляетъ ихъ. Монастырское начальство, потерявъ всякую власть, умоляло избавить обитель отъ этой банды забастовщиковъ. Хотя число православныхъ въ послѣднее время нашего тамъ пребыванія достигло до 700, но никто изъ нихъ не смѣлъ рта открыть противъ главарей еретическаго движенія: вожди эти были неотступно охраняемы своими фанатическими послѣдователями, готовыми на все. 23-го іюня я посѣтилъ скитъ Ѳиваиду; тамъ насиліе выражалось еще ярче: главари отдали приказъ—если пріѣдетъ архіерей—не ходить въ церковь, не брать у него благословенія, не слушать его рѣчей, яко еретика и богохульника, и это исполнено въ точности: вмѣсто 200 слишкомъ братій явилось не болѣе 50-ти православныхъ, которые слезно умоляли избавить ихъ отъ насильниковъ, выражая намѣреніе бѣжать „куда глаза глядятъ“, если дѣло останется въ такомъ положеніи. Въ Пантелеимоновомъ монастырѣ тягота положенія доходила до того, что нѣкоторые монахи говорили намъ: „Если вы ничего не можете сдѣлать, то увезите насъ въ Россію или предоставьте свободу грекамъ: они скорѣе насъ справятся съ безобразниками“. „Имебожники“ не разъ пытались совратить и солдатъ въ свою ересь: подходя къ часовому, начинали ему дѣлать увѣщаніе; пришлось напомнить законъ, дающій право часовому дѣйствовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ штыкомъ. Отведенное для солдатъ помѣщеніе выходило на террасу: когда выходили въ свободное время солдаты подышать воздухомъ, монахи и тутъ не давали имъ покоя своими увѣщаніями, и команди одалъ приказъ оцѣпить лѣстницу, ведущую къ солдатамъ, веревкой, и внизу поставить часового. Была безумная попытка поджечь монастырь, три раза обрѣзали телефонъ съ Кареей, чтобы прервать сношеніе съ протатомъ. Ночью бросали камнями въ часовыхъ и въ патрули.

Простые послушники вступали со мной въ споръ съ какимъ-то пренебреженіемъ къ архіерейскому са-

ну: для нихъ „свой братъ" полуграмотный монахъ Иріней былъ авторитетнѣе и заслуживалъ большаго уваженія, чѣмъ я. Ко всякой наукѣ у нихъ было какое-то презрѣніе, питаемое искаженнымъ ими ученіемъ св. отцевъ объ языческой философіи, подъ которую они подводятъ и наше богословіе и всѣ дисциплины богословскихъ наукъ. У нихъ своеобразная гордость якобы духовной опытностью, о коей у нихъ, конечно, и понятія нѣтъ, ибо глубочайшій признакъ этой опытности есть смиренное сознаніе своего невѣжества. Для характеристики отношеній ко мнѣ „имеславцевъ", приведу примѣръ: во время моихъ бесѣдъ въ библіотекѣ выступаетъ нѣкій монахъ Никонъ и съ тонкимъ лукавствомъ, трудно имъ скрываемымъ, говоритъ: „Вотъ, владыко святый, у меня въ рукахъ книжка, подъ заглавіемъ „Великое искушеніе"... Писалъ ее *какой-то* епископъ Ніконъ. И вотъ, *этотъ Ніконъ*, на страницѣ такой-то, говоритъ, что Іисусъ Хрістосъ былъ незакономорожденный Сынъ Дѣвы Маріи"... Надо было видѣть злобное, мефистофелевское выраженіе лица этого монаха, когда онъ, говоря это, какъ бы торжествовалъ надо мною побѣду! Напрасно я пытался пристыдить его, обращаясь къ его монашеской совѣсти: его поддержали единомышленники и только строгій окрикъ С. В. Троицкаго заставилъ безумцевъ нѣсколько притихнуть...

Остановились всѣ послушанія, кромѣ приготовленія пищи и чреднаго богослуженія, при чемъ „имеславцы" не хотѣли молиться вмѣстѣ съ православными. Православные, избѣгая насмѣшекъ, больше сидѣли по кельямъ. Всѣ ждали развязки, у всѣхъ валилось обычное дѣло изъ рукъ.

Консулъ постоянно сообщалъ г. послу безпроволочнымъ телеграфомъ о ходѣ дѣла. Когда онъ просилъ меня подтвердить его донесенія, я съ своей стороны дѣлалъ это съ спокойною совѣстью. Дѣло между тѣмъ затягивалось, а вожди смуты оттого становились съ каждымъ днемъ наглѣе, видя свою полную безнаказанность. Изъятіе главной массы „имеславцевъ" было необходимостью очевидной, но не было возможности отправить ихъ въ Россію: пароходы бываютъ на Аѳонѣ только разъ въ двѣ недѣли и притомъ задерживать очередной пароходъ на цѣлыя сутки было невозможно, безъ особаго на то распоряженія г. посла.

Удивительна была увѣренность „имеславцевъ", что, въ случаѣ удаленія ихъ съ Аѳона, ихъ ждутъ въ Россіи богатыя милости, что имъ будетъ отданъ Новый Аѳонъ, что капиталы Пантелеимонова монастыря будутъ раздѣлены пропорціонально братіи и пр. Повидимому, при посредствѣ андреевцевъ, у нихъ было сношеніе съ Булатовичемъ, или инымъ ихъ ходатаемъ въ Россіи, который подавалъ имъ самыя несбыточныя надежды. Впрочемъ, главари не стѣснялись распространять ложь въ самыхъ невѣроятныхъ видахъ: говорили, что получена отъ Царя „телеграмма золотыми буквами", повелѣвающая не вѣрить Нікону, какъ самозванцу; говорили, что киноть получилъ отъ архимандрита Мисаила огромную сумму, я—200 тысячъ, консулъ-90 тысячъ (неровно—вѣроятно, для большаго вѣроподобія), и всему этому темная масса вѣрила: для нея непогрѣшимымъ авторитетомъ являлся Иріней съ товарищами, коимъ масса вѣрила безусловно, а на меня и моихъ сотрудниковъ смотрѣла какъ на лжецовъ и обманщиковъ.

Удивительно опытные въ сплетеніи лжи главари ловили, напримѣръ, каждое мое слово и тутъ же искажали его: едва я, напримѣръ, произносилъ: „вѣрую и исповѣдую, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ, но Его всесвятѣйшее имя не есть еще Самъ Онъ—Богъ“, какъ поднимался шумъ и крики: „слышите, слышите: архіерей не вѣруетъ, что Іисусъ есть Богъ!“

Особенно ересь укоренилась въ нижней больницѣ: здѣсь монахъ Ваптосъ не столько, кажется, занимался леченіемъ, сколько совращеніемъ больныхъ въ ересь и довелъ сихъ несчастныхъ до того, что когда я, при моемъ посѣщеніи, подходилъ къ постели больного, то онъ—или отворачивался къ стѣнѣ, или же углублялся въ чтеніе Псалтири и Евангелія, не обращая на меня никакого вниманія. Когда я обращался къ больному съ словами любви: „что же ты, братъ, не принимаешь благословенія отъ архіерея?“ — онъ или молчалъ, какъ глухонѣмой, или же отвѣчалъ дерзкимъ, задирающимъ тономъ: „ты-еретикъ, ты не признаешь Іисуса Богомъ“, и отворачивался. Напрасны были увѣренія, что это—клевета, что я вѣрую и исповѣдую, что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ: онъ только моталъ головой... Такъ крѣпко Ваптосъ вбилъ въ голову больныхъ мысль, что я, а также игуменъ и всѣ мы, по ихъ терминологіи, „имеборцы“—еретики и богохульники... Наши листки рвали, не читая, выманивали у православныхъ и уничтожали, мою книжку „Великое искушеніе“ рвали въ клочья и бросали на вѣтеръ, а мнѣ присылали ругательныя письма, конечно, безъ подписей. Когда „имеславцы“ были отправлены на „Херсонъ“, то съ ними пожелали добровольно отправиться и больные, чахоточные, полуживые и старики изъ больницы, и только по распоряженію консула были задержаны въ монастырѣ.

Наконецъ, Ириней рѣшительно воспретилъ своимъ послѣдователямъ ходить въ библіотеку на бесѣды, а кто заходилъ, того вытаскивали отъ туда насильно. Чтобы отвлечь отъ бесѣдъ съ С. В. Троицкимъ, не гнушались и такими пріемами: какъ только замѣтятъ, что слушатели стали склоняться къ православію, кто-нибудь крикнетъ, что въ монастырѣ бунтъ, солдаты бьютъ монаховъ и, конечно, всѣ бросаются вонъ...

Отдѣльныя, болѣе искреннія лица ко мнѣ являлись и на нихъ можно было наблюдать, какъ тяжело было имъ разставаться съ заблужденіемъ, которое успѣло уже какъ бы врости въ ихъ душу, отравить ее. Такъ іеромонахъ Флавій, духовникъ изъ пустыни Ѳиваиды, пять разъ приходилъ ко мнѣ, то каясь, то опять отрекаясь отъ православнаго ученія. Наконецъ, я просилъ Сергѣя Викторовича Троицкаго заняться имъ отдѣльно, и онъ часа два съ нимъ бесѣдовалъ. Но и послѣ этой бесѣды, на которой обстоятельно было разобрано все лжеученіе, Флавій только тогда окончательно отрекся отъ лжеученія, когда, положивъ нѣсколько поклоновъ, рѣшилъ взять жребій: вѣрить или не вѣрить Сѵноду? И. милостію Божіей, дважды вынималъ „вѣрить“. Тогда онъ пришелъ ко мнѣ и съ видимымъ душевнымъ волненіемъ сказалъ: „теперь я вѣрую такъ, какъ повелѣлъ Сѵнодъ“. Спустя три дня онъ приходилъ еще разъ, но уже не касался вопроса объ именахъ Божіихъ.

По слухамъ, одинъ изъ „имеславцевъ“ грозилъ, что такъ какъ онъ еще въ міру отправилъ на тотъ свѣтъ двоихъ городовыхъ, то ему-

де ничего не стоитъ отправить туда и игумена. Это дало мысль консулу провѣрить всѣ виды, по коимъ живутъ въ монастырѣ его насельники. Всего было таковыхъ 1700 человѣкъ. При помощи сопутствовавшихъ ему чиновниковъ посольства и офицеровъ, онъ и выполнилъ это, попутно спрашивая каждаго: какого исповѣданія онъ держится. „Имеславцы“ съ гордостью отвѣчали, что они — исповѣдники имени Божія. Православные же заявляли, что они къ ереси не принадлежатъ. Таковыхъ къ 29 іюня оказалось свыше 700 человѣкъ. Такимъ образомъ нравственный обликъ состава братій опредѣлился въ количественномъ отношеніи. Съ утѣшеніемъ мы замѣтили, что на нѣкоторыхъ, болѣе спокойныхъ, безпристрастныхъ братій наши бесѣды оказали вліяніе. Изъ принадлежащихъ Пантелеимонову монастырю скитовъ мы посѣтили два: Старый Руссикъ и Ѳиваиду. Тамъ нашли и настроеніе братіи и составъ, въ смыслѣ смѣшанности, тотъ же, какъ и въ монастырѣ. Я бесѣдовалъ съ братіей въ ихъ храмахъ, при чемъ въ Руссикѣ особенною дерзостью отличился поваръ, котораго пришлось насильно вывести изъ храма. Потомъ онъ явился ко мнѣ въ монастырь уже съ повинною, говоря, что былъ пьянъ.

Кстати замѣчу, что среди монашествующихъ мы встрѣчали немало пьяныхъ: хотя въ трапезѣ ставится некрѣпкое виноградное вино, но ежедневно каждому по кувшинчику съ полбутылки; это пріучаетъ къ употребленію вина, а потомъ слабыхъ волею—и ракички, которая крѣпостью доходитъ до 60°; при отсутствіи всякой дисциплины, имѣя притомъ и ключи отъ погребовъ въ своемъ распоряженіи, немудрено, что „имеславцы“ и пользовались виномъ по своему усмотрѣнію.

Приходили ко мнѣ монашествующіе и изъ нѣкоторыхъ келлій и подписывали отреченіе, очевидно, боясь, чтобы греки потомъ не изгнали ихъ, какъ еретиковъ. Насколько это было искренно—Богъ вѣдаетъ. По крайней мѣрѣ, со старцемъ келліи Благовѣщенія, извѣстнымъ и Святѣйшему Синоду Парѳеніемъ, вышло искушеніе: онъ прислалъ ко мнѣ своего намѣстника, чтобы тотъ отъ лица всей братіи подписалъ отреченіе отъ ереси. Видимо, что его тревожило то, что Булатовичъ жилъ у него нѣкоторое время и сочинялъ листки, которые Парѳеній печаталъ. Я сказалъ намѣстнику, что за себя онъ можетъ подписать, а за другихъ — нѣтъ: пусть сами подпишутъ. Онъ подписался и взялъ съ собою листъ, чтобы предложить старцу и другимъ. А я воспользовался симъ случаемъ, чтобы послать старцу увѣщаніе письменное. Прошло около недѣли; 6-го іюля, уже послѣ изъятія еретичествующихъ изъ монастыря, является ко мнѣ тотъ же намѣстникъ и подаетъ заразъ три письма Парѳенія. Старецъ пишетъ, что онъ какъ научился вѣровать съ пеленъ, такъ и будетъ вѣровать, при чемъ повторяетъ почти весь символъ вѣры, и проситъ меня оставить его умереть въ покоѣ, но ни слова—ни о синодальномъ посланіи, ни о грамотахъ патріарховъ, ни о вѣрѣ во имя Божіе. Тогда я написалъ ему рѣшительно и кратко: почто онъ лукавитъ, почему ни въ одномъ письмѣ не отвѣчаетъ на вопросъ: какъ онъ вѣруетъ объ именахъ Божіихъ и не подписался подъ отреченіемъ? Я требую, чтобы онъ, какъ старецъ кельи, гдѣ живетъ больше 50-ти братій, отвѣтилъ мнѣ: или—да, или—нѣтъ. Если—да, то добрѣ, если же—нѣтъ, то я о семъ такъ и доложу и Св. Си-

ноду, и патріарху, и—завтра же—киноту Св. Горы... Вечеромъ въ тотъ же день старикъ прислалъ мнѣ формулу отреченія съ подписями—своей и старшей братіи. При семъ онъ приглашалъ меня посѣтить его келью на пути къ Карею. Исполнить его желаніе мнѣ не удалось, ибо время было потребно для Андреевскаго скита. На Св. Горѣ насчитывается до 200 келлій, населенныхъ русскими монахами. По словамъ о. Ѳеофана, бывшаго инспектора Вологодской духовной семинаріи, живущаго на Аѳонѣ уже десять лѣтъ, ересь гнѣздится и по кельямъ, но тщательно укрывается старцами, боящимися грековъ. На Аѳонѣ русскія кельи въ послѣднее время стали объединяться для защиты своихъ интересовъ и образовали „братство русскихъ келлій“. 7-го іюля было общее собраніе этого братства, на которомъ присутствовалъ С. В. Троицкій. Благодаря его разъясненіямъ, старцы объединившихся въ семъ братствѣ келлій единодушно постановили составить заявленіе Святѣйшему Суноду о томъ, что ихъ кельи пребудутъ вѣрными ученію православной Церкви объ именахъ Божіихъ, а противъ еретиковъ будутъ принимать мѣры. Это заявленіе при докладѣ и представлено.

29-го іюня я предполагалъ служить. Но во время всенощнаго бдѣнія приходитъ игуменъ и докладываетъ, что ключи отъ ризницы у іеромонаха Понтія, а онъ, какъ „имеславецъ“, не желаетъ, чтобы я служилъ, и ключей не даетъ. Я сообщилъ объ этомъ консулу, какъ объ открытомъ издѣвательствѣ надъ лицомъ, посланнымъ по Высочайшему повелѣнію. Консулъ распорядился, чтобы судовой механикъ немедленно отперъ замокъ отмычками. Ризницу приготовили, но въ два часа ночи меня разбудили: письмо отъ консула. Въ осторожныхъ выраженіяхъ онъ сообщаетъ, что лучше бы мнѣ до обѣдни уйти изъ монастыря на „Донецъ“, ибо въ храмѣ „имеславцы“ готовятъ скандалъ. Пришлось послушать добраго совѣта, чтобы избѣжать оскорбленія храма Божія забывшими и совѣсть, и долгъ свой монахами. Это я и сдѣлалъ: сказавшись больнымъ, отказался отъ служенія.

30-го іюня, по предварительному сношенію съ киномъ Св. Горы, чрезъ игумена Мисаила, я обратился ко всѣмъ келліотамъ съ слѣдующимъ краткимъ посланіемъ:

„Всѣмъ старцамъ русскихъ келлій, во Святой Горѣ сущихъ, Божіе благословеніе!

„Великое искушеніе, постигшее русскихъ иноковъ появленіемъ лжеученія объ именахъ Божіихъ, осужденнаго двумя святѣйшими патріархами и Святѣйшимъ Всероссійскимъ Сунодомъ, побуждаетъ меня, посланнаго Святѣйшимъ Сунодомъ на Святую Гору для обличенія сего лжеученія, просить васъ, отцы и братія, во имя любви и за святое послушаніе Церкви Божіей, усугубить молитвы ваши приложеніемъ на литургіяхъ прошеній въ ектеніяхъ и молитвою, а также предложить братіи трехдневный постъ, по мѣрѣ усердія, на второе, третье и четвертое числа сего іюля, а въ пятый день, день памяти великихъ отцевъ монашества, Аѳанасія Аѳонскаго и Сергія Радонежскаго, прибыть во святую обитель великомученика и цѣлителя Пантелеимона къ бдѣнію и литургіи для общебратской, съ крестнымъ обхожденіемъ обители, молитвы о вразумленіи заблудшихъ и водвореніи церковнаго мира.“

Съ любовію приняли добрые иноки мое предложеніе: къ 5-му іюля со-

бралось много русскихъ келліотовъ, хотя это былъ день годоваго праздника въ Аѳонской лаврѣ св. Аѳанасія, куда отправились многіе келліоты еще ранѣе моего предложенія.

„Имеславцы“ и при этомъ добромъ дѣлѣ постарались подчеркнуть свой раздоръ съ нами: они не только не хранили поста въ эти условленные дни, но нарочито ѣли, напримѣръ, въ понедѣльникъ, сыръ и яица, чтобы не быть единомысленными съ православными.

3-го іюля состоялось наконецъ столь нашумѣвшее въ іудейской печати изъятіе изъ монастыря вождей и наиболѣе упорныхъ сторонниковъ смуты. Я, конечно, не принималъ никакого участія въ этомъ воздѣйствіи государственной власти: всѣ средства увѣщанія были истощены, и я оставался на „Донцѣ“. Прибылъ пароходъ „Херсонъ“, приготовленный для перевоза смутьяновъ, по распоряженію Императорскаго посла, въ Россію. Часа въ три пополудни консулъ, командиръ лодки и всѣ наличные военные чины отправились въ монастырь. „Имеславцы“ собрались въ томъ корпусѣ, гдѣ жилъ ихъ главный вождь, монахъ Иріней. Всѣ входы и выходы были заняты солдатами, оставленъ лишь одинъ выходъ—на лѣстницу, ведущую къ порту и пристани. Почти три часа увѣщевали „имеславцевъ“ добровольно итти на пароходъ: успѣха не было. Повидимому, имъ хотѣлось вызвать кровопролитіе, дабы пріобрѣсти славу мучениковъ; въ то же время они, конечно, были увѣрены, что кровопролитія допущено не будетъ ни въ какомъ случаѣ, и вотъ, чтобы поиздѣваться надъ правительственной властью и оттянуть время, они упорно противились: пѣли, молились, клали поклоны. Вообще, кощунственное отношеніе къ святынѣ и молитвѣ проявлялось въ цѣляхъ демонстративныхъ постоянно: иконами защищались, пѣніемъ отвлекали вниманіе, съ пѣніемъ потомъ плыли на лодкѣ на „Херсонъ“. Наконецъ, рожокъ заигралъ „стрѣлять“. Это было сигналомъ для открытія кранова водопровода. Вмѣсто выстрѣловъ пущены въ ходъ пожарныя трубы. Понятно, при этомъ не обошлось безъ царапинъ у тѣхъ, кто старался защитить себя отъ сильной струи воды доскою или иконою. Только тогда упорствующіе бросились бѣжать. Ихъ направляли на „Херсонъ“. „Раненыхъ“, т. е. оцарапанныхъ, оказалось около 25 человѣкъ, которымъ раны были перевязаны нашимъ судовымъ врачемъ, а черезъ два-три дня повязки были уже сняты. Вещи „имеславцамъ“ были доставлены на другой же день.

Какъ ни печальна была такая развязка, но могло быть и хуже. Нельзя же было оставлять православновѣрующихъ подъ такимъ невыносимымъ терроромъ лжеумствующихъ. Греки только и ждали того, чѣмъ кончится дѣло въ Пантелеймоновомъ монастырѣ. Въ кинотѣ мнѣ потомъ сказали откровенно, что если бы консулъ не удалилъ еретиковъ, то самъ кинотъ нашелъ бы средства ихъ удалить: теперь здѣсь хозяева не турки, а греки, которые легко могли прислать хоть цѣлый полкъ изъ Солуня. А подъ видомъ еретиковъ не трудно уже было очистить и вообще Св. Гору отъ русскихъ.

5 іюля, въ день памяти преподобныхъ отецъ нашихъ Аѳанасія Аѳонскаго и Сергія Радонежскаго, я совершилъ Божественную литургію въ Покровскомъ храмѣ, при чемъ вознесены были упомянутыя прошенія и молитвы объ обращеніи

заблудшихъ, изъ чина, совершаемаго въ недѣлю православія, и послѣ литургіи совершенъ крестный ходъ вокругъ обители. За литургіей я сказалъ слово, въ которомъ сблизилъ обоихъ преподобныхъ, какъ особыхъ избранниковъ Матери Божіей, Которая обоимъ являлась наяву, при чемъ, обрисовавъ ихъ нравственный обликъ, указалъ, что они оба оставили завѣты кротости, смиренія и послушанія, столь благопотребныхъ и нынѣ, особенно здѣшнимъ инокамъ.

7 числа я просилъ собрать всю братію въ Покровскую церковь, чтобы проститься съ нею. Обратившіеся отъ ереси просили меня разрѣшить ихъ совѣсть отъ грѣха непослушанія Церкви. Я сказалъ имъ прощальное слово, совершилъ надъ всѣми таинство покаянія и, прочитавъ разрѣшительную молитву, еще разъ обратился съ словомъ увѣщанія пребывать вѣрными ученію Церкви, положивъ въ основаніе слова Спасителя: *се здравъ былъ еси, къ тому не согрѣшай.*

Съ любовію прощались со мною аѳониты: въ нихъ можно снова узнать прежнихъ любвеобильныхъ иноковъ, готовыхъ на всякую услугу, на всякое послушаніе. Видимо, съ удаленіемъ смутьяновъ жизнь монастырская стала входить въ свою колею. Несомнѣнно, не всѣ сторонники лжеученія удалены изъ монастыря, но съ тѣми, которые остались, могъ уже справиться самъ игуменъ съ вновь избранными старцами; по аѳонскому общему уставу, ихъ было не трудно удалить изъ обители. Да и сами они, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, уже тогда высказались, что они покинутъ Аѳонъ добровольно, что и исполнили тѣ 212 человѣкъ, которые прибыли въ Россію на пароходѣ „Чихачовъ“.

Въ тотъ же день я отправился на Карею и посѣтилъ, наконецъ, киноть въ его конавѣ. Несмотря на воскресный день, ради меня собрались почти всѣ эпитропы и антипросопы. Они выразили мнѣ свое удовольствіе, что разрѣшился, наконецъ, столь тяжелый и для нихъ вопросъ объ удаленіи съ Аѳона еретичествующихъ. Еще разъ они подтвердили, что еретики на Св. Горѣ не могутъ быть терпимыми.

Затѣмъ я прослѣдовалъ чрезъ Котломушъ въ Иверскій монастырь, гдѣ и заночевалъ, а утромъ отправился въ Андреевскій скитъ, откуда „имеславцы“, по предварительному ихъ соглашенію съ пантелеимоновскими единомышленниками и по предложенію консула, уже удалились на „Херсонъ“ добровольно. А нѣкоторые, какъ напримѣръ ближайшій сотрудникъ Булатовича—Григоровичъ (изъ офицеровъ) ушли изъ скита неизвѣстно куда. Еще наканунѣ нѣсколько группъ ихъ попадались мнѣ навстрѣчу, когда я ѣхалъ въ Карею. Ожесточенныя лица ихъ говорили о недобромъ ихъ настроеніи; они отворачивались, чтобъ избѣжать обычнаго на Св. Горѣ привѣтствія встрѣчныхъ, а большой обозъ тяжело навьюченныхъ муловъ показывалъ, что они идутъ не съ пустыми руками. Послѣ о. архимандритъ Іеронимъ, водворенный въ обитель, говорилъ, что рухлядная палата въ его отсутствіе довольно опорожнена, а въ Одессѣ у нихъ отобрали особо-чтимую икону Богоматери, пожертвованную обители ея основателемъ А. Н. Муравьевымъ.

Въ этотъ скитъ я нѣсколько разъ собирался поѣхать, но съ одной стороны тревожныя вѣсти, что, послѣ разрыва между Греціей и Болгаріей, по Св. Горѣ стали бродить шайки разбойниковъ, что отчасти

подтвердилось тѣмъ, что къ намъ привезли старика-монаха съ прострѣленной рукой [1]), съ другой—недобрыя вѣсти, доставленныя оттуда изгнаннымъ игуменомъ, архимандритомъ Іеронимомъ, замедлили мое туда путешествіе. Андреевцы ставили мнѣ совершенно непріемлемыя условія: чтобы я явился къ нимъ одинъ, безъ чиновниковъ и безъ солдатъ, чтобы изгнанный ими настоятель отнюдь со мною не показывался, да и въ монастырѣ въ то время въ сущности не было никакой власти: архимандритъ Давидъ являлся лишь покорнымъ исполнителемъ приказаній руководителей смуты: предавалъ анаѳемѣ нашъ Сунодъ, патріарха и „имеборцевъ“, и только... Лишь за нѣсколько дней до окончанія дѣла, когда стало ясно, что бунтарямъ приходитъ конецъ, С. В. Троицкому, по моему порученію, удалось провести тамъ бесѣду и тѣмъ дать возможность болѣе благоразумнымъ и искреннимъ отдѣлиться отъ массы братства, терроризованной и нафанатизированной послѣдователями Булатовича.

Въ скиту меня встрѣтили съ подобающею честію. Я говорилъ о минувшемъ искушеніи и предостерегалъ иноковъ на будущее время. И здѣсь просили нѣкоторые совершить надъ ними таинство исповѣди и разрѣшить отъ грѣха противленія Церкви. Предъ отъѣздомъ я посѣтилъ несчастнаго игумена Арсенія. Пытался говорить съ нимъ, но не замѣтилъ признаковъ, чтобы онъ ясно сознавалъ окружающее или узналъ меня. „Имеславцы“ хотѣли нести его на рукахъ чрезъ всю гору—до Пантелеимоновской пристани, но консулъ, на основаніи заключенія врача, запретилъ такую процессію: онъ могъ умереть въ пути. Я также совѣтовалъ оставить его въ скиту, а братіямъ напомнилъ притчу о милосердомъ самарянинѣ [1]).

Изъ Андреевскаго скита я направился въ Ильинскій, куда давно стремился, чтобы отдохнуть душой въ тишинѣ этой мирной обители, но пришлось тутъ провести лишь три часа: показался на морѣ нашъ „Донецъ“, и мы спустились въ Пантократоръ, гдѣ, поклонившись святынямъ, простились съ Св. Горой и на лодкѣ пошли навстрѣчу „Донцу“. Солнце уже скрылось за хребтомъ Св. Горы, когда мы поднялись на палубу своего „Донца“.

Мечта посѣтить всѣ обители Св. Горы не сбылась. Отчасти нездоровье, отчасти же голосъ совѣсти, требовавшій прежде всего исполненія долга, умиротворенія обителей

---

[1]) Раненный восьмидесятилѣтній старецъ всѣхъ насъ удивилъ своимъ благодушіемъ: показывая прострѣленную руку (пуля прошла подъ кожей только), онъ полушутя говорилъ: „вотъ, мой отецъ сражался съ Наполеономъ; два моихъ сынка проливали кровь въ японскую кампанію; я думалъ, что ужъ теперь-то меня никакая пуля на Св. Горѣ не достанетъ, а вотъ — Богъ попустилъ, и какая-то шальная пуля задѣла и меня“.

[1]) По послѣднимъ извѣстіямъ съ Св. Горы, несчастный Арсеній умеръ, не придя въ сознаніе, и погребенъ какъ отлученный отъ Церкви еретикъ... Какой грозный урокъ всѣмъ противникамъ Церкви, дерзающимъ оскорблять ее непослушаніемъ, поставляющимъ себя выше тѣхъ, кто Богомъ поставленъ пасти Церковь Божію...

Много лѣтъ я зналъ этого неуравновѣшеннаго въ духовномъ отношеніи человѣка. Можно было вѣрить его искренности, но нельзя было мириться съ его самоувѣренностью, доходившею до фанатизма. Помню: почившіе аѳонскіе старцы признавали, что онъ рано выступилъ на миссіонерское поприще, возгордился и сталъ на опасный путь... ихъ опасенія оправдались... А. Н.

русскихъ,—а въ этомъ встрѣчались непреодолимыя препятствія, — все это не давало свободы для исполненія моей мечты. Впрочемъ, кромѣ двухъ скитовъ Пантелеимонова монастыря, о чемъ упоминалъ уже выше, (Старый Руссикъ и Ѳиваиду), мнѣ Богъ привелъ побывать въ семи греческихъ и одномъ болгарскомъ. Два изъ нихъ—Ксенофъ и Дохіаръ—расположены близъ нашего Пантелеимонова, на томъ же берегу залива. Общее впечатлѣніе отъ греческихъ монастырей вездѣ одно и то же; разница въ большей или меньшей степени убранства храмовъ. То же заунывное пѣніе, въ которомъ одинъ выговариваетъ слова, а другіе только тянутъ ноту; та же встрѣча, угощеніе и пр. Въ Ксенофѣ я стоялъ литургію въ день Всѣхъ святыхъ; меня, какъ старѣйшаго въ храмѣ по сану, попросили вмѣсто игумена прочитать „Вѣрую“ и „Отче нашъ“, конечно по-славянски, а предъ чтеніемъ изъ Апостола діаконъ прочиталъ мнѣ на греческомъ языкѣ привѣтственную рѣчь.

Изъ церкви, по обычаю, водили меня на свой архондарикъ, угощали и пр. Много святынь, св. мощей и иконъ имѣется въ сихъ обителяхъ, о чемъ каждый можетъ прочитать въ путеводителяхъ и что подробно описано уже въ запискахъ другихъ путешественниковъ. Я скажу только о томъ, что остановило мое вниманіе.

Болгарскій монастырь Зографъ расположенъ въ горахъ необычайно живописно. Дорога, часа два пути отъ арсаны (пристани), идетъ ущельемъ, по теченію горнаго потока. Со всѣхъ сторонъ — лѣсъ; высоко поднимаются монастырскія стѣны. Соборъ во имя св. великомученика Георгія очень благолѣпный. Три чудотворныхъ иконы великомученика, который почитается покровителемъ обители. Игуменъ былъ очень радъ встрѣтить русскаго архіерея и старался угостить чѣмъ могъ. Мы всѣ снялись на фотографіи съ игуменомъ и братіей. Въ то время въ монастырѣ находилась полурота солдатъ-болгаръ во главѣ съ офицеромъ, питомцемъ петербургской духовной академіи. Солдаты выстроились предъ нами въ двѣ шеренги и привѣтствовали насъ громкимъ „ура.“ Увы! Только - что они проводили насъ, какъ явился греческій капитанъ съ своими вооруженными солдатами и потребовалъ, чтобы болгары сдались... Чрезъ день мы узнали, что болгары сдались и мимо насъ ихъ, какъ плѣнныхъ, провезли на островъ Кипръ... Тяжелое впечатлѣніе произвело на насъ это торжество грековъ надъ бывшими союзниками, которые, конечно, не могли сопротивляться...

Въ Карейскомъ соборѣ особенное вниманіе обратили на себя остатки неподражаемой иконописи византійскаго Рафаэля — Панселина. За то самый соборъ поражаетъ запущенностью...

На пути къ Иверу, не доходя до монастыря версты три, у самой дороги поставленъ каменный крестъ и устроено что-то на подобіе цистерны. Разсказываютъ, что лѣтъ десять назадъ тутъ совершилось чудо: проходилъ изъ Ивера мальчикъ-болгаринъ. Просилъ онъ у воротъ монастырскихъ кусочекъ хлѣба, но портарь ему отказалъ. Голодный мальчикъ пошелъ по пути къ Карей, обливаясь слезами. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь крестъ, его встрѣчаетъ Женщина и спрашиваетъ, о чемъ онъ плачетъ? Тотъ повѣдалъ ей свое горе. И вотъ, Она подаетъ ему золотую монету и говоритъ: „возвратись въ монастырь и купи тамъ себѣ хлѣба“. Мальчикъ вернулся и сталъ просить того

же портаря продать ему хлѣба, подавая ему монету. Портарь былъ удивленъ: откуда мальчикъ могъ вдругъ получить такую монету? А монета и по виду была необычная, старинная. Взявъ монету, онъ понесъ ее игумену. Тотъ призналъ въ ней одну изъ тѣхъ, которыя привѣшены къ иконѣ Богоматери...

Какъ извѣстно, на Аѳонѣ не имѣютъ права пребывать женщины. Мальчикъ, вѣроятно, по простотѣ своей не зналъ этого. Онъ разсказалъ то, что съ нимъ случилось. Но иноки задумались... Осмотрѣли икону и дѣйствительно: тамъ не оказалось одной монеты. Но монеты такъ прикрѣплены, что украсть ихъ нельзя. Да и ребенокъ не давалъ повода думать, будто онъ лжетъ. Пришлось признать, что Сама Матерь Божія утѣшила бѣднаго мальчика, въ то же время вразумивъ иноковъ, которые отнеслись къ нему вначалѣ такъ холодно. Мальчика накормили и отправили, куда ему было нужно. А на указанномъ имъ мѣстѣ поставили крестъ, дабы проходящіе могли призвать на семъ мѣстѣ молитвенно имя преблагословенной Заступницы и сирыхъ Питательницы—Матери Божіей.

Сердце влекло и въ лавру преподобнаго Аѳанасія, и въ Ватопедъ, и въ Хилендарь; хотѣлось бы пострaнствовать въ качествѣ простого паломника, поближе познакомиться съ жизнію тѣхъ, кто все покинулъ, все забылъ ради спасенія своей души, но Богъ не привелъ: и крайнее утомленіе отъ духовнаго напряженія въ продолженіе пяти недѣль, и слухи о бродягахъ, и неудобство задерживать спутниковъ, да и непривычная жара здѣшняго лѣта—все это побуждало меня ускорить отъѣздъ.

10-го іюля мы прибыли въ Буюкдере, гдѣ принялъ насъ г. посолъ очень внимательно и благодарилъ за понесенные труды. Я въ свою очередь сказалъ, что если бы не его мудрое отношеніе къ дѣлу и доброе содѣйствіе въ сношеніяхъ съ Петербургомъ, то дѣло потерпѣло бы полное крушеніе, и Аѳонъ, русскій Аѳонъ, остался бы въ рукахъ еретиковъ, коихъ не замедлили бы и выгнать греки. 11-го утромъ я посѣтилъ Вселенскаго Патріарха. Онъ былъ ко мнѣ внимателенъ такъ же, какъ и прежде, подробно разспрашивалъ о дѣлѣ и сказалъ: „Пришлите мнѣ списки удаленныхъ съ Аѳона лицъ, принявшихъ постриженіе на Аѳонѣ, и я наложу на нихъ аргосъ". Я сказалъ, что имѣется два списка: одинъ наиболѣе виновныхъ главарей—вождей смуты, другой — менѣе виновныхъ, слѣпо повиновавшихся симъ вождямъ и обманутыхъ послѣдними. Первые заслуживаютъ болѣе строгаго наказанія, а вторые заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія. Въ тотъ же день я послалъ эти списки при письмѣ на имя его святѣйшества...

Въ тотъ же день, 11-го іюля, мы покинули Царьградъ, а 13-го вышли на родной берегъ въ Одессѣ.

На протяженіи многихъ вѣковъ русскіе аѳониты, находясь въ постоянномъ духовномъ общеніи съ родною Русью, въ то же время были совершенно независимы отъ Русской церкви въ церковно-административномъ отношеніи. Подчиненные канонически и іерархически, по мѣсту своего пребыванія, киноту Св. Горы и чрезъ него вселенскому патріарху, они и въ отношеніи чистоты ученія вѣры были подвѣдомы той же церковной власти. Такъ оно и должно быть по канонамъ церковнымъ. Къ сожалѣнію, разность языка и національности именно въ

этомъ отношеніи ставили ихъ почти внѣ надзора греческой церковной власти. Прибавьте къ этому еще и то, что на Аѳонѣ много вѣковъ не было своего епископа, а патріархъ поставленъ слишкомъ высоко и далеко, да притомъ ограниченъ въ своихъ правахъ какою-то конституціей, не допускающей его непосредственно вмѣшиваться въ дѣла Аѳона, если къ тому не пригласитъ его протатъ. Значитъ, здѣшніе монахи вообще, исторически, отвыкли отъ власти епископа, и это обратилось уже въ традицію, ревниво охраняемую протатомъ. Между тѣмъ, число русскихъ монаховъ на Св. Горѣ съ каждымъ годомъ все увеличивалось и теперь достигаетъ до 7000; среди нихъ стали появляться люди, ищущіе не столько духовнаго подвига, сколько удовлетворенія своему личному тщеславію, своеобразному карьеризму, исканію нѣкоего первенства среди другихъ, я сказалъ бы—„діотрефизму“. Типомъ такихъ монаховъ и является Булатовичъ. Не имѣя въ основѣ своего духовнаго воспитанія настоящей церковности, такіе люди легко могутъ поддаваться искушенію уходить въ сторону отъ ученія Церкви, отъ духа ея преданій, а по обстоятельствамъ, о коихъ я только что сказалъ, они легко могутъ находить себѣ благопріятную почву для развитія всякихъ ересей и неправославныхъ воззрѣній среди русскихъ аѳонитовъ. Съ другой стороны, не было никакого надзора и вообще за тѣми, кто шелъ спасаться на Аѳонъ, со стороны представителей нашей государственной власти. Если бы этотъ надзоръ былъ строже, то не было бы среди монаховъ бѣглыхъ солдатъ и каторжниковъ. Бесѣдуя съ имебожниками, С. В. Троицкій слышалъ отъ нихъ рѣчи и объ отобраніи земли у господъ; не оказалось бы изъ 600 взятыхъ на „Херсонъ“, до 50-ти человѣкъ безпаспортыхъ; не оказалось бы и такихъ молодцовъ, какъ Давымукъ, у коего въ монастырскомъ спискѣ отмѣчено, что онъ присужденъ былъ къ каторгѣ за пропаганду бунта въ войскахъ во время войны съ Японіей и бѣжалъ отъ наказанія. Можно думать, что и теперь не одинъ такой герой скрылся изъ монастыря куда-нибудь на келью, ибо съ его стороны было бы глупо ждать, пока его возьмутъ на „Херсонъ“. Трудно и придумать болѣе благопріятную для враговъ Церкви почву, чтобы сѣять смуту въ нѣдрахъ самой Церкви для подрыва ея авторитета, а слѣдовательно и послушанія церковной власти, для разрушенія всего строя церковнаго. А отъ власти церковной это перейдетъ и на всякую власть. Я уже слышалъ отъ имебожниковъ, что Царь заразился ересью „имеборства“, что настали времена антихріста, начинается гоненіе на истинныхъ хрістіанъ, исповѣдающихъ имя Божіе. Въ этомъ смыслѣ уже и ведется пропаганда листками и брошюрками, пока — гектографическими и рукописными; я уже говорилъ о толкованіи слова „Халки“ переводомъ съ буквъ на цифры. Распространяется листокъ съ изображеніемъ двухъ взаимно пересѣкающихся треугольниковъ—символомъ масонства, съ цифрою 666 и толкованіемъ имени антихріста. На академическомъ значкѣ С. В. Троицкаго замѣтили звѣздочку и стали увѣрять всѣхъ своихъ послѣдователей, что онъ—„масонъ“. Не понимая этого слова, они бросаютъ его всѣмъ, кто не согласенъ съ ними. Становится понятнымъ, почему всѣ враги церковной власти и вся лѣвая, а по неразумію своему,—и нѣкоторая правая печать такъ усердно

поддерживаютъ это еретическое движеніе, выставляя глупую еретическую безсмыслицу самымъ невиннымъ заблужденіемъ, а тѣхъ, кто борется противъ нея — какими-то инквизиторами. Да и самый образъ дѣйствій вождей этого движенія близко напоминалъ фабричныхъ забастовщиковъ и устроителей митинговъ. Толпа „имеславцевъ“ во время бесѣдъ постоянно выполняла роль какой-то шумящей маріонетки въ рукахъ ловкаго главаря—Иринея: дастъ онъ знакъ—толпа, громко шумѣвшая, мгновенно смолкаетъ; возвыситъ онъ голосъ—и она снова кричитъ, и изъ заднихъ рядовъ слышатся по моему и о. игумена адресу досадительныя слова: „еретики, масоны, іуды-предатели!“ Собранія у Иринея происходили почти каждый день, а запретить ихъ игуменъ былъ не въ состояніи: никто его не слушалъ. Ириней все время былъ окруженъ своими приверженцами, которые и спали въ корридорахъ, охраняя его особу. Безусловное повиновеніе вожакамъ, широко поставленная пропаганда гектографированными и рукописными записочками, искусное распространеніе ложныхъ слуховъ о царской телеграммѣ, „писанной золотыми буквами“, запугиваніе, вплоть до угрозъ застрѣлить, утопить властей, сокрытіе распоряженій власти, перехватываніе не только писемъ (три мои письма игумену за время съ января пропало), но и официальныхъ бумагъ (грамота патріарха киноту такъ и не получена), подговоръ къ захвату кассы, къ поджогу (было покушеніе), троекратная порча телефона съ кинотомъ, — все это не напоминаетъ ли поразительно, до мельчайшихъ подробностей, программы организованныхъ опытными агитаторами забастовокъ? И дѣйствія этихъ преступныхъ элементовъ облегчались полнымъ непротивленіемъ терроризованнаго большинства мирныхъ братій, неподготовленныхъ, по самому настроенію своему неспособныхъ къ борьбѣ съ такимъ проявленіемъ зла, да и невидѣвшихъ въ этой борьбѣ своего прямого долга при параличѣ законной власти...

Вотъ почему еретическое движеніе такъ называемыхъ „имеславцевъ“, а вѣрнѣе было бы ихъ называть „имебожниками“ [1]), должно озабочивать не только церковь, но и государство...

193—194.

Новое выступленіе А. Булатовича.

Хорошо спорить съ людьми искренними: они ищутъ истины безъ всякаго предубѣжденія и готовы всегда познать свою ошибку. Тяжело имѣть дѣло съ людьми неискренними, которые не ищутъ истины, а занимаются лишь словопреніемъ, всѣми правдами и неправдами стараясь одержать верхъ надъ противникомъ. На такую почву, кажется, сталъ мой оппонентъ - имебожникъ А. Булатовичъ. Онъ напечаталъ въ „Дымѣ Отечества“ открытое ко мнѣ письмо, въ которомъ старается разобрать „Мое доброе слово имеславцамъ“, напечатанное отдѣльнымъ

[1]) Въ засѣданіи Св. Синода 21 августа уже и постановлено называть ихъ вмѣсто слова „имеславцы“, *какъ они сами себя величаютъ*, — „имебожниками“, ибо они обожаютъ, почитаютъ за Бога самое имя Божіе.

листкомъ въ Пантелеимоновомъ монастырѣ, въ бытность мою на Св. Горѣ. Прошло два мѣсяца съ появленія этого письма Булатовича, и теперь меня спрашиваютъ интересующіеся новою ересью: почему я не отвѣчаю на это письмо?

А вотъ почему. Письмо А. Булатовича появилось раньше моего отчета или доклада Св. Синоду о моей поѣздкѣ на Аѳонъ, раньше синодальнаго опредѣленія и разъясненія, и я ждалъ, что мой оппонентъ, какъ добросовѣстный монахъ, ознакомившись изъ моего доклада съ обстоятельствами, о коихъ доселѣ зналъ только изъ газетъ да по разсказамъ своихъ послѣдователей, многое возьметъ назадъ изъ массы той лжи и клеветъ, какія имѣются въ его открытомъ письмѣ, и такимъ образомъ исполнитъ долгъ монашеской совѣсти: увы, у него недостало на это мужества! И его читатели и послѣдователи по-прежнему считаютъ Нікона такимъ-то инквизиторомъ, преисполненнымъ ненависти къ несчастнымъ имебожникамъ... Хорошо-ли это?

Дальше. Въ своемъ открытомъ письмѣ онъ, вѣдь, только началъ разборъ „Моего добраго слова къ имеславцамъ“, коснулся только одного святоотеческаго выраженія, мною приведеннаго, и притомъ именно только „коснулся“, а не разобралъ его, такъ что я имѣлъ и имѣю право ждать продолженія этого разбора приводимыхъ мною буквальныхъ выдержекъ изъ писаній богомудрыхъ отцевъ, въ корнѣ опровергающихъ имебожную ересь. Но до сихъ поръ, очевидно, онъ не собрался съ силами опровергнуть сіи свидѣтельства святыхъ отцевъ, а, кромѣ приведенныхъ мною, есть и еще немало такихъ же. И опять: сознаться въ такомъ безсиліи—смиренія недостаетъ... Добрѣ ли сіе?

Итакъ, А. Булатовичъ упорно молчитъ и тщательно замалчиваетъ, скажу больше: очень бы хотѣлъ, чтобъ его послѣдователи совсѣмъ не читали и не знали святоотеческихъ текстовъ, мною приводимыхъ и его ересь обличающихъ, и всячески старается подставить очки своимъ ученикамъ и послѣдователямъ, давая всюду понять, будто онъ полемизируетъ только со мною и Архіепископомъ Антоніемъ Волынскимъ, какъ лицами опасными для Церкви, отъ которыхъ, по его выраженію, „православіе въ Россіи грозитъ померкнуть“ (sic)!, какъ будто вовсе не было ни посланія С. Синода, ни грамотъ двухъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, торжественно заявлявшихъ, что ученіе имебожниковъ—ересь! Паки вопрошаю: честно ли такъ относиться къ столь важному дѣлу? Не значитъ ли это обманывать довѣряющихъ ему простецовъ?..

И онъ еще говоритъ о своихъ „вопляхъ о правосудіи къ архипастырямъ Россіи!“ Да, вѣдь, сіи архипастыри, голосомъ С. Синода, въ его двухъ составахъ-зимней и лѣтней сессій, уже давно отвѣтили на ваши вопли, схимниче, и ни одинъ изъ святителей Церкви Русской пока не протестовалъ противъ посланія С. Синода о вашей ереси; всюду посланіе мирно принято и прочитано въ обителяхъ иноческихъ; два вселенскіе патріарха, въ Бозѣ почившій и нынѣ здравствующій, съ ихъ Синодомъ изъ 12-ти митрополитовъ единогласно заявили, что проповѣдуемое вами, имебожниками, ученіе — ересь; столь же твердо и рѣшительно, въ бесѣдѣ со мною, подтвердилъ сіе и блаженнѣйшій патріархъ Антіохійскій; дерзаю сказать, ибо тако вѣрую, что и вся православная Церковь единымъ сердцемъ и едиными усты—не съ вами, имебожниками, а съ нами, Архіеписко-

пами Антоніемъ и Ніономъ: это—не нашъ одинокій голосъ, не наше частное мнѣніе двухъ архіепископовъ, а голосъ всей Русской Церкви, Церкви Константинопольской, Церкви Антіохійской, — я дерзаю сказать—Церкви во всей вселенной сущей, ибо сей голосъ твердо основанъ на ученіи великихъ отцовъ и учителей Церкви, на ученіи 2-го вселенскаго собора, осудившаго первоначальника вашей ереси-Евномія. Зачѣмъ же притворяться, будто не слышите голоса Церкви, будто только Антоній да Ніконъ обличаютъ васъ, не соглашаются съ вами? Вопросите всѣхъ святителей какъ русскихъ, такъ и греческихъ, славянскихъ, румынскихъ, сирійскихъ и другихъ православныхъ: увѣренъ, что всѣ они едиными усты рекутъ, что ваше ученіе—ересь, что имя Божіе *означаетъ* Бога, какъ иконы напоминаютъ Того, Кого изображаютъ, но—не больше, и само по себѣ не есть Самъ Богъ, что оно, какъ говоритъ вселенскій учитель и святитель Іоаннъ Златоустъ, досточестно и достохвально, но Существо Божіе — Самъ Богъ „кольми паче“ превыше его, досточестнѣе и достохвальнѣе, слѣдовательно имя Божіе—не есть Самъ Богъ.

Іеросхимонахъ долженъ подавать примѣръ послушанія Церкви; васъ, о. Антоній, давно зоветъ на судъ свой святѣйшій патріархъ вселенскій; онъ и лично въ бесѣдѣ со мною освѣдомлялся: явитесь ли вы къ нему на сей каноническій судъ? Я ничего не могъ ему отвѣтить на этотъ вопросъ. Такъ вотъ, вмѣсто того, чтобы писать апологіи своей ереси, вмѣсто того, чтобы уводить за собою — *вонъ изъ Церкви*, непослушаніемъ церковной власти, толпы слѣпо вамъ вѣрящихъ монаховъ, не должны ли вы прежде всего исполнить свой долгъ предъ первосвятителемъ Константинопольской Церкви, къ коей вы, по канонамъ церковнымъ, принадлежите,—пойти въ Царьградъ и очистить себя, если считаете себя правымъ, на судѣ своей Церкви, а потомъ уже и вступать въ полемику и обличать меня и единомышленныхъ со мною святителей—нашъ С. Синодъ и всѣхъ, кто пріиметъ ученіе о имени Божіемъ, изложенное въ посланіи С. Синода. Пока вы заблуждались искренно, пока не слышно было голоса Церкви, дотолѣ можно было относиться снисходительно къ вашему заблужденію, ибо можно было надѣяться, что вы, услышавъ гласъ Церкви, вразумитесь, сознаете свою вину предъ нею; но теперь, когда вы стоите на порогѣ Церкви, готовый покинуть ее, несмотря на ясно выраженный взглядъ Церковной власти на ваше заблужденіе; теперь, когда Церковь принимаетъ совращенныхъ вами уже какъ еретиковъ, по особому чину, не пора ли вамъ оставить полемику и поглубже вдуматься въ свое положеніе? Вѣдь, вы уже вступили на путь осужденія самой Церкви, на путь сознательнаго ей противленія! Ибо что это, какъ не сознательное противленіе Церкви — это упорное невниманіе гласу ея, это замалчиваніе, мало того—отрицаніе ея авторитета?.. Въ „Моемъ добромъ“—все же *добромъ* словѣ, а не „зломъ“, какъ угодно было выразиться вамъ, судія помышленій чужихъ!—приведено до десятка выписокъ изъ святоотеческихъ писаній, опровергающихъ ваши мудрованія; изъ нихъ вы коснулись только одного, и думаете, что опровергли его страннымъ, неумѣстнымъ указаніемъ, что „Балтійское море не есть Финскій заливъ“ и что „солнце не есть лучъ“ солнца... Да, вѣдь, и въ этихъ-то убогихъ сравненіяхъ вы только сами

себя побиваете! Балтійское море останется и безъ Финскаго залива Балтійскимъ моремъ, и солнце останется солнцемъ, если и скроется лучъ его. Такъ и Богъ отъ вѣчности пребываетъ въ существѣ Своемъ безъ имени, ибо для Себя Самого не имѣетъ нужды въ имени, а до сотворенія міра тварныхъ существъ еще не было... „Усвояемыя же Богу имена недавни сравнительно съ Самимъ Богомъ,—не ради Бога, а ради насъ измышлены имена для усвоенія понятія о Сущемъ, т.-е., о Богѣ“: все это, вѣдь, не мои слова, а богомудраго святителя Григорія Нисскаго,—слова, которыя вы, схимонаше Антоніе, тщательно скрываете отъ своихъ послѣдователей—несчастныхъ простецовъ, ввѣрившихъ вамъ свои души... Если сіи и многія другія выраженія св. отцевъ не суть истина, то почему же вы не опровергаете ихъ? Дерзайте, если совѣсть ваша это позволитъ вамъ!

Можно думать, что ваша схимническая совѣсть позволитъ вамъ сдѣлать попытку и на это. Позволила же она вамъ, въ своемъ открытомъ ко мнѣ письмѣ, привести изъ славянскаго „Добротолюбія“ выдержку: „ово бо есть свѣтъ, тѣ же тьма, и ово есть Богъ и Владыка, тѣ же раби бѣсомъ“, — несмотря на то, что вамъ было указано, что въ этомъ мѣстѣ опечатка, что и въ греческомъ текстѣ, и въ русскомъ переводѣ тутъ стоитъ не „ово“, не *τό*, не „сіе“, а *ὁ*, „сей“, надо разумѣть не „имя“, а Самого Господа Іисуса. Скажите по совѣсти: почему вамъ на этотъ, только на этотъ, разъ такъ полюбился именно славянскій переводъ съ его ошибкой? Какъ объяснить ваше упорное нежеланіе признать эту ошибку перевода или даже простую опечатку, обличаемую греческимъ подлинникомъ? Отвѣчайте!...

А вы еще берете на свою совѣсть предвосхищать судъ Божій надо мною,—но, что я говорю: надо мною?—Надъ Св. Сунодомъ, надъ патріархами, надъ всѣми, кто пріемлетъ ученіе объ именахъ Божіихъ, съ вашимъ лжеученіемъ несогласное,—дерзаю сказать: надъ всею Церковію православною! Вы грозите мнѣ судомъ Божіимъ за „Мое доброе слово имеславцамъ“, вашимъ несчастнымъ послѣдователямъ! Богъ видитъ мою искренность, съ какою писалъ я это „доброе слово“. Вы уже предрѣшили, что только для меня, а не для васъ будетъ страшенъ судъ Божій! Пусть же Онъ, Судія праведный, разсудитъ насъ, пусть будетъ *милостивымъ* Судіею и мнѣ, и вамъ за ваши—не клеветы на меня—ихъ да проститъ Онъ вамъ!—а за ваши писанія, уводящія все дальше послѣдователей вашихъ отъ Церкви, заражающія ихъ ядомъ вражды и ненависти противъ власти церковной, противъ носителей благодати—архипастырей Церкви.

Вы „ужасомъ великимъ ужаснулись“, прочитавъ мое доброе слово вашимъ единомышленникамъ. Я со страхомъ прочиталъ ваше дерзновенное обращеніе къ суду Божію. Мнѣ было больно читать эти ваши строки—больно за васъ же! Страшно впасти въ руцѣ Бога Живаго!

Я не стану теперь разбирать всю ложь, всѣ клеветы, какими вы, осыпаете меня со словъ жидовскихъ и лжепатріотическихъ газетъ, враждебно настроенныхъ противъ представителей Церкви Русской, а равно со словъ вашихъ единомышленниковъ, которые не стѣснялись въ храмѣ Божіемъ мнѣ кричать въ глаза: „еретикъ, масонъ“, и подобныя лестныя словеса; вы увѣряете своихъ читателей, что „Мое доброе слово“ изошло изъ „злого и вра-

ждебнаго“ къ вамъ сердца (о, судія сердца чужаго!—повторяю слово блаженнаго Августина); будто я ненавижу имеславцевъ (я всякую *ересь* ненавижу, а еретиковъ *жалѣю*); вы пишете, будто я—о ужасъ!—залилъ братской кровію всю дорогу отъ монастыря до пристани (какой же я разбойникъ!); будто я заставилъ томиться въ темницѣ кого-то (еще новость для меня!); будто насиліемъ отнялъ въ Одессѣ книги у монаховъ на 10,000 рублей (?!) (и во снѣ не снилось мнѣ!) и т. д., и т. д....

Повторяю: я все ждалъ, что вы, какъ добрый схимникъ, прочитавъ выдержки изъ моего доклада Св. Сѵноду, снимете по совѣсти хоть часть нѣкую изъ сихъ обвиненій съ меня; къ сожалѣнію, приходится думать, что у васъ достаетъ совѣсти замолчать все это и оставить несчастныхъ своихъ послѣдователей въ заблужденіи...

Позвольте же мнѣ оказать вамъ нѣкую услугу, предостеречь васъ, съ кѣмъ вы имѣете дѣло, кого избрали себѣ сотрудникомъ...

Въ 1910 году Св. Сѵнодомъ изверженъ изъ сана нѣкій іеромонахъ Таврической епархіи Павелъ Кусмарцевъ, за отреченіе отъ православной церкви, которую онъ именовалъ „формальною, консисторскою, синодальною:“ не тотъ ли это „инокъ Павелъ Кусмарцевъ“, который сотрудничаетъ въ составленіи выпускаемыхъ и распространяемыхъ вами брошюръ?.. Не онъ „собралъ“ присланную вами мнѣ книжку „Ученіе отцовъ Церкви объ именахъ Божіихъ“, въ которой не только о. Іоаннъ Кронштадтскій, но и я, грѣшный, и г. Троицкій, и многіе другіе современные писатели, изъ духовныхъ и мірскихъ, попали въ число „отцовъ Церкви?“...

Знаменательное сотрудничество!...

Я вставилъ въ машину бумагу, чтобы побесѣдовать только съ моими читателями, отвѣтить на ихъ вопросы по поводу открытаго письма ко мнѣ А. Булатовича, но эта бесѣда какъ-то сама собою обратилась въ письмо къ самому Булатовичу. Ну что же? Пусть и онъ прочитаетъ мои думы, пусть эта бесѣда будетъ отчасти отвѣтомъ на его письмо...

Тяжело думать, до чего мы дожили! Всякій, кому вздумается, неизучавшій богословскихъ наукъ не только въ духовныхъ школахъ нашихъ, но хотя бы и дома, подъ руководствомъ добрыхъ наставниковъ, начитавшись, безъ разбора книгъ, хотя и духовныхъ, и полезныхъ, но безъ надлежащей подготовки, уже мнитъ себя „богословомъ“, полагаетъ, будто онъ въ правѣ излагать новые догматы, истолковывать ученіе православной вѣры, и впадаетъ въ ересь, воображая, что онъ-то и защищаетъ истинную вѣру...

Не печальное ли это явленіе?

Давая волю своей мысли летать въ области богословскаго мышленія безъ всякаго контроля, онъ не задумывается надъ вопросомъ: „да по той ли дорогѣ я пошелъ? Есть люди, которые всю жизнь отдали богословскимъ наукамъ: не обратиться ли мнѣ къ нимъ? Быть можетъ, они мнѣ укажутъ источники и пособія болѣе авторитетныя, чѣмъ мое собственное смышленіе. Вѣдь, во всякомъ случаѣ, вопросъ-то, поднятый книгою схимонаха Иларіона, не изъ настолько простыхъ, чтобъ могъ его рѣшать своимъ умомъ я, новичекъ въ богословіи, новичекъ въ монашествѣ, — да если бы даже я имѣлъ и полное богословское образованіе, — это вопросъ, требующій спеціальныхъ знаній не только по богословію, но и метафизикѣ, и патрологіи, и мало ли еще по какимъ

наукамъ... Не напрасно же, вѣдь, святые отцы заповѣдуютъ намъ, простымъ монахамъ, не пускаться въ догматическія изслѣдованія: это дѣло—выше нашего ума!..“

Ничего подобнаго, кажется, не приходило въ голову вчерашняго гусара-іеросхимонаха: (сознайтесь, о. Антоній: вѣдь — правда?) онъ, по военной привычкѣ, захотѣлъ приступомъ взять имя новаго богослова, произвести впечатлѣніе своею „Апологіей“, и сталъ сочинять новый догматъ... Такъ явилась ересь имебожниковъ.

Что же лежитъ психологически въ основѣ новой ереси?

Самочиніе мысли, не искавшей „окормленія“ отъ Церкви.

Чего недостаетъ несчастному гусару, облекшемуся прежде времени въ одежды схимника?

Смиренномудрія, отреченія отъ себя самого, отъ своего смышленія и разумѣнія.

Но если человѣкъ, избалованный воспитаніемъ, успѣхами по службѣ, болѣе или менѣе, хотя и по-свѣтски, образованный, могъ, начитавшись духовныхъ книгъ безъ руководства, залюбоваться на себя, вообразить себя ученымъ богословомъ, то какъ объяснить себѣ, что простецы-то, имъ увлеченные, забыли долгъ послушанія Церкви и упорно идутъ за нимъ вопреки голосу Церкви, призывающему ихъ къ послушанію?

Увы, и простецы способны заразиться тѣмъ же самочиніемъ, какимъ заражаются и мудрецы! Если мудреца ослѣпляетъ самомнѣніе, то простеца ослѣпляетъ его невѣжество. А общая причина одна и у того, и у другого—недостатокъ церковности въ воспитаніи. Ни тому, ни другому никто въ свое время не внушалъ, и имъ въ голову не приходило, что въ дѣлѣ вѣры и жизни во Христѣ у насъ нѣтъ своей воли, своего смышленія: надо все, рѣшительно все, провѣрять разумомъ Церкви и принимать въ свою душу, въ свое сердце, проводить въ свою жизнь только то, что отвѣчаетъ духу Церкви, ученію ея, преданіямъ ея, завѣтамъ ея. Въ вопросахъ сомнительныхъ лучше сознавать свое невѣжество, немощь своего ума, чѣмъ мудрствовать по своему смышленію. Церковно-воспитанный человѣкъ постоянно стоитъ на стражѣ своего сердца, своего мышленія: такъ ли я думаю? не погрѣшить бы, да посмотрю-ка я у святыхъ отцевъ? А что говорятъ митрополитъ Филаретъ, епископъ Ѳеофанъ-затворникъ, что пишутъ старцы подвижники: Макарій Оптинскій, Георгій—затворникъ и другіе? Не говорю уже о научныхъ трудахъ по православному богословію, во всѣхъ его отрасляхъ въ твореніяхъ авторитетныхъ архипастырей и учителей Церкви... Сознавая или, по крайней мѣрѣ, ощущая себя инстинктивно, живымъ членомъ Церкви, онъ будетъ всячески оберегать свое религіозное міросозерцаніе отъ самомалѣйшаго уклоненія отъ ученія Церкви, онъ будетъ постоянно искать живого общенія и съ тѣми, кого Церковь поставила руководителями въ вѣрѣ и жизни для чадъ. Онъ будетъ такимъ образомъ впитывать въ себя самый духъ церковности....

Я боюсь, что не всѣ поймутъ, что я говорю: такъ далеко современность увела христіанъ отъ настоящей церковности! На явленіяхъ отрицательныхъ это будетъ понятнѣе.

У преподобнаго Аввы Дороѳея разсказывается объ одномъ монахѣ, который, когда ему говорили доброе о комъ-либо изъ братіи, уничижалъ каждаго и говорилъ: „что значитъ такой-то? Нѣтъ никого достойнаго, кромѣ Зосимы и подобнаго ему“.

Потомъ началъ и сихъ осуждать и говорить: „нѣтъ никого достойнаго, кромѣ Макарія“. Спустя немного, началъ говорить: „что такое Макарій? Нѣтъ никого достойнаго, кромѣ Василія и Григорія“. Но скоро началъ осуждать и сихъ, говоря: „что такое Василій и что такое Григорій? Нѣтъ никого достойнаго, кромѣ Петра и Павла“... Преподобный Дороѳей говоритъ ему: „поистинѣ, братъ, ты скоро станешь и ихъ уничижать“. И дѣйствительно: чрезъ нѣсколько времени онъ началъ говорить: „что такое Петръ и что такое Павелъ? Никто ничего не значитъ, кромѣ Святой Троицы“... Чѣмъ же кончилось? Онъ возгордился и противъ Самого Бога, и лишился ума...

Пусть простятъ меня имебожники, мнящіе „страдать за имя Божіе“, если напомню имъ недавнее прошлое. Годъ тому назадъ они просили, желали, чтобы на Аѳонъ былъ посланъ русскій епископъ, ибо на мѣстѣ у нихъ не было авторитетнаго лица, который разъяснилъ бы имъ ихъ недоразумѣніе. Казалось, не было нужды для такихъ разъясненій лично являться на Аѳонъ епископу изъ Россіи: достаточно было вопросить кого-либо изъ насъ, епископовъ, и положиться на то, что рѣшеніе будетъ дано вполнѣ согласное съ ученіемъ Церкви. Никто изъ насъ не рѣшился бы отъ своего смышленія отвѣчать на такой вопросъ, не провѣривъ себя, и подготовился бы къ отвѣту... Но пусть такъ, пусть нужно личное присутствіе русскаго архіерея. Извѣстно, что скоро слово сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Пока С. Сунодъ рѣшилъ послать меня на Аѳонъ, тамошніе самозванные богословы уже порѣшили, что не только архіепископъ Антоній волынскій, но и Сунодъ, и Патріархъ—еретики... „Что Антоній? Что Никонъ? Что даже Сунодъ и Патріархъ? Вотъ — соборъ соберите: тогда мы послушаемъ!“ Но, вѣдь, посланія двухъ вселенскихъ патріарховъ, писанныя по обсужденіи дѣла 12-ю митрополитами—патріаршимъ Сунодомъ, посланіе нашего Св. Сунода, принятое безъ всякаго возраженія всѣми іерархами Русской Церкви, опредѣленія Св. Сунода, касающіяся новой ереси,— все это стоитъ если не вселенскаго, то, по крайней мѣрѣ, помѣстнаго собора? Во всякомъ случаѣ, не то, что какой-то самочинный соборикъ 302 полуграмотныхъ монаховъ въ Андреевскомъ скиту или нѣсколькихъ сотъ такихъ же простецовъ въ Ѳиваидѣ, въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, рѣшавшихъ и постановлявшихъ свои опредѣленія, изгонявшихъ изъ обителей православномыслящихъ иноковъ... Вѣдь, съ канонической точки зрѣнія, такіе „соборы“ надо бы считать безчинными сборищами, если бы не считать ихъ просто дѣтскими затѣями... А вотъ, подите же: для имебожниковъ эти „соборы“ важнѣе постановленій и рѣшеній нашей церковной власти, рѣшеній вселенскаго патріарха, хотя на сихъ сборищахъ полуграмотныхъ самочинниковъ не было ни единаго епископа. Но имъ и этого мало: они уже кричатъ въ глупыхъ, враждебныхъ церковной власти газетахъ: „подавайте намъ вселенскій соборъ! Только вселенскій соборъ можетъ быть компетентнымъ рѣшителемъ нашего спора!“ Но не надо быть пророкомъ, что если святая Церковь, какъ любящая мать, снизойдетъ и въ этомъ ихъ желанію, если для нихъ, для ихъ успокоенія и соберетъ соборъ, по своему значенію почти вселенскій, то они не подчинятся и сему собору, и разъ отпадшіе отъ Церкви главари ихъ не

подчинятся рѣшенію собора и останутся въ ереси...

Такова психологія всякой ереси, всякаго заблужденія!

И опять скажу: пусть не посѣтуютъ на меня имебожники: чѣмъ дальше отходятъ отъ Церкви, въ духѣ, въ мысли, ихъ вожди, тѣмъ все ощутительнѣе становится для истинныхъ сыновъ Церкви ихъ отдѣленіе, какъ въ живомъ тѣлѣ чувствуется отмираніе, отпаденіе члена, зараженнаго гангреною... Больно, что вотъ православные русскіе люди, да еще иноки, обѣщавшіе Богу жить иначе, чѣмъ простые смертные міряне, иноки, бросившіе міръ и вся яже въ мірѣ, ради спасенія душъ своихъ, нарушивъ завѣтъ святыхъ отцевъ—не пускаться въ догматическія изслѣдованія, ихъ уму простому недоступныя, впали въ грѣхъ ереси, заболѣли тяжкимъ грѣхомъ гордыни и осужденія всего тѣла Церкви, начинаютъ заражать этою болѣзнію другихъ, здоровыхъ членовъ тѣла Церковнаго и наконецъ—отпадаютъ отъ Церкви прежде, нежели сама Церковь отсѣкла ихъ формальнымъ судомъ... Да, больно это *чувствовать*!...

И долженъ бы объ этомъ подумать въ уединеніи своей родовой усадьбы ихъ вождь, пока еще нелишенный сана, хотя и запрещенный въ священнослуженіи, іеросхимонахъ Антоній Булатовичъ! И вмѣсто того, чтобы строить тамъ какой-то пріютъ для противящихся Церкви своихъ единомышленниковъ,—пойти къ святѣйшему патріарху вселенскому, пасть къ его стопамъ, смириться и раскаяться въ своемъ лжемудрствованіи! Вѣдь, его обращеніе возвратило бы въ Церковь ту тысячу несчастныхъ простецовъ-монаховъ, которыхъ онъ увлекъ за собою, которые не хотятъ—и слава Богу, что не хотятъ уйти отъ Церкви, считая себя,—увы!—въ заблужденіи своемъ—православными! Меня тронулъ разсказъ кіевскаго первосвятителя, что когда одинъ, мнящій себя истиннымъ сыномъ православной Церкви, бояринъ предложилъ имебожникамъ, пріютившимся въ Кіевѣ въ ожиданіи своей участи, отвести имъ землю въ своемъ имѣніи и построить монастырь, съ тѣмъ, чтобы они „легализировались“, то есть, записались особою сектою, и были независимы отъ Св. Сунода—всѣ они, въ одинъ голосъ, заявили, что они такой независимости не желаютъ, что хотятъ пребывать въ Церкви Православной, только не хотятъ подписывать отреченія отъ ереси, ибо считаютъ свое ученіе правымъ...

До боли жаль этихъ несчастныхъ, въ простотѣ своей непонимающихъ, что первымъ, непремѣннымъ условіемъ единенія съ Церковію есть воспріятіе ея ученія, во всей его полнотѣ и чистотѣ, и подчиненіе своего смышленія ученію пастырей, Богомъ поставленныхъ. И какой страшный отвѣтъ дастъ Богу тотъ, кто является виновникомъ этого упорства, кто захватилъ въ свое вліяніе ихъ незрѣлые умы, кто овладѣлъ ихъ простыми сердцами, если они пребудутъ внѣ лона церковнаго, если умрутъ такою же смертью, будутъ погребены такимъ же погребеніемъ—безъ отпѣванія по чину церковному, какъ несчастный игуменъ Арсеній!

Слышите ли вы это, Антоній Булатовичъ?... Или и эти мои строки назовете лицемѣріемъ и „ужаснетесь ужасомъ великимъ“, какъ это было—если только было—при чтеніи моего „добраго слова къ имеславцамъ“?...

Смѣю думать, что подъ сими моими строками подпишутся всѣ святители православной Церкви, по крайней мѣрѣ—самый смыслъ ихъ

самую суть моихъ желаній, несомнѣнно, раздѣлятъ всѣ до единаго! Кіевскіе простецы-имеборжники сердцемъ чувствуютъ непреложную истину, что только въ единеніи съ Церковію возможно спасеніе; они не могутъ только разобраться въ той путаницѣ понятій, какую въ ихъ души внесли вожди еретическаго движенія, и боятся, какъ бы не измѣнить мнимой истинѣ. Во всякомъ случаѣ, можно думать, что если вы, о. Антоній Булатовичъ, строющій, какъ говорятъ, у себя въ имѣніи какой-то пріютъ для своихъ единомышленниковъ, предложите имъ поселиться въ этомъ пріютѣ съ тѣмъ, чтобы „легализовать себя“ какъ особую секту, то они отвергнутъ и ваше предложеніе, какъ отвергли предложеніе именитаго графа: въ этомъ отношеніи сіи простецы стоятъ куда — выше васъ, хотя вы и мните себя просвѣщеннѣе ихъ! И мы надѣемся, что они скорѣе васъ примирятся съ матерію—Церковію и отвергнутъ осужденное ею ваше лжеученіе...

195.

Живы ли мы?

(Мое доброе слово вѣрующимъ интеллигентамъ).

Часто приходится слышать отъ людей вѣрующихъ, да и самому повторять: тяжелое время! вѣра гаснетъ въ сердцахъ, зло надвигается отовсюду, а отпора ему нѣтъ, жить тяжело!

Все это—безспорная истина. Но, вѣдь, надо же поискать и причину этого тяжелаго положенія. Въ самомъ дѣлѣ: ужели оно такъ безвыходно, что остается только въ отчаяніи сложить руки и ждать общей погибели?

На одну изъ многихъ причинъ, хотя, можетъ быть, и не главную, мнѣ и хотѣлось бы указать... Прошу только выслушать меня безъ всякаго предубѣжденія: вѣдь, я буду говорить съ людьми вѣрующими, а кто въ Бога не вѣруетъ, тотъ и не читай этихъ строкъ.

Послѣ моего возвращенія съ Аѳона меня со всѣхъ сторонъ засыпали вопросами: что? какъ? почему?...

Отвѣчаю: подождите немного, не спѣшите: напечатаю свой докладъ С. Синоду—узнаете, въ чемъ дѣло; только, ради Бога, не вѣрьте газетамъ: такъ много въ нихъ лжи, клеветы, извращенія фактовъ и всего дѣла, что трудно вамъ разобраться.

Появился мой отчетъ. Кто прочиталъ его—успокоился, если только вѣрилъ мнѣ, не считалъ меня лжецомъ. Иной, правда, высказывалъ еще недоумѣнія, но они касались не сущности дѣла, а отношенія къ нему нашей печати. Но это уже другой вопросъ...

Но большинство интеллигенціи (опять говорю только о вѣрующихъ) доселѣ не знаетъ о существованіи моего доклада и продолжаетъ, опираясь на старыя газетныя сплетни, допрашивать меня: что тамъ вы надѣлали? что дѣлаетъ наше посольство?...

— Да вы читали мой отчетъ?

— Гдѣ? какой отчетъ?

— Напечатанъ въ „Церк. Вѣд.“, „Моск. Вѣд.“, „Колоколѣ“, въ моемъ „Троицкомъ Словѣ“ во всѣхъ 60-ти „ЕпархіальныхъВѣдомостяхъ“

въ нѣкоторыхъ патріотическихъ газетахъ, *честно* относящихся къ вопросамъ церковной жизни.

— Признаться, не читалъ. А вотъ въ „Рѣчи", въ „Биржевкѣ", въ „Русскомъ Словѣ"... пишутъ то и то...

Что на это скажешь?..

Вѣдь, всеконечно, іудейскія и іудействующія газеты, да и наши лжепатріотическіе „Дымы", „Гражданины" и имъ подобные органы, пропитанные какою-то непонятною ненавистью къ правящей церковной власти, къ ея представителямъ, не станутъ печатать моего отчета. Вотъ, вырвать изъ него нѣсколько строкъ, исказить ихъ, окрасить въ желаемый цвѣтъ—это они, пожалуй, сдѣлаютъ еще, а проще всего—замолчатъ. Такъ откуда же вы, вѣрующіе интеллигенты, можете знать истину о томъ, что творится въ церковной жизни, когда не хотите въ руки брать нашихъ органовъ, когда—стыдно сказать—не знаете объ ихъ существованіи? Что намъ дѣлать съ вами, какъ освѣдомлять васъ о томъ, что какъ будто интересуетъ васъ?.. Ужъ не разсылать ли вамъ всѣмъ по адресъ-календарю свои статьи, все то, что, по нашему мнѣнію, должно бы васъ интересовать изъ нашей церковной жизни? Кажется, готовы бы мы и это сдѣлать, по мѣрѣ силъ и средствъ нашихъ, да будете ли читать-то? Простите: плохо вѣрится этому. Въ бесѣдѣ личной вы, какъ будто, интересуетесь, а когда скажешь вамъ: прочтите, ну, положимъ, въ „Церк. Вѣд." или хотя бы въ моемъ „Тр. Словѣ": тамъ я подробно все изложилъ,—слышишь вопросъ: „Троицкое Слово"? Что это за изданіе? Никогда не слышалъ! Вы бы напечатали свою статью хоть въ „Новомъ Времени": всѣ бы прочитали... Но что вы подѣлаете съ этимъ газетнымъ бариномъ, съ „Новымъ Временемъ", когда туда не всякаго изъ насъ, даже архіереевъ, пускаютъ? Объ органахъ, находящихся въ рукахъ жидовъ и ихъ приспѣшниковъ всякаго рода—нечего и говорить: тамъ готовы насмѣяться надъ нами, наклеветать на насъ, а напечатать наше слово—ни-ни, ни за что!!

Ужели это вамъ не извѣстно, вѣрующіе русскіе люди?

— А кто знаетъ о вашихъ изданіяхъ,—слышу я въ отвѣтъ: кто слыхалъ о какомъ-то „Троицкомъ Словѣ", кто читаетъ скворцовскій „Колоколъ"?

— Да, вотъ о „Троицкомъ Словѣ" я говорю вамъ: всего стоитъ 1 рубль въ годъ, за 50 №№, и есть у меня небольшая семья читателей, тысячъ пять, которые не лѣнятся посылать этотъ рубль въ редакцію, (говорю: не лѣнятся, ибо у кого же изъ „интеллигентовъ" рубля не найдется?) а что касается „скворцовскаго" „Колокола", то—простите: это пренебрежительное прилагательное показываетъ только ваше предубѣжденіе противъ газеты, основанное на постоянныхъ клеветахъ на нее со стороны читаемыхъ вами „Биржевокъ", „Рѣчей" и прочей іудейской челяди. Правда, кто безъ грѣха, особенно въ ежедневной спѣшной газетной работѣ; можетъ дѣлать промахи и „Колоколъ"; но все же это органъ, заслуживающій благодарности со стороны православныхъ русскихъ людей: въ немъ сотрудничаетъ до 15-ти іерарховъ, почтенные профессора духовныхъ академій, многіе протоіереи и церковные дѣятели, ни мало не стыдясь, а за честь почитая подписывать въ этой газетѣ свои имена... А вотъ вы какъ будто стыдитесь въ руки взять эту газету... Что жъ? „Биржевка" или „Вечернее Время", съ ихъ сотрудниками изъ разстригъ или прогнанныхъ со службы „профессоровъ",

въ вашихъ глазахъ освѣдомленнѣе и авторитетнѣе „скворцовской“ газеты?..

Но пусть „Колоколъ“—неважная газета: насъ, православныхъ русскихъ людей на Руси наберется не одинъ милліонъ: почему же не создадимъ мы *своей* хорошей православной газеты ежедневной? Не стыдно ли намъ, что жиды сумѣли захватить въ свои поганыя руки сотни нашихъ газетъ, а мы не можемъ поддержать—не говорю уже новую создать—а хотя бы поддержать одну уже существующую газетку?! Вѣдь, все и дѣло въ томъ, что при ничтожныхъ средствахъ трудно поставить газету такъ хорошо, какъ бы хотѣлось.

Впрочемъ, пожалуй, скажутъ, что я рекламирую „скворцовскую“ газету. Ну, давайте же издавать свою церковную газету! Надо сознаться, что газета стала потребностью современнаго интеллигентнаго человѣка, какъ чашка утренняго чая или кофе, какъ... для курящихъ папироска. И вотъ, встаетъ русскій человѣкъ, садится за чай и беретъ... жидовскую газету... И нынѣ, и завтра, и такъ изо дня въ день впитываетъ онъ въ себя, незамѣтно для самого себя, ядъ отрицанія, ядъ вражды ко всему родному, святому, церковному, невольно перевоспитываетъ себя, подмѣниваетъ свое міросозерцаніе, свои понятія, воззрѣнія, а затѣмъ и—свои сочувствія, склонности. Проходятъ годы; и если бы человѣкъ вздумалъ въ добрую минуту оглянуться на самого себя, сравнить себя въ настоящій моментъ съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ десятки лѣтъ назадъ, въ отношеніи къ Церкви, къ церковной власти, къ народнымъ идеаламъ, то себя не узналъ бы... А, вѣдь, казалось бы, да и наше самосознаніе говоритъ, что душа—не то, что тѣло: она всегда должна быть одна и та же, все, что она скопляетъ въ жизни: знаніе, опыты, наблюденія—все это „благопріобрѣтенное“ должно бы ею усвояться разумно, не измѣняя ея самой, не подмѣнивая нашего „я“... Наше „я“ должно бы быть хозяиномъ въ томъ, что приходитъ къ нему совнѣ, разбираться въ томъ, что доставляетъ ему и наблюденіе, и чтеніе, и опытъ... Доброе усвоять, худое отбрасывать. Не позволять вторгающимся въ душу недобрымъ впечатлѣніямъ хозяйничать, порабощать душу, а выпроваживать вонъ этихъ непрошенныхъ гостей. А если можно, то и двери предъ ними затворять поплотнѣй,—т. е., вовсе въ руки не брать этихъ пахучихъ газетъ, журналовъ и книгъ. Надо оберегать свою душу отъ этой нечисти.

Надо еще и то сказать: слишкомъ не бережливы мы на время. Еще въ старой грамматикѣ Востокова мы учили: „время драгоцѣнно; ничѣмъ его не замѣните; худо—не беречь его; употреблять его на зло—еще хуже“. Приходится нынѣ напоминать эти азбучныя истины современному интеллигенту, особенно когда идетъ рѣчь о чтеніи. Читаютъ все, что подсунутъ изобрѣтательные авторы и редакторы—изъ „текущей литературы“, читаютъ какъ новинку, лишь бы читаемое щекотало чувство пытливости или—питало ту или другую страсть. А взять въ руки хорошую, особенно духовно-нравственную книгу—все недосужно: такъ и вся жизнь пройдетъ—не соберутся прочитать! А жизнь течетъ и течетъ, дни за днями, годы за годами, смотришь—уже надвигается и старость... Съ какимъ багажомъ пойдемъ туда, откуда нѣтъ возврата? Добрыхъ дѣлъ нѣтъ; покаянія не приносимъ; молитва молчитъ; а душа полна газетнаго мусора...

Страшная пустота, и отсюда—томленіе духа!

Я говорю съ вѣрующими, и потому напоминаю о грядущей развязкѣ, о неизбѣжной катастрофѣ въ личной жизни каждаго. Но и въ настоящей земной жизни потеря времени невознаградима. Англичане говорятъ: „время—деньги". Нѣтъ, его не купишь ни за какія деньги. Вчерашняго дня не вернешь. А между тѣмъ пустое чтеніе газетъ страшно засоряетъ душу, пріучаетъ умъ къ верхоглядству, легкомыслію, непростительной самоувѣренности, разсѣянности, дѣлаетъ неспособнымъ къ серьезному труду, сосредоточенности и напряженію мысли,—кто изъ насъ не знаетъ сего по опыту? Знаемъ, и однакоже — какъ только встанемъ съ постели, сядемъ за чай—такъ подавай газету, да еще не одну...

А въ наше время это вдвойнѣ стало опасно: враги Церкви и государства отлично подмѣтили эту нашу слабость и пользуются ею, чтобы отравлять насъ тѣмъ ядомъ, о коемъ я говорилъ выше. И, вѣдь, вотъ что больно: они принимаютъ всѣ мѣры, чтобы мы не могли имѣть подъ рукою противоядія. Нынѣшнее лѣто пришлось мнѣ два раза пересѣчь Россію съ сѣвера на югъ и обратно по разнымъ желѣзнымъ дорогамъ, и что же? Нарочно на всѣхъ узловыхъ станціяхъ спрашивалъ газеты патріотическаго направленія и нигдѣ—ни одного №: ни „Колокола", ни „Моск. Вѣд.", ни „Русскаго Знамени": даже мальчишки-продавцы будто стыдятся этихъ названій! За то „Рѣчи", „Рус. Слова", разныхъ „Утръ"—таскаютъ цѣлыя кипы. Замѣчательно, что когда я спрашивалъ „Моск. Вѣд.", то на нѣсколькихъ станціяхъ мнѣ подсовывали „Русскія Вѣд.". А на мое замѣчаніе, зачѣмъ меня обманываютъ—отвѣчали: „да, вѣдь, и эти въ Москвѣ издаются!" Это, конечно, не случайность: это — бойкотъ порядочныхъ изданій, это—заговоръ противъ русскаго человѣка, это — намѣренное отравленіе его ядомъ современныхъ мудрованій. И никому изъ насъ дѣла до того нѣтъ! Никто не пожалуется на это кому слѣдуетъ; напротивъ: спокойно даютъ деньги продавцамъ и берутъ себѣ порцію яда, именуемаго газетою, и читаютъ, хотя иногда и отплевываются, какъ отъ плохой папироски. И это—всѣ, не исключая самыхъ добрыхъ патріотовъ: „что же дѣлать, если другой газеты не найдешь?"... Вотъ и весь нашъ протестъ!

Иногда приходитъ на мысль: да живы ли мы? Не умерли ли? Не бродитъ ли вмѣсто насъ по Русской землѣ одна тѣнь наша? Въ самомъ дѣлѣ: если правда, что мы еще живые русскіе православные люди, люди, въ Бога вѣрующіе и Русь свою любящіе, то какъ объяснить это равнодушіе наше ко всему, что творится вокругъ насъ, это непростительное непротивленіе злу, насъ же отравляющему? Я не объ однѣхъ газетахъ говорю: присмотритесь къ жизни общественной; гдѣ вы, русскіе православные люди?! Кіевъ посылаетъ въ Г. Думу лютеранина: не стыдно ли всей Руси изъ-за этого выбора? Не нашлось, видите ли, въ колыбели русскаго православія, въ матери городовъ русскихъ, человѣка православнаго! Москва избираетъ себѣ въ головы католика: этого еще недоставало для сердца православной Россіи! Всюду почти верховодитъ инородецъ, инославецъ, а если и русскій по имени, то хуже всякаго инородца! О томъ, вѣруетъ ли человѣкъ въ Бога, нынѣ при разныхъ выборахъ и не спрашиваютъ! А ужъ о православіи не смѣютъ и вопроса ставить... Правду сказалъ

мнѣ недавно одинъ мудрый святитель: „не обманываемъ ли мы, пастыри, сами себя, когда считаемъ паству свою милліонами? Посмотришь поближе,—язычество и невѣріе въ интеллигенціи, язычество и суевѣріе въ простомъ народѣ: гдѣ же хрістіанство? много ли среди насъ хрістіанъ?“. Другой сказалъ: „меня больше всего страшитъ это,—сказалъ бы я—какое-то академическое отношеніе русскихъ людей къ тому, что переживаетъ нынѣ Россія. „Истинно-русскіе“ люди немало говорятъ, читаютъ умныя лекціи о задачахъ и идеалахъ „правыхъ“ сообществъ и, въ то же время ссорятся между собою на радость врагамъ, а дѣла, настоящаго дѣла, не видно, какъ будто дѣло дѣлать—не ихъ забота... Мертвѣемъ мы, умираемъ!“...

Простительно было такое „академическое“ отношеніе къ положенію дѣлъ на Руси тогда, когда темныя силы не выходили наружу, не работали такъ открыто, такъ энергично для разрушенія Церкви и отечества нашего. Теперь — совсѣмъ иное дѣло. На нашихъ глазахъ ведется подкопъ подъ всѣ основные устои нашей Руси православной; мы не можемъ не видѣть, какъ постепенно, но и настойчиво, постоянно, камушекъ за камушкомъ, песчинку за песчинкой извлекаютъ изъ подъ основанія Руси, какъ подмѣниваютъ, перевоспитываютъ міросозерцаніе нашего народа, какъ отравляютъ умъ и сердце его разлагающими ученіями соціализма, атеизма, и прочихъ жидами изобрѣтенныхъ „измовъ“... Если мы живы, если еще не отпали, какъ мертвые члены, отъ живого народнаго тѣла, то ужели не чувствуемъ боли отъ всего этого? Да кто же, какъ не мы, мыслящая часть народа, должны и чувствовать, и сознавать, и цѣлымъ сердцемъ искать выхода изъ такого положенія, искать спасенія для народа, и для себя, стоять во главѣ народа и руководить имъ? Не пастыри только, но всякій преданный Церкви, любящій родину мать, должны болѣть ихъ болѣзнями, страдать сердцемъ ихъ страданіями, а не ограничиваться академическими разсужденіями: такія разсужденія только обличали бы насъ, что мы стоимъ гдѣ-то въ сторонкѣ и не живемъ одною жизнью съ Русью, а смотримъ на нее, какъ на нѣчто для насъ внѣшнее, постороннее... И если мы ничего не придумываемъ, ничего не дѣлаемъ для спасенія народа, то что же можетъ придумать самъ народъ, котораго всячески сводятъ съ историческихъ путей, уводятъ подальше отъ Церкви, сбиваютъ съ толку, отравляютъ сектами, недовѣріемъ къ власти, пьянствомъ, хулиганствомъ (поблажая этимъ порокамъ безнаказанностью)? Было время, когда не тронуто было религіозное міросозерцаніе народа, и тогда среди народа росли и въ минуту трудную выходили Мнины, а нынѣ ихъ что-то не видно...

Вотъ и думается: если бы мы были живы, то поменьше говорили бы, а побольше дѣлали.

Если бы были живы, то понимали бы всю опасность переживаемаго времени для нашего народа, для Церкви нашей, для отечества.

Если бы были живы, то тѣснѣе объединялись бы, прощали бы другъ другу нѣкоторое разномысліе, цѣнили бы другъ въ другѣ то, что дорого, исправляли бы другъ друга не сарказмами, не безсердечной критикой (оставимъ эти средства нашимъ врагамъ!), а спокойнымъ словомъ любви и взаимнаго братскаго вразумленія.

Если бы были живы, то давно бы была у насъ своя церковная хорошая ежедневная газета, кото-

рая освѣщала бы съ православной точки зрѣнія всѣ явленія современной жизни: церковной, общественной, государственной и отвѣчала бы на запросы этой жизни твердо, ясно и спокойно-авторитетно...

Если бы мы были живы, то не посмѣли бы продавцы отказывать намъ въ правой газетѣ, не смѣли бы обманывать насъ, предлагая либеральный листокъ вмѣсто хорошей газеты только потому, что и этотъ листокъ издается въ Москвѣ...

Если бы мы были живы, то и въ Государственной Думѣ, въ Г. Совѣтѣ, да и во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, большинство состояло бы изъ русскихъ православныхъ людей, и вся жизнь государственная шла бы по намѣченнымъ нашею исторіей, нашими мудрыми предками путямъ.

Но что говорить о томъ, чего не видишь? Если дѣйствительность рѣзко противорѣчитъ мечтамъ?

О, какъ бы я былъ радъ убѣдиться, что я ошибаюсь, пиша эти строки, что мы, т.-е., всѣ тѣ православные русскіе люди, которые называютъ себя „правыми“, еще способны дать дружный отпоръ нашимъ общимъ врагамъ, способны отбить у нихъ захваченныя ими позиціи и помочь несчастному народу, сбиваемому съ историческаго, Богомъ ему указаннаго пути, вернуться на этотъ путь и пойти къ своему великому назначенію! Какъ бы мнѣ хотѣлось громко крикнуть на всю Русь православную:

— Кто живъ человѣкъ?—Отзовися!...

Только не словомъ: словъ довольно, а дѣломъ, дѣломъ любви къ Церкви православной, нашей матери благодатной, дѣломъ любви къ родинѣ многострадальной, дѣломъ любви къ народу, смущаемому въ своей совѣсти, дѣломъ любви къ Царю-Помазаннику Божію...

196—197.

Смиренномудріе православія.

I.

Въ святоотеческихъ писаніяхъ, какъ въ мало разработанныхъ алмазныхъ копяхъ, часто встрѣчаются такіе чудные бриллианты, что глядишь на нихъ—не налюбуешься, вдумываешься въ глубокій смыслъ этихъ, воистину, духоносныхъ изреченій и—не надивишься ихъ чистотѣ, истинности и жизненности...

Вотъ одно изъ такихъ изреченій, записанное тысячу триста лѣтъ назадъ, на Богошественномъ Синаѣ, но имѣющее особенную цѣнность для нашего времени. Какъ будто великій авва Іоаннъ, авторъ дивной „Лѣствицы, возводящей на небо“, нарочно записалъ его для насъ, отдаленныхъ его духовныхъ потомковъ и учениковъ. Внимайте, православные люди!

„Невозможно пламени происходить отъ снѣга; еще болѣе невозможно быть смиренномудрію въ иновѣрномъ или еретикѣ. Исправленіе сіе (то-есть, качество, добродѣтель) принадлежитъ однимъ православнымъ, благочестивымъ и уже очищеннымъ“ („Лѣствица“, сл. XXV, гл. 33)

Дивное слово! Святая истина!

Само собою понятно, что святый Лѣствичникъ подъ словомъ „смирен-

номудріе" разумѣетъ не смиренномудріе, какое свойственно неправославнымъ, равно и подъ словомъ „православные" разумѣетъ не тѣхъ, кто числится таковымъ только по метрикамъ. „Смиреніе, говоритъ онъ, есть безыменная благодать души, имя которой тѣмъ только извѣстно, кои познали ее собственнымъ опытомъ"; это не есть особая добродѣтель; это—общее свойство всѣхъ добродѣтелей, совершаемыхъ православнымъ христіаниномъ; это—ароматъ, которымъ благоухаетъ душа православнаго и всѣ его дѣянія; это—постоянное настроеніе его, воспитываемое имъ въ себѣ, по заповѣди Господа: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мѳ. 11, 29); это—христоподражательное свойство христіанской души, сообщаемое ей благодатію Христовою и привлекающее къ ней сію благодать. А область воздѣйствія благодати спасающей есть святая Церковь съ ея богоустановленными таинствами, ея постояннымъ общеніемъ съ Церковію небесною и съ Самимъ Главою ея—Господомъ Іисусомъ Христомъ въ святѣйшемъ таинствѣ Евхаристіи. Посему наше святое православіе носитъ въ себѣ, какъ существенный нравственный признакъ своего божественнаго происхожденія и чистоты—христоподражательное смиренномудріе.

Недавно вышла книга г. Ю. Колемина: „Римскій духовный цезаризмъ". Съ удовольствіемъ прочиталъ я это произведеніе православнаго мірянина, вступившаго въ единоборство съ ученымъ папистомъ Пальміери. На всѣхъ пунктахъ православный самоучка-богословъ разбиваетъ своего противника православнымъ понятіемъ о Церкви, какъ о живомъ тѣлѣ Христа, какъ объ организмѣ любви, объемлющемъ всѣхъ спасаемыхъ во Христѣ,—вездѣ отнимаетъ у него почву изъ подъ ногъ и остается неуязвимъ со стороны ученаго паписта. Да, Церковь есть живой организмъ любви, вся покрывающей, вся оскудѣвающая въ насъ восполняющей, ибо Глава ея—сама воплощенная Любовь. Но въ порядкѣ нравственныхъ понятій смиренномудріе есть матерь самой любви, ея основа, первая ступень къ совершенству и къ любви въ лѣствицѣ блаженствъ евангельскихъ. Сама воплощенная Любовь глаголетъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*. Гдѣ нѣтъ смиренія, тамъ нѣтъ мѣста для любви. Только смиреннымъ дается благодать истинной любви. Римъ все свое міросозерцаніе построилъ на началахъ права, и притомъ языческаго, а холодное право не уживается съ приснопламенѣющею любовью. Гдѣ проявляетъ себя одно право, тамъ открывается дверь гордынѣ, а гдѣ возноситъ голову гордыня, тамъ нѣтъ и тѣни любви.

Органъ любви есть сердце, а сама любовь есть смиреніе сердца. Кто не способенъ смириться, тотъ не способенъ и любить. Я скажу больше: тотъ не способенъ воспріять въ свое существо великую святыню—самый духъ православія, какъ истиннаго христіанства, ибо, воистину, „исправленіе сіе принадлежитъ только православнымъ", и притомъ „живущимъ благочестиво", въ своей жизни осуществляющимъ идеалы православія, и даже—„уже очищеннымъ", побѣдившимъ въ самихъ себѣ страсти, или же, по крайней мѣрѣ, всѣми силами стремящимся къ такой побѣдѣ. Позволю себѣ пополнить раскрытіе понятія о православіи, сдѣланное г. Колеминымъ, подчеркнувъ въ немъ именно этотъ существеннѣйшій признакъ—смиренномудріе. Конечно, и латинскіе богословы могутъ сказать, что и у нихъ смире

ніе—на первомъ планѣ, ибо гдѣ безусловное, *слѣпое* послушаніе авторитету, тамъ нельзя же отрицать и доли смиренія. Но въ томъ-то и разница, что тамъ смиреніе мертвое, рабское, внѣшнее, подневольное, а въ православіи оно живое, дѣятельное, внутреннее, свободное, какъ атмосфера жизни, какъ дыханіе всѣхъ объединяющей любви Христовой. Если нуженъ авторитетъ, то онъ имѣется и у насъ налицо: это—сама Церковь, Христомъ возглавляемая. Любя ее беззавѣтно, мы смиренно склоняемся предъ ея авторитетомъ, ибо знаемъ, что она—наша любящая мать и непорочная невѣста Христова, она насъ не обманетъ. Мы потому и *вѣруемъ* въ нее *(вѣрую во едину святую, соборную и апостольскую Церковь)*, что для нашего ограниченнаго разума въ ней такъ много непостижимаго, а ея глава—Самъ Богъ всесовершенный, ее одушевляетъ Самъ Духъ животворящій, Духъ истины и жизни Податель. И въ этой нашей вѣрѣ въ Церковь, въ самомъ основаніи сей вѣры, лежитъ все тотъ же духъ смиренія, ибо вѣра и есть, по ея проявленію въ нашей духовной жизнедѣятельности, смиреніе нашего разума предъ Божіимъ всевѣдѣніемъ, при чемъ сей разумъ рукою смиренія воспріемлетъ отъ Божія всевѣдѣнія святыя истины вѣры, и, не испытуя ему недовѣдомаго, слагаетъ ихъ въ сокровищницу сердца, какъ драгоцѣнные самоцвѣтные камни среди камней, такъ сказать, искусственныхъ, то-есть, знаній, добываемыхъ нами посредствомъ наукъ или опытомъ жизни.

Я указалъ на авторитетъ Церкви. Къ сожалѣнію, самое понятіе о Церкви въ средѣ именующихъ себя ея сынами не одинаково... Одни—простецы, при словѣ Церковь, прежде всего вспоминаютъ храмъ Божій, а когда имъ пастырь говоритъ, что Церковь православная учитъ тому-то, начинаютъ смутно—скорѣе чувствовать сердцемъ, чѣмъ догадываться умомъ, что это не просто стѣны храма, а что то иное, высшее, ихъ уму недоступное, но сердцу родное, и—именно младенчески *вѣруютъ* въ Церковь. Другіе, коихъ коснулась европейская цивилизація, подъ вліяніемъ западныхъ неправославныхъ взглядовъ, склонны разумѣть подъ словомъ „Церковь“ почти только іерархію, а иные, наоборотъ, безразлично и народъ вѣрующій и самую іерархію, не придавая послѣдней особаго значенія. Первое понятіе неясно, неопредѣленно, но его недостаточество покрывается смиреніемъ вѣры въ Церковь, какъ Божественное учрежденіе. Остальные два, какъ истекающія изъ западнаго міросозерцанія, не могутъ быть признаны православными. Г. Колеминъ, вслѣдъ за Хомяковымъ, опредѣляетъ Церковь, какъ организмъ любви, какъ живое таинственное тѣло Господа Іисуса Христа. Это согласно съ ученіемъ Апостола Павла о Церкви. Церковь, какъ живой организмъ, объединяетъ въ себѣ всѣхъ спасаемыхъ во Христѣ, отъ первозданнаго Адама до послѣдняго христіанина, который приметъ св. крещеніе, быть можетъ, въ послѣдній день міра, въ день пришествія Христова. Они вообще объединяются вѣрою, а въ новомъ завѣтѣ — іерархіей, или священноначаліемъ, и таинствами, наипаче же таинствомъ Тѣла и Крови Господней: *единъ Хлѣбъ—едино Тѣло есмы мнози, говоритъ св. Апостолъ вси бо отъ единаго хлѣба причащаемся.* И кто хочетъ не на словахъ, а на дѣлѣ быть живымъ членомъ сего спасительнаго организма любви, тотъ прежде всего долженъ помнить 9-й членъ Символа вѣры:

вѣрую во едину святую, соборную и апостольскую Церковь. Слово: *вѣрую* говоритъ больше, чѣмъ слова: знаю, убѣжденъ, понимаю и принимаю. *Вѣрую* значитъ: безусловно пріемлю, какъ истину, хотя и не вполнѣ умомъ понимаю; довѣряюсь всецѣло авторитету чистой истины, содержимой и всзвѣщаемой Церковію. Вѣрую въ Церковь, потому что вѣрую въ невидимую очами тѣлесными Главу ея—Господа Іисуса, потому что невидимы тѣлесными очами всѣ члены ея, уже къ Богу отшедшіе, въ Церкви небесной пребывающіе. Вѣрую, что святая Церковь, въ полнотѣ своей, непогрѣшима, ибо ея Глава—Хрістосъ Спаситель грѣху непричастенъ и заблуждаться не можетъ. Вѣрую, что когда есть нужда раскрыть ту или другую сторону истины ученія Хрістова для немоществующихъ чадъ Церкви, Хрістосъ не допуститъ Своей Церкви, въ ея полнотѣ, впасть въ ересь. Среди тѣхъ, кому Онъ ввѣрилъ по преемству отъ Апостоловъ хранить чистоту ученія Своего, заповѣдавъ прочимъ повиноваться имъ: *слушаяй васъ Мене слушаетъ, и отметаяйся васъ Мене отметается,*—среди пастырей и учителей Церкви, облеченныхъ благодатію священства и руководимыхъ сею благодатію, у Него всегда есть носители и провозвѣстители чистой истины Его ученія, отсѣкающіе свое смышленіе предъ разумомъ Его Церкви, открывающіе умъ и сердце свое предъ Нимъ, съ готовностію исполнить святую волю Его, хотя бы для сего и душу свою положить подобало. „Выходитъ, говоритъ г. Колеминъ, что, по латинскому взгляду, въ нѣдрахъ Церкви якобы существуетъ такая отдѣльная часть, такая корпорація, которая называется „Церковь учащая“ и которая, имѣя, по соціально-іерархическому положенію юридическую монополію вѣры и благодати, осуществляетъ эту монополію суверенным учительствомъ. И сіе „учительство“ выражается въ законодательствѣ по вопросамъ вѣры, т. е., въ суверенномъ объявленіи догматовъ вѣры“. — Это, конечно, ученіе латинское, гдѣ все сводится къ „юридической“ точкѣ зрѣнія, „къ монополіи“, „суверенитету“. „Ничего православнаго въ этотъ нѣтъ“, говоритъ г. Колеминъ, Въ такой юридической постановкѣ, конечно, нѣтъ. Но какъ въ живомъ тѣлѣ есть „око“, „ухо“, „руки“, „ноги“, такъ и въ тѣлѣ Церкви Хрістовой, по слову Апостола Павла, есть различныя „служенія“, и Господь поставляетъ въ ней *пастырей и учителей*, и мы вѣруемъ, что благодать хиротоніи не бываетъ въ нихъ тщетна. Апостолъ говоритъ, что Господь поставляетъ ихъ именно *въ созиданіе тѣла* Церкви Своей, въ назиданіе, въ поученіе, въ руководительство чадамъ Церкви. Подъ ихъ водительствомъ должна „возрастать“ Церковь Божія, какъ нива Хрістова, какъ зданіе Божіе. Выясняя смыслъ слова: „Церковь учащая“, г. Колеминъ говоритъ: „мы признаемъ это слово, поскольку „Церковь учащая“ относится къ спеціальнымъ обязанностямъ словеснаго учительства, помощи душевной для ищущихъ благого совѣта и хрістіанскаго подвига. Этимъ высокимъ обязанностямъ посвящаютъ себя пастыри“. И тутъ же, въ примѣчаніи, оговаривается, что тутъ рѣчь идетъ „не о благодати рукоположенія на совершеніе таинствъ, ни о законномъ управленіи богопоставленными пастырями Церковью Хрістовой на землѣ“. „Но если бы свѣтское лицо хотѣло слѣдовать этому примѣру, и если бы оно хотѣло такимъ обра-

зомъ жертвовать собою на служеніе другимъ, то и для него этотъ путь открытъ". Конечно, въ семьѣ родители должны учить своихъ дѣтей вѣрѣ и благочестію; конечно, то же должны дѣлать и наставники въ школахъ; конечно, каждый вѣрующій, во имя любви долженъ, если можетъ, помогать спасенію ближняго добрымъ совѣтомъ, наученіемъ, вразумленіемъ. У насъ даже есть цѣлый классъ мірянъ, поучающихъ вѣрѣ и догматамъ вѣры: это—міряне-миссіонеры. Въ этомъ смыслѣ, конечно, „вся Церковь Христова есть Церковь учащая", какъ говоритъ г. Колеминъ. Но это положеніе требуетъ оговорки. Все это „учительство" мірянъ, по идеѣ церковности, должно проходить не иначе, какъ подъ руководствомъ Богомъ поставленныхъ пастырей Церкви, съ ихъ благословенія, по ихъ указаніямъ, хотя бы въ уваженіе къ благодати хиротоніи, коей сила не ограничивается только „совершеніемъ таинствъ и управленіемъ", но, несомнѣнно, простирается и на ихъ учительскую дѣятельность, яко преемниковъ апостольскаго служенія. А затѣмъ міряне учительствующіе должны сіе дѣлать и во имя христіанскаго смиренія предъ авторитетомъ Церкви, служителями коей являются носители священнаго сана. Возможно, конечно, что иной мірянинъ понимаетъ догматы вѣры глубже иного пастыря, благодатію священства облеченнаго; но, вѣдь, въ общемъ-то порядкѣ, даже и помимо благодати хиротоніи, пастыри Церкви ближе стоятъ къ источникамъ вѣроученія, подготовляются въ особыхъ школахъ, всю жизнь свою посвящаютъ святому дѣлу ученія вѣры—по идеѣ пастырства это безспорно вѣдь: кто же больше отвѣчаетъ за чистоту догматовъ вѣры, какъ не пастыри? Отъ самочинія въ дѣлѣ учительства вѣры происходятъ нынѣ всѣ ереси. Нельзя предоставить безъ всякаго надзора право учительства всякому, кто именуетъ себя православнымъ. Еслибы всѣ православные были люди идеальные, смиренные, достаточно свѣдущіе въ ученіи своей вѣры, тогда еще можно было бы снисходительно смотрѣть на ихъ учительство; но въ наше-то время, когда волки постоянно надѣваютъ одежды овчія, когда среди самихъ именуемыхъ не мало еретичествующихъ, возможно ли пастырямъ смотрѣть спокойно, какъ расхищается ихъ стадо? Г. Колеминъ говоритъ, что епископы и, вообще, пастыри являются только „свидѣтелями вѣры" своихъ паствъ. Но если паства то вся заразится какимъ-либо лжеученіемъ, то ужели, напримѣръ на соборѣ, пастырь долженъ свидѣтельствовать вѣру своей еретичествующей паствы? Нѣтъ, охрана чистоты догматовъ вѣры, составляя обязанность всей Церкви, въ частности, въ отношеніи къ отдѣльнымъ паствамъ, лежитъ, главнымъ образомъ, на пастырѣ ихъ. Я счелъ полезнымъ сдѣлать эти оговорки къ книгѣ г. Колемина, въ виду той опасности, какая грозитъ намъ отъ утвержденія, безъ всякихъ оговорокъ, будто каждый членъ Церкви имѣетъ право учительства...

II.

Обращаюсь къ главному предмету, о коемъ говоритъ книга г. Колемина.

Папистъ, коего умъ пропитанъ юридическими началами, непремѣнно требуетъ и въ области догматовъ вѣры строго-логическихъ построеній, до іоты опредѣленныхъ, поставленныхъ на то мѣсто, какое укажетъ ему его схоластически на-

строенный умъ. А поелику богооткровенныя истины вѣры далеко не укладываются въ эти раціоналистическія рамки, то онъ и создалъ себѣ авторитетъ въ лицѣ папы, который требуетъ безусловно принимать, какъ непогрѣшимую истину, все то, что онъ признаетъ за истину. Въ сущности, онъ хочетъ уложить всѣ истины вѣры въ рамки знанія, не давая мѣста самой вѣрѣ. Такимъ образомъ является горделивое поползновеніе объять умомъ необъятное. Но это, какъ я сказалъ, ему не удается, и вотъ онъ заставляетъ вѣрующихъ насиліемъ — авторитетомъ—вѣровать чему? во что? Вѣровать уже не въ святую соборную и апостольскую Церковь, а—въ папу, въ его авторитетъ, безъ котораго будто бы нѣтъ авторитета и Церкви. Страшно за человѣка, который беретъ на себя,—нѣтъ, надо сказать сильнѣе—похищаетъ у Церкви, у Самого Христа, вѣчной Главы Церкви, Его Божественный авторитетъ! Какъ будто недостаточно, по крайней мѣрѣ для Церкви земной, сей Главы и необходима еще видимая глава—папа! Да, вѣдь, одна мысль объ этомъ есть уже оскорбленіе Христа, есть актъ невѣрія и вмѣстѣ страшной гордыни человѣческой! Напрасно паписты читаютъ слова Символа: вѣрую во едину святую соборную и апостольскую Церковь; имъ слѣдовало бы читать: вѣрую во единаго папу... Ибо, какъ ни странно это: желая олицетворить Церковь, они насильно заставляютъ вѣровать въ авторитетъ папы, поставляя сей авторитетъ на мѣсто авторитета Церкви, и получается вѣра въ папу...

Такъ наказана горделивая попытка ума человѣческаго замѣнить вѣру знаніемъ, смиреніе предъ авторитетомъ Церкви, какъ живой носительницы и провозвѣстницы истины Божіей, руководимой Духомъ Божіимъ,—безусловнымъ, слѣпымъ преклоненіемъ предъ авторитетомъ грѣшнаго человѣка. Невольно приходятъ на память слова Писанія: *Запинаяй премудрыхъ въ коварствѣ ихъ... Солга неправда себѣ...* Невольно просится на уста жестокое слово: не есть ли это уже идолопоклонство?...

Папистъ говоритъ: гдѣ же у васъ окончательное рѣшеніе вопросовъ вѣры? У насъ, католиковъ, папа окончательно рѣшаетъ: гдѣ истина? А у васъ?

Прежде всего: а гдѣ и въ чемъ ручательство, что вашъ папа въ своемъ рѣшеніи непогрѣшимъ? И что если этотъ вашъ авторитетъ рухнетъ, что не разъ и случалось въ исторіи вашей церкви? Были, вѣдь, папы и еретики, „бывали времена, когда Римъ былъ вмѣстилищемъ всѣхъ ересей“, какъ говоритъ г. Колеминъ, ссылаясь на историческіе факты. Какъ тогда?...

А мы *вѣруемъ* въ Церковь, въ ея непогрѣшимость, и вѣра наша оправдана исторіей: на пространствѣ 19-ти вѣковъ существованія Церкви никогда не случалось, чтобы она *вся* погрѣшала: отъ сего хранитъ ее незримый Глава ея, Господь Спаситель нашъ. Еретики являлись въ ней, но, какъ чуждые духу любви, какъ чада гордыни, отпадали отъ нея, какъ отпадаютъ омертвѣвшіе члены отъ тѣла, отсѣкаемые или видимымъ судомъ самой Церкви, или невидимымъ судомъ Божіимъ, за тяжкій грѣхъ осужденія Церкви, а сама Церковь, ограждаемая христоподражательнымъ смиреніемъ, оставалась провозвѣстницею истины, которая возсіявала въ ней—чистая какъ солнце. И дивное дѣло: въ то время, какъ во главѣ всякаго еретическаго движенія всегда становился вождь-ересеначаль-

никъ, именемъ котораго и назывались потомъ его послѣдователи (аріане, несторіане, евтихіане, въ позднѣйшее время—лютеране и многое множество другихъ), въ Церкви Божіей провозвѣстники истины, пастыри и учители Церкви, поборая за истину вѣры во главѣ своихъ паствъ, такъ тѣсно сливались своимъ смиренномудріемъ съ своими паствами, съ симъ тѣломъ Церкви, что никогда никому и на мысль не приходило ихъ имена прилагать къ самому исповѣданію православной истины. Если являлась нужда, для охраны самой истины свидѣтельствовать о ней въ словесной формѣ, то это дѣлалось на соборахъ; если же такой нужды не было, то истина принималась безмолвнымъ согласіемъ всѣхъ частныхъ церквей. Слышенъ былъ голосъ богомудрыхъ учителей Церкви, но этотъ голосъ только тогда являлся голосомъ всей Церкви, когда онъ принимался всею Церковію или гласно, свидѣтельствомъ собора, или же безмолвно, какъ безспорная истина. Ясно, что чада Церкви, какъ пастыри, такъ и міряне, въ своемъ смиреніи не дерзали свое личное мнѣніе выдавать за ученіе всей Церкви, пока сама Церковь такъ или иначе не одобряла его. И въ этомъ сказывалось вѣяніе духа Христовой любви, Христова смиренія, вѣяніе Духа Божія, присно живущаго въ Церкви Божіей и ею управляющаго. Первый ставилъ себя послѣднимъ—не на словахъ, какъ въ папствѣ, а самымъ дѣломъ, и въ жизни, и въ мысли всемѣрно стремясь всецѣло слиться со всею Церковію, дабы, лично оставаясь какъ бы въ тѣни, тѣмъ дѣйственнѣе быть живымъ членомъ сего тѣла Христова. Паписты всегда и всюду требуютъ, чтобъ истина была утверждаема такъ сказать—протокольнымъ путемъ, какъ нѣчто новое: Церковь принимала и принимаетъ ее какъ изначала отъ Христа и Апостоловъ преданное сокровище, не придавая первенствующаго значенія буквѣ догмата, а проникая въ его духъ и преклоняясь предъ его сущностью. И это совершалось какъ-то естественно: ложь отступала, а истина возсіявала и укрѣплялась въ общецерковномъ сознаніи сама собою, или, лучше сказать—дѣйствіемъ Духа Божія.

Я сказалъ, что истинно-православный сынъ Церкви и въ мысли, и въ жизни постоянно стремится быть едино съ Церковію—живымъ членомъ ея таинственнаго тѣла. Самые догматы вѣры онъ изучаетъ опытомъ духовной жизни, въ смиренномъ послушаніи Церкви, ища во всемъ единой воли Божіей. Въ то время, какъ латинянинъ напрягаетъ умъ, чтобы усвоить истины вѣры въ стройной логической системѣ, сынъ Церкви православной, всецѣло довѣряясь своей матери-Церкви и свято храня то, что она приняла отъ Христа и Апостоловъ, твердо помнитъ, что вѣра и ея истины познаются не чрезъ книжное только ученіе, не умомъ только, но наипаче сердцемъ, чрезъ исполненіе воли Божіей въ заповѣдяхъ Христа Спасителя. Можно всю Библію, всѣ богословскія науки знать наизусть и въ то же время не знать своей вѣры... Какъ это ни странно, но это вѣрно! Говорятъ, что за границей, въ нашихъ русскихъ православныхъ храмахъ, за неимѣніемъ пѣвчихъ, приглашаютъ нѣмцевъ, французовъ и другихъ иностранцевъ, которые и исполняютъ наши церковныя пѣснопѣнія на славянскомъ языкѣ, не зная сего языка. Секретъ въ томъ, что они подъ нотами наши славянскія слова подписываютъ своими буквами, и потому воспроизводятъ ихъ въ пѣніи. Само собою

понятно, что смысла ихъ они не понимаютъ. Вотъ то же самое бываетъ и тутъ. Самый ученый профессоръ, изучающій православные догматы, хотя бы онъ даже по имени былъ и православнымъ, но если онъ не проводитъ въ жизнь то ученіе, какое изучаетъ, если не живетъ общею жизнію съ самою Церковію, если не проходитъ опытомъ хотя бы только самую азбучку духовной жизни, какъ она начертана въ писаніяхъ отцевъ Церкви,—онъ не можетъ познать по духу Церкви и тѣхъ догматовъ, какіе онъ изучаетъ. Въ крайнемъ случаѣ, этотъ недостатокъ опыта онъ долженъ восполнить смиреннымъ сознаніемъ немощи своего разума и довѣриться опыту святоотеческому, опыту тѣхъ, кто подвизается подвигомъ добрымъ въ исполненіи Господнихъ заповѣдей, подъ руководствомъ опыта всецерковнаго. На вопросъ: кто узнаетъ объ ученіи Хрістовомъ, отъ Бога ли оно?—отвѣчаетъ Самъ Хрістосъ: тотъ, кто хочетъ творить волю Его (Іоан. 7, 17). Не сказалъ: изслѣдуй умомъ, изучи по книгамъ, а просто: твори волю Божію и познаешь, что Мое ученіе отъ Бога, что оно истинно и спасительно. А воля Божія—въ заповѣдяхъ Его животворящихъ. И этотъ путь къ познанію истинъ вѣры и пути спасенія является въ одно и то же время и кратчайшимъ, и вѣрнѣйшимъ, и общедоступнѣйшимъ. Не требуется при этомъ многолѣтняго изученія богословскихъ наукъ, довольно знать заповѣди Божіи да то, чему учитъ Церковь Божія повседневно; довольно смиреннаго послушанія Церкви, и самая безграмотная женщина познаетъ то, что ей потребно для спасенія, и, не умѣя въ словахъ выразить свидѣтельство своей вѣры, сердцемъ будетъ чувствовать спасительность своей вѣры, и сего будетъ для нея достаточно, чтобы спастись. И какъ поразительно эта живая вѣра простецовъ иногда—такъ сказать—прорывается въ ихъ простыхъ словахъ! Вотъ, старушка идетъ изъ храма Божія, гдѣ почиваютъ мощи угодника Божія, поклониться которому она пришла за сотни, можетъ быть,—за тысячи верстъ... Тихія слезы умиленія текутъ по ея старческимъ ланитамъ.—„О чемъ ты плачешь, бабушка?“ спрашиваю ее.—„Съ угодничкомъ простилась“, просто отвѣчаетъ она... Вотъ, сгорбленный подъ тяжестью своей дорожной сумы, старичекъ не можетъ проникнуть даже внутрь ограды Троицкой лавры въ день ея 500-лѣтняго юбилея: онъ стоитъ на противоположной горѣ и горячо молится угоднику Божію. Ему говорятъ: „ты бы, дѣдушка, пришелъ въ другое время: видишь, какъ нынѣ тѣсно, тебѣ не придется и увидѣть мощей угодника Божія!“ А онъ отвѣчаетъ: „я-то, грѣшный, его не увижу, да онъ-то меня видитъ!“—Я спрашиваю ученыхъ богослововъ: что это, какъ не исповѣданіе нашего православнаго догмата о ходатайствѣ святыхъ, о благодатномъ нашемъ общеніи съ Церковію небесною? А, вѣдь, ни этотъ старецъ Божій, ни та старица—конечно, ничего и не слышали о такомъ „догматѣ“, но вотъ посмѣйте сказать, что они не знаютъ его! И думаю я, что они знаютъ сей догматъ получше, поглубже всѣхъ ученыхъ догматистовъ, не исключая и многихъ изъ насъ, пастырей Церкви! Чувствомъ сердца знаютъ они и, какъ видите, устами исповѣдаютъ, что если мы не будемъ лицемѣрить, если нѣкое горделивое сознаніе нашего умственнаго превосходства надъ простецами, въ отношеніи нашего „научнаго“ образованія, не ослѣпляетъ насъ, то мы должны признать, что Самъ Духъ Божій,

живущій въ Церкви, глаголетъ ихъ смиренными устами, поучая и насъ смиренію и напоминая слова Спасителя: *утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ*—вотъ этимъ простецамъ, младенчествующимъ умомъ, но вѣрою превосходящимъ насъ!.. Церковь сказала симъ младенцамъ: святые Божіи любятъ насъ, молятся за насъ, Богъ слышитъ и пріемлетъ ихъ молитвы: молитесь! призывайте ихъ! И они стали молиться, довѣрившись матери-Церкви, что она не можетъ погрѣшать, что она, любя ихъ, заботится объ ихъ же спасеніи; и святые Божіи слышатъ ихъ молитвы, откликаются на нихъ своими молитвами предъ Богомъ; и вотъ, ихъ сердце опытно чувствуетъ истину догмата о ходатайствѣ святыхъ, сообщаетъ это ихъ младенчествующему уму, умъ смиренно усматриваетъ въ семъ чувствѣ оправданіе слышаннаго имъ отъ Церкви догмата, и является исповѣданіе догмата какъ сердцемъ, такъ и умомъ, хотя и не въ той точной формулѣ, въ какой онъ отливается школьной наукой. Такъ жизнь по вѣрѣ открываетъ разуму простеца сущность догмата, который для него становится живой истиной, ясною для него, можетъ быть, болѣе, чѣмъ для ума ученаго богослова, живущаго только умомъ, познающаго ту же истину только изъ книгъ... И если сей богословъ обладаетъ „мытаревымъ златомъ“, если въ своей личной жизни и своемъ общественномъ служеніи руководится смиреніемъ, то онъ купитъ себѣ на это „злато“ урокъ богословія у простеца, извлечетъ изъ его опыта духовную себѣ пользу, а любовь содѣлаетъ то, что сей опытъ простеца оплодотворитъ книжное знаніе мудреца. Такъ, вѣдь, и всегда бываетъ въ живомъ тѣлѣ Церкви Христовой: будучи другъ другу, по выраженію Апостола, *удове*, члены, мы и должны восполнять духовные недостатки одинъ другаго, *вся же вамъ любовію да бываютъ!*.

Вотъ, если угодно, въ какомъ смыслѣ мы съ любовію принимаемъ положенія, высказанныя г. Колеминымъ: „вся Церковь Христова есть Церковь учащая и каждый членъ ея безпрерывно даетъ и получаетъ поученіе въ вѣрѣ благодатной и живой“. Самое учительство ея—есть дѣло любви, и совершается во имя любви, въ духѣ смиренія и все той же любви.

Смиреніе, какъ я сказалъ уже, есть стихія православной жизни. Инославные даже понять этого не могутъ. Пальміери отнесся свысока, пренебрежительно къ отвѣту простаго грека-іеромонаха на вопросъ: признаетъ ли сей грекъ его, Пальміери, крещеннымъ? Грекъ отвѣтилъ: „Богъ разберетъ!“—Г. Колеминъ справедливо замѣчаетъ, что „въ этомъ простомъ отвѣтѣ было больше смиренія и мудрости, чѣмъ во всемъ человѣческомъ мудрованіи Рима“. Если бы Пальміери предложилъ тотъ же отвѣтъ такому великому подвижнику и ученому богослову, какъ святитель Ѳеофанъ-затворникъ, онъ и отъ него услышалъ бы тотъ же отвѣтъ. По крайней мѣрѣ, на вопросъ: спасутся-ли католики, онъ отвѣчалъ въ своихъ письмахъ: „спасутся ли природные католики—не знаю; знаю только, что если я покину православіе и уйду въ католицизмъ, то, несомнѣнно, погибну“....

Это напоминаетъ мнѣ разсказъ изъ древнихъ патериковъ объ одномъ подвижникѣ, къ которому привели бѣсноватую дѣвушку и просили его помолиться объ ея исцѣленіи. Гонимый молитвою бѣсъ сказалъ подвижнику: „уйду изъ нея, если отвѣтишь мнѣ на вопросъ: кто овцы и

кто козлища?" Старецъ Божій отвѣчалъ: „кто овцы—Богъ вѣдаетъ, а козлище—это, несомнѣнно—я!" И бѣсъ оставилъ дѣвицу, опаленный пламенемъ смиренія праведника...

Въ наше время, судьбами Божіими, русскій народъ является хранителемъ сокровища православія, этого „залога счастія всего человѣчества; отъ того, что именно онъ сдѣлаетъ съ этимъ залогомъ, зависитъ и его судьба", говоритъ г. Колеминъ въ заключеніе своего труда. „Таково призваніе нашего народа, для этого онъ избранъ, и если онъ отъ этого своего призванія откажется, то будетъ выброшенъ за бортъ, какъ негодное орудіе Божественнаго Промысла. Сія есть правда твоя, русскій народъ!" восклицаетъ почтенный авторъ. „О, если бы это сознаніе историческаго долга проникло до глубины души всякаго русскаго, о, если бы оно укоренилось тамъ и сдѣлалось бы однозначущимъ чувствомъ русскаго патріотизма!"

Цѣлымъ сердцемъ присоединяемся къ этому христіанскому пожеланію автора и молимъ Бога, чтобы Онъ, имиже вѣсть судьбами, разсѣялъ тѣ мрачныя тучи темныхъ, враждебныхъ Церкви силъ, что все больше и больше сгущаются надъ нашею несчастною Русью, чтобы сыны Руси были искренними и любящими сынами и своей родной Церкви православной, чтобъ они не гордились своимъ великимъ призваніемъ,—да избавитъ насъ Господь Богъ отъ всякой гордости!—но цѣнили и свято исполняли свой долгъ, со страхомъ вспоминая грозный приговоръ, произнесенный нѣкогда Господомъ народу-измѣннику: *се оставляется домъ вашъ пустъ!...* (Мѳ. 23, 38). *Отымется отъ васъ царствіе Божіе и дастся языку, творящему плоды его* (21, 43).

198.

О настроеніяхъ современнаго юношества и доброе слово законоучителямъ.

И гнилой хлѣбъ иногда кажется свѣжимъ, но стоитъ только разломить его, какъ зеленая плѣсень покажетъ его негодность. Многое,—ахъ, какъ многое!—у насъ на Руси теперь напоминаетъ этотъ гнилой, заплѣсневѣлый хлѣбъ! Но если преподобный Сергій, послѣ цѣлонедѣльнаго поста, съ благодареніемъ Богу вкушалъ такой хлѣбъ, отъ котораго летѣла пыль, то, несомнѣнно, онъ глубоко скорбѣлъ бы душою, если бы жилъ въ наше грѣшное время и былъ свидѣтелемъ того, что творится въ дорогой ему родной Русской землѣ въ наши дни. Да, всеконечно, и видитъ онъ, видятъ и всѣ родные намъ по духу угодники Божіи, и возносятъ Богу свои теплыя, скорбныя молитвы о нашемъ вразумленіи...

На сей разъ я хочу сказать слова два-три о настроеніяхъ юношества въ нашихъ школахъ — не о тѣхъ глупыхъ ребячествахъ, какія оно позволяетъ себѣ, напримѣръ, по поводу Бейлиса, а о той почвѣ, на какой растутъ всѣ подобныя уродливыя явленія русской школьной жизни.

Понадобился мнѣ рисовальщикъ для моихъ народныхъ изданій. Въ дорогомъ художникѣ не было надобности, ибо матеріалъ былъ го-

товъ: надо было только его использовать для цинкографа. Думаю: доставлю заработокъ кому-нибудь изъ учащихся въ художественныхъ школахъ: съ готоваго рисунка перерисовать—дѣло не хитрое. Обращаюсь къ начальнику одного такого училища. Онъ говоритъ, что рисовальщика найти можно: есть способные юноши. Только вопросъ: какого содержанія будутъ рисунки?

Отвѣчаю: рисунки къ житіямъ святыхъ, къ евангельской исторіи и под.

— Ну, на это едва ли найдется охотникъ, говоритъ начальникъ.

— Почему же? спрашиваю я.

Онъ какъ-то многозначительно пожалъ плечами и улыбнулся.

— Да въ чемъ дѣло? спрашиваю я.

— А въ томъ, говоритъ, что наша молодежь такихъ темъ не долюбливаетъ: ладаномъ пахнетъ.

Изъ дальнѣйшей бесѣды мнѣ стало ясно, что большинство молодежи заражено невѣріемъ и стыдится Христа, что ихъ наставники—конечно, за нѣкоторыми исключеніями — не только не даютъ примѣра вѣры своимъ ученикамъ, но въ своемъ поведеніи въ отношеніи къ вѣрѣ даютъ печальный примѣръ, а тѣ, въ коихъ еще не погасла вѣра, боятся и стыдятся напомнить о ней ученикамъ, чтобъ тѣ не считали ихъ отсталыми, ретроградами, мракобѣсами... И это въ такъ называемыхъ „христіанскихъ“ школахъ! Чувствуется, что если бы кто изъ учащихъ или начальствующихъ потребовалъ отъ учащихся исполненія христіанскихъ обязанностей, то, если не послѣдовала бы немедленно вспышка протеста, то такой „ханжа“ былъ бы подвергнутъ жестокому бойкоту...

Я представить себѣ не могу, если бы, напримѣръ, въ университетѣ начальство потребовало бы формально, чтобы православные студенты университета или другого высшаго учебнаго заведенія ходили въ церковь по праздникамъ—что бы произошло тогда. А за университетами потянутся и всѣ среднія учебныя заведенія... „Нѣтъ, ужъ лучше предоставимъ-де это совѣсти самихъ учащихся! Вѣдь, религія есть дѣло совѣсти: зачѣмъ въ это дѣло вмѣшиваться?“...

Такъ, прикрывая себя выдуманнымъ іудеями софизмомъ, руководители нашего юношества уклоняются отъ исполненія своего прямаго и первѣйшаго долга—воспитывать добрыхъ христіанъ въ лицѣ ввѣренныхъ имъ юношей и закрываютъ глаза, чтобы не видѣть того, какъ на ихъ глазахъ отравляется цѣлое поколѣніе будущихъ русскихъ гражданъ невѣріемъ, какъ растутъ плевелы и заглушаютъ послѣдніе ростки вѣры въ юныхъ душахъ...

Не правда ли: это похоже на то, если бы кто, зная, что хлѣбъ заплѣсневѣлъ, не рѣшался бы разломить его, чтобы гнилая пыль не полетѣла ему въ носъ или глаза? А, вѣдь, скоро или долго, а этого не избѣжать... Мы закрываемъ глаза на то, какъ растетъ наше молодое поколѣніе; мы видимъ, чѣмъ и какъ его отравляютъ духовно, мы знаемъ, что оно идетъ на смѣну намъ, а намъ будто и горя мало! „Послѣ насъ—хоть потопъ“!... Страшно, непростительно!

Я представляю себѣ положеніе добросовѣстнаго законоучителя въ средѣ такихъ учителей и воспитателей. На него смотрятъ какъ на какого-то юродиваго, какъ на полуидіота: на его счетъ сыплются всякія остроты и шутки, ему приходится слышать нерѣдко кощунства, разумѣется — лишь бы не вывести

человѣка изъ терпѣнія, лишь бы онъ не поднялъ дѣла формально. А за учителями туда же идутъ и мальчишки. Да, мальчишки, даже не юноши! Говорилъ мнѣ одинъ законоучитель гимназіи, какъ одинъ мальчуганъ низшаго класса, на урокѣ по священной исторіи, спросилъ его: „а правда ли, батюшка, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны?“ Вопросъ былъ сдѣланъ съ несвойственной ребенку усмѣшечкой. Батюшка отвѣтилъ ему: „поздравляю васъ съ такой бабушкой“. Общій смѣхъ товарищей пристыдилъ вольнодумца, который хотѣлъ поставить законоучителя втупикъ. А число такихъ вольнодумцевъ, съ переходомъ въ высшіе классы, растетъ все больше и больше. Зналъ я добраго юношу-семинариста; учился онъ хорошо, былъ назначенъ въ академію, но, увлеченный примѣромъ вѣтреныхъ товарищей, захотѣлъ въ университетъ. Чтобы не обижать отца-священника рѣзкимъ отказомъ отъ академіи, онъ нарочито на пріемномъ экзаменѣ провалился по церковной исторіи, получилъ чуть ли не единицу, и не былъ принятъ. А въ университетъ, конечно, поступилъ безпрепятственно. Прошелъ годъ. Встрѣчаюсь съ нимъ. Мой малый начинаетъ говорить не то, что было раньше. Спрашиваю: скажи откровенно: да въ Бога-то ты вѣруешь? — Какъ же, вѣрую, вѣрую, только не по-казенному...—Что это значитъ?—Да тамъ, въ семинаріяхъ, многое отъ насъ скрывали... И понесъ такую чепуху, что я отказался слушать его бредни. Еще чрезъ годъ онъ былъ уже обработанъ совсѣмъ по-современному: въ Бога не вѣровалъ, „режимъ“ разносилъ, словомъ—готовъ молодецъ для іудейскихъ услугъ. И это, вѣдь, не исключеніе, это — типъ современныхъ, вѣтромъ гонимыхъ юношей. То же и среди дѣвицъ, если онѣ, несчастныя, тянутся на разные курсы, начиная съ зубоврачебныхъ и кончая философскими. Какихъ-какихъ мудростей не наслушаются онѣ тамъ! А основной тонъ всѣхъ этихъ лекцій не новый: ихъ записалъ, еще задолго до Рождества Христова, мудрый творецъ книги Премудрости Соломона: „Случайно мы рождены и послѣ будемъ какъ небывшіе... тѣло наше обратится въ прахъ и духъ разсѣется, какъ жидкій воздухъ; и имя наше забудется со временемъ, и никто не вспомнитъ о дѣлахъ нашихъ... Будемъ же наслаждаться настоящими благами и спѣшить пользоваться міромъ, какъ юностію.... и да не пройдетъ мимо насъ весенній цвѣтъ жизни“ и т. д. (Прем. Сол. 2, 2—7). И грустно бываетъ, когда встрѣтишься съ такимъ юношей или съ такою дѣвушкой: холодомъ вѣетъ отъ нихъ, смотрятъ они на тебя какъ-то свысока, какъ на „отсталаго“, забрасываютъ мудреными, иностранными словами, а того и не подозрѣваютъ, что эти слова давнымъ-давно людьми умными изношены и брошены, какъ ни на что не годныя. Но эти несчастные, вѣдь, вѣруютъ въ нихъ, какъ въ аксіомы!

Не знаешь, съ какой стороны подойти къ такой душѣ. Сердечно жаль ихъ: случись какая-либо неудача въ маленькой сферѣ ихъ личныхъ интересовъ,—и крушеніе готово: „не стоитъ жить“, „жизнь надоѣла“ и подобныя посылки, а заключеніе—ужасная развязка, и погибъ человѣкъ! Недавно въ „Христіанскомъ Содружествѣ учащейся молодежи“ былъ докладъ о школьныхъ самоубійствахъ: жалѣю, что не могъ быть тамъ. Но само собою понятно, что все дѣло заключается въ томъ: вѣруетъ ли въ Бога юноша или дѣвица? Если вѣруетъ, то есть

одора противъ великаго искушенія для юной души, если же вѣра утрачена, то развѣ особая милость Божія, за молитвы родителей или Церкви, можетъ отвести несчастную душу отъ края погибели.

Въ послѣдніе мѣсяцы по всей Россіи были съѣзды законоучителей: нѣтъ сомнѣнія, что почтенные отцы ставили и этотъ больной вопросъ и обсуждали, какъ бороться съ школьными самоубійствами. Но и помимо самоубійствъ было о чемъ сговориться батюшкамъ. Но вотъ наше горе: поговорить-то мы любимъ, даже поспорить не прочь, а провести въ жизнь то, что подсказалъ здравый разумъ и совѣсть, у насъ, большею частію, недостаетъ ни силъ, ни умѣнья. Да, кромѣ того, необходимо еще и хрістіанское терпѣнье. Словомъ — нуженъ подвигъ, личный подвигъ законоучителя, чтобы проводить въ жизнь, сначала лично свою, а затѣмъ и питомцевъ своей школы, тѣ животворящія начала, которыя положены въ основѣ Хрістова Евангелія и проповѣдуются постоянно, на протяженіи почти 20 вѣковъ, Церковію Хрістовою. Законоучитель, какъ пастырь Церкви, облеченный благодатію священства, долженъ помнить, что онъ — не простой учитель, а продолжатель дѣла Хрістова на землѣ, что на это дѣло онъ уполномоченъ въ таинствѣ рукоположенія, что измѣнять сему святому дѣлу уступками духу времени, малодушничать предъ слугами врага Божія, каковыми, въ сущности, являются всѣ эти либеральствующіе кощуны-учителя,—страшно преступно; что наоборотъ: если онъ будетъ вѣренъ завѣтамъ Господнимъ, то Самъ Господь и будетъ чрезъ него дѣлать Свое дѣло, вразумляя его, укрѣпляя силы его, посылая ему, иногда даже для него неожиданно, добрыхъ сотрудниковъ.

Благоговѣйно совершай службы Божіи, не опускай случая сказать теплое, отъ души, хотя и краткое, слово назиданія, къ жизни учащихся приложимое, особенно же возбуждай въ себѣ благоговѣніе къ слову Божію (читай въ классѣ выдержки изъ слова Божія такъ, какъ бы ты самъ учился у Хріста, какъ бы слушалъ Его!) и, по мѣрѣ силъ, осуществляй завѣтъ любви, наипаче къ „малымъ симъ“, коихъ души тебѣ Хрістомъ ввѣрены — и ты увидишь, что къ тебѣ потянутся сами собою эти души: сначала поодиночкѣ, какъ бы украдкой отъ товарищей и подругъ, а затѣмъ, Богъ дастъ, эти Никодимы станутъ привлекать къ тебѣ, лучше сказать—ко Хрісту, въ тебѣ и чрезъ тебя дѣйствующему, и другихъ. Вѣдь, души юныя такъ отзывчивы!. Не слѣдуетъ, впрочемъ забывать и то, что нѣтъ на землѣ ни одного добраго дѣла, которое не сопровождалось бы скорбями. Скорби—проба, которую кладетъ промыслъ Божій на всѣ дѣла наши: чисты ли они, есть ли они чистое злато въ очахъ Божіихъ? Эта проба и очищаетъ наши добрыя дѣла отъ всякой пристающей къ нимъ нечисти: тщеславія, самомнѣнія, самоцѣна. Только подумаешь о себѣ: „вотъ я какой,—не то, что другіе“, а скорбь-то, въ томъ или другомъ видѣ, и тутъ какъ тутъ... Смиряйся скорѣе въ такихъ случаяхъ, считай себя негоднымъ, немощнымъ, сознавай скорѣе, что не ты дѣло-то доброе сдѣлалъ, а Самъ Господь чрезъ тебя—скорѣе, говорю, ныряй подъ набѣжавшую волну, какъ дѣлаетъ искусный пловецъ, и она, эта волна искушенія, перекатится чрезъ тебя, и ты снова вынырнешь изъ подъ нея, сильный и бодрый и болѣе прежняго опытный—

для новой борьбы, если это будетъ потребно. Кто бы что ни говорилъ, а юное сердце болѣе нашего чутко къ добру, къ истинѣ, къ свѣту: твои слушатели, твои ученики, по крайней мѣрѣ, лучшіе изъ нихъ, сердцемъ почуютъ въ тебѣ Христова послушника и пойдутъ за тобою. И это совершится незамѣтно, силою Христовою, въ тебѣ дѣйствующею. Надобно, непремѣнно надобно, чтобы каждый законоучитель воспиталъ въ себѣ это мистическое чувство—я сказалъ бы—*смиреннаго послушничества у Христа*: не можетъ быть, чтобы болѣе чуткія души не почувствовали этого... А почувствуютъ, и потянутся къ тебѣ: сначала робко, а потомъ смѣлѣй и смѣлѣй. О, конечно, врагъ не оставитъ тебя въ покоѣ; онъ не проститъ тебѣ, если хотя одну душу привлечешь къ Церкви, а чрезъ Церковь—ко Христу: въ своей проклятой ревности онъ найдетъ себѣ сотрудниковъ прежде всего въ тѣхъ, кто долженъ бы помогать тебѣ въ твоемъ святомъ служеніи, но не смущайся, храни миръ души, помни, что Христосъ сильнѣе врага, что они не вѣдятъ что творятъ, исполняя волю врага, молись о нихъ, чтобъ отверзлись ихъ очи душевныя и познали они, кому работаютъ; молись о нихъ, какъ о благодѣтеляхъ своихъ, которые не даютъ тебѣ любоваться на себя, показываютъ тебѣ твои немощи, заставляютъ тебя почаще заглядывать въ свое сердце: нѣтъ ли тамъ, не притаилось ли что недоброе, въ очахъ Божіихъ нечистое? А себя укоряй: не подаешь ли имъ самъ ты повода къ недобрымъ къ тебѣ отношеніямъ? Вини во всемъ себя самого и говори Господу въ молитвѣ своей: покажи мнѣ, Господи, мои немощи, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія; покажи мнѣ, Господи, ихъ добрыя качества, Тебѣ единому вѣдомыя, да возлюблю въ нихъ образъ Твой, да познаю, сколько они выше меня въ очахъ Твоихъ...

Слава Богу: еще есть на Руси такіе идеальные законоучители. Гдѣ они? кто они?—Знаю нѣкоторыхъ, вѣрую, что много ихъ разсѣяно по весямъ и градамъ родной земли, но о живыхъ не подобаетъ говорить, чтобы не навести на нихъ искушенія, ибо сказано: „похвала человѣческая хуже бѣсовской“. А изъ почившихъ болѣе ярко рисуется мнѣ свѣтлый обликъ моего дорогого друга, незабвеннаго о. Михаила Ивановича Хитрова, бывшаго законоучителемъ въ Николаевскомъ институтѣ въ Москвѣ. Кто хочетъ поближе познакомиться съ этимъ законоучителемъ, этою кристально-чистою душою, тому предлагаю прочитать составленный мною очеркъ его жизни, въ предисловіи къ собранію его назидательныхъ статей, подъ общимъ заглавіемъ: „Голосъ пастырскаго сердца“. Недолго онъ былъ законоучителемъ въ этомъ институтѣ: его идеальное отношеніе къ исполненію своего законоучительскаго долга возбудило зависть въ тѣхъ, кто не думалъ объ идеалахъ христіанскаго воспитанія, и святитель Митрополитъ Сергій взялъ его оттуда, чтобы поручить ему Филаретовское женское училище, съ 600 воспитанницъ; но его ученицы-институтки приходили къ нему и сюда, чтобы повѣрять ему свои скорби и искать руководства въ христіанской жизни. Въ 1898 году онъ былъ назначенъ руководителемъ курсовъ для учителей и учительницъ второклассныхъ школъ. За время курсовъ, въ какихъ-нибудь полтора мѣсяца, онъ такъ привязалъ къ себѣ курсистовъ, что они, даже учителя, не говорю уже объ учительницахъ, плакали, прощаясь съ нимъ. На

прощанье они поднесли ему икону Спасителя, а его супругѣ-прекрасный его портретъ, написанный однимъ изъ курсистовъ. Къ сожалѣнію, не долго пожилъ этотъ пастырь-законоучитель...

Нынѣ говорятъ: надо „христіанизировать“ общество. Но древній апологетъ, семнадцать столѣтій назадъ, сказалъ, что „душа человѣческая, по природѣ,—хрістіанка“. Грѣхъ гипнотизируетъ душу, подчиняетъ себѣ волю человѣка, ослѣпляетъ его, порабощаетъ. Надо освободить юную душу отъ этого гипноза, дать опытомъ сердца извѣдать, что́ такое Хрістово ученіе, какъ оно жизненно, животворно, какое счастіе быть хрістіаниномъ, быть живымъ членомъ тѣла Хрістова—Церкви православной. Къ несчастію, нынѣшніе, такъ называемые, хрістіане живутъ *внѣ Церкви*, и этого счастія не понимаютъ. Въ ихъ полухрістіанскихъ—полуязыческихъ, по духу, семьяхъ растетъ молодое поколѣніе наше. И все дальше и дальше наше интеллигентное общество отходитъ отъ Церкви, проникается духомъ язычества, духовно слѣпнетъ и заражается духомъ непонятной, стихійной вражды къ матери—Церкви. Нашъ святой долгъ, долгъ пастырей Церкви, долгъ законоучителей — уничтожить этотъ гипнозъ, вернуть въ Церковь уходящихъ изъ нея, опытомъ сердца ввести ихъ въ общеніе съ небомъ, сдѣлать живыми членами тѣла церковнаго. А для этого, прежде всего, надо самимъ намъ жить жизнію Церкви: тогда только наше слово будетъ живою водою, утоляющею жажду души, живымъ словомъ опыта духовнаго. И юныя сердца раньше другихъ отзовутся на нашъ призывъ, и начнется, Богъ дастъ, обновленіе русской жизни на началахъ святаго православія...

199.

Куда мы идемъ?

(Къ свѣдѣнію законосоставителей).

Что мы дѣлаемъ? Куда мы идемъ? Куда толкаемъ нашъ добрый вѣрующій народъ? Или мы Бога не боимся?...

Вотъ вопросы, — нѣтъ: — стоны сердца, коими приходится начинать почти каждую статью, каждую замѣтку въ газетѣ, если нужно говорить о томъ, что творится у насъ на Руси, какъ развращаютъ нашъ народъ, какъ непростительно-небрежно относятся къ исполненію своего долга тѣ, кому вѣдать сіе надлежитъ!

Въ правительственныхъ учрежденіяхъ обсуждается новый законъ о печати. Въ то время, когда мы, люди преданные вѣрѣ, Церкви, Царю и родинѣ, ждать-не-дождемся, когда наконецъ обуздаютъ нашу печать, когда мы избавимся отъ удушающаго насъ угара и кошмара, напускаемаго на насъ посредствомъ печатнаго станка,—семиты природные и семиты арійскаго происхожденія, какими являются, несомнѣнно, наши іудействующіе интеллигенты, всѣми силами стараются снять всякую узду съ печати... А казалось бы: чего уже еще надобно? Какой свободы? Издаются и распространяются, въ несчетномъ количествѣ экземпляровъ, книги и брошюры, не говорю уже о ежеднев-

ной отравѣ въ видѣ газетныхъ листовъ, — издаются и для простого народа, и для интеллигенціи такія вещи, что срамно есть о нихъ и глаголати... Богохульство, кощунство во всѣхъ видахъ, самая безстыдная порнографія—все находитъ себѣ издателей, находитъ сбытъ и отравляетъ и народъ, и интеллигенцію нашу. Да, и интеллигенцію. Кто читаетъ газету „Новое Время", тотъ изъ статей г. Ст—на знаетъ, какою мерзостью недавно угостилъ нѣкто Карповъ нашу интеллигенцію, выпустивъ книгу въ 1 р. 30 к., въ коей, смакуя всяческія мерзости хлыстовскихъ радѣній, доходитъ до ужасныхъ богохульствъ и сатанинской мессы... А для простого народа та же порнографія, тѣ же кощунства и богохульства — въ мелкихъ брошюрахъ, въ газетныхъ листахъ, милліонами распространяемыхъ въ провинціи развратителями нашего народа—іудеями.

На сихъ дняхъ, въ жидовской газетѣ „День", одинъ жидъ позволилъ себѣ такую отвратительную выходку съ описаніемъ изображенія Богоматери, что „мы, говоритъ „Р. Знамя", затрудняемся привести ее въ дословной перепечаткѣ. На сей разъ даже „Новое Время" вышло изъ терпѣнія: перепечатывая кусокъ замѣтки жида Флавсора, который въ кощунственно - порнографической формѣ издѣвается надъ Богоматерію и Спасителемъ, „Новое Время" пишетъ, что можно счесть отзывъ жида за отрывокъ изъ балетной рецензіи новѣйшей формаціи, вопль какого-нибудь чувственника-новоэстета, все, что угодно, только не то, что есть на самомъ дѣлѣ... Но этого мало, говоритъ „Р. Знамя": слѣдующее дальше мѣсто кощунственной замѣтки, гдѣ жидъ пишетъ о Христѣ, невольно заставляетъ сжимать кулаки отъ жгучаго чувства негодованія и обиды!... Что дѣлать?!— вырывается крикъ изъ наболѣвшей души... Защитите же насъ, наконецъ!..." Такъ заключаетъ газета.

Мнѣ скажутъ: на что же власти? гдѣ цензура?

Да она, вѣдь, въ сущности, давно уничтожена; мерзость давно гуляетъ, какъ чумная зараза распространяется по Руси, пока наконецъ-то ее замѣтятъ, обратятъ вниманіе кого слѣдуетъ, послѣдуетъ распоряженіе изъять ее изъ продажи, а— смотришь—она уже вся распродана, и—лови вѣтеръ въ полѣ!..

Хотите иллюстрацію къ тому, что говорю?—Извольте!

Я получилъ брошюрку, подъ довольно длиннымъ заглавіемъ: „Хитромудрый (умный) способъ отравленія души малорусскаго народа его просвѣтителями безбожіемъ и безнравственностью". Авторъ — Михаилъ Вербичъ. А издалъ брошюрку воронежскій еп. миссіонеръ Л. З. Кунцевичъ. Авторъ не напрасно поставилъ въ эпиграфѣ жалобу царя-пророка Давида: „*Время сотворити Господеви, яко разорища законъ Твой*" (Пс. 118, 126). Видно его русское вѣрующее сердце чувствуетъ, что такія явленія, какъ то, о коемъ онъ хочетъ писать, даромъ не проходятъ, не только для тѣхъ, кто является ближайшимъ ихъ виновникомъ, но и для несчастнаго народа нашего...

А пишетъ онъ вотъ о чемъ.

„Самый популярный писатель у насъ,—въ Малороссіи,—это малорусскій поэтъ Тарасъ Гр. Шевченко. Начиная съ 40-хъ годовъ, его сборникъ стихотвореній, подъ названіемъ „Кобзарь", издавался много разъ и возбудилъ къ себѣ общую любовь. Во всѣхъ изданіяхъ прошлаго столѣтія не было ничего антирелигіознаго, противозаконнаго. И вотъ, въ 1906 году Полтавское губернское

земское собраніе, зная поэзію Шевченко по этимъ только сборникамъ, „Кобзарямъ“, испросило разрѣшеніе на сборъ пожертвованій на памятникъ Шевченку и на постановку этого памятника въ матери городовъ русскихъ, въ Кіевѣ. Около того же времени въ Петербургѣ, „Общество Т. Г. Шевченко“, въ 1905 г., представило въ цензурный комитетъ самый полный сборникъ „Кобзаря“, напечатанный въ Австріи, во Львовѣ, въ 1902 г., и цензура разрѣшила печатать „Кобзарь“ этотъ безъ всякихъ сокращеній. Сказанное общество вошло въ соглашеніе съ другимъ—„Благотворительнымъ обществомъ изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ“, тоже въ Петербургѣ, и, за время съ 1907 по 1909 г., выпускаетъ до 40,000 экз.—Теперь дальше. Общество перепродаетъ право изданія книгопродавцу Яковенко, который выпускаетъ за два изданія не меньше 30,000 экз. Итого, за четыре изданія, отпечатано было 70,000 экз. Но вотъ, въ февралѣ 1911 г. всѣ четыре изданія были объявлены конфискованными. Но эта конфискація была *въ пустой слѣдъ!* Вѣдь, три первыхъ изданія были уже распроданы: иначе не было бы надобности выпускать 4-е, которое одно и могло быть конфисковано, да и то довольно поздно. Все же можно думать, что 60,000 экз., если не больше, распродано. Это полнѣйшее изданіе „Кобзаря“ разошлось, конечно, главнымъ образомъ по Малороссіи и его можно встрѣтить, и теперь даже, и въ сельскихъ, особенно земскихъ читальняхъ-библіотекахъ, не говоря уже о частныхъ домахъ“.

Въ чемъ же дѣло? За что цензура, даже параличная цензура минувшаго пятилѣтія вынуждена была проснуться, обратить вниманіе на сборникъ Шевченко и „объявить конфискованными“ экземпляры четырехъ изданій его?

Простите, читатели мои! Есть вещи, коихъ опасно касаться, чтобы не заразиться, не осквернить душу: отъ одного прикосновенія остается на душѣ такой нестерпимый смрадъ, что не знаешь потомъ, куда убѣжать отъ себя, какъ забыть прочитанное. О такихъ вещахъ лучше не говорить; въ предостереженіе скажу одно: если бы въ свое время бывшій предсѣдатель общества имени Шевченка, сенаторъ Маркевичъ, представившій книгу въ цензуру, заглянулъ въ сборникъ, то съ негодованіемъ отбросилъ бы его прочь: если бы цензоръ исполнилъ свой долгъ, то книга не пошла бы въ народъ въ количествѣ 60,000 экз., какъ смрадная отрава для простыхъ душъ. Вѣдь, хочется вѣрить, что и сенаторъ Маркевичъ, и цензоръ были хрістіане. Богъ да будетъ судіею какъ имъ, такъ и всѣмъ, кто участвовалъ въ изданіи и распространеніи книги.

Обходя молчаніемъ смрадныя мѣста, я приведу изъ присланной мнѣ брошюрки малое нѣчто, чтобы не быть голословнымъ совсѣмъ. Вотъ признанія самого Шевченки о своей нравственности: „я такъ опоганывсь, що й не знать, чы бувъ я чыстымъ колы небудь... Душі убогої цураюсь, своеі грішноі душі!“— Вотъ свидѣтельство самого автора о томъ смрадѣ, о той „погани“, которую онъ вылилъ въ своихъ, запрещенныхъ потомъ цензурою, стихахъ и отъ которой онъ не зналъ, куда дѣваться—по его собственному выраженію—„чурался своей души!“ Извѣстно, что Шевченко умеръ отъ водянки въ груди, которая была слѣдствіемъ пьянства. Вотъ что читаемъ мы въ 3-мъ томѣ сочиненій г. Кулиша о его другѣ Шевченкѣ:

„Что же, главнымъ образомъ, не давало возможности г. Кулишу спасти Шевченка изъ пьяницкой геенны? Мѣшали этому доброму дѣлу тѣ прыятели Тараса Шевченка, которые, какъ летучія мыши на свѣтъ, летѣли изъ своей темноты на славу Кобзаря. Они потакали всѣмъ его дурнымъ привычкамъ, гадостямъ, и какъ жиды—шинкари спаиваютъ въ селахъ богатаго крестьянина, такъ они спаивали въ столицѣ поэта. Объ этомъ можно многое бы вспомнить, да не прилично Кулишу копаться въ гадостяхъ". Но тотъ же Кулишъ нашелъ „приличнымъ" печатать литературныя гадости Шевченки, издавая сборникъ его стиховъ за границей.

Между прочимъ, вотъ что приводитъ упомянутая брошюрка г. Вербича изъ стихотворенія „Царі": „ужь сильно и мнѣ надоѣли тѣ мужики да женщины обмануты (покрытки); хотѣлось бы согнать оскому на коронованныхъ главахъ, на помазанникахъ Божіихъ... Далѣе — фраза, которую выписывать здѣсь не дерзаю. И выругавши пророка — царя Давида и сына его Амона за Ѳамарь, и князя Кіевскаго Владиміра за Рогвольда и Рогнѣду, Шевченко заканчиваетъ такъ: „дай Богъ, чтобы палачи пообезглавливали царей"... Снова ругательство по адресу Царя... „Будемъ багряницы рвать на портянки, изъ кадилъ закуривать трубки, а явленными иконами печь топить, а кропилами будемъ хаты выметать". И это писалъ поэтъ только за полгода до своей смерти, какъ говоритъ дата подъ этимъ стихотвореніемъ его. Скажите, восклицаетъ г. Вербичъ, какъ же можно ставить памятникъ въ священномъ городѣ Кіевѣ такому поэту?! Вѣдь, это значитъ одобрять его кощунственныя вирши?! Кто такое Шевченко, что для него позволительно было оскорблять своимъ пьянымъ языкомъ религіозное и вѣрноподданническое чувство вѣрующаго царелюбиваго народа?! Вѣдь, запрещаемъ же мы въ публичныхъ мѣстахъ всякую брань? Вѣдь, есть же статьи закона, карающія за кощунство?! А развѣ это—не оно? Будь это напечатано въ газетѣ, въ журналѣ, развѣ это могло пройти безнаказанно? А мы за кощунство ставимъ памятникъ?!.. Скажите: не опозоритъ ли себя православная Русь постановкой памятника этому богохульнику въ священномъ городѣ Кіевѣ?..

А вотъ еще образецъ его пьяной поэзіи: стихотвореніе, посвященное какой-то дѣвицѣ Надеждѣ Тарновской: „Великомученице кумо! глупая ты!.. Ты ждала жениха, та цѣломудріе хранила, та Матерь Божію гнѣвила (?!), та сильно боялася грѣха — прелюбодѣйствовать. Наплюй ты на ту дѣвичью честь и отъ искренняго сердца, хоть разъ, милая, спрелюбодѣйствуй!"..... Ну, скажите: не правъ ли былъ покойный другъ Шевченка, который назвалъ его музу пьяною за такія стихи?—Еще изъ его же стиховъ: „А може й самъ Ты (о Богѣ) на небеси сміешся надъ нами, та можетъ быть, совѣтуешься съ панами, какъ управлять міромъ? Нѣтъ ничего на земли святого! Мнѣ кажется, що й самого Тебя (Бога) уже люди прокляли"... Но довольно... Тошнитъ отъ этой „гадости"... И фигура этого пьяницы-стихоплета будетъ украшать улицы матери городовъ русскихъ, стольнаго града Кіева, наравнѣ съ памятниками святому князю Владиміру, Николаю I, Александру II и Богдану Хмельницкому, въ виду святой великой Лавры Печерской, сего Іерусалима Русской земли?.. И на эту

фигуру-статую собрано—не только частными лицами, конечно,—интеллигентами, но и земствами, слѣдовательно—собрано съ простыхъ мужичковъ, которые о Шевченко и не слыхивали,—не много не мало—сто тысячъ рублей!

Да что это, въ самомъ дѣлѣ, какъ не помѣшательство какое-то? Что это какъ не кощунство надъ святынями русскаго православнаго сердца? Если ужъ собрали деньги, то помогли бы его многочисленнымъ бѣднякамъ-землякамъ выкупить земли у поляковъ, устроиться получше, какъ это совѣтуетъ одна кіевская малороссійская газета. Они и помолились бы за душу грѣшную несчастнаго писателя, погибшаго отъ пьянства, въ такомъ богохульномъ настроеніи: замѣчательно, что почти всѣ вышеприведенныя выписки сдѣланы изъ стиховъ, писанныхъ въ послѣдніе годы его жизни.

Пишу я эти строки, и думаю: вотъ накинутся на меня и ревнители поэзіи, и сторонники мазепинщины, и разные краснотряпичники: чего имъ лучше — поставить среди Кіева памятникъ безбожнику, который призывалъ народъ изъ кадилъ закуривать трубки, а кропилами хаты подметать! Не вижу я надежды, чтобы кто-либо внялъ моему одинокому голосу... напротивъ: въ наше время такіе протесты способны жару поддавать всѣмъ этимъ господамъ заправиламъ по части памятниковъ атеистамъ и революціонерамъ... Но и молчать благоразумно ли? Вѣдь, на нашихъ глазахъ дѣлается все, чтобъ перевоспитать народныя массы въ духѣ безбожія, анархіи, въ духѣ безнравственности... Вѣдь, вотъ въ какихъ-нибудь три года разошлось же 60,000 сборниковъ, и кто поручится, что ихъ не выписывали для своихъ школъ разныя земства, въ родѣ Полтавскаго, перваго поднявшаго вопросъ о памятникѣ Шевченку? По нашей халатности, могло даже случиться, что и выписка-то сдѣлана въ невѣдѣніи, какіе перлы безумія и кощунства заключаются въ „полномъ“ собраніи стиховъ Шевченки. А, между тѣмъ, 60,000 экз. кощунственныхъ стиховъ свое дѣло дѣлаютъ, всасываются въ умы молодежи, заучиваются наизусть, и въ свое время плоды приносятъ... Извѣстно, вѣдь, что стихи усвоить на память легче, чѣмъ сухую прозу. Извѣстно также, что во время нашей проклятой смуты въ ней участвовало учителей и учительницъ земскихъ школъ до 22,500 человѣкъ, да церковныхъ школъ 163 человѣка... Было кому подыскать подходящее стихотвореньице и подсунуть дѣтямъ. Вѣдь, именно въ этомъ году и вышло первое полное-то изданіе сборника...

Приславшіе намъ упомянутую брошюрку совершенно основательно пишутъ, что постановка памятнику поэту-кощуннику будетъ лучшей рекламой для распространенія его сборника „Кобзарь“, а живущіе повсюду среди малороссовъ жиды не преминутъ воспользоваться симъ для своихъ богомерзкихъ цѣлей къ подрыву вѣры въ народѣ и уваженія къ царской власти. Какой же онъ, Шевченко, народный поэтъ, если онъ издѣвается надъ вѣрою народа, предки коего пролили рѣки крови за свою святую вѣру?

Хороша же была у насъ и цензура! Хорошо и наблюденіе за печатью! А еще жалуются на стѣсненія, еще требуютъ какой-то „свободы“... Да печатай себѣ, что угодно, только не попадайся, самъ не напрашивайся на конфискацію, на штрафъ, да не касайся тѣхъ, кто имѣетъ личный интересъ слѣдить за твоими „выступленіями“: ну, тогда, конечно, тебя оштрафуютъ...

Мы все еще какъ будто вѣримъ, что государство состоитъ въ союзѣ съ Церковію. Такъ ли? Вотъ гуляетъ по Руси святой возмутительнѣйшая, богохульнѣйшая книжонка. Ужели пастырямъ Церкви она доселѣ въ руки не попадалась? Ужели міряне-то, мірская власть, ею такъ и не поинтересовалась? Въ ней есть столь зловонныя мѣста, что не только православный, но и каждый католикъ, даже честный порядочный лютеранинъ долженъ бы возмутиться... Но въ три года расходится 60,000 экз., а можетъ быть и больше, пока кто-то, наконецъ, обратилъ вниманіе властей, и книга объявлена конфискованною, во всѣхъ четырехъ изданіяхъ. Любопытно: какъ это было можно конфисковать уже распроданные экземпляры? Да еще въ такомъ огромномъ количествѣ?.. Постановили и... успокоились за невозможностью исполнить постановленіе. Мало того: сдѣлали рекламу, якобы конфискованнымъ, экземплярамъ. А теперь памятникъ будетъ имъ новою рекламой.

Я извиняюсь, что такъ долго остановился на богохульномъ и—да позволено будетъ сказать—пакостномъ сборникѣ Шевченки (разумѣю полный сборникъ) потому, что слишкомъ велико зло, какое онъ внесъ въ народную душу своимъ многотысячнымъ распространеніемъ, слишкомъ великъ грѣхъ легъ на душу тѣхъ, кто издавалъ и распространялъ его, и не мирится душа съ тѣмъ, что этому пьяницѣ-стихоплету, употребившему даръ Божій на богохульство и пакостничество, ставятъ памятникъ, да еще—въ купели русскаго православія!

Но, какъ я уже сказалъ въ началѣ статьи, это—примѣръ не одинокій. Каждый годъ, каждый мѣсяцъ, каждый почти день выходитъ множество книгъ, брошюръ, журналовъ и газетъ, несущихъ въ душу несчастнаго Русскаго народа—какъ народа въ собственномъ смыслѣ, такъ и нашей интеллигенціи—все тотъ же ядъ уже не просто отрицанія, нигилизма, а и смрадной отравы открытаго богохульства и порнографіи... Нѣкоторые издатели спеціализировались на томъ, чтобы выпускать цѣлыя серіи, въ которыхъ систематически, съ иллюстраціями, популяризуется матеріализмъ, дарвинизмъ, и прочіе „измы“. Рядомъ печатается изображеніе скелета обезьяны и человѣка и тутъ же услужливо объясняется ихъ родство (съ чѣмъ и поздравляю авторовъ и издателей! См. Исал. 48, 21). Въ книгахъ, свиду совершенно научныхъ, отъ имени науки проповѣдуется, что Ветхій Завѣтъ, въ нынѣшнемъ его составѣ весь поддѣланъ, что народъ еврейскій искони былъ безсовѣстнѣйшимъ народомъ, что таковы были и его предки, напримѣръ Авраамъ (это—тотъ, о коемъ Апостолъ Павелъ пишетъ, что онъ *другъ Божій нарече́ся!*), что всѣ патріархи были люди... ну—словомъ—недостойные уваженія,—и все это читается нашей интеллигенціей, и отсюда-то черпаютъ писатели-публицисты свои „историческія и критическія“ познанія по Библіи.

Но, оказывается, и этого все еще мало для требующихъ „свободы“ печати: недоумѣваешь—да чего же еще имъ нужно?..

И сжимается сердце болью-тоскою за несчастную Русь, и хочется крикнуть снова и снова:

Да куда жъ мы идемъ? Что мы дѣлаемъ?

Гнѣвъ Божій на свою Русь призываемъ!!!

200.

Евангельскіе волхвы и мудрецы нашего времени.

Возсіяетъ Звѣзда отъ Іакова и возстанетъ Человѣкъ отъ Израиля... Числ. 24, 17.

Видѣхомъ звѣзду Его на востоцѣ и пріидохомъ поклонитися Ему. Мѳ. 2, 2.

Звѣздамъ служащіи звѣздою учахуся Тебѣ кланятися Солнцу правды и Тебе вѣдѣти съ высоты Востока: Тропарь праздника.

Дивны пути Промысла Божія въ судьбахъ міра, неисповѣдимы они въ домостроительствѣ спасенія рода человѣческаго! Самыя заблужденія людей, если только они искренни, если только человѣкъ ищетъ истины Божіей отъ чистаго сердца, Господь направляетъ ко спасенію человѣка.

Господь Богъ нашъ не есть Богъ только іудеевъ, но и язычниковъ: Онъ есть Творецъ и Спаситель всѣхъ сыновъ Адамовыхъ. Народъ еврейскій избранъ былъ изъ всѣхъ народовъ земныхъ только для того, чтобы сохранить въ немъ, посредствомъ особаго водительства Божія, начатки истиннаго богопознанія среди той тьмы, въ какую погрузилось грѣшное человѣчество ко времени пришествія въ міръ Спасителя міра. Ко спасенію же и призывалъ и приготовлялъ Господь всѣхъ людей, весь родъ человѣческій. У ветхозавѣтнаго евангелиста, какъ называютъ великаго пророка Божія Исаію, есть небольшая, но чудная картина, изображающая какъ бы въ лицахъ состояніе и чаянія древняго языческаго міра подъ образомъ мрачной ночи. Пророкъ говоритъ о потомкахъ Исава, но слово его можетъ быть отнесено ко всему языческому міру.

„Кричатъ мнѣ съ Сеира, говоритъ пророкъ: сторожъ! сколько ночи? сторожъ! сколько ночи? Сторожъ“, то—есть, самъ пророкъ, „отвѣчаетъ: приближается утро, но еще ночь!“ (Ис. 21, 11—12).

Не слышится ли въ этомъ нетерпѣливомъ вопросѣ обитателей горы Сеира томительное желаніе всѣхъ народовъ земныхъ, сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй (Мѳ. 4, 16), скорѣе узрѣть Солнце правды-Христа, скорѣе видѣть обѣтованнаго Примирителя, вожделѣнное Чаяніе всего рода человѣческаго? И лучшіе изъ язычниковъ, дѣйствительно, сами глубоко чувствовали слабость своего ума къ познанію истины Божіей и желали помощи свыше. „Не надѣйтесь исправить человѣческіе нравы, говорилъ великій мудрецъ языческой древности Сократъ, доколѣ Самъ Богъ не благоволитъ послать особеннаго Мужа для наставленія насъ самихъ“.—„Не быть на землѣ порядку, говорилъ другой мудрецъ, Платонъ, если только Самъ Богъ, сокрывшись подъ образомъ человѣка, не разъяснитъ намъ наши отношенія къ Богу и къ ближнему“. А въ преданіяхъ народовъ восточныхъ чрезъ двѣ тысячи лѣтъ сохранялось пророчество Валаама, мудреца, современнаго Моисею: *воз-*

сіяетъ Звѣзда отъ Іакова и возстанетъ Человѣкъ отъ Израиля...

И вотъ, желанная, столь давно ожидаемая звѣзда возсіяла, наконецъ, и мудрецы Востока двинулись въ путь, въ далекую Іудею, водимые чудною звѣздою... И достигаютъ они смиреннаго града Давидова, Виѳлеема, и падаютъ до праха земнаго предъ Божественнымъ Отрочатемъ... Умилительно это глубокое смиреніе волхвовъ, по преданію, не простыхъ мудрецовъ, а носившихъ даже царственное достоинство: не знали они еще завѣтовъ Хрістова Евангелія, не знали даже ветхозавѣтнаго ученія объ этой матери добродѣтелей—смиреніи, но сколько смиренной мудрости является въ патріархальной простотѣ сихъ ученыхъ мужей языческихъ, у коихъ должно бы поучиться многимъ ученымъ мужамъ хрістіанскимъ! Не соблазнило ихъ то, что не въ царскихъ чертогахъ обрѣли они Царя, самимъ Небомъ имъ возвѣщеннаго, а въ убогой храминѣ, быть можетъ, въ хижинѣ какого-нибудь бѣдняка-ремесленника. Имъ дѣла нѣтъ до того, что Онъ возлежитъ, если уже не въ яслѣхъ скотіихъ, то въ убогой колыбели, повитый столь же убогими пеленами, яко сынъ убогаго древодѣля... Они видятъ въ Немъ великаго Царя, видятъ — исполненіе древнихъ обѣтованій Божіихъ и чаяній человѣческихъ. За то и удостоились они великаго счастія — быть первенцами Церкви Хрістовой отъ язычниковъ и апостолами для своихъ соплеменниковъ прежде самихъ богоизбранныхъ Апостоловъ.

Такъ звѣзда явилась для волхвовъ безмолвною проповѣдницею Бога, явльшагося во плоти, и *звѣздамъ служащіи звѣздою учахуся кланятися Солнцу правды*—Хрісту Спасителю міра. Такъ Промыслъ Божій, снисходя немощи человѣческой, самое заблужденіе смиренныхъ язычниковъ, поклонявшихся звѣздамъ, обратилъ въ средство для ихъ же вразумленія и обращенія къ вѣрѣ, — чрезъ то, чему они служили, какъ Творцу, привелъ ихъ къ познанію Самого Творца, смирившагося даже до рабія зрака — до воплощенія отъ Дѣвы-Матери.

Прошло почти двѣ тысячи лѣтъ съ того времени, какъ совершились сіи евангельскія событія. Отъ благословенной ночи Рождества Хрістова наша мысль невольно обращается къ нашему грѣшному времени, отъ звѣзды Виѳлеемской—къ тому, что творится вокругъ насъ, отъ волхвовъ-мудрецовъ—къ тѣмъ, кто мнитъ себя нынѣ носителемъ мудрости, представителемъ науки и, такъ называемой, культуры. И совѣсть настойчиво требуетъ сравнить что было тогда — съ тѣмъ, что видимъ теперь, и сравнить уже при свѣтѣ правды Хрістовой, при свѣтѣ Хрістова Евангелія. Вѣдь, то, что въ ветхомъ завѣтѣ и во времена язычества прощалось, какъ грѣхъ невѣдѣнія, какъ грѣхъ безблагодатнаго времени, то нынѣ, во времена хрістіанскія, среди народовъ, носящихъ имя Хрістово, является уже великимъ преступленіемъ, тяжкимъ грѣхомъ — нерѣдко грѣхомъ противъ Духа Святаго.

Да, глубокая тьма богоневѣдѣнія покрывала всѣ народы земные въ то время, когда надъ Виѳлеемомъ возсіяла звѣзда отъ Іакова и въ его убогомъ вертепѣ родился единый безгрѣшный Человѣкъ отъ Израиля. Въ самомъ народѣ еврейскомъ едва мерцалъ свѣтъ истиннаго богопознанія въ лицѣ немногихъ избранниковъ Божіихъ; мракъ суевѣрій, впослѣдствіи исказившій

богооткровенное ученіе до неузнаваемости, до богохульства, въ лабиринтѣ талмудическихъ хитросплетеній, уже сгущался и искажалъ истинное понятіе о Мессіи, превращая Его въ народномъ сознаніи въ Царя-завоевателя, Царя-владыку міра. И однако же, какъ въ языческомъ мірѣ въ сердцахъ лучшихъ людей, каковы были на Востокѣ волхвы, звучалъ томительный вопросъ: „сторожъ! сколько ночи?“—такъ въ средѣ народа Божія были великіе праведники, каковы были Симеонъ старецъ и Анна пророчица, кохъ сердца взывали къ Богу: „Господи, приклони небеса и сниди!“ Эти лучшіе люди того времени, въ простотѣ сердца, всѣмъ существомъ своимъ какъ бы тянулись ко Христу, какъ тянутся лепестки цвѣтка къ солнцу, какъ жаждущій олень—къ источнику водъ... А нынѣ—куда устремлены сердца именующихъ себя „интеллигентами“, считающихъ себя цвѣтомъ человѣчества, гдѣ и въ чемъ хотятъ они видѣть истину, найти свое счастіе? Увы—только не ко Христу, только не во Христѣ, а напротивъ—отъ Христа тянутся куда-то въ темную, мутную даль всяческихъ мудрованій, туманной лже-философіи, якобы научныхъ гипотезъ,—словомъ отъ христіанства къ язычеству, отъ Христа—къ Его и нашему вѣчному врагу и противнику... Тогда мудрецы Востока искали свѣта духовнаго, какъ бы прислушивались къ указаніямъ Неба, слѣдуя въ благоговѣніи за чудесною звѣздою—туда, куда она вела ихъ, отвергая свое смышленіе и въ то время, когда, можетъ быть, помыслъ ученаго самоцѣна подсказывалъ имъ: „куда вы идете? ужели можно найти что доброе въ этой презрѣнной Іудеѣ?“—они, съ полною преданностью водительству Божію, шли за звѣздою именно въ эту Іудею, чтобы поклониться ея новорожденному Царю. А нынѣ, современные намъ мнимые мудрецы, считающіе себя представителями науки, отвращаются отъ Солнца правды-Христа и стремятся—не къ Церкви, носительницѣ благодати и истины, а—иные въ область древнихъ языческихъ заблужденій, якобы ищутъ истины въ бредѣ прельщенныхъ послѣдователей іогизма и спиритизма, а другіе — въ область полнаго отрицанія духовнаго міра, во тьму матеріализма, при чемъ и тѣ и другіе, въ концѣ концовъ, попадаютъ въ сѣти, искусно разставленныя исконнымъ врагомъ Бога и людей въ тайнѣ беззаконія, именуемой „масонствомъ“. Ибо что такое всѣ эти якобы новыя ученія—іогизмъ, оккультизмъ, пантеизмъ, спиритизмъ, матеріализмъ и атеизмъ—въ области теоріи, и соціализмъ, либерализмъ и всяческіе „измы“—въ жизни, въ практикѣ,—что, говорю, все это, какъ не возвращеніе къ язычеству временъ до-христіанскихъ? А поелику все это нынѣ проявляетъ себя въ средѣ именующихъ себя христіанами, то не есть ли это то великое отступленіе, о коемъ пророчествовалъ Апостолъ Павелъ, отступленіе отъ истинной вѣры во Христа, имѣющее быть на концѣ вѣковъ?..

И вотъ, дерзость врага Божія, врага Церкви Христовой, по грѣхамъ нашимъ, достигла уже такихъ предѣловъ, что не считаетъ нужнымъ прикрываться и выставляетъ всѣмъ на показъ свое знамя, свой символъ, свою печать: въ противоположность знаменію креста она измыслила свой знакъ—шести или пятиугольную звѣзду, представляющую пересѣченіе двухъ равносторонних треугольниковъ: одного—вершиною вверхъ, изображающаго нашъ символъ вѣры во Святую

Троицу, а другаго—вершиною внизъ, изображающаго, по толкованіямъ масоновъ, символъ зла, будто-бы побѣждающаго нашу святую вѣру. Для многихъ этотъ символъ пока непонятенъ и его берутъ, такъ сказать—изъ подражанія модѣ, какъ фабричный знакъ,—но для тѣхъ, кто его выдумалъ, для слугъ сатаны—масоновъ—онъ совершенно понятенъ...

И достойно примѣчанія, что это не какой-либо особый знакъ, а именно—звѣзда, какъ бы напоминаніе о культѣ звѣздопоклонничества: невольно вспоминается звѣзда языческаго „бога Рефмана", которую почитали евреи, когда измѣняли истинному Богу. Мнѣ скажутъ, что я увлекаюсь, что напрасно придаю такое значеніе невинной геометрической фигурѣ, случайно употребляемой въ качествѣ заводскаго знака. Не спорю, что многіе употребляютъ его просто изъ подражанія модѣ; но самая мода-то откуда пошла? Кто знакомъ съ исторіей богопротивнаго масонства, тотъ хорошо знаетъ и происхожденіе этого знака, и его значеніе у масоновъ...

Но что же это? Ужели стало возможно среди хрістіанъ то отступленіе, какое было у жестоковыйныхъ сыновъ Израиля?..

Увы! Люди—всегда люди, и когда они отступаютъ отъ Божіей благодати, то и благодать Божія отступаетъ отъ нихъ, и они становятся безпомощными, и никакая „культура" не замѣнитъ имъ Божіей благодати! Если еще языческіе мудрецы замѣтили, что кого Богъ хочетъ наказать, у того отнимаетъ умъ, то что сказать о томъ, у кого Онъ отнимаетъ Свою благодать?.. Такіе люди скоро падаютъ—до одичанія!

И къ этому одичанію идутъ тѣ, которые бѣгутъ отъ Церкви Христовой на страну далече, которые не идутъ за боготечною звѣздою съ волхвами къ Божественному Младенцу въ Виѳлеемъ, а спѣшатъ за звѣздою „бога Рефмана", слѣдуютъ ученіямъ богопротивнымъ, измѣняя Христу и Его святой Церкви. Къ этому одичанію ведутъ человѣчество всѣ проповѣдники новыхъ, якобы научныхъ, теорій, стыдящіеся Христа, стремящіеся извратить самое ученіе Христово по духу вѣка сего лукаваго.

Послѣ сего, какъ не сказать: не осудятъ ли вотъ такихъ хрістіанъ язычники временъ до-хрістіанскихъ, не осудятъ ли ихъ мудрецы древняго міра, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшіе Дня невечерняго, Свѣта превѣчнаго, ожидавшіе Мужа—посланца Божія для наставленія людей?.. Не осудятъ ли вотъ эти волхвы, пришедшіе издалека, чтобы поклониться Царю Іудейскому и вмѣстѣ Богу превѣчному, звѣздою чудесною имъ благовѣствованному?..

Братіе возлюбленные! Милостію Божіей, тьма суемудрыхъ, безбожныхъ, антихрістіанскихъ лжеученій еще не обуяла насъ съ вами, и мы вотъ сегодня, въ священный день Рождества Христа Спасителя нашего, собрались въ храмъ Божій, чтобы перенестись духомъ въ смиренный Виѳлеемъ и тамъ поклониться Божественному Отрочати, сему Агнцу Божію, насъ ради во яслехъ возлежащему, вземлющему на Себя грѣхи всего міра и готовому на крестное закланіе... Возблагодаримъ же Его, премилосердаго, за таковую милость Его къ намъ, грѣшнымъ, раскроемъ предъ Нимъ свои раны душевныя, покажемъ Ему язвы своего измученнаго грѣхомъ сердца: вѣдь, пока мы не бѣжимъ отъ Его смиренныхъ яслей, дотолѣ и Онъ не покинетъ насъ, а пока Онъ не покинетъ насъ, дотолѣ не

закрыть намъ доступъ къ Его отеческому сердцу, дотолѣ открыты и для насъ Его отеческія объятія.

Но и этого мало. Волхвы принесли Ему дары. Принесемъ и мы сердце сокрушенное и благоуханный ѳиміамъ любви къ ближнему. Повергнемъ предъ Нимъ нашу глубокую скорбь о тѣхъ несчастныхъ собратіяхъ нашихъ, которые бѣжатъ отъ Его яслей на страну далече, чтобы тамъ питаться тѣмъ рождіемъ, коимъ желалъ когда-то насытиться несчастный сынъ блудный, вдали отъ родины, вдали отъ любящаго отца. О, да коснется Божественное Отроча сердецъ ихъ, да согрѣетъ ихъ Своимъ Божественнымъ смиреніемъ, да возсіяетъ имъ на пути блужданій ихъ Своею звѣздою благодатною и возвратитъ къ Себѣ, къ Своимъ яслямъ, къ Своему кресту Своею любовію безпредѣльною! Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

151.—Въ полночь на новый годъ 1
152.—О религіозныхъ мудрованіяхъ г. Меньшикова. I. Что разумѣетъ г. Меньшиковъ подъ вѣрою. II. Что разумѣетъ г. Меньшиковъ подъ Священнымъ Писаніемъ. 5
153—154.—Мечъ обоюдуострый 10
155.—Объ анонимахъ, объ „инакомыслящихъ“ и отвѣтъ одной изъ нихъ. 15
156.—Достославное трехсотлѣтіе 20
157.—О духовныхъ теченіяхъ въ нашей интеллигенціи 27
158—160.—Вѣра Христова не терпитъ двоедушія. 32
161.—Объ апокрифической молитвѣ и легкоспасенцахъ 43
162.—Мерзость запустѣнія въ нашей столицѣ. I. Знаменія времени зовутъ насъ къ покаянію. II. До боли горько, обидно, страшно!... 47
163.—Въ защиту святого поста 50
164.—Новый молитвенникъ за Русскую землю 56
165.—Совершишася! (На Великую Пятницу). 63
166.—Наше Солнце—Христосъ! 65
167.—Урокъ съ неба. 67
168—169.—Одинъ изъ невидныхъ стражей души народной. (Памяти моего дядюшки) 73
170.—Милостивое Царское слово. 80
171.—Новый журналъ, посвященный церковному искусству . . 82
172.—Новая порція яда отрицанія 84
173.—На память о свѣтломъ торжествѣ 87
174—177.—Великое искушеніе около святѣйшаго имени Божія . 90
178.—Какъ учитъ св. Церковь объ именахъ Божіихъ. (Выписка изъ св. отцевъ и церковныхъ вѣроопредѣленій). 110
179.—Что означаетъ слово „вѣровать“? 111
180.—Мое доброе слово „имеславцамъ“ 113
181.—Мои вины предъ кагаломъ 116
182.—Моя октябрьская проповѣдь и память о ней въ жидовствующей печати 119
183—184.—Ядъ гордыни 124
185.—Друзьямъ юности моей 134
186.—Юбилей побѣды креста надъ язычествомъ 135
187.—Художественное юбилейное изданіе. 137
188—192.—Моя поѣздка на старый Аѳонъ и плоды „великаго искушенія“ 144
193—194.—Новое выступленіе А. Булатовича 168
195.—Живы ли мы? (Мое доброе слово вѣрующимъ интеллигентамъ) 176
196—197.—Смиренномудріе православія 181
188.—О настроеніяхъ современнаго юношества и доброе слово законоучителямъ 190
199.—Куда мы идемъ? 195
200.—Евангельскіе волхвы и мудрецы нашего времени 201

Цѣна 60 к. съ перес. 80 коп.

Выпускъ I, II и III печатаются. Цѣна каждому выпуску та же, что и IV.

2007042853